

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

7-8 (421)

2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА
Екатерина Шевченко. Круги Рыжика 3

ПОЭЗИЯ
Алексей Кубрик. «поворот сюжета к развязке...» *и др.* 6
Наталия Черных. Узлы посвящений 10

ДЕБЮТ
Сергей Кубрин. Муха. *Рассказ* 22
Антон Голицын. Ящик. *История одного шоу* 30

ПОЭЗИЯ
Станислав Ливинский. «Осень сделает cheese и поправит наряд...» *и др.* 101

ПРОЗА
Игорь Савельев, Андрей Юртаев. Портвейн, Кобейн и связанные руки. *Драма в трех актах* 105

ПОЭЗИЯ
Сергей Щёлоков. «Поверивший тебе не врун, не враль...» *и др.* 141

ПРОЗА
Вадим Ярмолинец. Приключение с гринкартой. *Детективные записки русского репортера* 146

ПОЭЗИЯ
Игорь Бобырев. «следы почтальона» *и др.* 178

ПРОЗА
Вадим Фадин. Ночная жизнь Китежа 181
Арно Никитин. От пяти до двадцати двух. *Главы из повести* 185

ПОЭЗИЯ
Татьяна Нешумова. «Тихо-тихо читая молитвы...» *и др.* 190

ПЕРЕПИСКА
«Не питай иллюзий...» *Переписка Валерия Белохова с Александром Болонкиным* 192

ЗАОЧНЫЙ ДИАЛОГ
Разговоры с Андреем Пермяковым: Анна Голубкова, Андрей Коровин 223

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
Алексей Александров. Сочинения на тему 236
Сергей Трунев. Рождение мифа: этапы большого пути 237
Дмитрий Голин. Благое иго культуры 238
Олег Рогов. Дорога к Солженицыну 242
Олег Рогов. Один день Дениса Анатольевича 243
Виктор Селезнев. Не верь своим глазам, или Памятник неизвестному плагиатору 244

КИНООБОЗРЕНИЕ
Иван Козлов. Пиф-паф, Москва – Гонконг 246

© «Волга», 2009

Екатерина ШЕВЧЕНКО

Круги Рыжика

Комната была осенняя, ледяная. Строили летом, а построили к заморозкам. В ней было гулко. Звуки шагов отдавались эхом, громоздились в тишине. Коленьке эту комнату – дали. Как сказала бабушка: «Мы ему отвели».

Ее выстроили на чердаке, на уровне веток елей. Однажды, когда дедушка только еще примерялся к строительству, Коля встал внизу и увидел, как дедушка из окна будущей комнаты совершил рукопожатие с темной могучей веткой. «А не будем-ка портить террасу, – крикнул потом дедушка вниз, – смастырим лестницу-то снаружи». Время спустя ступени стали зубриться со стороны еловых лап вдоль стекол террасы, на ступени садилась роса, осенняя изморось тоже. Ход у Коли получился отдельный. Вечером перед сном его заставляли подниматься к себе и класть в постель три грелки: на подушку, в ноги, и под бока.

– Иди, Колик, загодя положи, – требовала бабушка, подавая ему на палке висевшие вниз горлышком огненные грелки.

Вечером, выключив свет и в черноте улегшись в постель, он сбрасывал вниз этих резиновых бегемотов. Шлепок, второй, третий – и потом тихо; а бабушка утром ярится, что опять он вчера бомбил потолок! А этих гадин нельзя провожать вниз в темноту рукой.

– Колище! Вот, видел? – заворачивая рукав по локоть, показывала бабушка полную дебелую руку с добрым маленьким кулаком. – Побомби еще! Понял, Каин?

Но вечером, погасив опознавательные огни и улегшись боком в самолетном брюхе бомбардировщика, он с немыслимой высоты сбрасывал вниз на чудовищную вражескую страну огненные плюхи бомб. Шлеп – гулко падала и отламывала кусок планеты первая порция атома. Бум – гремела вторая. И, раненный, умирающий, но выполняющий долг, он отнявшейся, уже отказавшей ему, далекой, как Южный полюс, ногой, последним живым ее пальцем, посылал вниз, в черноту третий атомный груз.

– Да что вы! Рано такого кроху в комнату отделять. У него будут стра-а-хи, – держась за штакетины, говорила с той стороны забора соседка по колодцу, Зоя Ананиевна. Со смуглым кофейным лицом, в блестяще-коричневом обливном кожухе, выгнутом сзади как корочка черного хлеба, в шоколадного цвета ботинках, она все равно была зеленой и кисло-невкусной, эта Зоя Ананиевна.

– Не страхи у него, а каждый вечер нам на голову бабахи.

– Да заберите его вниз. Рано ему еще одному ночевать.

– А что он у нас с дедом в ногах спал, это лучше?

В этой комнате он в ту осень женился.

Было позднее утро, и так хмуро, так хмуро, как будто в высях решили землю заготовить на зиму припасом и держали под гнетом. Осень причиняла боль своим безграничным размером. Чинилась боль всем по-разному. «Больше меня нельзя ничего помыслить», – от информбюро в

Екатерина ШЕВЧЕНКО родилась в 1956 году в Москве. Поэт, прозаик, филолог, архивист. Публикации в журналах «Новый мир», «Арион», «Новая Юность». Авторский сборник «Стихи» (М.: РИФ «Рой», 1995).

рупор говорила она одиноко простаивавшей у забора и мерзнувшей там Зое Ананиевне, сообщая о масштабах погибели. Ей теперь не было уже у забора никакой соседки, чтоб покалякать, поколоть щипчиками сахарок разговора. Никого теперь ей тут больше не было, но зачем-то стоялось, стоялось... Ей тут у забора было все так же, как вчера, как позавчера – пораженно. Один только Коленька ходил невдалеке за забором у елки. У темной этой хмурой елки ему не было как вчера, как позавчера: сегодня вот на траве был ему – рыжик. С воронкой на шляпке, с кольцами. Резко пахло с земли сюда. Надрезало воздух горчащим запахом, едким, острым, а круги на шляпке – таких быть не могло!

– Ну как тебе с новой бабушкой? – спросила Зоя Ананиевна.

– У меня нет новой бабушки, – сказал Коля.

– А дедушка ведь на твоей бабушке только год оженился.

– Ничего он не оженился, – ответил Коленька.

Снова он потом стоял возле елки и нюхал рыжик. Тот теперь был другим, чем вчера. Пах резче, горчее. Вдруг духовой звук: «ру-ру-ри» рассек тишину прямо по тому же самому месту в воздухе, где рыжик только что провел надрез своей острой горечью. Коля бежал уже, понимая, что он сейчас весь вот в беге – мчится, вонзая руки в воздух, к калитке! Вон две – а длинные-то! – машины сиренят вдоль улицы. Громкий галдеж от соседнего дома: «Из Риги!» «Вот елки! Из Риги!» Нос белой машины скалит никелевые блестящие зубы к нему сюда на мостик, а он тут всегда капитанит, сюда нельзя заезжать. Блестящие лютые зубы замирают прямо над досточками мостика, и кукла с живым личиком – вон даже ресницы качаются – в газовой накидушке на голове вытягивает к нему, вперед, белое платье на тускло-белом молочном лаке. Кукла! Привязана лентой. Отъезжает назад. Поворачивается теперь боком.

Изнутри расщелкиваются дверцы, выскакивает, как тролль, дядя-сморчок с темными длинными крыльями пиджака сзади. Следом – парень. На нем сверху наярен большой черный костюм. Раскочегаренно-красный парень и черный костюм друг от друга отдельно, как живой скворец и деревянный скворечник. «Ты, Отто, фалды все-таки помял», – радуется парень, обходит с прямою спиной лимузинные черные окна и белую стену машины; он, наверное, наклоняется с той стороны. Кто-то звонкий, ухахатываясь, выпархивает там на свободу. И нескоро, нескоро над крышей машины восходит белое облачко тюля. Облачко, уж точно, у кого-то на голове, а голова подплывает – туда и сюда. Это острые каблучки той, что выходит на траву, тонут в мягкой земле, и она, держась на неимоверной высоте каблучков, качается. Когда белая фигура в жестком, колом торчащем со всех сторон газе, наконец, оборачивается, Коля понимает: это – не невеста: на время свадьбы невесты снимают очки, а эта – с небольшими стрекозино-переливчатыми стеклышками на лице и такая взрослая, что она, конечно, учительница невесты. Девочку же, над которой совершают эту свадьбу – пока что сохраняют внутри. Но свадьба зачем-то вливается в узкое горло между заборами, люди протискиваются там в маленький узкий проходик по одному, ужасно нарушая закон свадьбы. Еле помещаясь там, постепенно забирают с собой свои крики.

– Ишь, Калныш себе ряшку привез! Да рижскую, – одобрительным голосом проговаривает вдруг сверху бабушка. И успела она сюда выйти! – Того и гляди, разродится, – добавляет она. – Ну, а ты? Чего ты здесь щучишь? – Он ущучивает, что сейчас будет взят на привязку руки. Падает на траву и откатывается. А то вдруг уведут. Бабушка уходит домой за калитку.

А таинственный шарик за ветровым стеклом – вон остался висеть. Посмотреть сначала, что он такое, а потом – к той машине, подуть на щеки куклы, может, она закачает ресницами. Шарик – вот он. Обернут в серебряную сетку – маленький, как от пинпонга. Присвоить себе его в мыслях ведь можно! Но вдруг кто-то громко цокает языком. «Мом-це! Мом-це!» Ой, а куклу вдруг уже почему-то отвязывает, перерезает там ленты, ленты сматывает в круглый бобик – цыганка. «Ничего, ничего, чавальте. Разрешили, так разрешили», – подхихикивает тоже взявшийся неизвестно откуда дядя-сморчок в длинных фалдах. На своем гуталиново-черном и маково-красном языке цыганка гортанит над крошечной кудрявой козюлей, – та выбежала у нее из-за юбки. Кук-

лу эта козюля уже держит под мышкой. Хотя она во младенчестве, но с накрашенными ноготками – алым лаком покрашены тонкие чешуйки ногтков. От этого она – как лилипуточка.

Днем он отвел доску забора на участке цыган. Надо было разведать, куда куклу дели?

Во дворе у цыган, в середине двора дымила жаровня с огромной сковородой. Узкая высокая девушка мешала палкой семечки. «Азка!» – крикнули ей с той стороны ворот, от дороги. «Не-могу», – ответила она криком. «Ну, ладно, дылди дальше, крестовка!» «Тут на минуту не отойдешь», – прокричала она и села на корточки. Сев, со всех сторон отвела от себя дальше, как можно дальше края юбки, разложила, расправила их по земле, замерла белкой со сложенными лапками у груди, вскочила, обошла жаровню и помешала семечки с другой стороны. Там, где она садилась, осталось светиться пятно светлой воды.

Козюля с черными короткими кудельками пронесла в руках досточку, как поднос. На подносе что-то мельчилось, маленькое. Два наперстка и в граненом стакане-стопке вода.

– Юба! – сказала козюля и, перешагнув порог, вошла с чайным сервизом в деревянный домик уборной. Уборной не пользовались, она служила детским домиком для игры. На дощатом, крашеном красным суриком высоком ярусе сидела кукла в узко обвитом платье, с фатой. Шея росла из плеч тонко и высоко. С высоты шеи кукла задумчиво и бесстрастно рассматривала паучка. Паучок опускался перед ней и опустился уже было к самому полу. Кукла не шевелилась, но паучок вдруг испугался, раздумал выходить на первом этаже и уехал наверх. Около куклы тут долго уже стоял в тишине наперсток с чаем. Но она не брала. Было пусто. Хозяйка ушла. Кукла чувствовала себя все еще поцелуйно, потому что хозяйка всю исцеловала ее, всю-всю, поверх щек, поверх груди. Кукле было тихо и неподвижно. Царевничать ее тут посадили. А подобало? А вот подобало! Наливалась голова кровью счастья, не шевелилась рука.

В дверях стоял Коля. Невеста белела на царском красном троне. В белом наряде, под маленьким белым венцом. Вокруг нее было сумрачно и красно-вишнево. Он подумал, что у него в комнате ей будет голубей, холоднее, прозрачней и хуже. Но ему просто некуда больше ее с собой взять. От ее красоты ее было ужас как жалко. До косточек. Марля узкого платья была словно бинт. Она вся была как порезанный палец. Когда он вынет ее из платья, то откроется этот самый порез. И где, в каком месте будет этот самый порез, он уже страшно знал.

У себя наверху он сидел на вечерней постели со включенным светом. Она лежала на одеяле. Туфли снялись легко. И фата. Платье застряло подмышками, но потом раздалось и проскользило вверх по рукам. Белый квадрат каких-то сетчатых штаников он не успел еще протянуть до конца вниз по ногам, как увидел – улыбку. В том самом месте, развиливаясь заячьей губкой, у нее была – улыбка. А он думал – порез. Но она – улыбалась.

Вчерашний день был весь неправильный, громкий. Так не надо... «Ти-ру-ри» этой Риги, выход буяна, притворявшегося только послушным, качание шаткой белой фигуры, невыход невесты – все это не было нежно. В то время как свадьба – нежное.

– Шибзик, эй, – голосом дедушки гаркнул кто-то внизу под окном. – Ты выключишь там шестьдесят свечей, а? Ложись, черт! Что, отлупцевать тебя? Я кому кричу?

Коля бросился к выключателю, спас от крика ее и себя. Вернулся к кровати, нашел ее, поднял одной рукой, отвел одеяло, лег в ледяную и огненную постель и впервые за все время не сбросил, а, свесившись, положил грелки на пол. Чтобы она не задохнулась под одеялом без воздуха, он накрыл ее по подбородок. Она лежала на подушке рядом с ним, на спине. И он лежал так же. Осваивался. Оказывалось, все устроено вот как: все устроено очень важно: ему не дано улыбаться, как она улыбается.

Алексей КУБРИК

***

поворот сюжета к развязке
солнечный зайчик на многолетней траве
сосны шумят, мальчик из детской коляски
где-то там с соснами в синеве

счастливы все никто не умеет
говорить на этом и забывать на том
чем короче день, тем длиннее тени
ангел сосношумящий, вернись в отчаянный дом

перемена ума впрочем, и свет неистовый
чтобы оплакивать, чтобы стараться забыть
плыть в синеве, зайчиком, как монисто
звякать в сосновой зыбке
и снова плыть.

17–24.10.2008

курсивом – в скобках

Терпкий привкус зимнего дня,
даже в воздухе свет зашит.
Покажи мне, жнивье-стерня,
кто под снегом сейчас шуршит.

Дом наклонится. Лес отойдет.
На стакане с креплеными вином
примостится чайный налет.
Неудобно пить на потом.

Всё хотел спросить *почему*,
а теперь уж впору *когда*.
Над сараем, царапая тьму,
притулилась Антарес-звезда
(лучше б оную зреть весной).
Подождем... Сей красный гигант
против Марса ходил войной,

Алексей КУБРИК родился в 1959 году в Москве. Окончил Литературный институт (1988, семинар Евгения Винокурова). Живет в Подмосковье. Ведет семинары и мастер-класс премии «Дебют». Публиковался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Грани», «Урал», «Огонек» и др. Автор статей о творчестве Заболоцкого, Вертинского, Мандельштама, Поплавского, Божнева и др. Книги стихотворений «Параллельные места» (1995), «Древесного цвета» (2006).

как непьющий Альдебаран
в книжке, читанной мной давно
(без обложки помню ее).
...коммунальных размеров жильё,
целлулоидное кино...

Всё слегка заползло друг-в-друг.
Если ламповый подмигнет,
то зеленым выйдет испуг
и пластинку перевернет.

Если ламповый перевернуть,
там найдется родная речь
(без обложки – *родная жуть*)
печь топить или мышь стеречь.

24.02–22.03.2009

***

Жила... до снега дожила,
спала на ватном одеяле.
Ее тряпичные дела
мармоткой вкруг меня шуршали,
и выбирали: то носки
заштопать или так – запрятать,
то суп сварить не из тоски,
то отстирать от брючин слякоть
и зиму мутную. В пакет
засунет хлеба полбатона
и пропадет на склоне лет
то к уткам, то к родным иконам...

А что, я тоже их кормил,
крошил сухарик, шел к причастью,
и утки плыли под настил,
пока прижитое на части
я разделял в своем уме:
унынье, мшелоимство, похоть...
Вот, собственно, и все – извне
того, что слепнет, так как глохнет.
А там... Останешься в живых,
избавишься от старых шмоток,
и въявь помянешь тех, кто стих,
плывя, как Гоголь – в околоток.

04–22.11.2007

***

паренек утраты наведет объектив
диафрагму сузит выдержку увеличит
ближний дальнему молчание сократив
только себя и тычет
голосовую спрягая нить
чертит чертит круги над водою
самоубийство придется простить
дело-то молодое

до весны хоть один остается лист
будущее в прошедшем тоже обскура ящик
вот реквизиты значит и ты артист
в настоящем
продолженном настоящем
лес которому ты в монохроме внимал
чтобы свет оставить только у сосен
дальний ближнему видимо наповал
каждую осень

***

Хоть потрескалась печка из кирпича,
но ничто еще не скрипит,
и соседи смотрят, как на врача,
если мимо кто семенит.

Птичий гомон плетется на шум листвы,
а неясыть едва ушла
от вороньей стаи. Поднять с травы
пару перьев – вот и стрела.

Научиться, как молчаливый Телль,
тем вещам, что смерти сильней.
Вдоль реки дорога заходит в тень.
Можно только пройти по ней.

15–17.02.2009

***

Положили сон на гранит –
растащили на жернова.
Угадай, в котором звенит,
так и быть, заверну в слова.

Одевая в иней траву,
подберется контровый свет,
вспыхнет снежное наяву,
чтоб точнее то, чего нет.

Передайте, пожалуйста, соль.
Пусть доест, пусть потом допьет.
Вам идет знакомая боль.
Надо ж близких не узнает.

Пальцы крестик еще теребят.
Все что есть, молчит, ни к чему.
Погалдят и снова взлетят.
И туда – не страшно ему.

11.05.2008

***

тот кто молчит красиво или как все
тот кто вещает вяло или спонтанно
белые начинают белка уже в колесе
гирьки подтянуты к ним и ку-ку желанно

все что ржавеет нравится мне давно
друг поседел в общем-то незаметно
черным по белому чаще всего не в кино
а в городской зиме грязной но безответной

ты меня не искала я тебя не искал
кто еще любит осень в городе без вокзала
музыка слышит музыку мир по-доброму мал
но тишина огромна и это совсем не мало

02-04.03.2009

Наталия ЧЕРНЫХ

УЗЛЫ ПОСВЯЩЕНИЙ

ДЕВИЧИЙ СКЛАДЕНЬ

Игорю и Ольге

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

В деревне по всем порядкам, а в городе –– по всем параднякам
Люди треплют мой платок, моё имя.
То газировкой сладкой зальют, то пятно рыбьего жира на шифон упадёт, засада,
Мол, много о себе не думай, мол, крутая, что ли.
Цепь, а то и сеть; все напрасные письма летят в мой почтовый ящик,
успевай плакать да складывать в пакет.

Ах, слёзы, уйдите! А ты, душа, садись завтракать,
Неси на стол кашу грусти да елей радости,
из молока ожиданий сбитый некоей бабкой,
Корова надежда.
Что ты, Зорька, мычишь, о чём голосишь; смотри, хозяйка твоя уже не плачет,
она Василиса Премудрая, господиня торфяного озера.

Говорю на синяк фуфел, каждое лицемерное словцо хворостиною прогоняю:
смиряйся, Зорька.

Ты моя Василиса, господиня, отвечает Зорька, скала нерушимая, погода благоприятная,
Ты о горе и печали в питье сердечном не знаешь, не ведаешь, а я вот плачу.
Ты же чистая, ледяная, с молитвословом, искристая, а все вещи в доме твоём по местам,
В аккурат, туфелька в туфельку.
Я же хороню любимых, одного за другим, пою погребальные песнопения,
Мне говорят: оборотни, вурдалаки, а мне над ними плачется.
Ты, Василиса, бываешь аки Макошь в тулупе,
Очкарик сказал бы: Венера в мехах, страсть, источник бытия,
Да пальцем бы в кончик носа не попал, смысла бы не изведал.

Наталия ЧЕРНЫХ родилась в 1969 году в Челябинске-65, ныне Озерск. Училась во Львове и в Москве. С 1987 года живет в Москве. В 2001 году – победитель Филаретовского конкурса религиозной поэзии. Куратор поэтического Интернет-проекта «На середине мира». Автор семи поэтических сборников. Стихи печатались в журналах «Воздух», «Новый мир»; эссеистика и малая проза опубликованы в антологии современной малой прозы (сост. Дмитрий Кузьмин), журналах «НЛО», «Кольцо «А», «РЕЦ» и др.

Василиса Премудрая – виденье, актриса народная, звезда в стекле,
Царит над временем и пространством, над симпатией и ненавистью,
Все чувства привязала к плетню, желания сложила в поленицу.
Только вот Зорька плачет, жаждет воды наговоренной, просит заботы и ласки.

Ах, быть бы одной у своего Жениха, без манжет и уверений, да так,
Чтобы дышали одним сердцем,
Жили бы сто лет, один к одному, да встречали бы солнце: лучи, уста да руки.
Ни бы молний взаимной ревности, совиных ночей да рассветов расколотых,
Ни бы кофточек да носков, а того хуже – чужих червонцев.
А поцелуев, яблоков ароматных, абрикосов спелых, жаркой земляники да вишни;
Не из сада-огорода, не из теремного палисада,
А от самой Жар-Птицы.
Мне бы счастья на лето жизни, а хоть и на денёк; уж и самой смешно:
Ну что я за плюшевая тварь!
Глядит она, не наглядится, а видеть не хочет,
Говорит: Бог, а Его укоряет; зачем, зачем я такая несчастная!
Нет, всё не так. Иссохла я, измучилась без ливней,
Всё мне мечтается, чтобы нежно, рука к руке,
О простом, о сеновальном.

Кажется, жить без него не могу.

А у Василисы Премудрой на плечах сидят птицы:
Опричь Сирин с Гамаюном, ошуйцу Алконост.
Сирин мудра, она защита и оборона,
Гамаюн сладко песни поёт, сказки бает,
А птица Алконост плачет, тем и любовнее всех.

Таково быть с теми птицами, что Зорькина плача не слышно,
И о любви тленной ни мысли в сердце не входит.

За то, что ты мне услада поверх услады, я всех своих друзей и подруг по домам развела,
Тебя же моя любовь жжёт, а Зорька плачет

Какой те Бурый, – заговорила Василиса, – мне уж от народности моей тошненько,
А ты мне про сельские страсти да сельские слухи, хоть и в городской черте.
Любовь-то, она ведь чище аиста, мудрее птицы Сирин,
Поёт слаще Гамаюна, а плачет лучше Алконоста.
Ни лебедь, ни пеликан ей не ровня,
За целование к деснице её и царевича свово не пожалела, златое своё ярмо.
А то была бы царевна да королевна.
Каково мне было царские палаты в тридевятом царстве
на лесной хутор в пеньках выменивать.
Любовь-то, может статься, Иваном в тулупе бараньем чушки колет,
Да на всех, равная, одна.
Потому я, на глаз твой, Зорькин, холодная да безлюбая.
А я жажду любви глубокой, да воли совершенной,
А не край чашки общей губами помазать.

Была девой – была веточкой в соляной кислоте,
Лелеяла всею душою его одного, царевича,
А подошли роды, всё стало по-другому.
Как он из души моей, как из морского лона, вышел да возмужал,
Снова всё переменилось,
Стала я как будто навек одинокой, а мне и хорошо.
Был царевич-королевич, а стал Иван, ни стар, ни молод, не тверёз и не пьян,
А всё любовь, что ты ей скажешь.
Так что, Зорька, – что Иван, что Бурый – это сначала. А потом трещины по зеркалу,
Каждый осколок – не подобрать.
В остатке лишь вьюга тёплая, да струя запаха, от которой нечаянные слёзы,
Да руки, глубокие как чаши, в них можно и себя потерять.
Однако он-то, суженый, один. Ни до него, ни после, Зорька, никого ты не знала.
Так что роза чернослива с мужскою булкой тут лишние.

Сердце же, как стены и занавеска-гармошка в тесной маленькой комнатёнке, в горенке,
Столько всего видело да слышало,
Что не снести.
Только вот птицы боль заговаривают. Да я Василисой Премудрой стала.
Любима, славна, прекрасна, да несчастна в личной жизни.

Только что есть сия личная жизнь: странница; собрала пожитки да ушла,
Ищи её по всем дорогам. Унизительно.

Была Зорька, теперь Василиса Премудрая. Три птицы на плечах.
Взлетают, парят не высоко и не низко.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Не из пены морской, а из воды лесной, из духоты воздуха теремного,
Тонкую грусть наводящей,
Нитку тайную прядущей, из нежных дум, из безвидной дымки, из трепетной кудели
Сплетена, связана молниями, а не спицами и не крючком,
Послание, свыше сообщение.
Не скрыть, не удалить, не обойти,
Какое создать ей мифологическое ложе, узко оно ей,
Звенящей оберегом памяти вокруг гортани, в которой дыхание нездешнее,
Да на рукавах прошвы новостей; искусная лавчонка с льняным кружевом.
Где была она, там горят на стене слова, из огня женская голова создана,
Текуче женское тело, жжёт оно, хоть и не из воды, а сера.
Из серы женское тело, горючее, гибкое,
По всем концам в испарине, в бисере, в кокошнике,
В соках лесных, полынь да ландыш.
Ни в коже тепла, ни во взоре ласки, ни в руке прибыли, одно целиком,
А в ней, Елене, и счастье, боль, и горе
Друг друга не убивают.

Верная, а ускользает; много ей надо, никто не предложит её руки и сердца;
Радости в уста не вдует, потому она и мёртвая царевна,

Бездыханное чудо, с начинённым пирожком в гортани.
Не смейся над тем, что вот-вот встанет и танцевать начнёт.
Качаются цепи от светлой горенки душной
К печальной тьме пещеры,
Да гроб хрустальный позвякивает.
Не гроб то, а домовина, не кумачом обитая, белой лилией осенённая,
она из цельного ствола сосны, снизу подопрела.
Не войти в неё, а выйти – тем более.
Наряд на Елене Прекрасной истлел, остались папоротник да полынь.
Спит царевна и видит; а встанет и танцевать пойдёт;
Смеяться не смей: мол, воскресла.
Она и вправду воскресла; но для прочих она оборотень,
Ибо много ей надо счастья и радости.

Просит Елена Прекрасная самой домовинкой своею: не дожила, не долюбила.
Какие уж тут лесные прогулки, да ночи, да ужины к завтраку.
Нет, её надобно слиться, сочетаться в великом единстве, возгореться и очиститься.
За такую крепость её называют и умной, и гордой, и бесхребетной,
А от неё лишь кости остались, отрезанный она ломоть.
Потаённая она святость, говорят, с нею тяжко.

Но ты, царевич-королевич, её люби.

Вот она, Елена твоя Прекрасная, индейская цыганка, дай погадаю,
Патлы как куделя, волосы как пакля,
Русая коса без пестроты именных ленточек.
Не смотреть бы, как в этом великом сне своём она встаёт поклоны класть,
Молиться да осенять себя крестным знамением,
Тщеславием она искрится,
Поститься не прекращает.
Уныло и страшно, а радостно и восхитительно.
Елена Прекрасная Жар-Птицей оборачивается.
Вот уже она не Елена Прекрасная, а Жар-Птица.

Что, каково тебе, младший королевич;
всё бы тебе басни о козле в огороде, да баба-яга.

А эта-то, скорбная-постылая, в домовине, она и есть твоя баба-яга.
Она твоя Арина Родионовна, кормилица златая, муза, нимфа, сестра, оберег.

То не женская доля печальная, не задремавшее пламя телесное,
Не фигушка плотская, ни газовое воодушевление,
Не символ и не образ, а так, сама жизнь
Нет в ней лицеприятия.
Не тварь, а дар, данный людям на разорение,
Загадка, пословица, мешок вещевой.

Не мадам Поцелуева, необходимость, печенье, замещение счастья,
А духоносная отроковица с косою,
Не дева ли, девственница, а воевода,

Заступница Усердная, с Казанскою в головах,
Злоба одним да слава другим.

Любовь и ненависть, а человека за ними не видать.
Лишь о Елене Прекрасной память, сборник народных сказок, стыд и срам.

Обрюзг мир, а она ещё в прежней поре,
Хоть и мерцает тень её, людская зависть.

Кому Елена Прекрасная хороша, а кому и дурна,
Так что ищи красоты в мире; одни осколки

Хрустального гроба.

МАРЬЯ МОРЕВНА

Всадница, на коне царица, ярче всех сестёр и подруг; светится, играет дева-самоцвет.
А как во сне руку на грудь суженому положит, так тот задыхаться начинает.
У ней и конь в кольчуге, и булатный дамасский клинок,
Ножны тяжёлые, в неведомых письменах.

О Красной-то Горке солдатик приходил, обладать хотел, говорил сладко,
Торт с апельсинами на простокваше,
Морские червяки, салат, шампанское:
Вдова ли, клико моэтовна.
Руки у солдата тёплые, огромные, ушат рыбий, тесный,
А там боровики только что вымытые.
Говорил так, что душа горлом идёт, чудеса,
Да Марья-то Моревна, в белом, вышитом, накрахмаленном,
Голубица-то, царевна кроткая, – как бросит ножны свои на одну чашу великих весов,
Так что плечо зарыдало, чая разрыва сердца,
Да грохот по всей земле, вулкан проснулся.

А потом как рявкнет, незнакомка за столиком трактира ли, кабака:
становись на другую чашу-то, служивая твоя беда!

Солдат, не того слова, покорился и встал.
Так ножны Марьи Моревны солдата и перевесили.

Что тебе, Ваня, что тебе, Миша, какой ты мне, царевне, муж,
Хоть солдат, хоть бы и царевич,
фамильное достоинство: алмаз, фарфор, серебро.
Тебе ведь не ясное солнце, Марья Моревна, по сердцу,
А луноликая содержанка, тем и блазнит,
Потому в укор тебе все юбки, которые на свои пальцы надевал.
Что тебе дневная долгая дорога, что верность; все жёны плачут,
Не так я, Марья Моревна; у меня дядька в Дамаске,
А сама я непорочнее невесты да чище вдовы.

Я, говорит, коварнее Шахрезады, а знаю больше; так что посторонись,
Освободи-ка чашу, добрый молодец.
Не пить тебе той чаши со мною, царскою дщерью, Марьей Моревной,
Не обладать тебе вверенным мне Финским заливом;
Все изысканные корабли, бриги и бригантины, фрегаты и яхты,
Сундуки с золотом и оружием, все ткани и вся обувка лежат на дне,
А вода не слабее формалина кунст-камеры.

Охрана, оборона, вещая ворона, воительница-пророчица,
Отечество.

Так что не трогай, служивый, не вороши чужой дохи,
Ни словами нежными, ни руками бережно;
Даже если бы я от желания в змею превратилась, не стала бы твоей супругой.

Превращается Марья Моревна в Великого Полоза, малахитовая хозяйка,
Переселеночка, да, выше бери, ссыльная,
Дворец её – барсучья нора, заячий уголь.
В руках у воительницы орудий не счесть; против палицы никто устоять не мог,
Ибо дала её Марье Моревне Дева-Обида,
Чьи крылья землю обымают, и в ней все века Трояни.

Мать я тебе, говорит Моревна царевичу, служивый, и сестра, и дочь;
Не замай, не оскробляй пудреной нежностью,
Ведь на мясо с кровью тебя не хватит, а на мёд и тем паче.

Сильна ты мать, сварена вкрутую, а я всё же служивый, какой-никакой,
Не от тяжести руки твоей задыхаюсь,
А от того волнения, что не ведомо, не знаемо тебе.
Ни ты башкирская кобылица, ни Салват Юлаев,
А я, служивый, Пугачёву свойственник, его последыш, его запал.

И когда убью сына своего, от тебя рождённого, первенца, Ивана-Царевича,
Ты от меня один лишь череп оставишь,
А после в подполе спрячешь, да каждый день навещать станешь,
Целовать, слёзно вспоминать.
Ибо гроза прорастает не белой розой, а червоными маками,
Ибо в каждой воительнице спит кроткая девочка.
А что есть кротость – девственная сила да стыдливая мощь.
Верно говоришь, Марья Моревна, белая ворона, гибну я, служивый,
Да только не весь, ещё тебя схороню и полтысячи лет проживу,
Верно ли, топор и каша, что вы молчите; – нет, говорят.

Вспылила каша через край, топор топнул ногою:
Верно, мы той Марье Моревне старушечье платье
Из гречневой шелухи рубленой ниткой сошьём,
Платок подрубим.
Ибо что за мир тебе, Марья Моревна,
Чтобы не шить рубах да не городить огородов, не жать, не косить,
Не прясть, не сучить нитей на всю вселенную.

Что мир сей, размазня, море разливанное,
в котором за труд зноя в пустой череде к билету на заморье – ни копейки.
В котором стеариновых мастей больше, чем цветов яблони,
Да все платья голые,
В котором срам до тошноты конфеткой пахнет.
Нет, всё не твоё, Марья Моревна,
А вот волосы рвать, ждать, плакать и утешать –
Самое твоё дело, того и держись.

Не быть живому человеку пастилой, говорит Марья Моревна,
Поверх души не возвести многочисленные гаражи,
Да и я сама – не депо, не стрелочница,
А обхождение у меня самое простое, царское.
Так что, топор и каша, зовите плаху,
Ибо суду человеческому скоро предстану неволей,
За свою ясность огненную.

Не целовать мне иванова черепа, не видеть смерти героя,
а если видеть да целовать, то и самой умирать.
Ни русалкам, ни кикиморам, ни каким красным девицам со мною не сравняться.
Потому и щиплют они меня за руки да за бока,
А все у меня в услужении, смеются, куры,
И всё-то, и всех-то строят, а как, лучше бы не видеть.
Хотела я сказать слово яркое да золотое, шафрановое,
Крестом вышитое,
А вышло-то – ёжик, всё в иголках,
С перцем и солью, а ещё и с маслом,
В вечности не остынет.

ЕРОДИЕВО ЖИЛИЩЕ

Андрею Таврову

Еродий ведь аист, птица счастья, в глазах ясного неба зеницей вздрогнула.
Слёзы в птичьих глазах, ах, как далёко земля!
Стены гнезда еродиева высоки, ловкие ветви.
Вся округа пестрит, как лоскутное одеяло на детской ладони:
не обозреть её взглядом.
Ограды небесной плетень, тын огородца,
капля из слёзного ствола кропит еродиев дом.

Слышала я, что аист приносит детей.
Потому ждут девы отроковицы аиста-жениха.

Матрёшу, деву июльскую, аисты полюбили,
но детей так и не принесли ей.

Аист и аистиха поют: мы тебе крыльями окружили, дарим оперенье новое тебе,
будем обучать полёту, ясному небу, смелому ветру да весёлому солнцу.

Воспари, любаня, ах, воспари! Чай воскресения мёрзлой души,
озимого зерна.

Что мне, говорит Матрёна дева, какой сладкий чай?
Лучше скажите мне, еродии, о том, как любовь поселяется,
гостья небесная, в тленном гнезде.
Ах объясните мне, молит, что за юродство такое в вас. А с виду чисты.
Лучше и легче вы голубей, чище и светлее, о святодухи, о духоносные птицы!
Так вы нежны и заботливы, что, кажется, великому лебедю пухом своим
вашей нежности не запорошить;
ни царственному пеликану
перьями в нежно-кровавой заре вашей святости не скрыть.
Остроты вашей алой не спрятать,
чистоты вашей чёрной не уничтожить, довлеющей белизны.
Не из плоти и крови вы птицы.

Ах, Матрёна, защёлкали еродии, вздрогнули небесные зеницы,
не рассказать нам тебе и не поведать о молниях самых высоких,
о жертвах пчелиных, о звёздных хрупких надкрыльях,
о жуках-червяках недовольства, о самой тяжёлой картошке,
о скорби чревной, о тяжести лона пресыщенного, на сносях
и о слезах иссохшего лона, в печали своей воспарившего.
Что без тепла поцелуев и влажности ласк жить нельзя,
ты, Матрёна, верно, слыхала.

Да, отвечает она, когда по ночам ищещь гладкое тело
скорее сердцем, а не руками.

Щёлкает лучиками клюва еродий: а сколь слаще тебе пить покой в еродиевом доме,
утешаться златой радостопечалью.
Ибо нет ничего хуже и скорбше того, как похоть купецкая жизни,
себя продавшая бродяге, навалявшаяся всласть по сточным канавкам,
просившая объедков и монет, щеголявшая нищенством,
втыкавшая себя направо и налево и поглощавшая, что дадут,
а после раздобревшая, чашу с младенцами на дне испившая,
катком асфальтовым прошедшая по близким,
однако о бродяжьей юности поющая,
сыплющая не слезами, а деньгами, плюющая в зеркало.
Нет хуже бывшего вора из бояр, да на воеводстве.

И что теперь: жить нелюбимой, возопила Матрёна.

Счастлива будь, еродиево жилище,
щёлкают аисты; лети и молись!
Не счастье ли в обильной девичьей воле,
в строгости Церковного Жениха, сквозь которую смотрит Господь, о счастье!
Невозмущаемость – вот еродиева страсть,
вожделевательный вихорь, неудержимые слёзы радости,
бестревожность плоти.
Вот тебе, дева, чудо-перо, поцелуй его, ты ныне ветка гнезда аистиного,
дева Матрёна.

В ВАГОНЕ ПОДЗЕМКИ

Борису Колымагину

Все мы, кто едет в вагоне подземки,
Будто в глубокой ладони.
Она донесёт нас до самого берега, в самое время.

Верится мне, что есть
Счастье, милость Господня ко всем,
Едущим в нашем вагоне подземном.
Над каждым реют крыла
Недалёкого будущего,
Над каждым парит непрожитая жизнь.

А люди летят на свет,
спицы перьев, чешуйки мерцаний,
У людей раскрываются крылья.

Люди летят на свет,
Сливаясь в поток световой,
Метеор средь холодной вселенной.

Отражаюсь в каждом, кто едет в вагоне метро,
Капля в глубину, и недопитая судьба
Молоком и вином, а порою и кровью под языком.

Девушка, ей очень нужно выйти туда, где он,
ради его сумасшедших зениц, а он,
Ну какие мужчины теперь, это сон.

Юноша, парень ли, хоть как назови,
А в печь не полезет, но там, наверху, есть приятель,
А может быть, мать,
Оттого и вся жизнь его здесь, в этом вагоне подземки,
Сосредоточена болезненней острия.

Все мы в вагоне метро, выхваченные полосой света,
Живём и проживаем внезапные годы свои.

Старик и старуха, как они пронзительно звучат,
Как трогательно нелепы, отчего хочется их спрятать
Как старую хрупкую чайную пару.
Ведь они родились стариками и стариками жили всю жизнь,
А теперь они стали сами собою.

Люди летят на свет, мотыльки с плотяными крылами,
В радуге мелких сердечек, в сетке предчувствия чуда,
Не поверю, что хотя бы кто-то чуда не ждёт.

Не то, что Господь – машинист, не только.
Но там, за пределом подземки, есть мир,
Где Христу очень нужно увидеть нас всех.
И потому на ладони – вот оно время,
Немного, времени спелый глоток,
Как бывает из бока сочного плода,
Крылья над каждым,
Идущим со скоростью света в подземке метро,
Доехать, хотя бы в течении часа,
В течении жизни,
К Нему.

ЯВЛЕНИЯ НИКОЛО ПАГАНИНИ

Памяти Аркадия Славоросова

1.
Нет, гению не нужно возвращаться в те дома и страны, где он жил когда-то,
к зеркалам в лифтах и печальным в них глазам, к сумраку лестничных клеток,
к решётчатым перилам, как гитара цыганки, или к четырём матрасам,
один лежит на другом, а поверх них сидит отощавшая муза,
а у неё на коленях новое платье: стихи ли, картина, скрипичный каприс.
Рыдает муза над обновой; приобретать ведь проще, чем носить.
Покрывало присыпано крупным табаком и сахарным песком,
в предметах воплощённое искусство. Нет, гению не нужно возвращенья.
«Несчастная, о нет, счастливая! Что для тебя поэзия!
Знай, радуге до неба не достать; священно только то, что музыкой легло,
погребено в земле словесной, или в какой пещере.
Я знаю стих как изнуренье сердца,
многажды скрученную нить, натёршую в душе уж слишком чуткий след.
Княгиня русская на улице Парижа собой торгует ли, цыганка во дворце,
мне всё едино. Но когда весь радостный и волосатый сброд идёт,
охваченный надеждой на свободу, уже обманутый такими же людьми,
когда тепло чужого тела согревает сердце, и Сам Господь с улыбкою глядит,
как утешается погибшее создание, тогда во мне играет некий дух».
Спросила бы его: а что любовь? Но гений усмехается.
Не даром говорил об изнуренье сердца.

2.
«Я музыки торчащий позвоночник, я тот источник, где вода превращается в воздух.
Вот тело инструмента: оно дано мне даром, от кого, не уточняю; я смешлив.
Но кровь и плоть мои. Все нервы струн мои, все волосы и кости, даже зубы
(а ну-ка улыбнись, душа моя). Итак, я остов всех искусств.
Вот здесь, среди обоев новых, под пошло белым потолком, в лепнине и патале,
раскрашенным азербайджанцем для полусумасшедшей хозяйки, живу.
Жизнь — дева в амазонке, то есть, в дорожном платье; может быть, и в джинсах.
Порой болею, а порой я весел, и не иду, фланирую, как денди,
минуя пыль на улицах и разговоры пожилых дам».
Нет, гению не нужно возвращенья, а нужно разрешение.

Тональности в тональность, каденты в вихрь слов, и снова метр
играет, чаруя, как некое знакомое окно в сырую полночь путника влечёт.
Нет, гению ни ехать, ни идти, ни спать, ни есть. Он желчен и бесправен,
на нём всё то же, что и на других, он изнурён и никому не нужен,
он как мосол, а все вокруг светлы, все кажутся умнее и добрее.
Но гений не бывает злым; в нём слишком много
и радуги, и молний, и нектара.
«Дитя, забудь, что ты имеешь дар. Иначе ты сойдёшь с ума от ужаса,
что подступает как тюремный дворик. Тут горки детские,
тут новые качели, и нет стихов, а вместо них лишь ложь да неприятности.
Тебе нет места здесь, живёшь как тень, как индеанка за чертою резервации.
Но знай: как только Бог узнает полноту твоих творений, Он заберёт тебя отсюда,
ведь этот мир не навсегда. Ах, в нём всего больнее ожиданье».
С изнанки бытия пробьётся суета. Но гений людям пугало; кровать его пуста.
Он сам как тень; вот тело инструмента. Настроено, играет.
Начало трепетное, будто детский смех,
финалом будет луч заката в тучах.

3.
Мой дорогой отец, священник пожилой, мне возле вас так мирно и спокойно,
так ясно и легко, что страшно отойти. Едва назад, как тут — исчадья суеты,
да девы горя, да профурсетки юные уныло рисуют лица углем и малиной.
Я верую, как мне не веровать. Сам Господь меня узнаёт и порой даёт место
за Своим столом, и чашу, и радость опьяненья счастьем, и желчь, и утешенье.
Господь мне дал всего так изобильно, что тяжести порой не пережить.
Благодарю за то, что я могу играть и петь,
что хоть по воздуху смычком, а звуки те же,
что струны от Христа на деке сердца, путь я кощунник. Неужели Он,
за каждого из нас исходящий ежеминутно кровью, меня, свой инструмент, покинет?
Я уголь мира, как младенец, что умер от чахотки. И я ваш сын.
Во мне вся боль и тяжесть всех преступлений до страшного суда,
но во мне и грёзы утешений, ложе маков дремотных, и шотландский плед.
«Дитя, тебе известен ли покой неколеблемый и восходящий как тёплый воздух,
парящий дивно, шёлковый, в котором нет ни звука тоски и печали, ни запаха беды.
Когда приходит этот мир, и мысли не возникнет о грехе,
а пить бы одиночество своё на стареньком тюфяке, молиться полулёжа,
а потом читать записки жителей небесных, целовать страницы, и плакать,
каплями из радуги, рыдать от счастья, будто закончилась великая война, и жив.
Всё в тишине: и стоны, и рыданья. То горечь мира умирает в твоей душе,
а душа изнурена любовью. Известно ли тебе, что, став творцом,
ты прежде должна научиться играть горами, будучи надломанной и хрупкой,
море выпивать, съедать колючки, целовать лягушку, любить врагов,
известно ли тебе, что вся судьба твоя — лишь переход по коридору
от лифта к двери квартиры, и не больше. Но что ты властвуешь над сферой сфер,
что жизнь твоя — как могила неизвестного солдата, как памятник.
Тому, что было до сошествия дара. Прими и примирись. С собою».
«Да, сын мой, можно выдюжить беду и не дать трещины,
но не любить, увы, нельзя. С любовью проще будь,
её нам в мире слишком не хватает».

4.
Видение, скажи мне о любви. Как любит гений, как он ненавидит, верен ли он.
Может быть, он ветреный, как позёмка, несущая пыль с базара на шоссе,
раз, раз по ногам, в глаза. И на подножку троллейбуса не взойти, полно народу.
Неужели всё так, и нет смысла дарить себя, принимая как дар любимого.
Ведь пользоваться не умею. Тем более душой возлюбленного.
«Любовь, любовь! Как трепетный, в сырых ресницах, первоцвет
пьёт соки первые из влажной почвы, как плачет кукушонок в гнезде певчего дрозда,
так и любовь. Возлюбленные пьют друг друга, вытягивают силы и судьбу.
Одна лишь жертва возмещает потери. Сравни любовь с войной, как верно, нет,
война и любовь не сочетаются. Сравни любовь с великим потопом, и то же,
нет, все сравненья лгут. Вихрь, головокруженье на крыше высотки,
паденье, крылья — всё блекнет и умирает. Живёт одна любовь.
Груба ль она, как мясной салат, капризна и тонка, как шёлковый шнурок,
вся она Господня. Она и счастье, она и ужас, она и вожделенье без вожделений.
Она всё и безо всего, пустота и сущность; её не скрыть. Маска любви пугает,
а голос плачет и призывает.
Вот уже она сидит возле подъезда сиреной и нимфеткой.
Она когда-то ангелом была, а он рассыпался на множество людей, игрою стал,
найди свою, а не свою сумей приворожить до смерти; твоей или её, не важно.
Ведь даже в самом стылом отвращении, в брезгливости есть искра её огня.
Пока что дамы грусти гуляют с бульдогами по дворику тюремному,
в кварталах новостроек, а жёны зноя спят на яхтах в Атлантике,
змеится соловьиная межа в твоей душе. У ней иное время и страда иная,
в ней близости вино и запах одного лишь тела, в ней угрюмый яд желанья
того, единственного, до и после всех созданий, тела, которое неотделимо от твоего.
Так я беру аккорд, до, соль, а, цэ,
все остальные струны ожидают, пока звучат эти две».
Да, верно, так я выжимаю простыню или полотенце, а после ткань в беспамятстве.
Лишь тлеют рук следы, окутывают паром, чтоб не простыло сердце.
Видение, когда мы очень любим, мы одновременно счастливы и унылы,
а когда любят нас, мы невыносимы и грубы. Где найти созвучие,
которое одно лишь запечатлено на деке сердца,
как вызывать его из тишины, неужели нам остаётся только оплакивать его?
«Пей одиночество, дитя. Любовь нуждается в вере обоюдной,
вот искомое созвучье. Пей маковый настой дремотного забвенья,
чтобы рассвет исплакал все твои грехи и беды, угасив истошный жар,
а солнце полудня восстановило силы для смиренной встречи.
Гению не суждено земного счастья. Он и властвует над всей земной любовью,
вобрав её в себя. Так первоцвет порой источает аромат давно почившего тела».

Сергей КУБРИН

Муха

Ванька возвращался из школы, думая, где найти деньги, чтобы раз и навсегда отвязаться от Борзого и Кулича. Он часто останавливался, глядел по сторонам. Убедившись, что слежки нет, выдыхал обреченно и взметал ногами дорожную пыль. После переходил к бесформенным камням, пинал их с ненавистью. Но те далеко не улетали, оставляли за собой лишь секундный звук глухого удара. Лаяли собаки, но мальчишка не обращал внимания на растянувшиеся пасти деревенских кобелей.

Оставалось два дня, чтобы найти заветную пятихатку. Внеучебный устав школы гласил: «с каждого малолетки – взнос». Сумму обычно устанавливал шпана Борзов, по кличке Борзой, а если правила нарушались, к помощи прибегал Куличов. Пара ударов в лицо – и даже самый выносливый пятиклассник сдавался, как, впрочем, сдался и Ваня.

В тот день его бил и Кулич, и Борзой одновременно. Первый наносил фирменные хуки в щеки и челюсть, второй держал руки пацана, чтобы тот не вырвался, и время от времени оставлял коленом боль в копчике. Ваня держался на удивление долго и даже надеялся, что еще чуть-чуть, и все закончится хорошо: старшеклассники не потребуют с него денег, но не тут-то было. Кровь уже появлялась изо рта и носа, а тело так ломило, что мальчишка повалился наземь и, стиснув до предела зубы, справлялся с заключительными ударами в пах. Было больно и обидно. Борзой сказал четко: «У тебя неделя. Пятьсот хватит. Задержишь – ставки увеличатся». Борзой всегда говорил один раз, а Кулич иногда повторял: «Все в твоих интересах».

Да какие уж здесь интересы? Ваня так ничего и не смог придумать. А когда увидел родной покосившийся забор и куриц, беззаботно гуляющих на улице, стало ему еще печальнее. Вот он уже пришел домой, время летит так быстро, а плана – нет.

Ваня со скрипом открыл калитку. Старый домишко, казалось, с каждым днем уменьшался в размерах, подобно египетским пирамидам. Еще чуть-чуть – и от него ничего не останется. «Еще чуть-чуть», – подумал Ваня. Он раздевался так же неохотно и медленно, как обмозговывал, где найти деньги. Настенные часы, в форме кошки, давно умерли. Секунды не шли. Мальчику на мгновение стало легче.

– Пришел? – донесся голос матери.

– Угу, – пробурчал Ваня и потопал в кухню.

Мать, в грязном выцветшем фартуке и с завязанными наскоро волосами, что-то резала ножом. Порой она мычала в себе. Так бывает, когда даешь волю насущным мыслям, но не пускаешь их в свет, боясь, что тайна будет раскрыта. Ваня давно уже привык к подобным голосовым приемам матери и не обратил на это никакого внимания. Он сел на табуретку, пошатнувшись, и хотел было тоже окунуться в раздумья, но мама прервала его.

– Как дела?

– Хорошо.

– В школе как? Исправил математику?

– Исправил, – соврал Ванька и даже не покраснел.

– Ну-ка посмотри на меня! Опять обманываешь?

Сергей КУБРИН родился в 1991 году в городе Кузнецке Пензенской области. Студент юридического факультета Пензенского госуниверситета. Печатался в волгоградском литературном журнале «Мегалит», в Интернет-журнале «Пролог», в поэтическом сборнике «Любовь – как нежности туман» (Кузнецк, 2008).

Ваня посмотрел в глаза матери, пытаясь найти в них ответы совсем на другие вопросы. Те глаза были наполнены водяными шарами слез, окруженными еле заметной оболочкой, которая, если невзначай моргнуть, лопнет, и шаловливая слезинка с облегчением слезет к носу и губам. Но мать не моргала до последнего, а после отвернулась и ответила сыну:

– Врешь.

Тут же хлынули долгожданные слезы, но женщина крепилась. Ваня бы все равно не заметил слез, потому что летал в своих мыслях. Он все же ответил:

– Да кому нужна эта математика? Думаешь, я дважды два не посчитаю? Или трижды пять?

– Трижды пять, – продолжала отчет мама, вытирая слезы и нарезая дольки коварного лука, – а если большие числа? Сможешь? А потом алгебра пойдет. Тут-то что?

Большие числа... большие числа... «Конечно, смогу», – думал Ваня, и в глазах навязчиво мелькали одни пятисотки, перемноженные на своих собратьев.

– Смогу.

– Сможешь... Тебе учиться надо, чтобы в жизни чего-то достичь! Ты пойми, наконец, что учеба – самое главное.

– Понимаю я все, – отрешенно ответил сын. – Я есть хочу.

Мать открыла крышку кастрюли, и спирали пара понеслись наружу. Налила тарелку супа и поставил на стол.

– Иди, ешь.

Ванька охотно уселся за стол и, громко стуча ложкой по краям, принялся трапезничать.

– Горячо, – простонал сын.

– Терпи, взрослый уже, – ответила мать. – В жизни не то еще будет.

– Знаю.

– Откуда? – усмехнулась мать и свалила с дощечки в шипящую сковородку полоски картошки. Сковородка с радостью приняла подношение и зашипела еще сильнее.

Ваня, разумеется, не мог сказать правду. Свои проблемы он хотел решать сам, по-настоящему, как взрослый. И только ответил:

– Я догадываюсь.

– То-то и оно. Привыкай. Проблем-то ой как много встретишь в жизни.

– Ага, – согласился сын и поднес ко рту ложку.

– Это сейчас ты еще маленький, и тебе кажется, что жизнь яркая. А на деле – чернота одна. Но ты, Ванька, справишься, я в тебя верю.

– Я тоже в себя верю, – убедительно сказал сын и отодвинул тарелку.

– Спасибо, мам. Я больше что-то не хочу.

– Как это?

– Ну не хочу, мам.

– Почему? Невкусно?

– Вкусно, просто не хочется больше, я пойду, полежу чуточку.

– Да ты посмотри на себя: худой, как скелет. Тебе поправляться нужно!

– Поправлюсь, – пообещал сын и пошел из кухни, на ходу глянул на себя в зеркало, подумав: «Совсем не худой, и не скелет».

Мальчишка лег на диван и потянулся. Он закрыл глаза, думая поспать, но сон не приходил, и лишь отдельные фрагменты порой мелькали в сознании. Фрагменты, на удивление, возникали яркие и светлые, заставляя Ваню позабыть, хоть на чуть-чуть, о проблемах. Он уже издали замечал первые очертания настоящего сна и хотел было отдаться под власть продолжительной дремы, как послышался грохот с кухни. Мать что-то уронила. Ванька тогда вскочил, и первое, что пришло ему в голову, был внезапный приход Борзого и Кулича. Но, протерев глаза, понял, что пока еще все хорошо. Просто разбилась чашка.

Ваня еще раз оглядел комнату. Никого. Слышалось одно жужжание мухи, попавшей в плен оконного стекла. Порой жужжание прекращалось: муха набирала сил в прозрачных крыльях. И

снова шум взрывался с прежней силой и отчаяньем, с которым насекомое билось о стекло, ища выхода.

Ванька слышал мучения мухи сквозь еще не ушедшую волну сна. Он поднялся с дивана и, вспомнив о деньгах, окончательно проснулся. Он хотел еще раз попытаться уснуть, чтобы снова не думать о Борзом и Куличе, больше о Борзом, но необходимо было думать. Как можно быстрее. Мальчишка достал из кармана штанов мелочь, переложил ее в спичечный коробок для сохранности. «Этого не хватит», – прошептал пацан. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, которую так еще и не снял после прихода из школы. Было жарко. Апрель вовсю играл предвкушением лета.

Мальчишка снял рубашку, прилипшую к потному телу. Открыл шкаф – искал свободную вешалку. Подходящей не было, и Ваня, скомкав одежду, бросил ее, не глядя, внутрь. С силой, но не специально, хлопнул дверью так, что в антресоли затряслись праздничные чашки. «Мощно, – бросил Ванька, – еще бы посильнее, и разбилось».

Он мельком осмотрел сервиз, боясь обнаружить все-таки внезапные трещинки, но ни чайник, ни тарелки не поддались удару. «Вот крепкие, – удивился мальчик, – мне бы так». Тогда он еще раз хлопнул дверью шкафа и вместе с дребезжанием посуды услышал волнительный голос мухи. Но муха и в этот раз осталась без внимания. Ванька не мог оставить в покое чайник, который и не думал сдаваться.

Мальчишка, поражаясь стойкости чайника, открыл его крышку и с новой силой убедился в необычности посуды. На дне красовались две коричневые бумажки с изображением какого-то собора. Но Ваня не обращал внимания на рисунки, и только цифра 500 манила его взгляд.

«Откуда это здесь?», – удивленный до предела, поинтересовался то ли сам у себя, то ли у чайника, мальчик. Совладав с нахлынувшим восторгом, Ванька достал одну купюру. «Этого хватит». Но тут же бросил ее обратно, услышав шаги матери.

– Ты не спишь? – спросила мать, вытирая полотенцем руки.

– Нет, мам, – с нервной радостью ответил мальчик и отодвинулся от антресоли.

– Уроки учи тогда. А то опять не успеешь.

– Ладно-ладно, сейчас начну уже.

– Если что, спрашивай, может, помогу. Если вспомню чего.

– Ага.

Мать ушла, а Ванька, завороженный, остался на месте. Он пошатнулся и растянулся в улыбке, когда глянул на чайник. «В нем деньги, в нем деньги, – повторял мальчишка, – там мое спасение». Ваня дождался, когда мать исчезнет и, убедившись в этом окончательно, снова приблизился к заветному резервуару.

Что он еще мог поделать в ту секунду? Протянул руку и, бережно сжимая хрупкую, гладкую, немного скользкую бумажечку, захватил ее в свои объятия, сложил вдвое и спрятал в карман. Тут же невидимый груз рухнул внутри Ванькиного тела, и стало ему так легко и спокойно, что даже захотелось взяться за уроки, в один миг решить надоедливую математику, покормить кур или просто поцеловать в щеку мать. Но он не успел сделать ничего, кроме того, как обернуться на предельно громкий и уверенный стук в окно.

Это был Алешка Степаненко. По фамилии его почти никто не называл, кроме учителей в школе. Он был простым Алешкой: добрым неунывающим двоечником, имеющим дружбу с «богачом» Ваней.

– Привет, – радостно крикнул Алешка, когда друг открыл окно. Муха попыталась вылезти, но Ваня настолько сильно дернул створку, что насекомое отскочило на сотни миллиметров назад, обратно в заключение.

– Давно не виделись. Ты чего?

– Поговорить надо. Выйдешь?

– Мамка не пустит. Уроки заставляет учить.

– Да кого же не заставляют? Все мы – несчастные. Давай через окно!

Ванька, долго не думая, кивнул, забрался на подоконник и выпрыгнул на улицу. Отряхнул колено, которым угодил в насыпь земли. Обернулся, немного еще сомневаясь, стоит ли нарушать домашний устав, но улица так плыла предвечерним теплом, что желание не сидеть дома перебороло мальчугана.

Скоро ребята уже шли в другую от дома сторону.

– Че ты мне сказать-то хотел? – спросил Ваня.

– Я все про Борзого думаю.

– А про Кулича?

– Само собой.

– И что надумал?

– Деньги нужно искать. Пропадем. Я прямо чувствую, что они не отстанут.

– Тоже мне вселенную открыл! – усмехнулся Ванька и хлопнул ладонями. – Конечно, не отстанут. Правила есть правила.

– И как ты думаешь, где брать деньги?

– Я уже нашел.

– Как? – изумленно крикнул Алешка и остановился, всматриваясь в глаза одноклассника, не врет ли тот.

– Легко. Нашел дома.

– У вас что, дома деньги валяются?!

– Практически. Я нашел их в укромном месте.

– Круто... – протянул Алешка. – Наверное, они тебе и предназначались именно для этого случая.

– Может быть, – улыбнулся Ваня и в который раз облегченно вздохнул.

Проходили мимо колонки, где жители наливали в ведра воду. Дед Миша, известный в деревне пьяница и самодур, ругался с бабами. И уже хотел он дать ведром по голове одной из крикливых женщин, как осекся. Залаяли громко собаки. «Уу-ууу, паразиты», – протянул старик и замахнулся на собак. Алешка покачал головой:

– Мне бы их проблемы... – сказал он и рассмеялся. Весельчак никогда не унывал.

– Любая проблема разрешима, – спокойно ответил Ваня.

– Тебе-то хорошо говорить: у тебя и деньги, и два дня в запасе.

– А у тебя? Когда нести деньги?

– Сегодня, – с долей расстройства хриплым голосом сказал Алешка и остановился. – Они меня точно убьют.

– Спокойно-спокойно, – почти командовал Ваня, – но почему сегодня?

– Так сказали. Это ты счастливый.

– Не сглазь.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – плюнул Степаненко и попрыгал три раза на правой ноге.

– Тоже пятьсот?

– Хорошо, что не больше, – снова рассмеялся Алешка. Но это был смех в чистом виде истерический. Алешка в одночасье покраснел россыпью клякс, а ладони его стали бледными, больше даже мутно-зелеными, с желтизной.

– Подожди. Не переживай так сильно. Че-нибудь сейчас придумаем. Ванька почесал подбородок так, как чешут его мудрецы, глядящие с портретов над школьной доской. Пацан что-то пробубнил сам себе, и хотел уже сказать, но Алешка перебил:

– У меня идея была, магазин обокрасть.

– Магазин? – удивленно переспросил Ваня, даже не удивленно, а больше разочарованно от того, что сам он не придумал такой идеальный план.

– Ну да.

– Думаешь, это возможно?

– А почему нет? – распинался Алешка. – Придем, взломаем дверь и вытащим деньги. Я знаю, что тетя Люба оставляет всю выручку в кассе на ночь.

– В принципе, да. Но есть одно – но.

– Какое?

– Сторож.

– Да он спит, я тебя уверяю, вот поверь мне, все будет хорошо. Но без тебя мне не справиться.

– Это понятно. Как ты один?.. Никак, – развел руками Ванька.

– Так ты согласен?

– Знаешь, Алешка, я согласен. Но я и себе пятьсот возьму, а эту деньгу обратно положу. Все-таки она как бы родительская.

– Ну это ты как хочешь.

Алешка отряхнулся, готовясь к предстоящей миссии. Ванька последовал его примеру. Обоим было волнительно и спокойно одновременно. Через десять минут они уже подходили к гастроному. И первый раз в жизни тогда Ване стало по-настоящему стыдно. За кражу домашних денег. Он вдруг вспомнил о матери, и лицо его запылало пожаром.

Мать в это время сидела в кресле и пыталась не сбиться со счету, выясняя количество петель на спице. Новый свитер для Вани должен был выйти уже к утру. Женщина считала петли с любовью, сходной по размерам в тысячу еще не связанных свитеров: такой же невидимой, но волнительной и ожидаемой. И чем больше петель она насчитывала, тем увеличивалась любовь и насаждалась при этом ненавистью. Когда мать заметила, что сын ушел без спроса на улицу, та рассердилась настолько, что не смогла ничего поделать, как взяться за спицы и восполнить негодование – материнской добротой. Она всегда, когда ругала Ваню, тут же делала ему сюрприз, проклиная себя за то, что ругает, но не ругать не может.

«Ведь как его не ругать, – думала женщина, – он моя надежда, у него все обязательно получится. Но нужно поругать, чтобы он поверил, что я злюсь, и взялся за ум. А на самом-то деле... как можно злиться?» Она не злилась, только считала петли и продолжала, будто паук, плести узорную паутину свитера.

Шел девятый час. Апрельское небо уже заканчивало смуглеть, оставалось совсем немного, чтобы впустить обольстительницу-ночь. Мать не следила за временем и даже могла бы пропустить пупырышки звезд, если не послышался знакомый собачий лай и тихие, но слышные, шаги во дворе.

Это был Вова – отец Вани. Он выглядел всегда уставшим, и чересчур морщинистым казалось его лицо. Бывало, он спал, встречая десятую серию сна, но даже тогда морщины не успокаивались, веселясь и дергаясь на высоком лбу. И только когда мужчина протирал лоб ладонью, стирая накопившийся пласт пота, морщины исчезали на время, и через секунду-вторую снова рождались, радовались.

Он как всегда протер лоб вафельным полотенцем и бросил его на стол. Вера уже встречала мужа, выходя из передней в кухню. Она надела фартук и, завязывая его обеими руками, подставила щеку под теплые мужицкие губы, почувствовав нежные уколы родной щетины.

– Привет, Вов.

– Привет.

– Как дела?

Муж обнял жену крепко-крепко, а после расслабил руки, отпустил.

– Дела... – думал он что сказать, – пока идут.

– Как идут?

– Не очень идут.

Женщина промолчала.

– Но, главное, что идут. Еще немного осталось, – твердил Вова.

Вера включила конфорку и села рядом с Володей. Она запела, не выпуская полностью мелодию из себя, так же, как делал обычно Ваня.

– Знакомая мелодия, – прошептал басом муж.

– Знакомая... – повторила Вера.

– Вер, ты не переживай. Хозяин сказал, что на следующей неделе деньги обязательно дадут. Просто кризис сейчас везде...

– У нас в селе его нет.

– У нас и работы нет. А в городе – хоть какая-то надежда, понимаешь?

– Понимаю я все, – бросила резко Вера, но сразу же осеклась, улыбчиво посмотрела на мужа и, подмигнув, поцеловала его в шею.

– А где Ванька? – вдруг вспомнил Володя.

– А кто ж его, безобразника, знает.

– Опять убежал?

– Опять.

– Ну я ему покажу, – отец захватил охапку воздуха огромной ладонью.

– Не надо, Володь, пусть побегает еще. Там-то не знай, что будет.

Володя не ответил, но подумал: «Да как же я его ударю? Он же сынишка мой...»

Сынишка с другом смотрели на умершие окна магазина и думали, с чего же начать? Сторожа на горизонте заметно не было, но пахло водкой, спертым перегаром, свежими огурцами и сигаретным дымом. Трещал фонарь над крыльцом, освещая дверь.

– Мы ее взламывать что ли будем? – спросил Ванька.

– Конечно! У меня и отмычки есть.

– Откуда?

– Не спрашивай. У нас не так много времени.

Ребята приблизились к двери.

– На, открывай, – Алешка протянул отмычки другу.

– Почему не ты?

– Я возьму на себя кассу, – с полной серьезностью убедительно произнес Алешка.

Ванька, не сопротивляясь, взял две стальных палочки и просунул их в щель замка.

– Покрути, – учил его друг, добавляя: – здесь вправо, а сейчас давай влево.

Ваня потел, нервничая, но не от того, что бесследно уходит время, а потому, что ему даже взломать замок не по силам. Он щурился, сжимал глаза так, что в них накапливались слезы, кулаками старался причинить боль отмычкам. Он гнул шею в стороны, ждал, когда она выдаст приятный хруст, кусал язык и матерился, то вслух, то про себя. А друг Алешка улыбался и подбадривал юного вора: «Давай-давай, мы покажем этому оборзевшему Борзому». И когда Ванька добавил: «Борзому и Куличу», двери пришлось сдаться и раскрыть сказочный мир продовольственного магазина.

Магазин выглядел так же, как и всегда. Ряды с банками и бутылками, оставшиеся буханки хлеба, упаковки с рисом и печеньями. Когда Ваня приходил сюда с матерью, ему хотелось купить абсолютно все, до последней жвачки и упаковки с пряниками. Сейчас же все сладости оставались незамеченными, даже батончики шоколадок, аккуратно выложенных вместе с леденцами, не будоражили детское сознание. Напротив, оно со зрелой взрослостью терзало взглядом кассовый аппарат, заставляя действовать быстрее.

Алешка оказался первым и во всю уже обнародовал кассу, наполняя карманы купюрами и монетами.

– Зачем ты берешь все? – испуганно крикнул Ванька.

– Такого момента больше не будет. Хватай, что можешь.

Ванька дергался на месте, обдумывая, как поступить лучше. «Ну почему-почему я так долго думаю? – ругал себя мальчишка. – Надо быть решительнее!» Он, как голодный хищник, бросился к заветному состоянию и, подобно другу, начал расправляться с деньгами.

– Все нормально? – спросил взбудоражено Алешка.

– Ага, – морщась от страха и нахлынувшего возбуждения, ответил Ваня.

– Поторопись. Времени мало.

– Ага.

Еще совсем чуть-чуть, и мальчишки окончательно разделались с богатой кассой, бросились на выход. Ночь вовсю пестрела темнотой, и совсем не было звезд. Так же трескуче освещал желтизной старую землю высокий фонарь, и было все, как было. Только теперь Алешка и Ваня – с деньгами, и все им по плечу. Ванька обдумывал уже, что завтра же отдаст противную пятисотку старшеклассникам, а остальное вручит родителям и будет гордиться, что смог найти такие необходимые деньги.

У Алешки было все по-другому. Он не мечтал и ни о чем не думал. Только стоял недалеко от фонаря, смеясь не слишком громко, чтобы было не слышно. Смеялся вместе с Борзым, а Кулич докуривал третью сигарету.

– Эй, идиот, – окрикнул Борзой Ваньку, который завязывал шнурок.

Сначала Ваня подумал, что ослышался, но, подняв голову, увидел Борзого. Он уже не беспокоился, как раньше, а легко и даже надменно подошел к вымогателю, достал из набухшего от денег кармана бумажку и протянул ее старшекласснику.

Борзой рассмеялся, а его смех подхватил Кулич и Алешка. Алешка смеялся, как показалось Ване, неестественно, выдавливая из себя нотки радости.

– Алешка, ты чего?

– Ничего, – ответил Борзой. Давай деньги.

Ванька повторно протянул купюру, но Борзой дал понять, что этого мало, сжав кулаки.

– Все деньги давай.

– Какие деньги, – придуривался Ванька.

– Вань, отдай все. Так надо, – посоветовал Алешка.

– То есть надо? Ты отдал все?

– Все, – ответил Алешка и добавил, – прости, это был их план.

– Какой план? – не мог успокоиться Ваня.

Борзой опять рассмеялся, на этот раз очень громко.

– Какой бы ни был план, все прошло удачно. Отмычки остались у кассы, не так ли? – с ехидством спросил Борзой.

Ванька не ответил и только сглотнул.

– А на них твои отпечатки, – продолжил Борзой. Твой лучший друг предал тебя, и оказался хитрее – хорошее прибавление к нашей компании, – сказал Борзой, и теперь рассмеялся Кулич. Алешка стоял, склонив голову, и не мог найти слов. Собравшись, он сказал:

– Прости, Вань. Но мне нужно было как-то выйти из этой ситуации. Если хочешь жить – живи, как солнце. Свети так, чтобы обжигать, а не радовать. Только тогда ты будешь счастлив.

– Наш устав, – пояснил Борзой ошарашенному Ване. – Если надумаешь, можем устроить и для тебя – вступительное испытание.

– Но на кассе твои отпечатки, Алешка, – сказал Ваня, не обращая внимания на бредни Борзого.

– Я их стер, не волнуйся.

Ванька уже хотел побежать и тоже стереть свои отпечатки, но Борзой остановил его, сказав, что включена сигнализация. Ванька только улыбнулся. Это была не естественная улыбка. В одно мгновение Борзой, Кулич, а теперь и лучший бывший друг Алешка исчезли, а Ванька так и остался стоять на месте, в четырех шагах от высокого светлого фонаря. У вершины его радовались непонятно чему мотыльки, а Ваня все думал, как быть, как удалить следы кражи?

Уже слышен был злой рык милицейского уазика, когда Ванька бежал домой. Запыхавшийся, расстегнутый, весь в слезах и без денег, спотыкаясь о камни и безжалостно наступая на терзающую ступни щебенку, он спасался. Пахло весенней ночью, сходной по запаху с угасшим костром. И не было на небе звезд. Даже полярницы.

Ванька через окно забрался в комнату, где несколько часов назад еще лежал, волнительный и грустный. Сейчас он уже не волновался и совсем не грустил. Он часто дышал, сидя на полу и

плакал. С кухни доносились голоса родителей. «Потерпи, родная», – твердил отец. А мать тоже успокаивала супруга: «У нас в заначке тысяча есть. Все будет хорошо».

И Ванька от этого плакал еще сильнее. Но не громко, чтобы никто не услышал. В комнате висела тишина, и только непрерывная жалобная мольба мухи нарушала ее. Мальчик, наконец, обратил внимание на крохотное насекомое. Он открыл окно и, пальцем вытащив муху из створок, направил ее в воздушную темноту ночи. Муха пошевелила крыльями, перебрала передними тонкими лапками и унеслась в неизвестность.

Это была настоящая свобода, о которой бедный Ванька только мог мечтать.

Апрель 2009

Антон ГОЛИЦЫН

ЯЩИК

История одного шоу

Я живу в центре смерча, который многие принимают за отражение жизни. Они не хотят знать, что смерч – всего лишь несколько килограммов пыли и мелкого мусора. Им нужна картинка, на которую можно смотреть не отрываясь. Впрочем, это неважно. Главное – иллюзия.

***

Внимание... Студия!

1.

По встречной полосе метрах в трехстах мчался какой-то внедорожник. Сегодня мне не хотелось ждать. Я включил левый поворотник, резко нажал на тормоз и развернулся через полустертую двойную сплошную. Машину слегка занесло, но я успел переключиться на пониженную передачу и, нажав на газ, выровнять курс. Овал салонного зеркала кадр за кадром заполнял джип, летящий в задний бампер моего форда, и я скорее почувствовал, чем услышал, отчаянную ругань водителя, переведенную на язык автострад ударом кулака в центр баранки. Я дернул руль вправо, едва вписавшись в свободную бухту косого ряда припаркованных машин между потертой девяткой и «авенсисом».

Обошлось. Покрутил головой – гаишников вроде нет. Разворот через сплошную (доказывай потом, что видно не было) да еще и аварийная ситуация. Тянет на полгода лишения прав. А ведь еще и двух месяцев не отъездил. На заднем стекле, конечно же, ни буквы «у», ни восклицательного знака, ни треугольника с чайником. Какой я вам чайник? Да и какое лишение? В моем мобильном телефон начальника ГАИ, один звонок, пара добрых репортажей про героических стражей дорог, и никаких проблем. Я – главный редактор областной телекомпании СТВ. Уже два года как редактор. А новый «фокус» купил только сейчас. Мог бы и раньше, но не люблю кредиты. Не люблю быть кому-то должен. Я заглушил двигатель, вынул панель магнитолы и вышел из машины. Хотел закрыть дверь локтем, но все же задел ладонью. Черт! Удар током, в который раз. То ли я вырабатываю какую-то энергию, то ли притягиваю ее к себе. Машины, ручки дверей, рукопожатия, вешалки и одежда – источники вечной угрозы. Привыкнуть к этому невозможно. Зато всегда в тонусе, всегда начеку.

«Пиик», – форд мигнул сигналкой и замер. Я достал сигарету – обычный ритуал всех приходящих на работу. Начальнику некуда спешить. Особенно в такое утро. В такое утро хочется по-хоббичьи пускать дым колечками, прищуриваясь сквозь призрачные завитки на свежую, еще не закопченную зелень, различать прожилки на прозрачных, просвеченных солнцем листках, в такое утро хочется прожигать взглядом чулки на девичьих ножках, любоваться на вымытые ночным дождем машины, думать о том, что жизнь не такая уж и плохая штука, раз в ней до сих пор есть такие вот майские утра. Хочется думать, да и думается, что все, что ты не решил вчера, сегодня обязательно решится. И даже вот оно – решение – такое же простое и ясное.

Антон ГОЛИЦЫН родился в Ярославле в 1977 году. По образованию филолог, магистр. Работает на ярославском телевидении, преподает телевизионную журналистику в Ярославском государственном педагогическом университете. Ранее не публиковался.

На крыльце курили Ваня – двадцатилетний журналист, спец по криминалу и оператор Серега. Кофр с камерой и штатив лежали у ног. Я закурил и неспешно подошел к съемочной группе.

– Что, уже кого-то убили?

– Нет, не хлебный сегодня день, – Ваня почесал рукой фирменную щетину на подбородке. Недавно она вошла в моду у молодых оперативников, и журналист быстро подхватил тенденцию. В нашем деле это важно – быть похожим на тех, с кем работаешь.

– Сводка пришла?

– Да, пустая сводка. Брат замочил брата на Пушкина, пара грабежей сотовых, угоны... Бытовуха. Скучно жить.

– А сейчас куда?

– Судик по отморозкам. Помнишь, битами колбасили хачей?

– А, чистые четверги...

– Они самые. Давайте лучше замутим реалити-шоу «Тюрьма». Поставим камеры в следственном изоляторе и будем транслировать. Чтобы те, кто на воле, реально представляли, что их ждет.

– Ха, хорошая идея. Боюсь, правда, не разрешат. Да и с одним бы шоу разобраться...

– Кстати, Антон, ты там в реалити-то нам оставь симпатичных журналисток. И поглупее желательно.

– У нас не я, у нас зрители решают.

– А ты подкрути чего-нибудь.

– Не, это не по правилам. Кстати, это не за вами машина приехала? Давайте уж езжайте. Нехорошо на суд опаздывать.

– Я воль, май дженерал! – Ваня вскинул правую руку, одновременно прижав указательный и средний пальцы левой к губам, подхватил штатив и бросился к подъехавшей десятке. – Эй, смотрите, это что за гей-мобиль?

Я присмотрелся к машине и тоже засмеялся. Голубой ВАЗ спереди был разукрашен красными цветочками, а руль обтянут розовым плюшем. Из-за руля смущенно улыбался водитель. Обычно он ездил на черном «дэу».

– Машина на сервисе, я у жены взял. Загружайтесь.

– Ой-йо! Смотрите, что здесь, – Ваня успел прыгнуть на переднее сиденье и извлечь откуда-то из машинных закоулков большую тряпичную куклу с огромными глазами и нарисованными ресницами. – Это наша боевая подруга! Антон не хочет нам продавать в сексуальное рабство красивых журналисток. Будем удовлетворять себя тем, что есть.

Ваня разместил куклу у себя на коленях и, прикрыв глаза, принялся подкидывать ее вверх, изображая соитие. Троица в машине захохотала, а водитель еще и замигал фарами в такт движениям журналиста. Я картинно захлопал в ладоши и показал на часы. Не переставая смеяться, водитель дал задний ход, окатил бордюр струей сизого дыма и умчал группу на съемки. Пора и мне на работу.

До второго этажа, где расположен офис телекомпании, ровно тридцать две ступеньки. Как-то в плохом настроении сосчитал. Ровно столько же, сколько мне лет. Большинство журналистов и операторов почти мои ровесники, и мы общаемся примерно так же, как тинейджеры за банкой пива. Ничего зазорного, все знают, что в любой момент каждого из них я могу оштрафовать или уволить. «Ты хороший человек, это работа, ничего личного... Может, покурим?» – скажу я в таком случае. Костюмы, галстуки и надутые щеки сегодня не в моде. А войдут, так недолго и переодеться.

Проходная. В заднем кармане брюк карта доступа. Доставать ее лень. Я приподнимаюсь на цыпочки и дотягиваюсь ягодицами до считывающего устройства. Устройство приветливо пищит. Однажды у вахты кого-то из журналистов ожидал ходок из деревни – крепкий еще дед в ушанке и валенках. И я, совершив почти балетное движение задом, поймал удивленный взгляд дедушки. Да и пусть думают, что хотят.

Коридор. Пробуждающиеся лица. Виражи встречных сотрудников, оберегающих чашки кофе из автомата. С кем-то я здороваюсь за руку, кому-то, будто нажав ускорение, забрасываю мгновенное «привет», кому-то киваю, некоторых просто отмечаю взглядом. Телеканал делится на две примерно равные половины: тех, кто здесь работает, и тех, кто здесь живет. Одной семьей, сросшейся, притершейся друг к другу настолько, что даже романы здесь редкость. Почти инцест.

Кабинет. Щелчок по кнопке пуска, портфель на подоконник, и тоже к автомату. Компьютер грузится ровно столько, сколько занимает ритуал общения с капризной кофе-машиной, почему-то не доверяющей новым купюрам. Клик на иконку «эксплорера», новостная лента «Яндекса», название нашего города, первый глоток, и – день начался. Сегодня новости интересуют меня меньше всего. Проскроллив страницы три, я открыл дверь в ньюс-рум.

– А Люба у нас где?

– Не подошла еще, – ответил кто-то из журналистов.

– Как придет, пусть сразу ко мне.

Люба появилась где-то через час, но я не подал виду. Пусть опаздывает, лишь бы выдавала результат. Сейчас ей несладко.

Шла третья неделя реалити-шоу «Карьера». Победитель должен был получить работу в отделе новостей нашего телеканала. Шестнадцать участников, отобранных на кастинге из сотни претендентов, бились за любовь зрителей. Проект я курировал лично, а Люба делала всю черновую работу – снимала сюжеты о кандидатах и одновременно была их консультантом, наставницей и жилеткой.

– Садись. Нам надо решить, кого выберут зрители.

– А может зрители как-нибудь сами разберутся?

Люба опустилась на стул, ниже моего кресла сантиметров на десять. На гостей кабинета я смотрел чуть свысока. Как-то захотелось сделать сиденье повыше, и механизм заклинило в верхней точке. Садиться неловко, но менять привычное кресло я не стал. К тому же выяснилось, что весной и летом очень удобно заглядывать в женские декольте. Сейчас этого удовольствия я был лишен. Люба предпочитает водолазки, джинсы и ботинки на платформе размером с нефтяную. Почти не пользуется косметикой, часто говорит то, что думает и слегка вскидывает голову, когда ей что-то не нравится. Пару лет назад закончила местный журфак. Потом пришла к нам и заявила с порога: берите, пользуйтесь, пока я еще здесь. Наглость я оценил. Для журналиста это не второе счастье. Это его усы и хвост. Удостоверение личности.

– Нет. Мы не можем рисковать. Они опять проголосуют за каких-нибудь гоблинов. Тебе же хуже будет.

– Почему-то я знала, что этим все кончится.

Люба выдавила подобие саркастичной улыбки. Сарказм – оружие слабых. Я начальник, она подчиненная, спорить бесполезно. Командир всегда прав. По воскресеньям из четырех претендентов жители нашего города выбирали одного. Мы обещали, что не будем влиять на результат. Но в прошлый раз они отдали свои смс блондинке с грудью четвертого размера, выкинув из шоу моего любимчика – очкарика, помешанного на политике и футболе. Сейчас у меня было два фаворита.

– Ладно, давай решим: Сергеев или Злобина.

– Это уж вам решать, мессир. А меня увольте.

«Что она хочет сказать? Что я – дьявол? Или ее сделал ведьмой?»

– Зачем же я? Пусть решит судьба.

В кошельке было больше купюр, чем мелочи. Ага – десятикопеечная монета. То, что нужно.

– Ну вот. Орел, само собой, мальчик. Решка значит девочка.

Щелчок большого пальца, монетка закрутилась в воздухе. Я успел подумать, что именно так, наверно, и решается наша судьба. Чья-то прихоть, красивый жест, случайный выбор между здра-

вым смыслом и желанием – и вот ты уже лежишь в канаве или, наоборот, на пляже карибского курорта.

Ладонь прихлопнула гривенник на кулаке левой руки. Орел.

– Итак, по итогам интерактивного смс-голосования большинство зрителей выбрали... Ивана Сергеева!

Я протянул кулак к лицу Любы. Из нагрудного кармана раздались звуки похоронного марша. Девушка вздрогнула.

Надо будет сменить рингтон на директорском звонке. Люди уже пугаются.

Это была смс. Вернее, сообщение с вложенным видеофайлом. Одна из компаний сотовой связи проводила в нашем городе эксперимент по запуску сети третьего поколения – «3 Generation» или просто 3 G. Мобильный бренд был спонсором нашего шоу. Вместе с рекламным бюджетом мы получили скидки на телефоны нового стандарта. Работа в офисе почти остановилась. Одни обсуждали размеры экранов и кнопок, другие скачивали музыку, третьи баловались интерактивными игрушками. Я только накануне забил рингтоны на основные номера. Мне хотелось, чтобы мелодия позволяла не просто узнавать абонента, но и настраивала на стиль общения с ним.

Я нажал на «посмотреть». На экранчике телефона из моргающих квадратов сложилась картинка мобильного видео.

На длинном мосту (Сан-Франциско?) шла охота за человеком. Точнее, за стареньким фордом. Снято было сверху, судя по всему, с полицейского вертолета. Водитель удирал сразу от пяти полицейских автомобилей на оживленном виадуке. Вот нарушитель врезается в какой-то внедорожник. Его бросает на микроавтобус. Форд продолжает успешно увиливать от преследователей. Камера резко отъезжает, и я вижу, что геймовер близко: в конце моста полицейские соорудили заслон из трех трейлеров. То же самое видит американский лихач и тормозит. Через секунду его догоняют две машины с мигалками. Финита ля... Но форд судорожно дергается с места, неестественно резко набирает скорость и пробивает ограждение моста. Следующий кадр я так часто видел в кино, что, казалось, он не должен вызывать никаких эмоций. Но знание того, что в машине навстречу смерти летит живой человек, заставило сглотнуть неожиданно набежавшую слюну.

Шансов у водителя не было. Я показал на экран Любе:

– Видишь? Вот ЭТО реалити-шоу! Нам нужны борьба, кровь и слезы, а не утренник в детском саду.

– Может, тогда просто пришьете пару участников?

Мы уперлись друг в друга взглядами, как борцы сумо. Хамит начальству. Это плохо. Или хорошо. Укатал ее проект. Ничего, зато повзрослеет.

– Надо будет, пришьем.

– Я еще вам зачем-то нужна?

– Нет. Иди. Работай.

Я прочитал текстовую часть директорского послания: «Два часа назад в штатах сняли на мобилу. Полмира ролик скачало. Пилот заработал 50 тыс. баксов».

Если эксперимент с 3 G удастся, Люба, да и вообще журналисты будут не нужны. Сколько в нашем городе живет? Тысяч семьсот. Уж десять человек за день что-то интересное снимут на свой мобильный – а зачем, иначе, они его покупали? Мы прикормим их премиями и славой. В Европе за каждый скачанный ролик автор получает процент от выручки Интернет-провайдера.

У нас будут тысячи корреспондентов. Которым не нужен оклад. Которые не уходят в декретный отпуск. Которые не хамят начальству. И никаких нервов. Сидит пара человек и спокойно выбирает в интернете лучшие ролики.

Я посмотрел на мобильник с любовью.

«Через пару лет мы с тобой будем управлять миром. Ну, хотя бы маленькой его частью, что тоже неплохо».

«УА! УА! УА!», – на этот раз телефон завопил голосом новорожденного. Звонила жена.

– Але.

– Приезжай скорее.

– Началось?

– Кажется, да.

Мой второй ребенок спешил появиться на свет.

Я схватил кошелек, ключи, зажигалку и распихал все по карманам. Но пришлось задержаться еще на секунду. Телефон зазвонил звонком телефона. Значит, абонент не определился. Смс была отправлена через интернет и содержала всего шесть слов:

«Ты нарушил правила и будешь наказан».

2.

А начиналось все так. Кафе на местном Арбате, обрубки гуляющих за окном. Верх и низ картинки срезали белые края оконного проема. В зале играл саундтрек к культовому, но забытому фильму Кустурицы. А именно песня, где живая до истерики американская мечта Игги Попа тугой косой заплетена с балканской удалью Горана Бреговича.

– Ой да-да, ой да, ой да, ой-да-да!

– Get the money!

«Аризона Дрим» – вещь и так довольно мрачная. А сейчас меня еще и держала за горло весенняя депрессия. Что-то вроде клаустрофобии, только подобие страха вызывали не стены, а почти все предметы внешнего мира – холодные, неприятные, мертвые. Как в детстве пугает стальная ручка подъезда, к которой однажды на морозе прилип язык.

Исключений было несколько: чашка кофе, компьютерная мышь, сигарета. Я старался не откидываться на спинку стула и не трогать стол, положив руку с окурком на комбинацию из скрещенных ног. К этому состоянию я даже привык и не обращал бы на него ровным счетом никакого внимания, если бы не вечная спутница депрессии – изжога.

За стойкой копошились сонные бармены, большинство столов пустовало, лишь в углу сидели какие-то жеманные девицы с коктейлем и тонкими сигаретами. Я ждал Глеба, а тот опаздывал. Одна из девиц бросила на меня нарочито холодный взгляд и тут же отвернулась. Уж точно, я герой не ее романа. И дело даже не в потертых джинсах. Просто между мной и всеми остальными в последнее время существовала невидимая стена.

Весна ворвалась в прокуренный зальчик вместе с Глебом. Черные до блеска волосы, галстук цвета большевистского знамени, дорогой костюм, под которым даже рано расположевшее тело казалось почти изящным.

Глеб. То есть для меня пока еще Глеб, а для многих уже Глеб Исакович. На местном политическом олимпе в последнюю избирательную кампанию он заслужил титул «и.о. Бога». Еще недавно вольный стрелок, игравший на выборах то за красных, то за белых, то за тех и других сразу, теперь стал помощником губернатора.

Мы обсосали последние политические сплетни, поиздевались над коллегами и отвесили по паре комплиментов друг другу. Глеб пребывал в состоянии «уже великий, но еще доступный», и мне немного льстило его внимание.

– Ну, а ты-то что думаешь, в какую сторону будешь определяться? – Глеб смотрел на меня заинтересованно. Щелк. Щелк. Зажигалка никак не хотела производить на свет огонек. Наконец край сигареты затеплился.

– Я, Глеб, всегда мечтал работать водителем трамвая. А если серьезно, достало все. Каждый пидор хочет научить, как надо снимать. Сделаешь людям добро – хрен кто спасибо скажет. Журналисты опять же тупят, а не тупить и нельзя – и так одни утренники да джинса. И каждый день все одно и то же. Семь лет день сурка. В общем, испытываю непреодолимое желание свалить с телика. Если б не семья, давно бы плюнул.

– А где-нибудь водитель трамвая говорит то же самое и мечтает работать диктором.

– Может быть. Но мне от этого не легче.

– Так иди к нам. Официальная зарплата, правда, сам понимаешь. Но скоро выборы. Тебе работка уж точно найдется.

– И рад бы в ад, да добродетели не пускают. До чиновника еще не созрел. А чернуха твоя – ну, как без куска хлеба останусь, может, пойду...

Я стряхнул пепел. Пепел давно погасшего спора. Мы ведь с Глебом раньше были почти врагами.

Однажды к нам в редакцию позвонили. Звонивший полушепотом просил приехать в администрацию Горьковского района, где шло досрочное голосование на местных выборах. Я поехал и не пожалел. На первый этаж, где обитала избирательная комиссия, шел поток алкоголиков, полубомжей и дряхлых, выживших из ума бабушек. Большинство голосовали не сердцем и даже не кошельком, а той частью мозга, которая отвечает за удовольствие. Вернее, за удовольствие отвечает потом печень. Электорат морально и физически поддерживали крепкие молодые ребята. Такси и автобусы подвозили все новые партии. Этот русский дух выборов – дух перегара и мочи – я запомнил надолго.

Журналистское расследование о покупке голосов за две бутылки водки привело меня к вдохновителю акции – Глебу. Я сделал серию репортажей, обличающих черного пиарщика. И – ноль. Даже из избирательной комиссии, где Глеб представлял одну из карликовых партий, политтехнолога не прогнали. Что с точки зрения морали (моя, как выяснилось, никого не интересовала) абсурдно: Глеб был кем-то вроде адвоката, который подрабатывает судьей на собственных процессах. Кое-какой эффект от расследования все же был. Во время следующей кампании количество клиентов Глеба выросло в разы.

– Ты, вроде, какое-то дельце обсудить хотел? – я решил перевести разговор на другие темы.

– Да, есть тут одно. Как у вас с мэром сейчас дела?

– Да нормально дела. Ровно все.

– А мочить вы его можете?

– Ну, сейчас он в «белом списке».

Белые и черные списки, про кого можно, а про кого нельзя говорить гадости, существуют во всех СМИ. Глеб, похоже, затевал очередную авантюру. Губернатор и мэр в нашем городе внешне вроде как дружили. Но все знали, что дружба эта не по любви. Просто раскачивать политическую лодку никто не хотел.

– В белом списке, говоришь... То есть в новостях мочить нельзя?

– Крайне нежелательно. Заммэра можно, районного главу можно, если по делу. Мэра нельзя. Почти священная корова. А ты что его, за вымя потрогать хотел? Иван Иваныч с Иваном Никифоровичем типа поссорились?

– Официально нет. Видишь ли, шеф практик. Если у мэра реальный рейтинг, он его на выборах поддержит. Если рейтинга нет, то он поддержит кого-нибудь другого. А поскольку рейтинг есть, хотелось бы попробовать его немного опустить. Желательно так, чтобы никто не заметил... Спасибо. Девушка, и лимончик еще.

Глеб взял себе чай в фарфоровом чайнике. Я допивал третью чашку кофе. «Аризону» выключили, и теперь в кафе играла какая-то попса. Как ни странно, между мной и Глебом стеклянной стены не было. Наоборот, казалось, что и я ему нравлюсь. Понятно, что это самообман. Но как такой обаятельный человек может заниматься такими гадостями?

Наш город – обычный областной центр в средней полосе России. Ильф и Петров, бывшие здесь лет сто назад, написали, что маковками старинных церквей он похож на перевернутый пучок лука. Сегодня рядом с луковицами торчат стрелами сельдерея краны новостроек. Формально в историческом центре строить почти нельзя. Но на то люди и работают, чтобы обходить формальности.

– То есть, как я понимаю, вы хотите напасть без объявления войны?

– Да, и так, чтобы враг даже не понял, что война объявлена. Может, не новости даже. А так, чтобы наезд как бы от народа шел, от людей. Мы, конечно, можем организовать пару-тройку

стихийных митингов. Но это все не совсем то. Хотелось бы какой-то системы. Скажем, что-то вроде будки гласности.

– Как ты сам понимаешь, времена гласности давно прошли. Никто на это не поведется. А будку сожгут пьяные гопники в первую же ночь.

– Согласен. Поэтому я и позвал тебя. Ты человек креативный. И мне сейчас нужен креатив. Как ты знаешь, я в долгу не останусь. Мне нужно подготовить поле. До выборов год. Если сейчас мы его немного разворошим, засеем, то следующей весной что-нибудь взойдет. И там будут работать уже другие технологии.

– Даже не знаю, что тебе предложить... Интерактивное голосование в новостях по всякому городскому дерьму – стройки, помойки, пивные палатки. Так и без этого постоянно делаем. Звонки народа в студию, может быть? Тематика сюжетов?

– Ну, Антон. Даже «Местный» – и то про это делает. А народ кроме мэра все равно в городе никого не знает. Может, какой-то отдельный проект сделать?

Телеканал «Местный», которым владел мэр, был нашим главным конкурентом. Быть может оттого я не испытывал к городскому голове особых симпатий. Тем более, что голова эта не всегда дружила с городским телом. Впрочем, и губернатор был ягодой того же электорального поля.

– Какой проект? Реалити-шоу? – Я усмехнулся.

– А что, хорошая идея. Реалити-шоу «Народный мэр»! Набираете десяток, как вы говорите, гоблинов, и выбираете из них мэра.

– Слишком явно. Мэрские сразу поймут, откуда уши торчат.

– А еще лучше, реалити-шоу «Взятка!» Посылаете нескольких корреспондентов с чемоданом денег к чиновникам мэрии и снимаете их на скрытую камеру.

Я засмеялся. Глеба никогда не поймешь, то ли серьезно говорит, то ли шутит.

– Сильно. Давай только ты сам кого-нибудь зашлешь, а мы снимем.

– Ну, пока мы не настолько круты. Но кто знает...

– А вообще, народ достала уже вся эта политика. Рейтинги всех новостных программ падают. Пипл хочет смотреть релити-шоу и про уродлин, которые становятся моделями.

– Логично. А я вот вообще телевизор почти не смотрю. У меня у ребенка аллергия.

– На что?

– Я ж сказал, на телевизор. Врач так и сказал, в комнате, где ребенок, телик не включать.

Что-то новое. Аллергия на телевизор. Пожалуй, так скоро и новая порода людей появится.

– Реалити-шоу. Хм, хм. Почему бы и нет? Только как все-таки это направить в наше русло? Эй, девушки! Да, вы, можно вас на секунду. Да, вас, вас.

Глеб обращался к жеманным красавицам. И тут произошло чудо. Девицы встали и подошли к Глебу.

– Садитесь, садитесь. Я Глеб, это Антон, главный, между прочим, редактор СТВ. Мы проводим кастинг на реалити-шоу.

– Вау! Да вы врете наверно?

– Врем, конечно. В телевизоре все врут. Но у вас есть шанс попасть в наше шоу без кастинга. Я отвечаю за отбор. Вот моя визитка. Позвоните вечерочком, и порешаем все. ОК?

– А про что будет шоу?

Куда только подевался холодный взгляд? На Глеба девушки смотрели так, что казалось, предложи он им прямо сейчас секс на столе, не откажутся. Правда, иногда одиночные выстрелы из-под ресниц били и в мою сторону.

– Шоу будет про жизнь. А в жизни случается все. Значит, шоу про все. Ясненько, красавицы?

– Не очень пока. А до какого времени звонить?

– В любое время дня и ночи. Лучше даже ночи. А сейчас оставьте нас. Дела, знаете, дела.

Девицы вернулись за свой столик, но уже не спускали с нас глаз, что-то шептали друг дружке на ухо и хохотали. Глеб все-таки порядочная сволочь. Почему у меня так не получается?

– С реалити ты хорошо придумал. Конкретики только не хватает.

– Ты не размахивайся особо. У нас и делать-то особо некому. Журналистов мало. Всех нормальных ты себе на выборы забрал. Нет журналистов-то.

Стоп. Журналистов нет. Нужно шоу. Нужна будка гласности. Ящик гласности. Я допивал кофе, а в моей голове вызревал план. Мы не могли предложить участникам реалити-шоу миллион долларов. Мы не могли им предложить найти свою любовь. Мы ничего им не могли предложить, кроме славы. Сомнительной славы местного тележурналиста. Реалити-шоу «Ящик». О! – «Игра в ящик». Реально! Играйте, господа, ставки сделаны. В конце вас все равно обманут. Я вкратце изложил Глебу идею.

– Что не позволено Юпитеру, позволено быку... Если они будут бодать мэра, никто и не подумает...

– ...что это заказ. Все будут думать, что это тупые гоблины чего-то не поняли. Они ведь народные корреспонденты? А народу что важно – трубы текут, дороги плохие. А виноват кто? Мэр. Антон, ты гений!

Глеб развеселился еще больше. Мне было приятно. Вот ведь, сделаешь что-нибудь хорошее, никто не скажет, что ты гений. Только мерзость вызывает у людей эмоции. И приносит деньги.

– Гений и злодейство, Глеб Исаакович, вещи несовместные. И ты не учел один момент. Бабки. Колоссальные бабки. Без них сделать хорошее реалити нереально.

– А ты не делай хорошо, ты делай плохо. Какая тебе на хрен разница. Ты что, Познер, что ли? Тебе столько не платят. И, думаешь, в этом здесь кто-то кроме тебя понимает? Главное, звучит красиво. Тебя запомнят как создателя первого регионального реалити-шоу. И потом, расходы будет нести телекомпания. А ты получишь небольшой гонорар от меня лично. Тысяч, скажем, сто тебя устроит?

Сто тысяч меня, конечно, устраивали. Более того, были нужны – я собирался покупать машину. Правда, был риск потерять работу. С директором я решил не делиться. В конце концов, это мой креатив. «Глеб сейчас большой человек, отмажет, если что», – подумал я и вслух сказал.

– Половину вперед бы. И, знаешь, совсем уж явно мочить мы не можем. То есть не будем говорить, что мэр пьет кровь христианских младенцев, как ты любишь.

– Половину так половину. А мочить и не надо. Мне важен фон. Общий негативный фон. Главное, чтобы у народа складывалось впечатление – власть в городе ни хрена не делает...

Глеб развалился на стуле и с удовольствием отхлебнул чай. Мы оба замолчали, каждый довольный собой. После творческого порыва всегда так – хочется расслабиться и сказать партнеру пару добрых слов.

– Я, Глеб, на днях прочитал фразу одного магната из Европы: «Чтобы играть на рынке медиа, одних тупых мускулов недостаточно. Нужно быть еще и sexi». По-моему, про тебя. Мне вот иногда кажется, что ты и к жизни относишься, как к сексу: хочешь ее отыметь по полной.

– Интересное сравнение, надо запомнить. Но и ты ведь такой же.

Я? Вот тебе и раз. Нет, дело ведь не в деньгах. И не в тайной власти над рейтингом мэра. И не в славе, которая ждала меня в случае успеха шоу. И не в возможности сказать правду, пусть даже так, чужим голосом. И не в риске потерять все, если заговор раскроется. Дело... Во всем этом вместе. В жизни все закручено так, что...

У Глеба зазвонил телефон.

– Але! Да. Нет. Мне нужен выход на прокуратуру и ментов. Нет на ментов? Давай, ищи. Я за что тебе бабки плачу? Все, до связи.

Глеб отключился, но телефон выдал новую трель – турецкий марш Моцарта.

– Ну ладно, Антон, вроде договорились. Жду от тебя звонка.

– Хорошо, давай.

Глеб заплатил за нас обоих, пожал мне руку и вышел, на ходу давая какие-то инструкции. Изжога ушла вместе с депрессией. Я получил хороший заряд адреналина. Предстоял, если все сложится, интересный и заманчивый проект.

3.

Слова – опасная субстанция. У них хорошая память. Боль, радость, ненависть, любовь миллионов людей свернуты в словах кодом ДНК. Стоит потревожить ее, и вот ты становишься героем анекдота, над которым хохотал накануне, или неосторожная мечта сбывается стремительно и грозно. Мы, журналисты, – факиры слов. Мы заколдовываем фразы, прячемся в магический круг штампов и жонглируем горящими предложениями.

В коридоре СТВ образовалась пробка. Несколько десятков потенциальных звезд телевизионной журналистики отсвечивали прыщами, стразами на джинсах и линзами очков. В толпе мелькнула прическа «ирокез», а лицо одной девушки было размалевано в стиле фильмов о графе Дракуле. Протискиваясь через толпу к комнате для кастинга, я удивлялся, какие разные люди хотят работать у нас. Хотят ли? И готовы ли выполнить секретную миссию? Пожалуй, большинство вообще не понимают, чего от них ждут. Анкету перед началом проекта мы выложили на сайт и напечатали в газетах. Большинство забили свои данные в сети, что предвкушало встречу с поколением «net».

С самого начала мне повезло. Директор СТВ удивительно легко пошел на авантюру с провинциальным реалити, а коммерческий отдел почти сразу нашел спонсоров. Идея была, конечно, позаимствована у федералов. Впрочем, и они украли ее у западных каналов. Полтора десятка претендентов должны были снимать сюжеты под нашим мудрым руководством. Мы, в свою очередь, собирались показать зрителям весь творческий процесс. То, что обычно остается за кадром: смешные оговорки и ляпы, экстремальные ситуации на съемках, монтаж и редактуру. Зная консерватизм местных рекламодателей, название мы выбрали предельно примитивное – «Карьера».

– Минуту внимания! – никакой реакции. – Хватит галдеть! А то никакого кастинга не будет!

Успокоились. Десятки любопытных глаз разглядывали меня.

– ...А теперь ответь мне вот на какой вопрос. Как ты думаешь, кто такой журналист? – в глазах очередной претендентки бушевал мозговой шторм. Люба картинно вздохнула и посмотрела в окно. Я глупо улыбался. Кастинг шел уже третий час.

– Я думаю, журналист, – разродилась девушка, – он как миллион долларов. Он должен всем нравиться.

– Спасибо, если вы нам подойдете, мы вам позвоним.

Большинство пришедших отвечали примерно так же. Этой удалось хотя бы образно выразить свое желание попасть в ящик. Я заглянул в список. Не зачеркнутой оставалась только одна фамилия. Но в кабинет никто не заходил. Хорошо бы вообще никто не заходил. Хорошо бы вообще все это было дурным сном. Я просто не представлял, что значит поговорить за жизнь с семью десятками человек подряд.

– Шарапов! – крикнул я в сторону двери. – Я сказал, Шарапов!

Лучше б не шутил. Дверь медленно отворилась, и в кабинет вошел парень с бритой головой, в армейских башмаках и солнцезащитных очках. Пальцы украшали перстни в виде черепов. Из-за ворота выглядывал хвост какой-то инфернальной татуировки. Шла она, похоже, по всему телу. И еще мне показалось, что этого парня я где-то раньше видел.

«Приехали. Вот тебе и поколение «net»». На фото в газетной анкете Шарапов, видимо, еще не был знаком с идеями русского национализма и выглядел получше.

– ...а ты, Андрей, как думаешь, кто такой журналист? – этот вопрос я приберегал на финал беседы с претендентом. Шарапов думал не больше секунды.

– Журналист – это тот, кто говорит людям правду.

– Достойный ответ... И очень нестандартный. Порадовал, искренне порадовал. Спасибо, рад был познакомиться. Если вы пройдете кастинг, мы вам позвоним.

После ухода Шарапова мы с Любой еще минут сорок отбирали участников «Карьеры». Десять человек определили довольно легко, а вокруг остальных развернулась битва. Когда оставалось только одно вакантное место, Люба вспомнила про Шарапова.

– Ну и пусть, что он выглядит как скинхед. Зато он взрослый человек, в отличие от остальных. Со своей позицией. Это привлечет зрителей.

«Ага, правду будет говорить. Мне нужно, чтобы он нашу правду говорил. Этот парень, похоже, дрессировке не поддается»

– Фигура, конечно колоритная, – я изобразил сомнение. – Отказываться от него не хочется. Но ты представь, что будет, если он в прямом эфире достанет флаг со свастикой и начнет орать «Россия для русских»? Ты его остановишь? Прикроют не только шоу, но и весь телеканал на хрен. Ты слышала про статью о пропаганде экстремизма? Это тебе не выставки снимать.

– И что выставки? А когда я сняла про то, как заммэра в сауне с малолетками зажигал, ты это в эфир поставил? И что мне теперь снимать, кроме выставок?

– И что ты этим хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что все должно быть по-честному. Что мы должны говорить людям правду. Разве не ты нас этому учил?

– Правда. А ты хоть знаешь, что такое правда? Да ты загляни в две газеты за один день. В одной будет правда о том, что президент помог детскому дому, национальные проекты реализуются, реальные доходы россиян растут, в Грозном построили аэропорт. А в другой правда о том, что в стране тоталитарный режим, чиновники воруют, разрыв между богатыми и бедными становится катастрофическим, а аэропорт в Грозном обещали взорвать через месяц. И то и другое – правда. Ты в какой стране живешь? «Правда всегда одна»! Наутилус Помпилиус, блин.

– И это значит, что мы должны под всех ложиться?

– А ты видела таких, кто не ложится? Есть такие?

– Ну, есть газеты...

– Да ты хоть понимаешь, что это все за бабло? Что вся критика власти – это заказ и наезд? Как правило. Хочешь правды – заведи себе блог и пиши сколько влезет. Только никто читать не будет. Потому что не нужна никому твоя правда. Людям нужна картинка, глянцевая картинка. И здесь тебе за нее платят деньги.

– То есть я, по-вашему, проститутка?

– А что ты имеешь против проституток?

– Они продают свое тело.

– Одни продают свое тело, другие продают свой мозг. Все мы продаем себя в той или иной степени. Это только работа. И вообще, будь проще. Не нужны нам скинхеды в проект. У нас же шоу. Еще с этими намучаешься, поверь моему опыту. Берем Иванова.

Люба насупилась и молчала, накручивая прядь волос на нос.

– Хозяин – барин.

– Вот и ладненько.

Я вышел на улицу. Сочный вечерний воздух с осадком бензиновой гари и запахом спекшейся за жаркий день листвы больно ударил в легкие. Вторая затяжка прошла легче. Третья. Господи, хорошо-то как. Передо мной открывалась перспектива полупустого городского проспекта. На заднем плане дальние облака уползали на ночлег. Бока опоздавших подсвечивали лучи сбежавшего солнца. Хлюпик-месяц робко проглядывал из темневшего неба. Город зажигал, пока неуверенно, фары и фонари. Я почувствовал себя человеком, выпавшим из телевизора в какой-то другой, параллельный мир. Он притягивал, звал сесть за руль, вдавить в пол педаль газа и мчатся к кромке заката, пока ночь не съест город вокруг.

«Завертелось», – подумал я как будто про какого-то другого. «Теперь только успевай уворачиваться и ловить удачу. А не ради ли этого стоит жить?»

4.

Редакционный микроавтобус свернул в частный сектор и заерзал на разбитой грунтовке. Бывает так: в бывшей коммунальной квартире сделали дорогой ремонт. Вместо проржавевшей чугунной ванной установили джакузи, кухню соединили с гостиной, а подвесные потолки усеяли глазками маленьких ламп. Забыли только про чулан. А там все так же уютно чувствуют себя огромные пауки, олимпийский мишка стершимся глазом смотрит на бесколесный велосипед, а на полках в один свинцовый том спрессована газетная ложь последних десятилетий. Таким был и этот район, сжатый с двух сторон многоэтажками. Здесь цыгане торговали наркотой, алкаши разбавляли скуку криминальных сводок, а молодые семьи пытались начать самостоятельную жизнь. Сюда мы отправились снимать очередной сюжет для нашего шоу. Две предыдущие недели я наблюдал участников в ньюс-рум, студии и эфире. И вот решил съездить на съемки сам.

– Знаешь, какой слоган у СТВ? – В автобусе мы ехали с Любой, двумя операторами и Юлей, той самой, что сравнивала журналиста с миллионом долларов. Сама она пока выглядела чуть дешевле. Голову девушки украшало тщательно уложенное торнадо, каждый ноготь разделяла пополам игривая лаковая змейка, а из-за шпилек в форме Эйфелевой башни она подвернула ногу уже при посадке в автобус. Для съемок лучше не придумаешь.

– «Доверяй... близким?»

– Да, это внешний слоган, для зрителей, – я улыбнулся, вспомнив фантазию режиссера на тему девиза компании. Как-то раз он выложил в сети несколько визуальных воплощений слогана. На одном из них мужик в парике под пуделя сыпал в бокал порошок, еще один на заднем плане вдохновенно бацал на фортепьяно. Внизу значилось: «доверяй близким!»

– Но есть еще и слоган внутренний, для собственного пользования. Чтобы сотрудники, так сказать, знали, куда стремиться. И он звучит так: «Больше соплей – выше рейтинг».

– Фу, как некрасиво! И что имеется в виду?

– Телевизор смотрят в основном женщины. Для большинства из них это единственный способ убить свободное время. Они не могут съездить за границу, они не могут сходить в салон красоты, я уж не говорю о театре. А рядом муж с похмелья и дети орут. Чтобы хоть как-то отвлечься, они включают ящик. И если они видят в телике президента, им интересно, ругается ли он с женой и почему никто не очистил с костюма перхоть. То есть им интересна жизнь людей. И еще им очень нравится смотреть на тех, кто живет хуже. Всякие жалостливые истории. Вот такую тебе и нужно сегодня снять.

Историйку наши продюсеры раскопали что надо. Мы ехали в семью алкоголиков, которых лишили родительских прав. Сегодня инспектор по делам несовершеннолетних должна была забрать у матери двоих детей и отдать в интернат. Сюжет плевый, все лежит на поверхности.

– Да, и не забудь спросить у матери, почему она кормила своих детей собачьей едой. Это важно.

– Я помню. Вот ведь, бывают такие... дуры.

– И почему же она дура?

– Не можешь прокормить детей – не рожай.

– Но бывают ведь обстоятельства...

– Никакие обстоятельства не могут оправдать. Есть же родственники, друзья, в конце концов. Всегда можно занять денег, устроиться на работу. Я считаю, что это просто кошки, у которых на первом месте секс, ну или вообще удовольствие. А дети для них побочный продукт, как щенка завести.

Рисуется? Наш разговор писался на вторую камеру. В этом была главная фишка шоу. Люба

сделает развернутый сюжет о том, как работала Юля. Естественно, мои пассажи про сопли мы вырежем. Я немного волновался. Казалось, мне, а не этой самоуверенной девушке снимать первый в жизни сюжет. Но это волнение рыбака, который ранним утром тихо гребет к стае чаек на середине реки. Он знает: чайки охотятся на малька, которого поднял на поверхность другой охотник – наглый окунь, который и сам скоро станет добычей.

– Вроде бы здесь, – водитель затормозил у двухэтажной деревянной хибары. В такой и я сам жил лет до пяти. Окна первого этажа почти вровень с землей, мутные стекла за серым штакетником.

– Пять минут третьего. А где милиция? – Юля разглядывала дом примерно так, как русские туристы смотрят на стоянку бедуинов в египетской пустыне. Шоу началось. Я мигнул оператору, он закинул DV-cam на плечо и навел объектив на Юлю.

– Опаздывают. Может, машину забрали на труп, а может, нет бензина. Мы в таких случаях идем на штурм сами.

– А что надо делать?

– Все просто. Включаешь камеру, берешь микрофон, стучишься в дверь и заходишь. Предупреждать о съемке, естественно, не надо. Это называется «лайф». Очень украшает сюжет.

– Подожди, – вмешалась Люба. – По закону ведь мы не имеем права снимать несовершеннолетних без согласия родителей.

– Не совсем верно. Без согласия их законных представителей. А родители прав уже лишены. Законные представители в этом случае – государство, то есть милиция. А с ней мы договорились.

– Вот именно, милиция, – вставила Юля. – Они подъедут, а нас нет.

– Разберутся, не маленькие. Ну так что – пойдешь сама или будем ждать?

В жизни это называется брать на слабо. С такими девушками, как Юля, номер не проходит. Но – камера включена и отказ означает капитуляцию. Я обещал быть безжалостным. Показывать все их ляпы и косяки. Выжить должен сильнейший. Юля сделала вид, что заходить без спроса в жилище алкоголиков для нее обычное дело, взяла в руки микрофон и бодро поковыляла в сторону крыльца. Перед дверью она оглянулась. Я ободряюще улыбнулся, мол, не переживай, мы плохого не посоветуем, все под контролем.

Дверь была открыта. Девушка и вся съемочная группа протиснулись в прихожую. Пара детских курточек на гвоздях, голая лампочка, догорающая от стыда, щели в полу толщиной с палец. Я всерьез испугался, что Юля оставит здесь свои туфли.

– Есть тут кто-нибудь?

Тишина. Несколько шагов вперед, съемочная группа перемещается в комнату.

– Хозяева есть дома?

– Да вот же они, – я махнул рукой в сторону продавленного дивана около печки. Под одеялом лежали мальчик и девочка лет пяти-шести. Операторы нервно засопели. У меня мелькнула мысль, что мы делаем что-то не так. Несколько секунд был слышен только скрип половиц – гости и хозяева растерянно разглядывали друг друга. Огонек на одной из камер погас. Но Юля решила иначе. Это был ее шанс, и только ее. Она шагнула к кровати, присела и, протянув руку с микрофоном к лицам детей, задала свой первый журналистский вопрос:

– Скажите, а как вам здесь живется? – ничего тупее, по-моему, придумать было нельзя. Но девочка, по виду младшая, оказалась лучшим интервьюером.

– А вы из милиции?

– Нет, мы с телевидения.

– А что такое... еле виденье?

– Ну, это то, что показывают по телевизору. Вы же смотрите телевизор. Мультики, спокойной ночи малыши?

– Мы не смотрим ничего. Мы книжки читаем. Саша умеет читать, а я смотрю картинки. А вы не заберете нас в милицию? Мама говорила, что если мы будем плохо себя вести, нас заберут в милицию. И мы никогда не увидим маму. Но она сказала, что никому-никому нас не отдаст. Вы правда не заберете нас от мамы? Потому что она будет плакать. Она часто плачет, долго, и я тоже. Мы будем всегда хорошо себя вести. И мама у нас хорошая, не надо нас забирать. Вы ведь правда не заберете нас?

– Нет, мы не заберем. А где ваши родители?

– Мама пошла к бабушке. Она конфеты принесет. Она обещала.

– А папа где у вас?

– Папа от нас ушел. Мама его ругала, и он от нас ушел.

– А ваша мама пьет?

Девочка натянула одеяло на глаза. Мальчик сжал кулак. Дура, что же она делает? Остановить? Но мы же сами затеяли это.

– А вы правда кушали... еду для собак?

– Уйди! Ты злая! Ты... Клыса!

Мальчик отбросил одеяло, соскочил с кровати и теперь стоял напротив подавшейся назад Юли, сжав кулаки. Казалось, сейчас он бросится, но в этот момент в квартире появились новые гости.

– Так, телевидение я прошу покинуть помещение, – в дверях стояла крупная тетка с бюстом матери-героини в синей милицейской рубахе. Чуть дальше еще двое в потускневших фуражках над стертыми лицами. Инспекторша почти кричала, как все, кто работает с детьми. Но если бы она говорила шепотом, ее приказание мы бы выполнили не менее быстро. Я выходил последним. В коридоре милиционерша прошептала:

– Совесть имейте, детки же. Мать-то нормальная была, муж у нее наркоман, все унес из дома. Мы тут все оформим, а потом уже с вами.

Толкаясь, мы вывалились на улицу. Операторы уже не снимали. По лицу Юли гуляли пунцовые пятна. Люба отошла в сторону.

– Ну вот, такая у нас работа.

– Я сделала что-то не так?

– Да нет. Обычное дело. Бывает и хуже.

– И что теперь?

– Подождем, как менты закончат, инспекторшу запишем, поснимаем снаружи, внутри картинка есть. Да и из рассказа девочки можно постричь кусочков. Нормальный сюжет будет. Главное, эмоций поменьше. Если бы по каждому поводу переживали, подохли все давно уж от инфаркта.

Конечно, сюжет будет нормальный. А иначе и быть не могло. Ведь это я просил милицию опоздать на полчаса.

5.

Если вы никогда не были в ящике, для вас обитатели заэкранья – люди с песьими головами. Вы ждете от нас точности – в отражении своих представлений о жизни. Не дай бог поставить ударение не там, где ставите вы. Не дай бог отругать власть чуть меньше, чем критикуете вы, с приятелем в бане. Вы видите в нас охотников за жареными фактами. В лучшем случае инопланетян. Иногда вы даже просите автографы. Или тычете пальцем на улице.

Наша телекомпания расположилась в типовом здании бывшего НИИ. При входе посетителей встречает электронная вертушка с бабушкой-вахтером. Дальше коридор с фотографиями звезд, политиков, спортсменов вперемешку с дипломами давно забытых конкурсов, благодарственными письмами и прочей ерундой. Если пройти по коридору до конца, упираешься в ньюс-рум – комнату журналистов.

Это обычный офис с компьютерами и телефонами. Впрочем, некоторое отличие есть. На компе криминального корреспондента выстроились в ряд стреляные гильзы, сувенир из Чечни. Рядом фото с начальником автоинспекции, которую парень хочет прикрепить на лобовое стекло пока еще не купленного автомобиля. Стенка спортивного обозревателя увешана футбольными календарями за последнее десятилетие. Тут же распечатки из интернета на тему «почему футбол лучше секса». Спец по политике на стену не вешает ничего, зато его стол завален пыльными пресс-релизами и буклетами кандидатов с последних выборов. Фотографий детей и возлюбленных нет ни у кого. На общем столе микроволновка и гора тарелок. Пообедать по-человечески удается нечасто.

Утром в ньюс-рум тихо. Журналисты греют пальцы о кружки с чаем и кофе, читают мэйлы и новостные сайты. Лишь время от времени гудит принтер, распечатывая криминальные сводки, планы мероприятий и заявки из коммерческого отдела на джинсу – заказные сюжеты. Изредка звонит телефон.

Ближе к обеду пение телефонов становится настойчивым, журналисты ругаются с операторами, редакторами и водителями, убегают на съемки, возвращаются, расписывают кассеты, хохочут и делятся слухами. Вечером все звуки вытесняет нервный стук клавиш. Несколько минут редакторских экзекуций и – монтаж, где текст уже правится от руки (не заметили повторы слов, ляпы редактора, перепутали фамилию), где вечная мука нехватки одного плана и ухмылка монтажера.

Реалити-шоу сбило СТВ с привычного ритма. Как будто трое барабанщиков начали репетицию по соседству. Один взял меланхоличный бит, другой зарядил три четверти, а третий дубасит трэш, выбивая дробь по бас-барабану.

Компанию взбудоражил приток свежей крови. Мужская половина без каких-либо просьб взялась посвящать участниц шоу в тайны телевидения. Женская поспешила в магазины и салоны – прихорашиваться. В редакции то и дело вспыхивали споры, кто из участников симпатичнее, а кто умнее, кто достоин победы, а кому пора домой. Люба перестала умничать и целиком погрузилась в игру. От нее зависело, какими предстанут участники перед зрителями.

– Показывайте, Спилберги, – я зашел в аппаратную видеомонтажа, чтобы посмотреть сюжет про участницу реалити-шоу Юлю.

– Смотри, по-моему, неплохо, – грузный от сидячей работы монтажер с баками и самурайской косичкой нажал на пробел. По экрану побежала вертикальная линия, отсчитывая кадры репортажа.

На первом плане Юля с испугом смотрит на деревянный дом. На следующем изящные ноги девушки неуверенно ступают на крыльцо. Любин комментарий о запоздавшей милиции под тревожную музыку с пульсирующим басом. В профиль – удивление на юлином лице, камера отъезжает и дает панораму комнаты с грязными колготками в углу и прожженным половиком посередине. Первый кусок интервью с девочкой. Едкий коммент Любы об этике. К басам добавляется взрыв электрогитары. Мальчик вскакивает с кровати...

– Стоп, стоп.

– Что-то не нравится?

– Лично мне нравится. Даже очень.

– Так в чем же дело?

– Видишь ли, у тебя получилась трагедия. А у нас развлекуха. Рейтинги развлекательных программ растут, а информационных падают. Для нас на первом месте что? Рейтинг.

– Но ты же хотел соплей, жалостливую историю. Вот она тебе.

– Вот именно, соплей, мейнстрима... А тут страсти хлещут, Шекспир какой-то. Страсти в ее сюжете будут. Проще надо быть. Значит так. Детей убирай нафиг. Права ты была, некрасиво это. Мать еще в суд подаст. Давай-ка лучше над Юлей этой поработаем. Где там у тебя план, как она падает?

– Шестой план, мы его не брали.

Монтажер запустил видео, где девушка подходит к автобусу, с трудом открывает массивную дверь и ставит ногу на подножку. В этот момент каблук соскальзывает, Юля теряет равновесие и падает – прямо в руки оказавшегося рядом водителя. Все хохочут.

– Супер, теперь замедли.

Несколько щелчков по клавишам, и то же видео пошло с замедлением процентов на тридцать.

– Давай с другой камеры. И тоже замедли.

Теперь на экране девушка неестественно долго, как пьяная, искала ступней подножку, тянула тело внутрь и, выгнувшись, летела с выражением испуга на поглупевшем лице. Потом то же самое, но со спины.

–Теперь бы музычку какую-то другую подложить.

– Girl, You'll Be A Woman, – напела Люба и усмехнулась.

– Это из «Криминального чтива»? Что-то вроде «девочка, ты скоро станешь женщиной»? Гениально! Теперь все про детей выкидывайте, берите все ее оговорки – и лайфом. А вот все проходы, особенно где грудь колышется, замедлите. И под музыку.

«Странно, сегодня Люба не возникает. И вроде бы как ей нравится идея. Ни хрена не понимаю в этой жизни».

– Сейчас я только текст набросаю новый.

– Давай, а я пока посплю.

В монтажной стоял большой диван. В жаркие дни, такие, как сегодня, хорошо было рухнуть на него и задремать под гудение кондиционера.

«Girl, You'll Be A Woman», – пел голос из далекого прошлого в моей голове. Глаза закрылись сами собой. В темноте проносились какие-то вихри. Вокруг меня смерч. В центре смерча есть точка покоя. Я попал в нее, но что же так хочется тронуть воронку? Пальцы коснулась живой стены. И вот меня уже тащит наверх, с грязью и пылью. Казалось, я взлечу в небеса, но смерч, подняв меня в высоту, бросил назад. В точку покоя.

Я вздрогнул. Приснится ж... Сюжет был готов. Просмотрел наскоро – все отлично. Все просто отлично. Завертелось. И ведь это все придумал я, это я дергаю за ниточки моего маленького кукольного театра.

6.

– О, Джон, здорово, сколько лет, сколько зим. Что, опять ДТП? – С Женей Мальцевым я учился до девятого класса. Потом он поступил в учагу, и наши пути разошлись. Спустя десять лет, вызвав как-то такси, я обнаружил за рулем бывшего однокашника. Мы вспомнили друзей, пиво на школьном дворе, задали пару дежурных вопросов про семьи, а потом я дал Джону свой мобильный. Иметь среди информаторов таксиста – значит знать то, о чем коллеги и конкуренты прочитают завтра в милицейской сводке. Или на нашем сайте.

– Привет, Антон. А помнишь, ты говорил, что за хорошую новость можешь заплатить?

– Ха, только за очень хорошую.

– А у меня как раз такая.

– Ну, если на самом деле, с меня коньяк, – дагестанский, конечно – мысленно добавил я. Хотя хватило бы и пива.

– Короче, на углу Достоевского и Лесной два жмура. Менты только подъехали.

– Ого. Огнестрел?

– Да, кровищи немерено. И «Паджерик» расстрелянный. Ну как, на два пузыря тянет?

– Хватит и одного. Ты первый, но это Калининский район. Там у нас все схвачено. Менты бы и сами позвонили. Но все равно, спасибо, брат.

– Не за что. Коньяк за тобой.

– Да не вопрос.

Я зашел в ньюс-рум. Люба с очередным участником шоу что-то рассматривала в компе. Через пару часов им надо было ехать снимать выставку.

– Эй, а где все?

– Марина на Правительстве, Ваня на сгоревшем телятнике. Лена с заказухи еще не вернулась, – Люба оторвалась от компьютера.

– А Настя?

– Так она же в отгуле.

– Блин, во память. Вчера же заявление подписывал. А Иван давно уехал?

– Нет, где-то час назад. Машин не было. Один водитель болеет, один с директором в Москве.

Вот так всегда. Что-то взорвется, так под рукой ни журналистов, ни операторов, ни водителей. Хорошая съемка всегда не вовремя. Но делать что-то надо.

– А что такое «заказуха»? – подал голос участник шоу.

– Заказуха – это заказные съемки. Сюжет на коммерческой основе. За деньги то есть. Или мэрия какая-нибудь платит, или бизнес. Иногда платит за то, чтобы хорошо рассказали про них. Иногда за то, чтобы плохо рассказали про других. И даже в последнее время чаще второе, – Люба за эти дни вжилась в роль телевизионного Вергилия и произносила слова чуть нараспев, как будто объясняя очевидные вещи малым детям. По идее, так оно и было.

– А еще заказуха, – вмешался и я, – это заказное убийство. Такая вот игра слов. Каламбур жизни. Но это лирика. Значит так, Люба. Выставки снимать – это конечно хорошо. Но трупы важнее. Надо быстро на Достоевского ехать. Там их сразу два.

– А проектом я когда буду заниматься?

– Успеешь до выставки обернуться.

– Обернуться-то обернусь, а кто все это монтировать будет?

– Надо будет, сам смонтирую.

– А ты не хочешь совместить неприятное с бесполезным? – Люба кивнула на реалиста. Коля, полноватый парень в круглых очках, смотрел на нас слегка удивленно. Мы с Любой называли его Пьером Безуховым. Пьер предназначался зрителям в жертву. С самого начала было ясно, что никаких журналистских способностей у него нет и в помине. Безухов учился на юриста, а по ночам диджействовал в одном из клубов. Но – колоритная внешность – смесь апломба и юношеской неуверенности, да еще и обаяние увальня решили дело. Пьер был нужен для зрительской порки.

– Я думаю, там ты-то не справишься, не то что он.

– Почему это я не справлюсь? – вмешался Пьер. – Я, в конце концов, будущий юрист. У нас и криминалистика уже была.

– Кстати, – добавила Люба. – Зря мы спорим. Машин все равно нет. Пока приедет, трупы ваши уже увезут.

– Ага, увезут. Я как-то снимал, как труп три дня лежал на улице. Труповозка быстро не ездит. А вот «Местный» может запросто сливки снять. Хотя как же нет машины? А я на чем езжу?

– Ты сам хочешь ехать?

– Ехать не ехать, а отвезти могу. Кстати, давайте и правда вместе. Я проконтролирую. Кассету только не забудьте.

Безухова из-за его габаритов пришлось сажать на переднее сиденье. Сзади между двумя операторами (к удовольствию последних) поместилась Люба. Я решил, что Пьер должен снять сюжет сам. Все равно его роль невелика. Главное – картинка. Ну и синхрон, если повезет, с ментами или прокурорами на месте, если нет – найдем очевидцев. Писать текст все равно мне. Зато Любе для шоу колоритный материал обеспечен. На ходу я давал инструкции диджею-юристу.

– Смотри, место убийства, скорее всего, будет оцеплено. То есть менты могут нас туда не пускать. Сразу подходите с оператором как можно ближе. Кто-то вас останавливает. Ты сразу начинай качать права – дескать, по закону о СМИ мы имеем право снимать в специально охраняемых местах. Твоя задача – отвлечь внимание от оператора. А он в это время подпольно все снимет.

– Да, про закон я им расскажу, я же юрист. Как раз вчера читал сей документ. Но ведь у меня нет журналистского удостоверения.

– Усы и хвост – твой документ. Главное напор. Когда еще догадаются спросить. А ты в это время зубы заговаривай. Оператор камеру будет держать на плече, как будто просто так ее носит. А сам потихоньку все снимет. Ну а потом уж твое дело – договориться об интервью. Про версии только не спрашивай, менты не больше тебя знают. Главное фабула: когда убили, из чего предположительно стреляли, есть ли очевидцы, был убийца один или несколько, на машине или без, ну, и так далее. Понял?

– Да чего уж непонятного.

– Ну, смотри. Я буду рядом, если что. Но здесь все по-взрослому. Твоя предшественница тут на съемках такое отмочила...

Место убийства мы заметили издалека – по нескольким милицейским машинам и толпе зевак. Конкурентов, вроде, не было. Безухов беспечно развалился в кресле и взирал на приближающееся место преступления как-то сонно. Люба же приподнялась на заднем сиденье, тонкие стенки ее носа раздувались, как у боксера перед важным боем. Я тоже чувствовал возбуждение. На трупы, а тем более на двойное убийство, я не ездил давно.

Я припарковал машину, заехав на газон. Оцепления не было. Просто много людей в форме стояли, курили, ходили, переговаривались или звонили по мобильным телефонам. Зевак было еще больше, многие фотографировали на мобильные телефоны, но никто не решался подойти к трупам ближе, чем на двадцать метров. Криминалист, присев на корточки, осматривал кусок асфальта рядом с расстрелянным джипом: искал гильзы. Другой фотографировал трупы. Неподалеку прохаживался кинолог с собакой. Овчарка поджала хвост и время от времени виновато посматривала на хозяина. Тогда кинолог успокаивающе трогал псину между ушей. Ясно, что собака здесь больше для проформы. Следы давно затоптали, да и толку от них – киллер, как правило, покидает место преступления на машине.

Штативы оставили в багажнике. Снимать сейчас можно только с плеча. Главное – скорость. Но Безухов этого в моих наставлениях, видимо, не услышал и плелся позади операторов. Я подтолкнул его в спину.

– Вперед, вперед иди. Ты тут главный.

Наше появление не осталось незамеченным. На границе между ментами и зеваками группу остановил усатый майор со вздернутым носом и взглядом брошенного хозяином бультерьера. На Безухова с оператором (второй поотстал, чтобы заснять сценку для шоу) он уставился, как Цербер на Орфея.

– Куда?

– Мы, эээ, на съемки.

– Кто такие?

– Телекомпания СТВ.

– На десять метров назад отошли! Не видите – идут следственные действия, – оператор повернул камеру в сторону джипа и начал снимать. Я уловил почти беззвучное гудение трансфокатора: камера наезжала на тела погибших. Запрет был бессмысленным. Тела лежат на улице. Так или иначе все желающие снимут их. Просто традиционная нелюбовь к журналистам. Отчасти объяснимая. И еще игра. И еще привычка имитировать работу. Начальникам по статусу полагается выезжать на все убийства. Но реально все делают криминалисты, оперативники и следователи. Однажды я подслушал, как на месте убийства районный прокурор с начальником РОВД обсуждали последнюю серию «Дома-2».

– Но вы не имеете права запрещать нам снимать, – показательно громко произнес Безухов. – Вы читали закон о средствах массовой информации?

– Мне ваши средства массовой женской гигиены уже во где сидят! – майор ткнул ладонью в горло, как будто хотел отдать честь, но промахнулся. Щелкни он при этом указательным пальцем, и жест получил бы совсем другой смысл. Безухов бестолково уставился на майора. Ну все, сейчас этот усач задаст жару нашему юристу-толстовцу.

– Но мы ведь просто делаем свою работу, – пролепетал реалист.

– Знаю я вашу работу! Налетели на трупы, как стервятники! Телевизор за ужином смотреть невозможно – тошнит. Снимали бы лучше балет или выставки. Так нет, им жареного подавай. И еще поперчить. Нравятся мозги на асфальте? Не насмотрелись еще? Так давай, подойди поближе, посмотри. Можешь потрогать, если хочешь! А хочешь, в баночку собери и на стол к себе поставь! Давай, – и вдруг майор, вместо того, чтобы оттеснять оператора, схватил ошалевшего Безухова под локоть и потащил к «Паджеро». Тот не сопротивлялся. Я пошел следом. Один труп лежал лицом на асфальте, ногами в машине. Видимо, убийца разрядил пистолет в тот момент, когда мужчина выходил из авто. Затылок погибшего был сплошным красным пятном. Кровь из головы и туловища стекла по наклонному асфальту ручейком и скопилась в ближайшей выбоине, смешавшись с грязью. Второй не успел выйти из салона и покоился на водительском месте. Уже метров за пять до расстрелянной машины фигура Безухова, и без того бесформенная, начала как-то расседаться на фоне стремительного майора.

– Видишь? – мент тряхнул участника реалити. – Отличная картинка? А детям их будет так же приятно, как тебе? А родным? А... – закончить майор не успел. Туша Безухова бесславно обвисла и рухнула на асфальт рядом с лужей крови. В реалити-шоу «Карьера» случился первый обморок.

7.

С тех пор, как я стал ездить на работу на машине, утро стало особенно противным. Если раньше выйти из состояния ночного одиночества помогала шоковая терапия общественного транспорта, то теперь всю дорогу меня сопровождали остатки кошмаров. Сегодня мне приснилась новая серия реалити-шоу.

Я стоял в студии, почему-то в судейской мантии и с бейсбольной битой в руках. Передо мной на длинной скамье сидели четверо участников. Двух из них мне нужно было приговорить к смерти. На большом плазменном экране с клиповой скоростью проносились сцены насилия, секса, лжи, измен, идолопоклонства. Где Люба успела отснять такое? Я никак не мог понять, кто же должен покинуть телевизионный рай. И тут меня осенило:

– Один из участников нашего шоу получит приглашение на казнь от телезрителей. А значит, пришло время подвести итоги смс-голосования. И я попрошу режиссера назвать мне последние цифры...

– А ты уверен, что хочешь их услышать? – усмехнулся голос в наушнике, совсем непохожий на голос режиссера.

– Что значит уверен? Желание зрителей свято.

– Тогда знай: им жалко участников. И они выбрали тебя!

– Эй, такого варианта не было. Это обман. Зрители должны выбрать одного из них.

– А они выбрали тебя, тебя, тебя.

– Стоп, ты не режиссер! Какой-то урод пролез в аппаратную! Он все врет. Уберите его! Есть там кто-нибудь нормальный?

– Это ты врешь, Антон. А я всегда говорю правду.

– Шарапов, я тебя узнал. Ты – скинхед Шарапов, которого я не взял в шоу! Вы же не поверите какому-то скинхеду? – Я повернулся в сторону камеры, обращаясь к зрителям. – Он врет, он подделал итоги голосования. Это ведь очень просто сделать.

– Вот ты и проговорился, Антон. Эй, взять его!

И по команде лже-режиссера четверка участников вскочила со стульев и бросилась в мою сторону. Я прыгнул в сторону выхода, едва успев понять, что на плечах у всех четверых собачьи головы, но запутался в проводах, упал и... проснулся. Руки запутались в простынях, а на дворе, похоже, гуляла собачья свадьба. Весна. Как просто все.

На главном проспекте, как всегда, была пробка. Нет никакого смысла перебираться в столицу. Все блага цивилизации уже здесь. Я активировал функцию мобильного телевидения и заказал смской новую серию культового молодежного шоу. В эфире она будет только через два дня. Но московские продюсеры были продвинутыми ребятами. Они понимали, что я сначала заплачу, чтобы посмотреть новые шутки у себя на мобиле раньше всех и без рекламы. А потом включу телик, чтобы увидеть то же самое на большом экране и бесплатно.

На красной сцене стояли два парня с вызывающе хамской внешностью:
– Здравствуй, Сальери.
– Здравствуй, Моцарт.
– Как дела, Сальери?
– Отлично, Моцарт.
– Слышал, Сальери, ты на Евровидение едешь?
– Еду, Моцарт.
– И новый диск у тебя выходит?
– Выходит, Моцарт.
– А правда, что на твоих концертах девочки титьки тебе показывают?
– Бывает, Моцарт.
– Сальери, а на приеме у президента в новостях не тебя показывали?
– Меня, Моцарт. А сам-то как? Что-нибудь гениальное написал?
– Написал, Сальери. 100 новых гениальных вещей. Ты не купишь?
– Извини, Моцарт. Мой продюсер уже набрал песен на 5 альбомов.
– Ладно, давай лучше выпьем.
– Выпить с гением всегда приятно.
Сальери пьет, кашляет, хрипит и падает на пол. Моцарт подходит к телу и пинает его ногами
– Вот тебе за Евровидение! Вот тебе за диск! Вот тебе за девочек! Вот тебе за президента!
Сальери дергается и хрипит:
– Гений и злодейство...
Моцарт продолжает пинать, но уже быстрее:
– Вот тебе за гения! Вот тебе за злодейство! На! На! На!

Пробка начала медленно двигаться, и пришлось переключиться на дорогу. Машины всех пород и размеров жались друг к другу, толкались локтями и переругивались. Как очередь за бананами из моего детства. Только теперь это очередь за баблом. Или славой.

И тут мимо моего окна пролетел мыльный пузырь. Видимо, у кого-то в автомобиле сидел ребенок. И пока все эти машинки почему-то не едут, он вернулся к любимой игрушке в это утро. Мыльный шарик искрился на солнце белым, розовым и синим. Он был похож на глобус, мелькавший на заставке моего шоу. Шар не спешил умирать и парил над пробкой. Восходящие потоки от раскаленных двигателей продлевали его жизнь еще на несколько мгновений. И никто, я уверен, никто не хотел его смерти.

На крылечке СТВ, как всегда, стоял курящий народ. Я поднес зажигалку к губам и подошел к кружочку журналистов, монтажеров и режиссеров, по радиусу которого ходили затихающие волны смеха.

– Над чем смеетесь, надеюсь, над собой, как учил классик?

– А ты глянь, – один из корров показал на асфальт. Там розовым мелом было тщательно выведено стилизованное сердечко, из тех, которыми школьницы украшают свои тетрадки.

– Да, нетривиальненько.

– Да ты не понял. Думаешь, это сердце?

– А по-вашему что?

– Жопа.

– Ничего другого лично я от вас и не ожидал. Впрочем, и мне эта мысль первой пришла в голову. Вот она – журналистская сущность. Там, где нормальные люди видят любовь с сердечками, мы видим жопу.

– А разве ее нет?

– Есть. И это самое печальное в нашей профессии.

Я выкурил пару сигарет и выпил чашку кофе. Пора было начинать работать. Ира, коммерческий директор СТВ, вошла в кабинет как всегда стремительно.

– Антон, мобильную связь из анонсов реалити убирай. Они отказываются от спонсорства.

– Это ж сколько, тысяч сто?

– Они были генеральными. Им не нравится.

– И что именно им не нравится?

– То, что клиент к ним не пришел. Нет отдачи. Все же просто – они смотрят затраты и рост числа обращений клиентов. Нет роста – реклама неэффективна.

– А что с призом? Телефон победителю не дадут? Мы же объявили.

– Я ж говорю, им не нравится, убирайте из анонсов. Не дадут ничего. Скажи спасибо, что скидки не заставили вернуть.

Нам удалось уговорить сеть 3 G на финансовую поддержку. Все должно было сработать на целевую аудиторию – молодежь. И вот теперь... Ира теряла деньги, менеджерский процент и заваливала план по продажам. А виноват в этом, получается, я.

– Может, еще кому-то продадите.

– А ты рейтинги-то видел «Карьеры»?

– Нет, а что?

– Посмотри сам.

Я нашел в корпоративной сети свежие сводки с полей телевизионных битв. По всем раскладам выходило, что наше шоу в первую и вторую неделю зрители просто проигнорировали. А именно: «Карьеру» посмотрели 0,026 процента телезрителей. В этих 0,026 я почувствовал издевку парня, сводившего данные в таблицу – обычно все показатели менее одной десятой процента он отображал лаконичным нулем. Доля 0,026. Тяжелая доля телевизионщика. Зазвонил городской телефон. Секретарша сладким голосом просила зайти меня к директору.

Директор, а также основатель СТВ Александр Китайцев был на пару лет старше меня, но выше и значительно толще. Как и все топ-менеджеры канала, Саша недавно разменял четвертый десяток. Мы были знакомы давно и общались просто – на ты. Со стороны могло показаться, что мы с Сашей разговариваем как простые друзья, но это было не совсем так. Начальник не может дружить с подчиненным. Просто мы играли в этаких простых и демократичных парней. Я мог не соглашаться и спорить с Китайцевым до тех пор, пока он сам этого хотел. Решения всегда принимал он.

В прошлом директор сам был журналистом, но однажды познакомился с депутатом федеральной думы, который предложил ему создать новое телевидение. В затею мало кто верил, но Саша взялся за дело так рьяно, что через пару лет вчерашние скептики вынуждены были признать: СТВ стало игроком на местном рынке масс-медиа. Китайцев много экспериментировал, много ошибался и без сожаления сворачивал неудачные проекты. Никакого бизнес-образования у Саши не было. Чтобы компенсировать этот пробел, Китайцев часто ездил на семинары и тренин-

ги. Результатом стал внушительный иконостас из сертификатов и дипломов, собранный на стене позади директорского кресла. На противоположной стене висел огромный плакат «Манчестер Юнайтед». Как-то раз на заре своей карьеры Китайцев съездил на Новый год в Лондон, откуда вернулся убежденным англоманом. Саша любил рассказывать про жизнь на Острове, как он его называл, и куда теперь он летал не реже двух раз в год. Россию после той поездки директор называл не иначе как «ваша страна».

– Ну рассказывай... Как ты дошел до жизни такой, – директор был похож на английского палача, которому злой шериф велел казнить Робин Гуда. «Это бизнес – ничего личного», – говорил его взгляд. В руках у Саши была смета «Карьеры», написанная мной полтора месяца назад.

– В смысле?

– «Карьеру» заканчивать надо. Сколько у тебя недель еще осталось?

– Эта плюс еще четыре.

– Укладывайся в одну. Сразу на финал выходи. Рейтинга нет, спонсоры от вас убежали...

– А зрители что подумают?

– Телекомпания не может работать в убыток! Мы ж тут, бля, не творчеством занимаемся, а бабки зарабатываем.

«Вот именно. И эти бабки уже заплачены и потрачены».

– Давай посмотрим еще недели две, если рейтингов не будет нормальных, свернем, без базара. В эту субботу убойную программу сделаем.

– Думаешь, до гоблинов допрет?

– Ты хочешь сказать, до зрителей?

– До гоблинов. Ваше говно по вашему зомбиящику одни гоблины смотрят.

– А сам-то ты кто? Гоблины, гоблины. Ты считаешь их гоблинами, а кем они считают тебя?

– Они не знают о моем существовании. В вашей стране у людей мозга столько нет. Для них телевизор – это первый друг после холодильника. И разницу между холодильником и теликом большинство из них не замечает. Потому что они гоблины.

– Может быть. Но тогда ты – главный гоблин. Верховный Гоблин.

– Не. Я эльф, – важно произнес директор и сделал одухотворенное лицо. – Светлый эльф. Похож?

– Похож, – в тон ответил я.

Мы расхохотались. Китайцев был похож на эльфа, как бомж на английскую королеву. Нет, Толкиен ошибся. В борьбе добра со злом победило зло. Просто историю переписали, и орки постепенно стали считать себя эльфами. А в остальном все осталось так же, как в Средиземье. Гендальф и Саруман ведут реалити-шоу – битва «Битва колдунов». К палантирам приделали кнопки и раздали всем желающим. Взломщик Бильбо Бэггинс стал простым хакером, а назгулы переквалифицировлись в гаишников.

– Короче, если рейтинга не будет, гонорар всем из твоей зарплаты платим. Андестенд?

– Согласен, – а что мне было делать?

«Догадался, что ли?» Задаток от Глеба за скрытый наезд на мэра в реалити-шоу я потратил на покупку машины. Вторую половину он должен был отдать перед финалом, когда пройдут пятнадцать сюжетов с критикой мэра.

Деньги. Сейчас я уже почти жалел, что взял их. Вернее, что не поделился с директором, как обычно. Сейчас мы бы вместе несли ответственность. И что делать дальше, думал бы не только я один. Но ведь все казалось так просто – удачный для компании проект и возможность заработать немного сверху. Я вспомнил первую свою взятку. Не взятку даже, так, взяточку. Да и не взяточку, если судить строго. Это был сюжет про выборы. А где выборы, там Глеб, у нас по-другому никак. Я синхронил Глеба как сотрудника избиркома. А он по-хорошему, по Фрейду, оговорился. Он хотел сказать «Когда мы организовывали выборы, мы не учли, что предварительное голосование дает возможность для подкупа избирателей». А получилось: «Когда мы организовывали подкуп

избирателей, мы не учли, что это дает возможность для предварительного голосования». Тогда Глеб был моложе и сразу занервничал. Попросил выключить камеру. Он-то понимал, что такую оговорку можно вывернуть в скандал. Как же: сотрудник избирательной комиссии признается, что участвовал в подкупе избирателей! Своими словами! Я тоже был моложе и только догадывался, что так можно сделать. Но не был уверен. Этика и все такое. На нее-то, почуяв слабину, Глеб и начал интуитивно давить. А потом отвел в темный коридор избиркома и сунул – насильно сунул – мне в карман пять смятых тысячерублевок.

Я, конечно, знал, что подкуп организовал Глеб. И в прошлых репортажах такое предположение высказывал. Но доказательств-то у меня не было. А значит, и деньги взяткой считаться не могли. На уровне логики. Потом я понял, что Глеб тогда платил не за эту не попавшую в репортаж оговорку. Он платил за будущее. За ожидание. Потому что один раз взяв легкие деньги, ты потом подсознательно будешь ждать следующую партию. А второй раз взять всегда легче, чем первый. Вроде бы все уже пережито. Остается технология.

Потом, получив должность, я смирился. Понял, что лучше брать, чем не брать. Потому что иначе будут давать тому, кто выше. Ты же останешься исполнителем. Будешь тупо исполнять чужие приказы. Будешь тем же самым дерьмом, но только бесплатно. Так и бывало не раз. Однажды наш Хозяин – депутат федеральной думы поссорился с одним из районных глав Петровым. Говорили, что Петров отказался выделить участок земли под горнолыжную базу. Точнее, не отказался, но потребовал нереально большую взятку. Хозяин решил, что Петров берет не по чину, и потребовал наехать по полной.

– Я хочу, чтобы вы размазали этого мудака, – говорил Хозяин, утопая в кожаном кресле под портретом Путина. Кресло было большим, просто огромным, и будто бы обнимало депутатское тело, нежно поглаживая его с боков. Путин улыбался добродушно и вместе с тем сурово. – Вот тут результаты проверки Счетной палаты, есть много интересного. Но им не дали ход. Официально. Вы же можете брать отсюда и копать.

Мы с директором согласно кивали.

– Мочите жестче. Не стесняйтесь. Даже если будут иски в суд. Даже если не будет доказательств.

– Но совсем без доказательств мы не можем. Во-первых, это будет заметно. А во-вторых, может быть дело по клевете. Да и как-то нехорошо это, – попытался встрять я, тогда еще говоривший с Хозяином едва ли не в первый раз.

– А требовать миллион за одну подпись это хорошо? Это честно? – Хозяин чуть не вывалился из кресла, рванувшись ко мне. Путин над его головой все так же улыбался, теперь мне казалось, успокаивающе. – А насчет уголовки не сомневайтесь даже. Если что, я прикрою. – Хозяин расслабился, позволив креслу снова поглотить его дородную тушку. Возражать было бессмысленно.

Нет, Глеб был лучше Хозяина. Хозяин даже не подразумевал в нас наличие совести. Когда-то это казалось мне циничным. Теперь нет. Просто в нашей стране между абстрактным общественным благом и конкретным личным каждый всегда выбирает второе. Продает ли он свой голос на выборах в маленькую районную думу, или же торгует мандатом в Думе большой. Как сказал на каком-то банкете один коллега-журналист из оппозиционного издания: «Да ладно, попал бы я Туда – воровал бы в точности так же. А может, и больше. Жаль не берут». Общественное благо слишком далеко, призрачно и недостижимо. Оно живет в предвыборных спичах и сообщениях центрального ТВ. В него не верит ни тот, кто о нем говорит, ни тот, кто слушает. Непонятно, зачем оно вообще существует. И как им не пожертвовать, когда – только протяни руку – и получишь – просто так – бутылку водки – машину – дачу – парламентский бронежилет – пост самого-самого главного. И будет от этого хорошо – тебе, жене, другу, теще, любовнице, детям – конкретным живым людям. А не каким-то там «избирателям». Их кто-нибудь видел вообще? Кто-то говорит про себя: «Я – избиратель»? Нет, есть конкретный Вася Петров, который конкретно несет со своего завода конкретную деталь, чтобы продать ее конкретному Пете Иванову.

Можно и отказаться. Но только один раз и навсегда. Отказаться – значит потерять работу. Значит выпасть из обоймы. Сломать карьеру. И не факт, что тот, кто придет на твое место, будет лучше. Скорее всего, наоборот. Потому что будут выбирать такого, кто в следующий раз не подведет. Не подставит. Не разольет оранжевые сопли. Не будет требовать флаг и рваться на баррикаду. Глеб, в отличие от Хозяина, наличие совести в нас предполагал. Он всегда платил за то, чтобы эту совесть на время успокоить.

Я отъезжал от телекомпании, когда заметил на остановке Любу. Мы жили в одном конце города. Я включил правый поворотник, подъехал к обочине и опустил стекло: «Поехали довезу».

– А что там с рейтингом «Карьеры»? Плохо все? – новости на телике распространяются быстро.

– Плохо. – Обычно я посвящал подчиненных в рейтинги только тогда, когда мы были на высоте. Но сейчас было как-то все равно.

– А кто их вообще меряет?

– Есть такая компания Геллап. Занимается исследованием по всему миру: опросы общественного мнения, специалистов там, прогнозы. Есть ее дочка – Геллап Медиа. Она меряет рейтинги телеканалов. Тоже во всем мире.

– А как меряют-то? Человеку в ящик ведь не заглянешь.

– Еще как заглянешь. В каждом городе, куда приходит Геллап, в нескольких семьях ставят пиплметры. Что такое и как выглядят, не спрашивай. Ни разу не видел. И никто не видел. Знал бы, где увидеть, жил бы в Сочи. Пиплметр подключен к телику и измеряет, какой канал смотрят в какой момент – с точностью до секунды. Все пиплметры связаны с головным офисом в Москве. И они получают данные о популярности каналов, ну и передач, как по России в целом, так и по каждому конкретному городу.

Я подумал, что Геллап облепил весь мир своими датчиками-пиплметрами, как врач-экспериментатор подопытного кролика.

– И много их, пиплметров?

– В России вообще не знаю. У нас в городе сорок два...

– Сорок два? И это на семьсот тысяч?

– И я про то. Представь, один пиплметр напился и заснул. И рейтинг канала, который он забыл выключить, подскакивает до небес. Или наоборот, уехал в отпуск, и его любимый канал умер. Вот был бы, скажем, у меня дома пиплметр, или у тебя – мы бы могли сделать СТВ самым популярным. Ну, или хотя бы одну «Карьеру».

– Так получается, все это туфта?

– Да нет. Информация более-менее объективна, если не брать по дням. Скажем, за неделю, за месяц тенденция видна. Проверено уже.

– А как данные приходят? В смысле, в чем они меряются?

– У тебя мобила 3 G поддерживает? Тогда сейчас покажу. – Сотовая сеть третьего поколения позволяла создавать рисунок на одном телефоне и мгновенно передавать его на другой. Я свернул на обочину и включил аварийку, потом достал электронный карандаш и нарисовал на экране несколько столбиков разной высоты.

– Видишь? Это рейтинг. Скажем, самый большой столбик – это Первый канал. Рейтинг десять. То есть если в городе сто телевизоров, постоянно Первый канал включен у десяти. Вот НТВ – рейтинг пять. Значит, пять человек его все время смотрят. В среднем, конечно. Смотрим дальше.

Я нарисовал круг и нарезал его, наподобие сыра или торта, на ломтики.

– А вот это доля каналов. Весь круг – общее число тех, кто смотрит телевизор. А ломтики – это разные каналы. Заметь, Первый канал – самый большой ломтик. У него доля двадцать. То есть двадцать процентов всех людей, которые смотрят телик, смотрят Первый. Доля – это уровень популярности по сравнению с конкурентами. Доля может быть высокая, а рейтинг низкий. У пор-

нухи так, скажем. Ночью люди вообще мало смотрят телик, поэтому рейтинг низкий. Зато среди тех, кто смотрит, большинство смотрит как раз ее. То есть доля высокая. Понятно объяснил?

– Более-менее... А ты сам-то вообще веришь в эти рейтинги? Они на что-то влияют?

Я завел машину, вырулил на проспект, добрался до четвертой передачи и задумался. Верю ли я?

– Знаешь, это Россия. Тут вообще никто никому и ни во что не верит. Вот, скажем, у НТВ рейтинг в два раза почти ниже, чем у Первого. А секунда рекламы стоит одинаково. Понимаешь? И у нас так же. Но я верю в то, что если рейтинг хреновый, директор мне вставит по полной программе вплоть до увольнения.

А еще я подумал, что в нашей стране люди по-настоящему верят только в пиздюль. О вероятном появлении которого похоронным гимном пропел телефон. Да, с таким шефом от одиночества не помрешь. Он и на тот свет смс пришлет: «Прямое включение из ада сделать не судьба? Упыри!» Ладно, доеду – прочитаю.

– Люба, давно хотел спросить тебя – тебе вообще нравится у нас работать?

– Нравится – не нравится... У меня жизнь как будто разделилась на две части. Одна до телевидения, другая на. И мне сейчас кажется, что все, что было раньше – детство, школа там, какие-то влюбленности, институт – все это было с какой-то другой Любой. Я не могу сказать, что мне нравится эта работа. Но когда я в прошлом году была в отпуске, я еле досидела последние дни. Уже не можешь жить без этого адреналина. Как наркотик. Даже пугает иногда. Вроде стресс, а без него никак.

– Анекдот слышала про журналиста, который умер?

– Нет, вроде.

– Короче, умирает журналист, его встречает апостол Петр и говорит: «Ну, ты не простым был человеком, и теперь сам можешь выбрать, куда тебе – в ад для работников масс-медиа или в рай для них же. Что сначала смотрим?» «Ну, ад, конечно», – отвечает журналист (сама понимаешь, почему).

– Еще бы не понять.

– Прилетают в ад: там все знакомо. Тесная комнатка с компьютерами, дым коромыслом, пустые чашки из-под кофе валяются, сидят журналюги с остекленевшими глазами и лихорадочно молотят по клавишам. «Ясно все, давай рай теперь», – говорит усопший. Прилетают в рай. А там абсолютно та же картина. Журналист смотрит озадаченно и спрашивает Петра: «Слушай, а в чем разница?» «А разница в том, – отвечает апостол, – что эти, которые в раю – успеют».

– Мда, почему-то не смешно.

– А как с личной жизнью? Наверно, тяжко с таким графиком.

– Да не в графике даже дело. Я вот думаю, если бы мне серьезно кто-то нравился, время бы я нашла. Но ведь нет. Встречаюсь с парнем: день, два, три и понимаю, что он мне неинтересен. Что я его насквозь вижу. И чаще всего то, что я вижу, мне не нравится. Раньше я могла влюбиться, а через полгода понять, какой же это был урод.

– А теперь ты сразу видишь, что урод, – я рассмеялся. – И никакой личной жизни.

– Примерно так. Я ничему не удивляюсь. Я плакать разучилась. То есть иногда думаешь – вроде надо поплакать, легче будет, но плачешь и понимаешь, что это не всерьез, что ли. Я разучилась верить во что-то хорошее. Смотришь на все каким-то трезвым взглядом. И даже если нужно выстроить какую-то версию, почему это произошло, всегда выбираешь самую циничную.

– Это потому, – я взмахнул руками над рулем и поймал себя на мысли, что я копирую кого-то другого, что это какой-то киношный жест, – что ты стала журналистом. Раньше ты видела жизнь снаружи, такой, какой она хотела казаться. А сейчас сразу смотришь на механизмы, которые заставляют жизнь надевать ту или эту маску. И понимаешь не только «что», но и «зачем». Во многом знании, как говорится, многия печали. Мы с тобой умножаем знания, и, следовательно, скорбь. По крайней мере, свою. И если парень ведет тебя в ресторан, то ты понимаешь, что ему не просто приятно провести с тобой вечер.

– Вот именно, – Люба вздохнула. – И даже не просто приятно провести с тобой ночь.

– А трахнуть, извините за мой грубый французский, девушку из ящика?

– Угу. И это противно.

– Знаешь, Люба, я тебе не должен этого говорить, так что заткни уши, но нормальной девушке в этой профессии делать нечего. Я вот на кого ни смотрю, у большинства проблемы в личной жизни. И вообще проблемы с близкими людьми. У меня вот друзей не осталось. Хотя это может потому, что я начальник.

– Ладно, не грусти, начальник. Высади меня вон на той остановке.

– Ну, до завтра. Дверью не хлопай!

– Пока.

Я доехал до дома, но прежде чем подняться в квартиру, открыл директорское послание. Там была ссылка. Судя по адресу, Саша предлагал мне почитать топик какого-то форума.

Дома жена, которая должна была со дня на день родить второго, готовила ужин. Ребенок смотрел мультики.

– Папа, поиграй со мной.

– Подожди. Папе надо поработать.

Открылся. Это действительно был форум. Тема создана еще три недели назад, сразу после кастинга. Автор использовал ее как блог. По крайней мере, так следовало из ника автора и названия:

АЛИСА

ДНЕВНИК ЖЕРТВЫ (впечатления участника реалити-шоу на СТВ)

...Ну вот я и в стране... нет, не чудес, а дураков. Я попал в реалити-шоу «Карьера» на телеканале СТВ. Я не собираюсь работать на этом канале, даже если выиграю шоу. Отчасти потому, что я уже журналист и после напишу серию статей о нравах нашего ТВ. Так что эти строки можно считать набросками. Но обо всем по порядку.

«Так. Бунт на корабле? Богоборчество? В наш телевизионный рай проник грешник, уже вкусивший запретный плод? Найти негодяя! Или негодницу? Эй, Алиса, ты баба или мужик? Точно не мужик. Мужики на такое не способны!»

Кастинг. Впечатления ужасные. Полное отсутствие организации. Перед входом на телекомпанию мы простояли полчаса. Оказывается, они забыли предупредить охрану, что к ним придет сто человек на кастинг. И охрана отказалась кого бы то ни было пускать.

«Да ладно гнать-то! За 10 минут все решили!»

Потом мы всей толпой стояли в коридоре. С каждым участником беседовали минут 5-10. Все растянулось на несколько часов. Так что все остальные просто закипали от негодования, а некоторые просто ушли. Неужели господа с СТВ этого не предвидели? Или они просто ТАК относятся ко всем, кто участвует в их конкурсах? Мне почему-то показалось, что верно второе.

«Кажется – крестись!»

Антон, главный, как я понял, редактор и организатор реалити-шоу. Если это главный редактор, то я – оперная певица. Вопрос кандидату в участники шоу: «Кто такой журналист?» Да это ты должен потом объяснить участникам, кто такой журналист. А сейчас, ИМХО, ты должен понять, кто к тебе пришел, способен ли. Спросить «Как зовут губернатора» или «Сколько ветвей власти в России».

Но, похоже, Антону было не до того. Глядя на тех, кого отобрали в проект, я подумал, что это реалити-шоу «Гарем». Умных, но не особо симпатичных, беспощадно браковали, а безмозглых дур в коротких юбках брали на ура. Ну, да Бог им судья. Продолжение следует.

Я закипел, как суп на плите у жены. Найти! Найти и с позором выкинуть. Я тебе устрою игру в ящик! И объявить в эфире: «В связи с нарушением норм этики из шоу выгнан Иван Петров». Или Маша Иванова? Автор форума говорил о себе в мужском роде, но ник указывал на женский. А значит, крысой мог оказаться любой.

– Ты домой-то зачем приходил? – надо мной стояла жена и, вероятно, уже давно. – Не лучше ли тебе было на работе остаться? Ты и так там с утра до ночи, и приходишь, уткнулся в свой телефон! А то, что ребенок скоро забудет, как папа выглядит, это нормально? А то, что у тебя второй будет, ты помнишь?

Делать было нечего. Я отключил телефон и пошел мыть посуду.

8.

Проводив жену в роддом на такси, а старшего сдав бабушкам, я возвращался домой пешком. Редкие полосы света от фонарей накрывал мелкой сеткой моросящий дождь. Отметить событие было не с кем. Друзей я всех растерял. Точнее они меня бросили, потому что я их бросил.

Я вспомнил, как в первый раз стал предателем. Мне было лет двенадцать. С пацанами из нашего двора мы проломили борт фуры с арбузами около рынка. Весь двор был завален корками, а пару самых крупных я притащил домой. Родителям я рассказал байку, подслушанную от старших товарищей. Что арбузами с нами расплатились узбеки за помощь при разгрузке. Отца – он в ту пору издавал местную бульварную газету – история эта заинтересовала. По его заказу я быстро соорудил фантазию «Как я разгружал арбузы на Мытном рынке», а через пару дней увидел ее на второй полосе «Вечерней газеты».

А еще через день ко мне подошел главный дворовый хулиган Вован Быков, из тех, что в пятнадцать лет убежал из дома и вряд ли поймет меня, который учился в спецшколе.

– Ты Антон? – меня он знал по дворовым погонялам, самым популярным из которых было «Антон-Гондон».

– Я, а что?

– Статью в газету ты написал?

– Ага.

– А нас, бля, после этой статьи Фарид с рынка выгнал. Потому что до 16 лет работать нельзя, ты знаешь? – Вован сжал кулаки, которые были раза в два больше моих. Я стоял у забора, и бежать было некуда. Да и не хотелось. Еще никогда мне не было так стыдно. Но Вован, который мог запинать до полусмерти какого-нибудь бомжа, просто плюнул мне под ноги.

– Сука ты, Антон, – и пошел прочь.

Маршруток не было. Выйдя на трассу, я поднял руку навстречу потоку приближающихся белых точек. Через пару минут два светляка выпорхнули из нестройной колонны. Подавшись было к затормозившей машине, я остановился. В трех метрах от меня сигналил аварийкой «Запорожец». В «Оке» езживать еще приходилось, но чтобы в ее фольклорном дедушке...

Боковое стекло повернулось вокруг своей оси, и из окна высунулся сам водитель кобылы.

– Эй, сосед, садись, не стесняйся, денег не возьму!

– В смысле, сосед?

– В одном доме живешь, а соседей не знаешь. Звезда, блин. Поехали...

Я втиснулся в «запор» и удивился: внутри было гораздо больше места, чем казалось снаружи. Каких-то особых неудобств я не испытывал, разве что водитель сидел совсем уж близко.

– Жену в роддом отвез? Кто родился-то? Сопли, значит, плодишь, путинские зарабатываешь? Ну-ну, давай. Дело доброе. Парень, говоришь? К войне. Сам-то служил? Умный значит? И правильно, нех на этих ублюдков пахать. А я свою дурру к теще отвез на неделю. Как звать-то? Да не ребенка, а тебя. Антон? Антон-гондон, значит, а гандонами-то че не пользовался? Ну вот, горбаться теперь всю жизнь, вкалывай, и спасиба не жди, сам, дурак, нарвался. Я-то? Гоша. Можно просто Черт.

То ли запорожец был какой-то тюнингованный, то ли просто его хозяин Гоша жил в другом измерении. Скажем, в США, где не надо виртуозно закладывать петли, избегая колдобин и выбоин. Запорожец кидало то вверх, то вниз, то вправо, то влево, при этом Гоша ухитрялся как-то обгонять попутные машины. В салоне пахло бензином и спиртом, и даже если бы удалось оторваться от ручки, прикурить бы я все равно не решился, опасаясь взрыва.

– Да ты не очкуй, машина зверь! В прошлом году кино у нас снимали, слышал? Какой-то неуправляемый понос, что ли... (занос, поправил я про себя). Режиссер мой запор увидел и купить предлагал для фильма, штуку баксов обещал..

– И что, отказался? – с деланным интересом спросил я.

– Хер там, продал конечно, а деньги пропил. Дурра моя тогда тоже уезжала. Они у него крышу отпилили, типа как кабриолет получился, а потом с моста волжского ночью сбросили – сам видел. Гаишникам дали бабла – типа ничего не было.

– А мы тогда на чем едем?

– Че я, дурак что ли, машину на дне оставлять? Поставил эмчеэсниккам ящик водяры, они учения какие-то там придумали, и подняли не хрен делать. Крышу приварил и как новая.

Я вспомнил, про эти учения мы делали сюжет.

Гоша заглушил мотор недалеко от нашего дома, около круглосуточного супермаркета. Оказывается, все это время в машине работало радио. Я замер – это был кусок из саундтрека к «Аризона Дрим». Точнее песня, где Игги Поп поет про поездку из горячей и живой щели матери в холодную и равнодушную щель земли. In the deathcar.

– Деньги есть?

– Вы же вроде сказали... – бормотал я, ища по карманам кошелек.

– Ну, вы там, в телике точно все пробитые. Сказал – значит не возьму. За водкой иди – у тебя ж сын родился. Обмывать что, не собираешься? Водку только пидоры не пьют. Я, кстати, предпочитаю «Беленькую».

И я, главный редактор, побежал в сверкающий огнями супермаркет за водкой для владельца запорожца. «При покупке одной «Беленькой» вторая бесплатно» – гласил рекламный плакат у входа. «Судьба», подумал я и побрел в мясной за закуской.

– Две взял? Ну, не совсем пробитый. Ладно, сколько водки не бери, все равно два раза бегать. Пойдем ко мне, я сегодня добрый.

Гоша жил на седьмом этаже. Квартира еще хранила следы порядка, наследство супруги Игоря, но по его ухмылке я понял – это ненадолго.

– На кухню пойдем – телик там, – Гоша начал щелкать каналы.

– ...я ЭТО делаю с Милорой...

– ...а я с популярным телеведущим Андреем Малаховым...

–...сексуальные преступления становятся все изощреннее. Вятский маньяк приглашал к себе домой проституток. Девушки легкого поведения даже не догадывались, что...

– ...Ингосстрах платит. Всегда...

– ...той же монетой шведам. Петр Счастливый делает передачу на Ивана Непряева, Иван бьет с острого угла! И бессилен ...

–...что либо изменить! Все теперь зависит только от наших зрителей, которые могут спасти Ивана Сергеева, если будут голосовать за кандидата в журналисты. Смотрите реалити-шоу «Карьера» на телеканале СТВ!

– Футбола нет?

– Не, только хоккей.

– Ну, оставь, только звук выруби. Орет больно противно...

На новеньком телике стоял DVD и еще какой-то прибор с парой мигающих лампочек. Мы выпили по первой и закусили наскоро порезанной колбасой.

– Запить бы. – Гоша наливал сразу по сто пятьдесят, а я не то что давно отвык от водки, но вообще лет десять не пил такими лошадиными дозами. Кувшин оказался пуст, и Гоша слил туда остатки воды из электрочайника.

– Вот жена – дурра дуррой, а и от нее польза какая-то есть. Чайник вишь? На халяву достался.

– В лотерею, что ли?

– Сам ты лотерея, я ж говорю – на ха-ля-ву. Она с какой-то конторой договор, что ли, подписала на какую-то херню. В позапрошлом году ей этот чайник дали, в прошлом кухонный комбайн – капусту шинковать, а в этом, говорит, пылесос подгонят.

– Что-то я не понял, просто так дали? За что? – Сердце у меня замерло. Я уже начал догадываться, за что, но боялся спугнуть неожиданно свалившееся на меня счастье.

– Да говорю ж, хер ее знает. Она что-то объясняла, но я не вникал. Буду я дурру слушать. – Гоша продолжал что-то говорить, но мое внимание было занято другим. Я подошел к телевизору и внимательно разглядывал, нет, не экран, а прибор, стоявший на DVD-проигрывателе.

– Гоша, а что это такое? – Как-то раз, давным-давно, ко мне в дом позвонили. У меня редко хватало наглости послать подальше распространителей всяких чайников, но на этот раз предлагали нечто иное. А именно – установить в доме прибор, который измеряет мои телевизионные пристрастия. Потом я сто раз пожалел, что отказался и так и не увидел, как выглядит пиплметр. Но одно я запомнил точно – Геллап не платил своим абонентам. Он поощрял их бытовой техникой. После одного года работы – чайник, после второго – кухонный комбайн, после третьего – пылесос, дальше, по-моему, телевизор и стиральная машина. И потому на черный ящик с мигающими лампочками я смотрел, как крестоносец на Святой Грааль.

– Понятия не имею. Че-то для телика. Это дурра моя и проигрыватель покупала, и эту хрень. Наверно, чтоб каналов смотреть побольше...

– Слушай, а можно я посмотрю? Я тоже хочу такую вещь себе поставить, да вот сейчас модель выбираю.

– Смотри, только не сломай ничего, а то выпить не с кем будет. Мне тут неделю еще, а ты, небось, свалишь завтра...

Я осторожно, чтобы не повредить провода, перевернул черный пластиковый ящичек. Никаких надписей на нем не было, и только снизу белая наклейка с текстом на русском и английском:

«Вниманию абонентов Геллап Медиа! Компания предупреждает вас об ответственности за подтасовку данных телесмотрения. Подробности в Договоре абонента: пункты 3, 6, 11 и 19».

Но я-то не абонент. И Гоша, по большому счету, тоже. А значит, ответственности нести мы не можем. К тому же, если вдуматься, никакого Геллап Медиа не существует. И все это дым, и все это пыль, пока внутри меня жив мой Труляля. А Труляля был не только жив, а супержив, и готов к новой схватке с реальностью.

– Гош, скажи, ты за красных или за белых? – Мы влили в себя еще по сто пятьдесят.

– Я, уважаемый Антон-Гондон, за себя. И нехрен меня на политику разводить. Мне пох на политику, и на думы все ваши с премьерами. Видал, как я езжу? И срал я на все ваше ГАИ, с меня взять все равно нечего. Видал вот это? – Гоша сгреб с полки охапку мятых бумажек. – Штрафы их. Когда настроение плохое, я с ними в сортир хожу. Жопа только болит потом. Вот и все твое государство, пишет бумаги, пишет, а от них у народа только жопа болит. А дорог как не было в России, так и нет.

Я вдруг вспомнил Глеба и подумал, что в нашей стране люди продают свою свободу за две бутылки водки.

– Ну, с государством-то понятно, а вот, скажем, другу помочь ты можешь?

– Эт смотря какому другу. Если хорошему, то могу.

– Мне, к примеру.

– Да ты не ломайся как баба, говори, что нужно.

– Ничего Гош, особенно-то и не нужно. Нужно только, чтобы ты в определенное время телевизор включал на нашем канале. А все остальное время его бы вообще не смотрел.

– Эй, сириус, ты перепил, что ли уже? Во-первых, нахер это надо, а во-вторых, как же я без ящика жить-то буду все остальное время?

– Да нормально ты будешь жить. Я тебе свой принесу, только в большую комнату его поставишь, хорошо?

– Не, парень, тебе точно врача надо. То говоришь, чтобы не смотреть телик, то говоришь, что принесешь свой, и смотри сколько влезет. Ты закуси лучше, хошь, огурчики открою?

– Давай лучше выпьем еще, чтоб думалось лучше.

– Ну, здрав буди, боярин!

Когда на дне второй бутылки оставалось совсем немного, я таки втолковал Гоше, что от него требуется. Мы даже написали план просмотра кухонного телевизора. Схему замера рейтингов, он, по-моему, понял плохо. Зато уяснил, что ему предлагают «наебать каких-то москалей с американосами», помочь при этом в общем-то хорошему парню, и все это – не выходя из своей квартиры. К тому же я обещал подгонять по два пузыря в день – в качестве компенсации. Объяснений он уже не требовал, а только продолжения банкета. Потом поперлись к таксистам за водкой и ко мне за телевизором.

Гоша понес телик к себе в квартиру, а я остался докуривать на улице. Светало. Утро не оставило следа от вечерних туч, небо было идеально голубым – цвета стартовой страницы моего компа. Таким же, несмотря на пятьсот граммов водки внутри, был и я сам – чистым, как слеза комсомолки, и готовым к старту. Очистка рабочего стола, перезагрузка и проверка на вирусы прошла успешно. Я снова был не только БОГОМ из ЯЩИКА, я был БОГОМ ЯЩИКА. У меня была кнопка, которая определяла – во что истинно веруют люди у экранов, а к чему склоняются как к греху и ереси.

Это было восхитительное чувство – скажем, какой-нибудь 26-й телеканал Я мог сделать в нашем городе популярнее Первого на неделю-другую, если бы Гоша оставил телик включенным и уехал на дачу. Конечно, Геллап бы скоро очухался и прислал бы кого-нибудь проверить – что там с Гошей, и почему он вместо футбола стал нон-стоп хавать новости бизнеса и следить за деверсификацией российской экономики. Но я-то собирался быть умнее, и наносить точечные партизанские удары по вкусам местных телезомби, точнее, по их составленной Геллап Медиа проекции.

Я вспомнил прогноз погоды, подслушанный накануне вечером – вся неделя обещала быть не по-майски жаркой. Большинство гоблинов поедут на дачи или шашлыки, плюнув на новости, реалити-шоу, сериалы и прочую лабуду. Они будут пить пиво у супермаркетов, целоваться в подъездах, заниматься сексом в лесопосадках, орать песни под гитару на Набережной, или просто посидят подольше на лавочке у подъезда. И я их за это любил, за то, что они променяют ящик на реальную жизнь. И еще за то, что их телевизоры на время умрут, а каждый оставшийся в строю пиплметр будет выдавать куда больший процент популярности. Следовательно, непрерывный просмотр «Карьеры» и новостей всего на одном гошином ящике поднимет рейтинг и долю этих программ похлеще виагры.

Запиликала трель домофона, и дверь соседнего подъезда неохотно выпустила какую-то юную особу в кожаной набедренной повязке, узорных чулках и со взбитыми сливками на голове. Дама, похоже, спешила не на работу, а с работы.

– Дева секс махина, – вспомнилась мне старая шутка, когда проститутка запрыгивала в тонированную Тойоту. – Бог из машины. Классика жанра.

9.

Мне снился сон: я на концерте группы АукцЫон. Леня Федоров вдохновенно закатил глаза. Гаркуша строит рожи и трясет орденами, изображая «лейтенанта», так называется песня из легендарного альбома «Как я стал предателем». Рваные аккорды джаз-рока падают в зал, как кирпичи на голову:

Он мне не делает больно
И значит это не друг!
«...а где мой друг», – продолжил телефон под подушкой. Сон был рожден мелодией мобильника.

Пять утра. Смс пришла от Дюши, моего последнего друга.
«Сука ты, Антон. Просрал все Вопреки»
Вот так, значит... Графиня изменившимся лицом бежит пруду. С Дюшей мы дружили со школы, а в универе собрали рок-команду. Он писал песни для «Вопреки», я играл на басу и договаривался о концертах. Мое терпение кончилось, когда как-то весной Дюша в третий раз подряд не пришел в студию на запись альбома. Я больше не пожелал оплачивать саунд-сессии и приходить на репетиции, где гении были то пьяными, то не являлись вовсе.

А потом у Дюши открылся талант журналиста, вот только когда меня назначили редактором, тон его стал каким-то язвительным. Однажды утром в понедельник мой друг отпросился с работы «на пару часов проветриться». Это было время отпусков, и работать было некому. Больше на этой неделе Дюшу я не увидел. Другие журналисты пахали за себя и того парня и смотрели на меня волком. А в пятницу нервы и силы кончились. Половина сюжетов в новостях не вышла, мы с главным режиссером орали друг на друга на всю телекомпанию, и я послал Дюше короткое сообщение длиною в дружбу: «Ты уволен».

Послушай!
Здесь каждая рыба кричит,
Что не хочет быть суши.
Не лучше ль?
Забиться в залив,
Цинизмом залив свои уши.
И слушать
Как шепчет волна над ней...
Пена дней!

Это был главный хит «Вопреки». Когда-то я тоже хотел быть рок-героем. Но я не написал ни одной гениальной строки, не жил в бараке под грохот железной дороги и не сторожил стройку. Видимо, сейчас Андрей пребывал в очередном запое.

Хренов гений.

Я отключил телефон.

Всю следующую неделю я просто держался и работал, не отвечая на уколы директора и не сильно задумываясь о том, что будет дальше. Каждое утро Гоша получал пару пузырей «Беленькой», мне же оставалось следить за тем, чтобы он пил и смотрел телевизор исключительно в большой комнате. Для этого туда же перетащили холодильник. Кухонный ящик с пиплметром я каждый раз ставил на таймер, не очень полагаясь на гошину пунктуальность. Моя супруга пока была в больнице.

Жена Игоря зависла у мамы в Ростове-на-Дону еще на неделю. Я ждал и надеялся, что история с пиплметром не приснилась мне, и я не сошел с ума на третьей неделе телепроекта «Карьера». Хотя именно к этому меня настойчиво толкали. Алиса разродился очередным впечатлизмом в пятницу:

Ну, наконец, я и поучаствовал в самом ток-шоу, где из четырех претендентов зрители и эксперты в студии должны были выбрать двух. К слову так скажу, что шоу идет не в прямом эфире, как не раз заявлял Антон. И когда вы голосуете за участников, они уже сидят спокойно дома и пьют чай, зная, кого выбрали эксперты. А вот телефонное голосование, по-моему, настоящее, только ставится на уже записанную программу.

Студия: довольно убогая, если смотреть изнутри. В телевизоре выглядит получше. Нас усадили на какие-то заляпанные офисные стульчики, пол грязный, под большим экраном перед нами торчит бревно (в эфире почему-то не видно). В общем, заметно, что все еле дышит и вот-вот рухнет.

Само шоу: довольно искусственно, жизни нет. И опять вранье. Перед шоу Антон нас предупреждал «Мне не нужны сопли, мне нужна жестокая борьба. Кому не нравится – могут уходить. После программы хоть сексом друг с другом занимайтесь, а в студии будьте любезны мочите друг друга. Это мое шоу, и я здесь устанавливаю правила» (помню не дословно, но смысл такой).

«Эй, а вот такого я точно не говорил! Честно, не говорил и не мог такого говорить ИМ! Ну, конечно, по смыслу все верно, но выражения-то не те. В этих выражениях я со СВОИМИ могу общаться. Или подслушал, трансвестит несчастный? Раздавить гадину!»

Я не стал спорить с Антоном. Это, действительно, его шоу. В итоге картина в студии такая. Сидят четыре человека, которых друг другу назначили во враги, и во время сюжетов и рекламных пауз обсуждают «Ночных снайперов» и снижение цен на телефоны 3 G. Но вот раздается крик режиссера «Студия!», и участники реалити-шоу начинают усердно изображать сволочей и злых критиков, разбивают сюжеты конкурентов в пух и прах. Трудно судить себя со стороны, но изнутри очень смешно. Ну, а вас, уважаемые зрители, просто дурят. Если вы, конечно, до сих пор верите тому, что показывают по телевизору.

Наверно, не скажу ничего нового, но в очередной раз убедился, что все реалити-шоу «Карьера» всего лишь наивная попытка заработать рейтинг на обмане зрителей. Конечно, все телевидение это большой обман. Но обман может быть тонким, изящным. Здесь же он грубый, явный, уши торчат изо всех щелей. Ну конечно, они там все непрофессионалы. А вы что хотели? Деревенское ТВ.

P.S. Кстати, я прошел в следующий тур.

Я хотел ответить Алисе. Сделать это в форуме было несложно. Но сдержался. Потому что большинство из написанного было правдой. Конечно, Алиса не знал, сколько сил и средств потрачено на подготовку всего проекта. Он замечал – и очень верно – те косяки, на которые сил не осталось.

Я подумал, что правду говорить легко и приятно, особенно в Интернете и под вымышленным именем. А вот слушать правду про себя тяжело и противно. Особенно если ты слушаешь ее не один. Один из восьми – казалось бы, найти несложно. Но... До сих пор у меня не было убедительной версии. Все реалисты были похожи друг на друга – немного наивные, немного тщеславные, немного закомплексованные. Обычные ребята и девушки. Никто из них не тянул на предателя.

Из колонок компьютера раздался стук. В корпоративном чате этот звук означал приход нового сообщения. Я кликнул на него. Сообщение было от директора.

– Алису-то читал свежую? Зе бест!

– Поймаю, убью суку.

– А я бы на твоем месте ее на работу взял.

– Ты издеваешься?

– Нет. Твои ТАК бы смогли партизанить? Это реальный журналист. И слог есть. Так что ты бы поискал, кто он там или она.

Я взял кофе в автомате и выпил полчашки, размышляя над словами директора. А ведь он прав. Алиса, безусловно, заслуживает уважения. Противник, кем бы он ни был, мне попался достойный. Вряд ли кто-то из моих корреспондентов смог бы продержаться несколько недель на вражеской территории, не раскрыться и сделать серию захватывающих (судя по числу посещений форума) репортажей. Это вам не выставки снимать. Да и язык, образы, меткие выражения – ведь именно это и задевало больше всего. Как будто бы я учил писать. И все же... Я снова активировал чат.

– После такого взять на работу???

– А че, зато он вам вон как проект раскрутил. Полсотни гоблинов только в форуме сидит. А сколько читает.

– Ты хочешь сказать, что если бы Алисы не было, ее стоило бы придумать?

– Как говорил Марк Твен, любое упоминание, кроме некролога, работает на нас. Это поколение такое. Они не могут без Интернета. Виртуальные призраки. К тому же если ты его возьмешь, все гоблины заткнуться. Получится, что он их тоже кинул, когда опускал СТВ.

– Сам придумал про призраков?

– Не, я ж сам ничего не придумываю. Как и ты. Украл где-то.

Виртуальные призраки. Я подумал, что ценность человека у поколения «net» определяется уже не суммой на счете, а рейтингом его блога. С маниакальной жаждой он плодит собственных призраков: умных, гениальных, успешных, сексуальных, отвратительных, мерзких, каких угодно. Здесь можно не выбирать между добром и злом, а быть добром и злом одновременно – скажем, в «Избранном» рядом с сайтом Оптиной Пустыни лучшее порно Рунета. Призрак отравил мне жизнь. Смешно.

Купить! Точно, купить! Он, или она, вроде, в газете работает? Зарплаты там на порядок ниже. Поговорить с каждым, объяснить ситуацию. Назвать сумму. Наверно, тяжело будет работать с человеком, который все вот так на тебя выплеснул... Но ведь если он победит в шоу, про «Дневник жертвы» все скоро забудут. Пожалуй, это даже единственный нормальный выход.

Не успел я дойти до своего кабинета, как услышал привычное «Антонио, тебя». Звонок переключили не в мой кабинет, а в ньюс-рум, где вокруг жужжали журналисты, бегали ничего не подозревавшие участники реалити-шоу, а редакторы отстукивали веселую чечетку на клавиатуре.

– Антон Александрович? – вежливо поинтересовался голос на том конце трубки. – Это вас беспокоит Владимир Жеглов, отдел по борьбе с экстремизмом и терроризмом УВД области.

«Хера се... – произнес я про себя во время повисшей паузы. – А где Глеб Шарапов?»

– День добрый, рад познакомиться...

– Антон, можно на «ты»?

– Почему нет.

– Ну и отлично. Ты человек молодой, я тоже не стар. В общем, разговор один есть. Ты не мог бы к нам подъехать?

Конечно, мог бы. Вроде терроризмом и экстремизмом я в последнее время не баловался. Но сегодня, после бессонной ночи, большой стирки в форумах и разговора с директором мне надо было прийти в себя.

– Будете у нас на Колыме... Нет, уж лучше вы к нам... – я попробовал отшутиться, но собеседник никак не реагировал. – Если честно, сегодня никак времени нет ни минуты. Может в понедельник? Или, если сможете, вы к нам подъезжайте (на «ты» я перейти так и не решился). Или у нас официальный разговор?

– Нет, разговор неофициальный, и даже я бы сказал, ознакомительно-профилактический. Пожалуй, подъеду.

Понятия не имел о существовании такого отдела в УВД. Может, недавно создали? Я начал перебирать в голове все возможные поводы такого внимания к своей персоне. Сюжетов, которые могли заинтересовать Жеглова, в последнее время было предостаточно. Скажем, в репортаже про цыган пара фраз тянула на разжигание национальной розни. Мы гонялись за сенсациями и иногда их находили. Иногда – на свою задницу. Ладно, посмотрим, господин Жеглов, чья кошка чернее...

Я представлял себе этакого шпиона в сером плаще. Однако на крыльце телекомпании стоял совсем другой человек. «А он-то что тут делает», – подумал я, глядя на несостоявшегося участника реалити-шоу, скинхеда по фамилии Шарапов. Улыбаясь, Шарапов полез за пазуху кожаной косухи, и тут я все понял.

То, что его внешность в сочетании со статусом вызывает у окружающих некоторый шок, Жеглову-Шарапову, видимо, доставляло удовольствие. Поэтому я не отказался взглянуть в удостоверение, где была та же строгая фотка, что и на анкете для нашего шоу. И у меня опять появилось ощущение, что где-то этого парня я уже видел.

Пока мы поднимались ко мне, я трижды поблагодарил интуицию за то, что не взял скинхеда в проект. У каждой фирмы в нашей стране есть, что скрывать от милиции. Хотя бы сканер, который стоял в потайной коморке и позволял слушать переговоры по рации дежурных патрулей, а потом снимать горячие криминальные новости. В УВД догадывались о сканере и даже как-то совершили налет под предлогом проверки эвакуационных выходов. Но ничего не нашли – золотой ключик был спрятан за ширмой в студии.

– Знаешь, Антон, в стране сейчас довольно непростая ситуация. Скажу тебе это, хотя не должен говорить. – «Вербовать он меня, что ли, пришел? Но зачем и почему пришел? Удобнее на нейтральной территории. Как-то нелогично». – В стране не совсем все так, как показывают по телевизору. Если по телевизору говорят, что в Чечне налаживается мирная жизнь, это необязательно, что она налаживается. На самом деле там идет война. – «А я, блин, этого не знаю! Я где вообще работаю-то?»

– Да, проблемы есть. Но лучше жить в ТАКОМ государстве, чем без государства вообще. Или в государстве, которым управляют ОТТУДА. И есть силы, готовые это государство защищать.

Жеглов явно намекал на себя. Ну вот, «и треснул мир напополам». Борцы со злом, блин. Преступников бы лучше ловили, а то вечером на улицу не выйдешь...

– И в нашем городе все не так спокойно, как показывает телевизор, – Жеглов продолжал. «О, это уже ближе к телу. Ну что-что мы там упустили из горячих новостей? У нас тоже война?» – У нас тоже идет война, но война скрытая. Некоторые люди, которых еще недавно называли оппозицией, сегодня разными способами проникают во власть. И начинают влиять на многое. Ты понимаешь, о ком я говорю?

– Пожалуй, что да, не в лесу живем. Газеты читаем.

Говорил Жеглов о моем недавнем собеседнике в кафе на Арбате, и это мне совсем не нравилось. Сейчас шла очередная кампания по борьбе с взяточниками. Что-что, а оборотней с микрофоном в нашем городе еще ни разу не ловили. Красивая была бы история. В одной из газет насчет тайного спонсора моего реалити-шоу недавно на самом деле была статья – где его и его друзей называли не иначе как агентами ЦРУ. Дураку ясно, материал был заказным.

– Так вот. Нас это не может не тревожить. И не могут не тревожить их слишком близкие контакты со средствами массовой информации. На Украине, знаешь, с чего начиналось? С газет и телевидения. А деньги они получают из одного места... Так вот, я просто хочу предупредить... Если тебе эти деньги предложат, не бери их, Антон. У НИХ брать не надо.

– А у вас на НИХ что-нибудь есть? В смысле дело там уголовное или еще что-то в этом роде? Доказательства, видео-аудио записи? Передача чемоданов баксов с коробками из-под ксерокса? Свидетели? Или ТАК все пока, на уровне разговоров? – Я знал, как нужно разговаривать с ментами. К тому же я был на своей территории и не собирался писать чистосердечных признаний.

– Нет. Пока. Точнее нет пока сигнала. А если будет сигнал, будет такое реалити-маски-шоу, что мало не покажется. Будут и записи, и описи, и свидетели. И некоторые еще будут просить о том, чтобы стать свидетелями...

« ...а не подозреваемыми. Понял, не дурак», – мысленно довел я до логического финала мысль Жеглова. Пожимая руку на прощание, я наклонился к нему несколько ближе. Ну и ну! Коньяк! Или виски? Сомнений не было – совсем недавно увэдэшник опрокинул рюмку-другую.

«ЭЭЭ, а антитеррор-то, похоже, больше меня очковал перед встречей. Оттого и понты. Ну конечно, мы же боги из ящика, а они всего лишь менты. Понты-менты... Бенкендорф хренов», – подумал я, но это меня не утешило. Особенно огорчила фраза про «реалити-маски-шоу». Что же они, все прослушивают? И вдруг, кажется, я вспомнил.

Лет десять назад, когда я еще играл рок-н-ролл, нам довелось выступать вместе с неонацистской командой «Мертвая голова». По-моему, Жеглов стучал там на барабанах.

10.

– К вам можно? – в мой кабинет заглянул Сергеев, участник реалити-шоу, телевизионную жизнь которого продлил гривенник. Сергеев был щупленьким пареньком с внешностью менеджера по продажам.

– Заходи. Ну что, все не можешь найти тему сюжета? Опять мне за вас придумывать?

– Я как раз хотел предложить тему.

– Ну-ка, ну-ка...

– У меня у тетки подруга живет в старом доме на Гоголя. Деревянном. Дом у них расселяют. А у нее двое детей, и по всем правилам трешку должны дать. А им двушку предлагают. Ну и она отказывалась-отказывалась, а всех соседей расселили уже. На этом месте элитный дом строить будут. А подруга тетки не выезжает из квартиры. И теперь у них отключили газ и воду, только электричество оставили. Чтобы, значит, они согласились на двушку. Вот такая тема. Как вы думаете?

– Глупая она, твоя тетка. Надо было чиновнику из администрации денег дать.

– Да вот они и говорят, что все дали, кто уже квартиры получил, а ей нечем. Муж у нее инвалид, сама с детьми сидит. И что делать, не знают.

– На камеру-то скажут?

– Скажут.

– А про взятки?

– Надо узнать. Но, думаю, скажут.

– Ну давай, снимай. Мы раз десять такое снимали, но уж если нет ничего лучше... Кстати, если про взятки будет синхрон, ты комментарий в администрации возьми. Чтобы они сказали: «нет, такого не может быть». А то потом в суд на нас подадут.

– А будут в администрации говорить-то?

– Скорее всего, нет. Но попробуй. Дура... То есть новичкам везет. Ты им скажи, что если они откажутся, мы про это скажем в эфире. Значит, типа, им есть чего бояться.

– А суд?

– Есть одна отмаза. Перед синхроном про взятки в тексте надо написать, что это мнение жителей. А мнение у нас высказывать никому не запрещено. Понял?

Сергеев ушел. Сколько мы таких сюжетов переснимали? Тысячи. Одному-второму-третьему помочь можно. А история повторяется каждый раз. Система.

На следующий день Люба с Сергеевым уехала на съемки, а я с утра маялся виртуальным бездельем. В блоге Алисы появились свежие комменты. Мог ли Сергеев быть Алисой? Вполне, я уже ничему не удивлялся. Да и темку он нарыл для новичка неплохую. Вроде бы родственники подбросили, но... Зверь в нашей работе бежит на ловца, причем ловкого ловца.

Журналисты делятся на две категории. Одни заводят связи, находят информаторов и выуживают скандалы. Вторые пересказывают то, что нашли их более удачливые коллеги. Многим из второй кагорты удается сделать это талантливей, чем первопроходцам. Они чаще бывают на виду, их больше знают зрители и читатели, но в профессиональном сообществе ценятся все-таки первые.

Зазвонил телефон – Люба.

– Ну что там у вас?

– У нас тут проблемы, нужен ты.

– А сами не разберетесь?

– Видишь ли, мы в прокуратуре.

– Забрали? Ну наконец-то. Я уж и не надеялся!

Люба хмыкнула.

– Не дождетесь. Мы сами сюда приехали. По сюжету. Но нужно, чтобы приехал и ты.

– А поконкретнее нельзя?

– Нельзя.

– Понял, не дурак. Ну хоть намекни.

– Сюжет может получиться еще интереснее.

– Прокуратура Ленинская?

– Ага.

– Минут через пятнадцать буду. Ждите.

Через десять минут я на своем форде подъехал к сталинскому дому в форме буквы «П». Крыша буквы выходила на большой проспект, по другую сторону которого располагался культовый магазин «Гастроном», а ножки – на бульвары-аллеи. В месте сочленения «левой ноги» с «крышей» располагался вход в районную прокуратуру. В народе дом называли «Непьщей». Одни говорили, что в пятидесятые здесь был районный вытрезвитель, но мне больше нравилась другая версия. Над входом в прокуратуру вздымалась статуя Фемиды. Об этом, правда, знали немногие. Богиней правосудия сталинская Фемида была недолго – ровно до первой после постройки зимы. Когда глыбы льда, упавшие с крыши, снесли хрупкую руку с весами. Руку восстановили, но через год история повторилась. Суеверные коммунальщики бились с ледопадом года четыре, пока райком не перестал выделять деньги для восстановления священной длани. И тогда было принято соломоново решение. Рабочие – для симметрии – откромсали и вторую руку богини. Когда я, услышав в первый раз про название дома, спросил, почему, собственно, «Непьющая», мне сказали: «видишь – напротив «Гастроном». И все туда идут за водкой. А она не идет, потому что ей пить нечем. А глаза завязали, чтобы слюни не текли».

Под статуей Непьющей меня ждал Сергеев с оператором.

– А Люба где?

– С прокурором чаи гоняет.

– Это с каким же таким прокурором?

Я для проформы вяло стукнул в дверь и вошел. Опа! Бухарин!

– Вадим Вадимович! Сколько лет, сколько зим!

– Здравствуй, Антон, ты-то мне и нужен.

С Бухариным я не виделся несколько лет. Когда-то он был лучшим следователем в областной прокуратуре. Мне тогда повезло – я первым зацепил пару острых тем, по которым мы с ним и пересеклись. Бухарина боялись, я быстро это понял. Он был одним из немногих, с которым невозможно договориться. На допросах он пугал бандитов, чиновников и директоров заводов одним своим видом. У него была какая-то редкая болезнь, которая сделала его похожим на скелет. Паталогическая худоба, круглые очечки, как у Берии, и чуть картавая речь. Кажется, над этим можно было только посмеяться. Но клиентам Бухарина смешно не было. Приговоры по его делам почти всегда были обвинительными, а обвиняемые отправлялись за решетку надолго. А потом власть в прокуратуре сменилась, и Вадим, как говорят, стал неудобен. Слишком честный. Какая-то проверка нашла какие-то нарушения, ему влепили выговор и перекинули в отдаленный район.

Потом мне рассказывали, что следователю предложили два варианта – оставить в прежней должности, но понизить в звании, а значит – в зарплате. Или перевести в район, но оставить прежние деньги. Якобы Бухарин выбрал второй вариант. Я пару раз созванивался потом с ним, но в его глухомани самым интересным делом была поимка самогонщиков, и наша дружба сама по себе сошла на нет.

– Пойдем-ка покурим. А ребята пусть здесь посидят, – я-то помнил, что Бухарин не курил.

Следовательно, тема действительно была интересной. Самые интересные новости вот так и сообщают – не по телефону, не в кабинете, а с глазу на глаз, где-то в нейтральном месте. Бывало, что прокуроры или менты даже встречи назначали смсками с чужих мобильных. Чтобы никто и заподозрить не мог внеплановых контактов с прессой. Мы вышли на аллею.

– Так вот, Антон, мы вчера Мамонова взяли.

– Это замглавы Ленинской администрации?

– Он самый. А ты знаешь, кто он?

– Нет.

– Родственник мэра. Племянник или что-то вроде того.

– Ого. Кругом у него родственники. А как взяли?

– На взятке. Съемка, передача денег, все есть. Прямо в кабинете. Оборзел совсем. Думал, видно, что раз дядя, ничего не будет. Вчера вечером взяли. А сегодня ребята твои звонят и про Гоголя спрашивают.

– Так это что же, выходит, связано?

– Ты слушай дальше. Ребята твои звонят и про Гоголя спрашивают. А взятку-то он брал у женщины, которая в аварийном доме на Гоголя живет. И он с нее десять тысяч долларов требовал, чтобы трехкомнатную квартиру дать. Которую по закону положено. А у нее нету этих денег, ну и к нам пришла, значит. И все сделали чисто. Так вот ребята звонят по городскому, и я уже их послать, честно говоря, собирался, как тут мне на мобильный другой звонок. Я ответил. А это из приемной областного прокурора. Просят, говорят, отчет по этому делу. И все материалы к обеду. И я тут вдруг передумал твоих ребят посылать. Пусть, думаю, приедут.

Дуракам везет – подумал я еще раз. В груди поднималась знакомая волна. Это предчувствие. Это волна адреналина. Сейчас мы получим такую бомбу, какую... Вернее, почти получили. Ах, как же хорошо, что Бухарина снова вернули в город. Вот ведь как все совпало – тетка Сергеева, задержание Мамонова, племянничек мэра, звонок из прокуратуры.

– Ну и, знаешь, подумал я, Антон, что надо бы про это дело рассказать. По ящику вашему. Пока дело у меня не изъяли и не замяли по тихой. Я тебе одному из журналистов доверяю. Копию диска я сделал.

– ОК, Вадим Вадимович. А вы сами-то не боитесь? – Бухарин усмехнулся.

– После самогонщиков мне бояться нечего.

Тут же, в аллее, подальше от чужих глаз Сергеев записал интервью с Бухариным, а я забрал диск. Сюжет мы обещали сделать сегодня. До первого выпуска новостей оставалось часов пять. На студии я сел расписывать кассету вместе с Иваном. Понятно, сюжет придется делать мне, мальчик только его начитает. С бомбами должны работать саперы.

– Вань, ты покури пока. Я тебя в монтажку позову. Сюжет выйдет под твоим именем – так что тут не переживай. Славу огребешь по полной. Или не славу.

Сергеев насупился. Значит, просыпается журналистская гордость. Сам хочет. Но мал еще.

– Вы же говорили, я его буду делать. А выходит, вы мне подыгрываете.

– Если ты сам будешь делать, а я потом править, он у нас до завтра не выйдет. А там и конкуренты проснутся. СТВ должно быть первым. Ясно? Вот выиграешь проект, будешь у нас работать – тогда и поговорим. А пока я отвечаю за новости. Это не игра в ящик, тут все серьезно.

Материал был действительно сочный. Сначала я посмотрел отснятое видео. Женщина с измученным лицом показывала свою квартиру в деревянном бараке. Сергеев догадался снять ее поход с ведрами на колонку (воды в доме не было) и попытку растопить печь, чтобы приготовить еду.

Муж-инвалид сниматься не захотел. Всегда у нас так, баб на амбразуру. В синхроне женщина про взятку не говорила, но все мытарства с получением квартиры описала подробно. На оперативной съемке Мамонов – молодой парень, но уже с по-чиновничьи округлым лицом – брал пачку долларов и без стеснения пересчитывал. Момент задержания Бухарин вырезал, и вслед за передачей денег шли кадры разложенных на столе купюр, на которых в лучах специального прибора четко высвечивалось слово "взятка". Три часа до эфира.

Текст пошел легко. Сначала я дал «лайф» взятки – момент передачи денег без комментария. Рассказал про операцию Бухарина. Потом про женщину, оставшуюся с детьми в брошенном доме. Про хождения по инстанциям и отказы чиновников. В конце вернулся к взятке и родственным связям Мамонова с градоначальником. Пора на монтаж. Два часа до эфира. Сергеев начитывал текст в монтажке, а я тихо злился. Все-таки дурацкая затея с этими народными корреспондентами. Ване никак не удавалось уловить интонацию. Придется долго и нудно склеивать в компьютере удачные куски начитки. Значит, на монтаж видео времени останется меньше. А в нашем деле главное – картинка.

– Стоп-стоп, никуда не годится, – я прервал очередную попытку справиться со сложноподчиненным началом. – Вот послушай, и попробуй прочитать также.

Я прокашлялся, но кашель заглушили звуки похоронного марша. Директор. Неужели?

– Выключать надо телефон, – проворчал монтажер.

– Останови. Алле! – звонил директор.

– Слушай, вы что-то гадское сегодня про мэрию снимали?

– Да.

– Про что?

– Про взятку.

– Считайте, что не снимали. Хозяину мэр звонил, это какой-то его родственник. И слезно умолял не показывать. В общем, упыри договорились. Забудьте об этом сюжете вообще. Андестенд?

– А если мы не будем говорить, что родственник? Если лицо закроем.

– Ты не понял что ли? Им по хер! Сказали нет, значит нет! Уволят сразу. Андестенд?

– Да чего уж непонятного.

Шеф бросил трубку. Я повернулся к Сергееву.

– В общем, Ваня, иди домой. Рано тебе еще такие сюжеты начитывать. Завтра что-то другое снимешь.

– Как это рано? Я ведь снимал, – участник реалити был похож на детсадовца, у которого отнимают игрушку. – А как же шоу?

– Слушай, ты тупой? Какое шоу? Непонятно что ли – запретили сюжет! Ты в какой стране живешь? Позвонили сверху, и запретили. Это для тебя игра, а меня уволят. Ты моих детей кормить будешь? – я сбавил тон. – Ладно, Ваня, не расстраивайся. Работа у нас такая.

– И часто у вас так бывает?

– Часто. Видишь, я говорил, что новичкам везет. Ты вот второй сюжет снимаешь, а уже почти все прелести почувствовал. Фигня, за одного битого двух небитых. Знать бы только, какая скотина нас спалила. Видно кто-то из прокурорских стуканул, что к Бухарину ТВ приезжало. Подстраховались.

Я вышел на улицу и закурил. Полтора часа до эфира. Пофиг. Перед Бухариным неудобно. А что сделаешь? Да ладно Бухарин, тетку эту жалко. Я вспомнил кадр, в котором уставшая баба тащит по лестнице на второй этаж два ведра воды. Кинут, теперь точно кинут. Наплевать даже на взятку, на скандал наплевать. Я пошел по улице прочь от телекомпании. Сигареты кончались, надо купить новую пачку. Может, слить в газеты? Вряд ли кто-то возьмется. В мэрии не дураки, предупредят всех. А кто захочет ссориться? А если и захочет, надавят через учредителей. Все просто. Все как всегда.

Гнусно все это. И стыдно. Стыдно перед пацанами и девочками. Сергеев, конечно, расскажет

всем. Алиса напишет в своем форуме. Пусть, пусть все знают. Оттрахали так оттрахали. Не целка давно. Пора бы и привыкнуть. Я почувствовал во рту какой-то свинцовый привкус. Противно. Что я сделаю? Ничего. Тошнит, тошнит от этой работы. Тошнит от директора, от Глеба, от бабок его этих. Тошнит от вранья. Хозяин ведь даже ничего не понял. Он ничего не знает про Бухарина, про азарт, про шоу, про бабу с ведрами, про мои мученья. Один звонок и три слова: «племянник, взяли, не показывайте». Маленькая услуга. О чем разговор. В следующий раз услугу окажет мэр. Два уважаемых человека сделали друг другу доброе дело.

Так было и раньше. Но раньше запреты касались только личных проблем местных ВИП-персон. У одного спалили дом, другой устроил пьяный дебош на банкете, третий не заплатил налоги. От того, что сюжет про очередные чудачества местной элиты не вышел в эфир, страдал только наш рейтинг. Сейчас дело было не только в этом. Я должен подставить конкретного живого человека. Слабого. Которого даже прокурор, как выяснилось, защитить не может. И для чего – для того, чтобы отмазать какого-то зарвавшегося отморозка. Мы любим говорить о собственном цинизме, но каждый журналист знает, для чего он работает. Или должен работать. Мы продаемся, но только до тех пор, пока это не касается главного. Как алкоголик, который может пропить все в доме, но не игрушки сына. «Пачку Голуаза, пожалуйста».

Я выбросил пустую пачку, распечатал новую, закурил и пошел в сторону телекомпании. Час с небольшим до эфира. В плане выпуска сюжет про взятку я удалил. Но ведь... Я зашел в аппаратную. Режиссер копался в компьютере, составляя в плей-лист уже готовые сюжеты.

– Коль, как там у вас, все сюжеты готовы?

– Да почти все, денежное дерево минут через пять прилетит.

Я вспомнил этот сюжет. В мэрии в одном из кабинетов зацвело денежное дерево. Говорят, большая редкость. Сюжет из разряда бантиков. То, что дается в конце выпуска после привычной политики, кровищи и спорта. Чтобы у зрителя после просмотра новостей оставалось хорошее настроение.

– Коля, перед самым выпуском к тебе прилетит еще один сюжет. Поставь его первым. Ведущим текст я напишу на бумажке, без суфлера прочитают. Он будет называться «Денежное дерево-2». Андестенд?

– Да конечно, главное, до выпуска успейте.

– Успеем. Мастерство не пропьешь.

Денежное дерево. Получите, распишитесь. Давайте, увольняйте. Вернее, попробуйте. Заявление сам писать не буду, не дождутся. Что там форум – я выйду на федеральные газеты. Всех не перевешают. Кажется, президент объявил войну коррупции? Ну вот я и расскажу все: и про Бухарина, и про взятку, и про Хозяина, и про мэра. Уволят? Наплевать. Найду работу. В Москву уеду. Хоть один раз, но я их научу. Пусть боятся. Не все же нам. Волна адреналина поднималась внутри с новой силой. Уже не волна – цунами. Хотите боя? Вы его получите. Жаль, нет времени переписать текст. Жестче, я бы сделал его намного жестче! Так, чтобы кирпича на кирпиче от мэрии не осталось. Меньше часа до эфира.

Только б директор не проверил. Хотя – если он позвонит выпускающему режиссеру и спросит, есть ли сюжет про мэра, ему ответят, что нет. Его и нет. И не будет, он появится перед самым выпуском. Текст я начитал сам. С представлялкой в конце, отвечать за скандал буду только я. Сорок минут до эфира. Успеть бы. Монтажер, похоже, все понял и не задавал вопросов. Больше того, работал с упоением. А то – это вам не выставки снимать. Приятно монтировать такую фактуру. Ну, кажется, все. Десять минут до эфира. Просчитываем видео. Успели. Сюжет улетел. И я улетел. Пять минут до эфира. Я зашел в свой кабинет. Городской телефон разрывался. Взять – не взять? Лучше не брать. Звонить ведь может директор. Запретить он еще успеет. Нет, тот бы позвонил на мобилу.

– Я слушаю.

– Здравствуйте, вы главный редактор? – Голос женский и сильно взволнованный.

– Да, это я.

– Это Мария Селиванова с улицы Гоголя. Ваши журналисты сегодня снимали про меня сюжет. Умоляю вас, не показывайте его!

– Подождите. Вы ведь по расселению жилья?

– Да, да, это я. Я прошу, не надо это показывать.

– Это почему же не надо?

– Вы поймите, у меня двое детей, муж-инвалид, я сама работаю санитаркой в больнице. Эта квартира – она нам очень, очень нужна!

– Так мы и поможем вам ее получить, все, что положено по закону. Разве не так?

– Нет, ничего вы не поможете! Вы все испортите!

Матерные слова бурлили в моем горле и готовы были выплеснуться в телефонную трубку. Вот так вот! Вот из-за чего я рискую.

– Уж не звонил ли вам кто-то из мэрии.

– Да-да, я дура была неграмотная, не понимала, вот и попросила свою подругу помочь. Не понимала ничего. Они ничего мне не дадут, если вы покажете про меня. А так обещали четырехкомнатную! Вы представляете – четырехкомнатную! Мы потом ее обменяем на меньшую с доплатой. Дети на море в первый раз съездят! У меня сапогов нормальных нет!

Две минуты до эфира. Денежное дерево-два сейчас просыплет на город свои зеленые лепестки. Не в тему подумалось – с Глеба за такой сюжет еще пятьдесят сверху... И этой дуре отдать – пусть купит десять сапог.

– Они вас обманут. Просто обманут, как обманывали раньше.

– Что вы понимаете?! Вы сломаете мне жизнь! Я подам на вас в суд! Вы – продажные бессовестные писаки! Вам только жареные факты подавай, а на людей наплевать! Я пойду к вашему начальству...

Минута до эфира. Я положил трубку. Тот, ради кого я только что пожертвовал своей карьерой, только что назвал меня бессовестным и продажным. И был, если честно, недалек от истины.

Эфир. Двигатель затарахтел, как бы раздумывая – завестись или заглохнуть – спустя секунду сжалился над хозяином и машина ожила. В магнитоле торчала флешка с альбомом группы Кьюе. Лет десять я искал альбом «Head on the door». Продавцы в музыкальных магазинах только разводили руками: восемьдесят пятый год, таких раритетов давно не издают. И вот, купив мобилу с 3 G, я обнаружил не меньше двадцати сайтов, откуда можно было скачать все песни Кьюе. Как все просто. Слишком просто, чтобы догадаться раньше. Может, я просто все усложняю? Может, надо жить проще? Кому был нужен мой демарш? Бухарин бы, наверно, понял. И реалисты тоже. Да и в конце-концов, не наплевать ли мне на чье-то мнение? Безработному точно будет наплевать. Звонок. Бухарин.

– Привет, Антон. Смотрел сюжет, ну молодец. Если честно, не ожидал. Думал, запретят. Мне в области так и сказали – зря ты на прессу понадеялся, кинут. Ну, теперь Мамонов не отвертится.

– Да ерунда, Вадим Вадимыч, все нормально. Что нам стоит-то?

– За мной должок, звони, если что...

– Ага, обязательно.

Я не успел закрыть крышку трубки, как на дисплее высветился еще один номер. Тот, которого я ждал.

– Да, – Берлинская стена в моем голосе. Давай, ломай. Я включил Кьюе. Голова в двери.

– Вот скажи мне, нахер так делать?

– Как.

– Дебилом прикидываешься? Ты же вроде умный человек. Ты ведь все понимаешь. Снимут тебя, снимут меня – какой я начальник, если мне не подчиняются? И все, все что мы создавали, рухнет. Чего ты добьешься?

– Правды.

– Какой правды? Нет никакой правды. Если пастухи и есть бараны. Пока пастухи их пасут, баранам хорошо. А если бараны убегут в лес, их там волки сожрут или сами с голода сдохнут. Баранам свобода не нужна! В вашей стране всегда так было и всегда так будет. Разве ты сам не знаешь?

–Знаю, но я сделал так, как должен был сделать.

Пауза. Дышит, думает. Какой же клевый этот альбом у Кьюе!

–Ладно. Подождем до понедельника. Может, и не так все плохо. Но из следующих выпусков я это уберу.

– Ты начальник.

Газ, и машина ввинтилась в вечернюю трассу. Я усмехнулся. «Сделал так, как должен был!» Интересно, насколько искренне это было сказано? Или опять – игра в ящик? Почему я не уверен даже в таких простых вещах? Что было главным – желание защитить эту несчастную, журналистская гордость, страх перед очередной виртуальной поркой, азарт взлома запретов? Пустой город пролетал мимо, пустой город не давал ответа. Слишком дорого для меня будет стоить этот ответ. Но почему я выпал? Почему мне по-прежнему противно то, что для других в порядке вещей? Как будто однажды с утра все решили поменять значения знаков. И красный свет светофора теперь разрешает, а зеленый запрещает. И только я один упорно и бессмысленно еду на зеленый под нервные сигналы и вопли стирающихся об асфальт шин. А ведь я вроде бы такой же. Глупо считать себя лучше других. И хуже тоже...

Нет, с этим надо заканчивать. И случай подходящий. Все к лучшему. Если есть Бог ящика, он устроил все наилучшим образом. Я уйду со скандалом, и это оправдает все то, что я делал раньше. Начнется совсем другая жизнь. Жизнь без ежедневного вранья, без уродов-начальников, без лицемерным политиков, без избирательных кампаний, без утренников и гоблинов. Жизнь вне ящика. Настоящая жизнь. Да, да, настоящая жизнь. Внутри меня поднималась еще одна (какая по счету за сегодняшний день?) волна, и я летел на ней, как серфингист, я чувствовал на лице брызги и ветер, я вдыхал запах соленого солнца, я видел далекие горы на берегу – цель своего полета, видел, как нежно трутся облака о щеки склонов, моя кожа покрывалась пупырышками от предчувствия прохлады ущелий, руки черпали горстями ледяную воду горного ручья... Я поймал мгновение абсолютной свободы, которая и есть – счастье.

II.

Майское солнце заполнило лучами комнату, не оставив ни одного темного уголка. Брошенные у кровати носки, скомканные джинсы на журнальном столике, книги на полу, россыпь дисков на дивидюшнике, похожая на груду серебряных медалей спортсмена, обреченного всю жизнь быть вторым. Жена еще в роддоме, ребенок у бабушки, а я здесь один. Во сколько хоть заснул? Часа в четыре, если не в пять. Зато узнал ночную сетку всех каналов. Я сел на кровати и уставился на часы. Странно, еще только полвосьмого. Значит, сработал внутренний будильник. В холодильнике оставалась недопитая бутылка «Беленькой» – привет Гоше. Но вчера я к ней не притронулся. А зря. Адреналиновое похмелье хуже обычного.

Лицо под струю холодной воды. Зеркало. Я посмотрел на себя и ничего не увидел. Подумал о том, что сегодня потеряю все, что строил последние несколько лет. Никакой реакции. Подумал о жене и о ребенке – первом и втором, которого видел позавчера – фиолетовый комок с гордым лицом и десятком черных волосин на затылке. Моя плоть и кровь. Никакой реакции. Подумал о том, как я буду говорить с директором, как ужалю его больнее. Никакой реакции. Мое лицо не выражало абсолютно ни-че-го. Неужели я стал таким? Как-то раз на какой-то заседаловке я слушал доклад вице-губернатора о развитии физкультуры и спорта. Чиновник приводил цифры,

расписывал достижения, и даже иногда шутил. Но в какой-то момент я вдруг понял, что его речь абсолютно произвольна, автоматична, что он как будто бы запустил в голове программу «Физкультура и спорт», а в это время думает совсем о другом. Мне даже показалось, что на секунду я попал в его мозг, и прочитал там, вернее увидел, схему интриги по устранению конкурента по влиянию на губернатора, черновик отговорки от поездки с женой по столичным магазинам, смету подарков любовнице и вариант решения проблемы армянской бизнес-диаспоры.

Какое увольнение? Какая свобода? Чем бы выветрить перегар вчерашних мыслей? Как можно так врать самому себе? Еще пару лет, и я стану таким же, как тот чиновник. Тот, кто умеет обмануть себя, легко обманет и других. Ну да, возможно на другой работе. Я стану еще сильнее, умнее, хитрее и циничнее. Как бы противно это ни было. Вариантов нет. Пусть смерч вокруг, внутри смерча вакуум. Эта знакомая пустота внутри. Логичная замена вчерашним волнам адреналина. За кайф нужно платить, и я это делаю в две тысячи первый раз. Значит, будет и две тысячи второй.

– Стоп. Эй, парень, ты не слишком жесток с собой?

– Пожалуй. Зато честен.

– Честен? А зачем она тебе, эта честность?

– ХЗ. Привычка, наверно.

– Привычка к самокопанию?

– Да нет. Привычка сомневаться. Привычка искать во всем второй, третий и четвертый смысл. Знание того, что истинные цели людей никогда не совпадают с тем, о чем они рассказывают окружающим. Скепсис по отношению ко всему, что выглядит благородным. Привычка не верить ничему.

– Выходит, ты не веришь даже самому себе?

– Выходит. Я слишком хорошо себя знаю, чтобы верить в собственное благородство.

– То есть, хочешь сказать, вчера оно отсутствовало?

– Да в том-то и дело, что нет. Но это было вранье самому себе.

– А мне кажется, ты просто слишком усложняешь. Все это не доведет тебя до добра. Иногда надо действовать, а не решать, зачем ты это делаешь. А потом решать уже бессмысленно. Также, как сейчас. Ты все сделал правильно уже потому, что сделал. А дальше должно быть то, что должно. Вот.

Директор вывернул из-за угла, когда я отходил из автомата с чашкой кофе в руке. От неожиданности я дернулся и коричневый напиток рванул через край на пол, едва не облив Китайцева.

– Убить меня задумал? Рано еще. Заходи.

Я пошел следом за директором, по пути прихлебывая остатки кофе. В кабинете Китайцев сразу включил ноутбук и начал щелкать по клавишам, чему-то улыбаясь. Казалось, про меня он забыл, а я и не собирался напоминать о своем существовании. Минут через пять Саша поднял глаза:

– Ну что, молись на меня. Все обошлось. Прикинь, вчера у мэра был день рождения, и они всем кагалом поехали в санаторий «Красный рассвет». Вся мэрия и особо приближенные бизнесмены. Первый выпуск они пропустили – как раз в это время банкет начался. Ко второму выпуску кто-то из мэрских, видимо, дополз до телевизора, и ничего, естественно, не увидел. Благодаря сам знаешь кому.

– Ты сам там что ли был?

– Не. Хозяину звонил. Как бы по другому поводу. А у него настроение было хорошее, вот и рассказал про мэрскую пьянку. Говорит, мэр лично его благодарил. Такой вот подарочек получился.

– А ты не думаешь, что кто-то, кто видел сюжет, мэру расскажет?

– Вряд ли. Свои побоятся приносить дурную весть, а с чужими он не общается. И потом – все

равно поезд ушел, и ничего никому не докажешь. Даже если и скажет кто-то, что был, это уже смешно – сначала спасибо говорить, а потом предъявы строить. В вашей стране важно ведь не событие, а отчет. Не что произошло на самом деле, а что об этом сказали по ящику. И даже не то, что сказали по ящику, а что из этого услышал обладающий властью очередной упырь. А упырь не услышал ничего, как ни странно. Ну что, рад? И рыбку съел, и косточкой не подавился?

– Не знаю. Пожалуй, нет.

Я, кажется, не врал. Наоборот, мне было обидно. А как же финальный диалог с Хозяином, уже не раз прокрученный в голове во время ночного бдения у телика? А как же угрызения совести Китайцева после моего увольнения? А как же ореол мученика? Меня сняли с креста в последний момент, после мучительного пути на Голгофу, после умывания рук и криков «распни!». Сценарий поменяли в последний момент, вышвырнув меня из главных героев. Вместо пространных монологов о вечном мне оставили малозначительные реплики. Я не попал в мясорубку авторитарного режима. Я не прошел кастинг в шоу «Похороны свободы слова». Бог Ящика не принял мою жертву.

– Ладно, ты еще здесь нужен. Но учти – следующего раза не будет. Дважды так не везет. И я уже не смогу тебя прикрыть. Да и не захочу. Тигра, попробовавшего человеческой крови, убивают.

– Да не бойся ты. Не будет следующего раза. Хватило и этого.

– Я рад, что ты все понял.

– Слушай, а можно я сейчас уйду с работы. Отоспаться бы.

– Ну давай, валяй. Приходи в себя. У тебя ведь это еще там, шоу, не забыл? А ты увольняться собирался.

– Забудешь про него. Спасибо.

...«Глубокое проникновение сотовой связи в нашу жизнь привело к появлению максимы «Я подключен – следовательно, существую». Одиночество сегодня стало равноценно состоянию «вне подключения», – усмехается Джозеф Дойл. Сейчас слагаемыми успеха 3G можно считать интерактивные проекты с другими видами медиа, мобильное телевидение, работу с сетевыми сообществами, мобильную музыку и мобильную рекламу. Если вначале крупные операторы искали одну killer application (буквально: убойное приложение) – услугу, которой будут пользоваться все, то сейчас стали переходить к целостному подходу из десятков новых услуг, создающих killer lifestyle (убойный образ жизни)».

Я закрыл «Эксперт» и вернул журнал на полку. Обычное дело – посмотрел оглавление, прочитал понравившуюся статью, закачал в себя информацию и ушел, оставив материальную оболочку. Кому она сейчас нужна.

На улице была жара, а в огромном европейском гипермаркете – кондиционированный рай. Я заехал сюда за водкой. Собственно, для этого и нужно было уйти с работы. В магазине у дома «Беленькая» кончилась, да и зачем платить за рейтинг слишком высокую цену? Ящика водки должно было хватить до конца проекта, а стоила она здесь раза в полтора меньше. Я задумался: что мы будем делать дальше?

Понятно, что сотрудничество с Гошей нужно продолжать. Но не может же он пить вечно. Да и дурра его вернется, рано или поздно. Если она поймет, какое богатство скрыто в небольшом ящике на телевизоре, можно запросто попасть на сценарий «Сказки о рыбаке и рыбке». Тут уж водкой не обойдешься. Видимо, придется рассказать обо всем директору. Этого как раз не хотелось. Одно дело, когда ты своим креативом поднимаешь рейтинг до небес, другое – когда ты банально подделываешь данные зрительской любви. Тут и прибавку к зарплате просить особенно не за что.

Ящик «Беленькой» давно уже покоился на дне огромной тележки, но я все блуждал и блуждал по бесконечным залам гипермаркета. Справа и слева, уходя высоко под потолок, стояли хо-

лодильники, телевизоры, упаковки соков, консервов, тюки с одеждой и так далее. «Пинь-пинь-пинь»: убаюкивающе пищали кассы, каждым звуком подтверждая формулу старика Маркса. Под эти звуки я все больше погружался в нирвану потребления. Казалось, всю жизнь можно бродить по этому лабиринту компромиссов между качеством и ценой. Бродить, собирая бонусы распродаж, выискивая спецпредложения и любуясь на ухоженных полуобнаженных девушек, практикующих шопинговую медитацию.

В зале играл какой-то карибский реггей, навевая мысли о неге, пальмах и блестящем море, усиливая и без того ирреальное ощущение. Обычные коридоры магазина превращались в модель мироздания, как на картине Уодсворта «Бронзовый балет» ржавые корабельные винты на задворках морского порта превращаются в танцующие живые создания.

– Покупаю, следовательно, существую. Кстати, как пройти в библиотеку?

Я дернулся. Рядом улыбался Глеб. Его тележка была доверху набита деликатесами, дорогим алкоголем, фруктами и фирменным шмотьем.

– Привет, слона-то я и не заметил.

– Ну уж, слона! Вот мэра свалим, тогда и будем слонами. А пока так – мелкий рогатый скот.

Мелкий. Рогатый. И с вилами.

– А что, скоро уже валить будете? До выборов еще почти год.

– В том-то и дело, что на выборах его не свалишь. Он же все поле местное зачистил. Надо раньше. Так что ты готовься. Скоро будет интересная инфа. Тебе, конечно, эксклюзив.

– Да ладно, колись, что делать-то будете?

– Рано еще. Чтоб не сглазить.

– Тоже мне, дети шпионов. Или сексуальный скандал или взятка.

– В нужную сторону мыслишь. Кстати, про сексуальный скандал я как-то не подумал.

Меня всегда поражало, с какой откровенностью Глеб рассказывает о своих планах. Ведь все, что он делает, оно, наверно, незаконно... Хотя, с другой стороны, найти статью под работу Глеба в нашем УК, скорее всего, невозможно. Забить Глеба можно разве что его методами – красивой подставой.

– Так вы что, уже и прокуратуру напрягли?

– Работаем, Антон, работаем. Не все так просто. У мэра свои люди есть в нужных структурах. Они тоже на месте не сидят. Но мы, конечно, эффективнее. Даже если не хватает ресурсов.

«Сказать или не сказать?» Я ничего не говорил Глебу о своем свидании с Жегловым и о том, какой интерес вызывает его персона. «Нет, пусть уж сами разбираются между собой. Не мое дело влезать. Как пел Борис Борисыч: «Не стой на пути у высоких чувств».

– Кстати, у вас в шоу дефки очень даже ничего есть...

– Тебе какая понравилась? Могу скинуть телефончик за отдельную плату.

– А, про отдельную плату. Давай-ка отойдем куда-нибудь, – мы свернули в хозяйственный отдел, где не было ним души. Глеб порылся в нагрудном кармане и достал оттуда пачку денег. – Тут остаток и от меня небольшая премия. Сюжет про взятку был просто гениален. Шеф был в восторге. Жаль, мало покрутили.

– Сам понимаешь, не от меня зависит.

– Понимаю.

Я протянул ладонь, взялся за пачку и на долю секунды коснулся мягких пальцев Глеба. Только на долю, потому что в следующий миг мы оба дернули руки на себя. Пачка улетела куда-то под стеллаж с презервативами. Глеб тряс рукой в воздухе:

– Ух, как ты бьешься! Электрический скат!

– Не влезать, убьет. Работа такая. Самому страшно, – я доставал пачку присев на корточки.

– В следующий раз надо будет классическим способом – в конвертике. И еще перчатки надеть...

– Чтобы отпечатков не было. Эх, когда он будет, следующий раз.

– Будет, Антон, будет. Нас ждут великие дела. Я бы даже сказал, великие тела.

– Тут самому бы телом не стать. Безжизненным.

– Не станем. За нами будущее. А они уже отмирают. Бронтозавры соцреализма. Их время уходит. Приходит наше время – умных и энергичных прагматиков. Поверь, мы будем управлять куда эффективнее. Это будет город-сад. Для нас это только взлетная площадка. Это сейчас мы используем такие средства. Думаешь, мне самому приятно? Нет! Но по-другому их не уберешь, этих старперов, которые тянут страну назад. А если их не убрать, еще лет десять в болоте жить. Так что не переживай. Мы делаем хорошее и нужное дело.

– Да вы, Глеб Исакович, патриот...

– А разве нет? Я хочу, чтобы мой ребенок жил в богатой и свободной стране. Не в поганом совке, а в нормальном обществе. Чтобы не валить в Европу, а валить тех, кто не дает построить Европу здесь. По-моему, это и есть патриотизм.

– Кто бы спорил.

Мы уже стояли в кассу, и я пропустил Глеба вперед. Пока он разбирался с горой своих покупок, я вставил наушники. Только вчера я нашел в нете и закачал в телефон старый альбом Хвоста и АукцЫона на стихи Хлебникова, и теперь наслаждался диким сплавом джаза и модерна. На дисках такой раритет уже и не сыскать.

Видимо, Глеб торопился, потому что не стал ждать меня. Я вышел из дверей гипермаркета, когда он уже грузил продукты в багажник вызывающе фиолетового «Лексуса». А парень ведь ненамного старше меня. Я достал сигарету и закурил, наслаждаясь тенью под крыльцом торгового центра и приятным давлением прямоугольника в кармане джинсов.

Рядом с «Лексусом» стоял обычный ГАЗ-фургон с надписью «Хлеб». Из него вышел водитель с пакетом в руках и что-то сказал Глебу. Глеб отвернулся от машины и стал показывать рукой куда-то в сторону входа в магазин. В этот момент водитель быстро бросил пакет в багажник «Лексуса». Они постояли еще секунд пять, водитель вернулся в кабину фургона, а Глеб, опустошив тележку, захлопнул багажник внедорожника.

«Пинь, пинь, пинь – тарарахнул Зинзивер», – прохрипел Хвост в наушниках.

Задняя дверь фургона отворилась и из нее на землю посыпались люди в черных масках и с автоматами в руках. Мое сердце забилось в полтора раза быстрее, а рука метнулась за пазуху. Меню, инструменты, камера, ОК, запись. На экране моей «Нокиа» творилась история. Вот Глеб лежит на капоте «Лексуса», ноги на ширине плеч. Вот подходят понятые, и оперативники открывают багажник. Вот они копаются в глебовых покупках. Вот достают пакет, подброшенный водителем ГАЗа и демонстративно показывают понятым. Рука дрожала – вот это эксклюзив: задержание помощника губернатора в режиме он-лайн! Конкуренты сдохнут от зависти!

– Снимай Антон, снимай. Конкуренты, наверно, умрут от зависти. Журналист ведь должен говорить людям правду?

Мое запястье сжала железная рука. Жеглов, как всегда в штатском. Что ж это делается, люди добрые? Как жить в этой стране?

– Пойдем-ка со мной, Антон, разговор есть... Водку захвати – она тебе еще понадобится.

«Это радует, однако. Значит, не в СИЗО».

Я оставил тележку с водкой около зеленой десятки Жеглова. В машине было душно. Видимо, оперативники долго пасли политтехнолога на жаре, пока он прохлаждался внутри магазина.

– Скажи-ка мне, Антон, что ты сейчас видел.

А что я, блин, должен был видеть? Какой-то чел подбросил помощнику губернатора пакет, видимо, с мечеными деньгами. Классическая подстава. Сейчас уважаемого человека будут кру-

тить на взятку. У меня было два варианта. Встать на сторону Глеба, предупредить его друзей, и в случае победы стать его спасителем. Либо встать на сторону ментов, сказать, что ничего не видел и ничего не знаю. Забыть про этот случай. Теоретически, я мог и не успеть выйти из магазина. Или, напротив, выйти раньше, сесть в свой форд и уехать. Но отвечать нужно было что-то одно, без вариантов. И прямо сейчас.

– Задержали кого-то. Как я понимаю, опасного преступника, если это был СОБР. Какого-то бандюгана, судя по тачке. Честные люди на «Лексусах» не ездят.

– Ой, не ври мне, Антон. Короче. Про сотку, которую тебе Глеб дал, мы в курсе. И если не хочешь, чтобы директор твой тоже был в курсе, сиди тихо. А точнее, делай, что я тебе говорить буду. Видео с телефона не стирай. Я тебе скажу, когда его в эфир запускать. И с какими комментариями. Все понятно?

– Понятно, гражданин начальник.

– Да, и пока никому ни слова. Если ты еще не понял, твои слова очень быстро становятся достоянием общественности.

А он прав. Слово держит. Реалити-маски-шоу, как и обещал. А я разве обещал Глебу быть его другом навсегда? И не этого ли я желал пять лет назад, когда снимал репортажи о покупке голосов в Горьковском районе? Мне не нужно было, как Петру, трижды отрекаться от своего друга. Я предал его сразу. Я не буду никуда звонить.

– Ясно все. Как скажете.

– Я всегда знал, Антон, что ты умный человек.

Гром грянул в понедельник, и грянул, как полагается, с молниями, в сверкании которых и появился Зевс – Ваш покорный слуга. Выйдя на середину ньюс-рум, я торжественно объявил: «МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО!» Хотя, конечно, люди сведущие должны были бы заменить «мы» на «я». Но таковых не находилось, и слава Богу. Впервые в истории «Своего телевидения» ВСЕ выпуски новостей за отчетную неделю превысили по доле и рейтингу ВСЕ выпуски «Местного» и «России». А «Карьера» в субботу вечером собрала рекордную долю 26, лишь на две десятые процента отстав от позднеровских «Времен». Я добился этого, включая гошин телевизор с первой минуты реалити, в то время как новости мой пьющий друг «смотрел» не с начала и не до конца. Директор потребовал массированного пиара и немедленного направления лучшего выпуска «Карьеры» на ТЭФИ. Сделать и то и другое было несложно. Журналисты разных СМИ друг друга не любят. А их руководители коллег, как правило, еще и ненавидят. Но желание «застенчиво и строго смотреть со всех газет» присуще всем работникам пера и микрофона. Причем если печатные журналисты грезят ночами об интервью на телевидении, то борзописцы телевизионные считают верхом блаженства попасть в газету. И те и другие мечтают о радио и новостных интернет-порталах. А потому у нас существовали бартерные соглашения почти со всеми газетами. Кроме тех, что входили в один пул с нашим конкурентом – телеканалом «Местный». Хвалебные статьи, написанные или отредактированные нами, посыпались как из рога изобилия. Данные Геллапа приправляли подобием правды вдохновенный вздор. Пара сообщений прошла в федеральных информагентствах, которые подхватили вечно голодные электронные газеты и отраслевые сайты, как всегда – со своими комментариями и домыслами. Вскоре в Яндексе образовался внушительный сюжет под общим заголовком из Media Russia «Первое региональное реалити-шоу». На качестве самой «Карьеры» рейтинговая эйфория сказалась не лучшим образом. Новые серии шоу были куда хуже первых – я был слишком занят пиаром. Однако явные для меня промахи теперь не замечал никто. Глеб, как всегда, оказался прав. По-настоящему оценить наш продукт здесь никто не мог, и я испытывал легкий стыд от того, что так переживал и мучился в начале. Спонсорство было продано до конца проекта. Единственное, что скребло напильником по краю сознания, это анонимная смска «Ты нарушил правила и будешь наказан». Кто мог ее послать? Люба? Она вполне успела бы дойти до компьютера, залезть в интернет и отправить сообщение. Но зачем? Может,

Жеглов? Похоже, он склонен к подобным шуткам. Директор? Бред. И почему меня собираются «наказать за нарушение правил»? В современном мире побеждает не тот, кто играет по правилам. По правилам играют аутсайдеры. Побеждает тот, кто сам устанавливает правила. А это, в конце концов, мое шоу.

Конечно, сообщение могли прислать и какие-нибудь флэш-моберы. Типа «пошли ахинею на придуманный номер телефона». Я и сам понимал толк в таких вещах. Как-то в юности мы с друзьями в деревне утащили со двора косу и простыню из шкафа. Ночью в кустах у трассы мы поджидали одинокое авто. Метров за пятьдесят кто-то в белом и с косой выходил на кромку шоссе. Обычно машина, вильнув, резко набирала скорость. Однажды легковушка вильнула уж слишком сильно, а потом на полной скорости влетела в придорожное болото. Побросав смертельный реквизит, мы, ломая кусты, мчались через лес, как стая диких кабанов. А утром к нам во двор пришел участковый – бабушка, полжизни скитавшаяся по общагам после войны, всегда пришивала к белью бирки с фамилией. Копейку из болота доставали всей деревней, водитель, к счастью, отделался парой синяков. А я просидел три дня под домашним арестом, без рыбалки и дискотеки в соседнем пионерлагере.

12.

– Доброе утро, доброе утро. В эфире программа «Новый поворот», в студии Елена Ядова и Игорь Правдин-Маткин! И сегодня гость нашей радиостанции – главный редактор телекомпании СТВ Антон. Тема нашей сегодняшней беседы «Блеск и нищета региональных реалити-шоу». Антон, надеюсь, простит меня за столь жесткую формулировку...

Антон, конечно, простит. Что такое формат, сам знаю, не дурак. Как она может так щебетать в такую рань? На часах было 8 утра – народ ехал на работу, стоял в пробках и, надеюсь, купался в волнах нашего радиоэфира. Лене я завидовал белой завистью: слова еще не успевали долететь до микрофона, как ее тонкие, но очень подвижные губы рожали новые. Фразы она рубила с такой агрессией, что, казалось, скажет сейчас «Мальчики, я пошла в сортир», и зрители, тьфу, слушатели, проглотят это с немым восхищением и терпеливо дождутся возвращения звезды в эфир. Минут десять мы произносили общие слова, а потом Лена, наконец, спросила:

– Антон, у тебя ведь, насколько я понимаю, скандал на программе? Один из участников рассказывает о, эээээ, неприглядной изнанке вашего проекта в своем интернет-дневнике под именем «Алиса». Ты знаешь, кто это?

– Конечно, Лена, я давно догадался. Но у него своя игра, у меня своя, и я не раскрываю карты. Знаешь, когда сотни людей смотрят программу, чтобы угадать, кто же из них предатель, это идет на пользу проекту.

– То есть ты готов терпеть публичную порку ради популярности своей программы? А ты не хочешь ответить им в форуме в стиле «ну и дураки же вы все»?

– Зрители имеют полное право обсуждать и даже осуждать телевидение. Мы же не миллион долларов, чтобы всем нравиться. Калигула говорил: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись». А я скажу «Пусть ненавидят, лишь бы смотрели».

«...смотрели рекламу. И чтобы заказчики снова несли нам свое бабло. Алиса прав, мы вас разводим. Но разве кто-то сегодня живет по-другому?»

– А нет ли соблазна почувствовать себя Демиургом таким, творцом реалити-шоу...

– Карабасом-Барабасом, – вставил Правдин-Маткин.

– Карабасом-Барабасом, ха-ха, с плеткой! Потому что, во-первых, большой соблазн, во-вторых, есть такая техническая возможность.

– Лен, ты хочешь сказать, что Антон может повлиять?

– Ну конечно, Антон может повлиять! И мы этого даже не заметим! И выберут журналиста не зрители, а Антон! Они ведь черт знает кого могут выбрать!

– Могут. Но я ни на что не влияю. Мне самому интересно, совпадут ли мои пристрастия и выбор зрителей.

– А если они выберут того, кто тебе не подойдет?

– Будем учить, мучиться, мнение зрителей свято.

– Да ты какой-то мазохист, Антон! Демиург-мазохист, согласившийся на добровольную пытку зрителями. Кстати, о зрителях, вы рейтинги замеряете? Может, программу-то никто и не смотрит?

– А вот тут, Елена, ты не права. Средний рейтинг первых четырех недель у нас почти как у «Дома-2».

– И ты не боишься об этом говорить? Я ждала, что ты скажешь: у нас в два раза больше!

Как и большинство людей, близких к телевидению, но не посвященных во все его тайны, Лена полагала, что рейтинги рисуют директора телеканалов для запудривания мозгов рекламодателям.

– Лена, ну ты все-таки наверно должна понимать, что потенциально аудитория «Дома-2» куда больше. Так что наши реальные рейтинги – это большой успех.

Где это я научился так вдохновенно врать? Или это радиостудия так на меня повлияла? На пороге довольно убогой каморки с микрофонами я испытал почти священный трепет. Впрочем, гости наших программ не раз рассказывали мне, что совершенно меняются под светом студийных фонарей. Я, видимо, попал под радиогипноз.

А кому вообще нужна правда? Только тому, кто произносит ее в данный момент. Он испытывает огромное нервное возбуждение, ибо правду в приличном обществе говорить не принято. Он думает, его правда изменит мир, а значит он кому-то нужен. Он видит себя особенным, решившимся на правду. В общем, полная клиника.

– Антон, я хотела бы признаться – у меня есть мечта. Вот если бы у меня было свое телевидение, я бы тоже сделала свое реалити-шоу. Это было бы интеллектуальное шоу – собираются умные люди и говорят о том, что на самом деле важно для страны.

– И рейтинг у твоего шоу был бы – ноль, – прервал я мечтания радиоледи.

– Это почему, интересно?

– Телевидение движется в сторону инфотеймента. Модно говорить о том, какие телевизионщики аморальные, но мы всегда ориентируемся на рейтинги. Какой смысл делать хорошую, духовную, если хочешь, программу, которую все равно никто не будет смотреть, если зрители все равно переключат на кровищу?

– Но вы должны сами чувствовать ответственность перед обществом. Так или иначе, но телевизор влияет на людей. Как и интернет, и радио, но телевизор сейчас сильнее всего. Вот я смотрела опросы общественного мнения, и знаешь, Антон, шестьдесят пять процентов наших сограждан высказываются за введение цензуры! И не политической, а нравственной. Чтобы защитить детей в первую очередь от потока насилия, грязи, которую они впитывают с экрана.

– Ты еще скажи, что детская преступность растет, потому что мы про нее рассказываем. Во времена Чикатило была первая программа – по ней показывали съезд КПСС, и вторая – там Лебединое озеро шло в это время. Или, может, ему в школе рассказали, как органы у девушек вырезать и кушать? Знаешь, фантазия может такому научить, что ни один криминальный канал не покажет. Вопрос в том, что люди слишком легко расстаются со своей свободой. Им надо детей воспитывать, но ведь это трудно, легче посадить киндера перед теликом и свалить все на ящик. Можно в театр пойти, но зачем, когда есть кнопка. Можно выбрать порядочного человека в депутаты, трудно, но можно. Но ведь диктор лучше знает, кто хороший, а кто плохой. Раньше царю батюшке свободу отдавали, чтобы самим не думать, а теперь вот ящику. Потом царя, правда, расстреляли, чтобы виноватыми себя не чувствовать. С телевизором сейчас то же самое. Не хочешь смотреть – не смотри. Не хочешь, чтоб дети смотрели – води их в театр.

– Елена, а вот если ты сделаешь свое реалити-шоу, ты не боишься вообще-то в кадр? – вклинился в диалог Правдин-Маткин. Обычно он лез в эфир со всякой политкрамолой и Ядова постоянно его затыкала. Сегодня тема была нейтральной, и Лена милостиво позволяла Игорю выговориться. – В телевизоре, мне кажется, все начинают вести себя неестественно.

– Ой, не знаю, Игорь, – Елена вздохнула совершенно по-женски. – Мне кажется, сколько видела себя в кадре, что меня телевизор уродует...

У меня мелькнула мысль, что телевизор уродует не только Лену Ядову, а всех, кто в него попадает. А те, кто в нем работают, с годами и вовсе становятся законченными уродами.

– Антон, а тебе не жалко твоих начинающих журналистов? Ты ведь дураками их выставляешь, так ведь, Лена, если по-честному?

– Знаешь, Игорь, они знали, на что шли. Назвался Друзем – полезай в ящик. Я легкой жизни никому не обещал. Ты же сам знаешь, что журналистика – грязный, тяжелый и неблагодарный труд, где спасибо за сюжет тебе скажет один, а сто станут твоими врагами. Это борьба, это жизнь. А в борьбе всегда есть победители и проигравшие. А сколько реальных журналистов жизнь сломала?

– А скольких убили? Не говори, Антон, в нашей стране, где над нами всеми висит статья о пропаганде экстремизма... – Елена начала свою любимую песню – тяжела и неказиста жизнь простого журналиста в тоталитарной стране. Но я-то, как бывший министр культуры Михаил Швыдкой готов был еще и еще повторять: Пусть страна, пусть начальство, пусть подчиненные, пусть бабки, пусть... Все равно: ЖИЗНЬ_____ ПРЕКРАСНА!

Я попросил водителя остановить у Макдоналдса. Чтобы успеть на эфир, пришлось встать в шесть утра, так что позавтракать не удалось. Теперь мне хотелось насладиться успехом в обществе молочного коктейля и картофеля по-деревенски. У нас же все-таки деревенское ТВ. Я включил вырубленную на время эфира мобилу, и к своему удовольствию обнаружил там несколько смсок – «Новый поворот» был популярной программой в нашем городе.

– Эй парень, дай на боярышник, а, – передо мной стоял зачуханный мужичонка с рваным полиэтиленовым пакетом в руках. Откровенно. Обычно они рассказывают истории. А тут сразу на боярышник. Не раз читал, что попрошайки – лучшие психологи. Видимо, не все.

– Нет, – холодно ответил я и отвернулся

– Мяса вот есть три килограмма. Тебе мясо не нужно? Может, собака есть. Дай а? Помираю, честно.

«Новый Чикатило. Убил кого-нибудь и на мясо. А денег у убиенного при себе не было. И теперь мясо без боярышника не идет», – привычно выдал мозг версию событий. Боже, до какого же цинизма можно дойти.

– На, бери, – я протянул ему червонец, потому что именно столько и стоила бутылка лекарства «Настойка боярышника» – абсолютного, единоличного и недосягаемого лидера продаж медикаментов в России. Во взгляде мужика читалось: «Мал ведь, а знает. Видно, сам такой, просто при деньгах сегодня».

– Только завязывай ты с этим, а то подохнешь скоро.

Хорошо быть хорошим, когда тебе хорошо. Мужик растворился, но дойти без приключений до американского рая быстрой еды мне сегодня было не суждено. Путь преградила молодая цыганка с девочкой лет семи.

– Эй, молодой, красивый, дай для ребенка.

Я уже понял, что завтрак в Макдоналдсе мне обойдется несколько дороже обычного, и потому молча протянул цыганке десятку. Казалось, она обрадовалась, но уходить не спешила.

– Ай, дорогой, ай красивый, золотое сердце. Даст Бог тебе здоровья. Хочешь, погадаю? С тебя денег не возьму, не надо мне денег. Будет тебе счастье, будет удача, будет любовь, по твоему желанию. За то, что помог ребенку, за то, что денег не пожалел, золотое сердце.

«Что она, кольцо-то не видит на пальце? Какая любовь?» Пару дней назад у нас был сюжет про цыганку-гипнотизершу, которую ищет милиция. Я еще посмеялся над концовкой: «Избежать чар цыганки и уберечь свои деньги можно, если не смотреть ей прямо в глаза». И даже вставил корреспонденту за бездарный финал. Но сейчас я старательно косил в сторону и крепко сжимал кошелек в правом кармане, почти физически ощущая давление ее взгляда. Девочка безучастно смотрела в сторону, готовая в любой момент выхватить деньги и бежать.

– Дай сюда ручку, всю жизнь твою расскажу. Что было, что будет, чем сердце успокоится. Кто твой враг и как его победить.

Цыганка настойчиво пыталась вытащить мою правую из кармана.

– Да не надо мне ничего гадать! Отстань от меня! Я тебе дал денег и иди, проси дальше!

– Враг у тебя есть, враг, а ты не знаешь о нем. И враг плохое на тебя задумал. Но можно дело поправить, вот ты деньгу дал ребенку, это чистая деньга, возьми ее назад, вырви волос свой и заверни, а вечером половина волоса станет черной, а половина станет красной. Красную половину оторви, и носи с собой, а черную сожги, и когда враг придет, не будет у него силы над тобой. За деньги боишься? А деньги пыль, деньги дым.

Почти проваливаясь в воронку гипноза, я вспомнил: когда-то давно меня послали на съемки сектантов. Выдав наставления о том, как надо мочить нетрадиционных христиан, мой тогдашний редактор добавила: «Знаешь, около таких людей надо постоянно творить Иисусову молитву».

– Господи, помилуй мя грешного, Господи, помилуй мя грешного, Господи, помилуй мя грешного.

Отпустило. И тут цыганка выбросила свободную руку вперед и оторвала с моего левого виска клок волос, на котором, видимо, и надо было совершить обряд.

– Да иди ты со своими врагами! Нету у меня врагов, нету! Я сам маг и колдун эфира высшей категории! Привораживаю электорат по-черному, навожу порчу на депутатов!

На какой-то момент цыганка потеряла контроль, и, сбив ее руку ударом ребра ладони, я бросился в спасительные двери Макдоналдса. Кошелек был на месте. Чуют они их что ли? В кошельке лежали 50 глебовских тысяч. Надо будет такси вызвать.

На такси я поехал не на работу, а домой. Вернее, домой к Гоше. Надеясь, наконец, застать его. Гоша вместе с запорожцем пропал дня три назад. «Ничего страшного, – думал я. Погода вон какая, завис где-нибудь на зеленой. А небольшой спад по рейтингам нам даже на пользу. Выглядеть будет вполне естественно. Жара в мае, народ не смотрит новости».

Я надеялся, что уж к субботе, к очередному выпуску «Карьеры», Гоша вернется. Обычно в выходные он пил исключительно дома – отработанная десятилетиями привычка, позволяющая появляться в понедельник на работе при любом раскладе. Но Гоши не было дома и на этот раз. Не было и машины. Бабушки во дворе ничего определенного сказать не могли. «Вот скотина, хоть бы ключи оставил. Что мне теперь, МЧС вызывать?» Гоша не появился ни в пятницу, ни в субботу.

12.

– ...а сейчас я хочу попросить прощения у всех горожан за все, что было плохого! – На главной площади города на трибуне стоял мэр и обращался к толпе, занявшей все свободное пространство. Толпа загудела.

– Ну что, народ, прощаешь власть свою? – поддержал городского голову ведущий праздника. Толпа загудела еще громче, раздались отдельные выкрики «нет». В прошлом году большинство кричали «да». Неужели «Карьера» работает?

– Да! Прощаем! Прощаем! – Камера поймала ВИП-ложу прямо перед сценой, где сидели сотрудники мэрии и областной администрации. Крупно: губернатор в майке и темных очках. Ухмыляется скептически.

Я переключил на «Местный». Картинка в принципе та же. Эта суббота застала меня на боевом посту. Сегодня День города. Самый ненавистный праздник. А для нас еще и момент истины. Момент схватки за рейтинги. В День города СТВ и «Местный» напрягали все свои силы.

Уже несколько лет подряд трансляцию открытия праздника на главной площади вели сразу два телеканала. «Местный» по традиции смотрели больше, но с каждым годом мы откусывали у конкурентов небольшой кусочек аудитории. На этот раз мы решили совершить рывок: отказаться от стандартных выпусков новостей и заменить их прямыми включениями с главных точек праздника. А поскольку праздник народный, то и работали на нем народные корреспонденты – восемь оставшихся участников реалити-шоу. Они должны были стать своими людьми на Дне города. Своими для всех тех, кто тоже боится выйти в этот день на улицу, но хочет знать, что происходит, и не убили ли уже кого.

Включения, конечно же, были не прямыми. Единственная передвижная телевизионная станция была задействована на трансляциях, и реалисты привозили кассеты с записью своих импровизаций на эфир. Но гоблинам-то не все ли равно? Они верили даже в телефонные включения нашего спортивного обозревателя из Владивостока с хоккейного матча. И никто не задумывался, почему к следующему выпуску новостей он снова сидел в студии.

Я руководил процессом из своего кабинета. Приятно работать в День Города. Именно работать, потому что отдыхать там было страшно. Я снова переключил на СТВ. У нас уже начались прямые включения.

«Если народ на празднике ест шашлыки, вы тоже должны есть шашлыки. Если прыгает в реку, вы тоже должны прыгнуть в реку. Если занимается сексом под кустом... Шутка. Короче, вы должны делать все, что делают они. Только тогда они вас полюбят», – такие наставления я давал сегодня утром. Похоже, установку реалисты усвоили. Первой включалась Юля. Она стояла на городском пляже по колено в воде в ярко-красном купальнике. «Молодец, соблюдает дресс-код!» Красный был фирменным стилем СТВ.

– Жаркая погода в день города в этом году оторвала многих горожан от официальных мероприятий и позвала на пляж, назад к природе. Они сбросили деловые костюмы и устремились в кристально-чистые воды городской реки. Точнее, они хотели бы, чтобы воды были чистыми. На самом деле санэпидстанция категорически не рекомендует начинать купальный сезон. Дело в том, что пляж, благодаря полному бездействию мэрии, до сих пор официально не принят. Как говорят специалисты, под моими ногами буквально кишмя кишат кишечные палочки.

«Во, блин! Да она поэт! Зрители будут лохи, если не проголосуют за нее». Внизу экрана висел номер для отправки смс. День города был еще и развернутым полуфиналом реалити-шоу.

– Но об этом мы спросим у авторитетного лица. Рядом со мной находится мой собеседник...

«Слава богу, Юля – не Алиса. Журналист так бы косячить не стал». Камера отъехала и рядом с девушкой возник красный от волнения мужик в шортах и роговых очках.

– ... Иван Епифанович Палочкин, главный специалист отдела качества воды городской СЭС. Иван Епифанович, какие болезни можно подцепить, купаясь на центральном пляже города?

– Ну, я бы не стал так однозначно говорить, но риск, действительно, существует.

Как она загнала его в реку? Вот это реалити-шоу! Баба рубит фишку.

– Это и уже упомянутые вами кишечные палочки. Согласно нашего исследования, их количество превышает нормативные показатели более чем в двадцать раз. И это только май! Вода еще, как вы видите, достаточно холодная!

– Спасибо, Епифан Иванович. Но поскольку я участвую в реалити-шоу на канале СТВ, то я должна проверить справедливость ваших слов на себе. И если зрители будут голосовать за меня, они увидят, осталась ли я жива после купания в День Города! Подержите, пожалуйста.

Начинающая журналистка сунула микрофон в руки оторопевшему врачу санэпиднадзора, развернулась к камере спиной (план меня откровенно порадовал) и с криком «мама!» нырнула в темные воды майской реки. Видимо, для оператора это движение не было неожиданностью, потому что он стал наезжать на место, где журналистка скрылась под водой. Я напряженно ждал, когда вынырнет.

Секунд через десять я понял, что она не вынырнет никогда. В ящике. Потому что на самом деле под водой девушка развернулась, и поплыла в сторону – подальше из кадра, где и вышла на берег. Заставив зрителей гадать: а не потонула ли храбрая участница реалити-шоу, и можем ли мы ее спасти, если будем звонить по указанному номеру?

День подходил к концу. Делать на работе было почти уже нечего, кроме того, меня ждал вечерний бал у мэра, на который в День города приглашали всех вип-персон, а заодно и редакторов местных газет и каналов. Участники шоу обсуждали съемки, куда-то порывались пойти «все вместе», хохотали над курьезами и, похоже, были счастливы. Я бы тоже был бы счастлив, если бы Гоша был дома. А у меня был доступ к пиплметру. Тогда День города точно остался бы за нами. А так – еще неделя неизвестности.

Телефон зазвонил звонком телефона. В последнее время я крайне подозрительно относился к СМС, посланным через интернет.

«Приходи на набережную к камню в 19.00. Есть интересная информация. До встречи».

Подпись, конечно, отсутствовала.

Вот тебе и раз.

Я думал минут пять. До семи оставался час. А почему бы и нет? Все-таки я лет пять не был на Дне Города. Конечно, этот пьяный карнавал вызывал во мне гадливые чувства. Но и притягивал же, притягивал. Кто послал СМС? Алиса? Может и он. А может кто-то из старых информаторов, к примеру, Бухарин. Да так ли важно? Я, в конце концов, взрослый человек, и уж мне ли пугаться толпы гоблинов.

Центральные улицы были закрыты для транспорта, и до Набережной пришлось идти пешком. Собиралась гроза. Под липами на аллее, ведущей к Волге, было темно. Вокруг меня струились потоки людей – молодых и старых, пьяных и трезвых, в безумных масках и с лицами-масками. В толпе то взрывались, то затухали песни и смех. Кто-то кого-то громко звал по имени. Откуда-то справа доносились звуки ударов ногами по живому телу, вопли и визг. Вдали завывала сирена – то ли милиции, то ли скорой. Каждый второй кричал что-то в мобильный телефон. Я вышел на Набережную. Снизу, от известного плавучего ресторана, доносились печальные и мощные гитарные аккорды.

Рисуй кровью
Апокалипсис сейчас
На дворе средневековье
Мракобесие и джаз
Истуканы себя вводят в электрический экстаз
Мракобесие и джаз!

Хозяин ресторана был предводителем местных байкеров. На День Города, я читал в газете, он выписал себе «Пикник». Открытая площадка перед дебаркадером была забита людьми в галстуках и косухах, а у чугунных ворот «Ямахи» стояли в один ряд с «Лексусами».

Музыка на мгновенье остановилась, и в этот момент Волгу на две половины разрезала молния. Следующий аккорд после паузы совпал с ударом грома.

Из толпы донеслись крики, хохот и свист. До камня оставалось совсем немного. Дождя пока не было. У массивного булыжника в человеческий рост, который был установлен на месте основания города, сходились и расходились сразу несколько людских потоков.

Дождь был где-то рядом, а потому движение людей превратилось в метание. Они уже не шли, а бежали, и мне пришлось прижаться к камню, чтобы остаться на месте.

И вдруг людские реки почти иссякли. Видимо, большая часть уже покинула Набережную. Дождя все не было. На гребне последней волны мчалась группа в уродливых масках Путина, Буша, Блэра и еще пары-тройки президентов. Их в этом году завезли в каких-то невероятных количествах. Каждый пятый гуляющий был или Джорджем, или Владимиром, или Ангелой. У камня группа притормозила. Так, похоже, это ко мне.

Первым подошел Путин.

– Мобила есть?

Я не стал отвечать. Жизненный опыт в долю секунды выдал инструкцию по выживанию. Я подогнул ноги и бросил корпус вниз, уворачиваясь от первого удара, а затем направил тело на уровне поясницы в просвет между Бушем и Меркель – спасибо волосатому детству. Нападавшие не смогли среагировать – для удара рукой слишком низко, для удара ногой нужно время, чтобы сместить центр тяжести.

Я рванул по Набережной. Шансы были неплохие. Вокруг должно быть полно ментов. К тому же я создал себе гендикап на старте.

Я летел вдоль чугунной решетки и не видел ни одного патруля. Машины, видимо, сместились вместе с основной массой людей ближе к укрытиям. Сзади стучали башмаки преследователей. Я коротко оглянулся, и понял, что Буш уроки физкультуры в школе посещал чаше, чем я. Другие отстали метров на двести. Зато я книг больше читал. Скажем, «Спартак» Джованьоли. Старый гладиаторский прием: резко затормозил, развернулся и выдал серию коротких боковых ударов в налетевшего американского агрессора. Охотнику вообще трудно дается превращение в жертву, и спринтер даже не подумал ответить. Когда мой кулак поймал-таки резиновый нос, а Джордж-младший – асфальт, я снова пустился наутек.

И тут хлынул ливень. Да такой, что через несколько секунд улицы стали реками. Набережная была уже основательно загажена, а у меня не было времени прокладывать маршрут. Наверно, это была банальная банановая корка. Проехав пару метров на потерявшей опору ноге, я рухнул спиной на асфальт, едва успев выставить локти. Президентская банда налетела сразу. Я закрыл ладонями голову и попробовать извернуться так, чтобы вырваться из мельницы кулаков и ботинок. Не выйдет. Пытаясь подняться на ноги, я снова поскользнулся и на секунду потерял способность двигаться.

Здоровенный Гриндерс метил точно мне в лицо, но удара не последовало. Гром грянул раньше молнии, а через мгновенье Набережную залило светом. Первый залп фейерверка поднял из гнезд прятавшихся от дождя ворон. В промежутках между фонтанами огней на фоне низких тяжелых туч играли молнии. Дуэт Бога и пиротехника был настолько величественным, что вся G-8 бросила расправу надо мной и смотрела в сторону Волги. Еще несколько секунд, и их просто смела толпа, забывшая про ливень и жаждавшая зрелища. Я успел вскочить, чтобы не быть затоптанным тысячами ног. Красные, зеленые и желтые цветы распускались и умирали в разных концах неба под восторженное соло сошедшей с ума автомобильной сигнализации и аккомпанемент ревущей толпы. Ритм-секцию исполняли громовые басы и барабанная дробь разрывов салюта.

Кровь, соленая, словно томатный сок, смешивалась с струйками дождя. Серьезных повреждений я, как ни странно, не получил. Губа была и вовсе разбита об асфальт. Так что еще неизвестно, кто пострадал больше – я или парень в маске Буша.

Кое-как я пробрался на Арбат. Тело била мелкая дрожь. Передоза адреналина. Я встал под козырек, прикрывающий вход в какой-то магазин, и закурил. Выпить бы. Мэрский бал шел уже с полчаса. Ну и хорошо, как раз успею на неофициальную часть. Я достал из кармана изрядно помятое приглашение. Ничего, в такой день сойдет.

Гроза закончилось. Горожане выползали из подворотен и других укрытий, но ливень и гром как будто освежили и их. На Арбате плясали улыбки, юбки девушек прилипали к бедрам, кто-то вдали затянул шевчуковский «Дождь». Я шел мимо вереницы чиновничьих «Камри», припаркованных у старинного здания городской администрации. В одной из машин мэрские шоферы остервенело резались в карты.

В большом зале мэрии обычно принимали делегации и подписывали соглашения. Я был здесь сотни раз на съемках, и тысячи раз видел его в телевизоре. Самым заметным предметом была огромная люстра, свисавшая посередине зала, как виноградная гроздь, только роль виноградин исполняли огромные блестящие шарики мутно-желтого цвета. Эти шарики были излюбленной мишенью операторов. При максимальном наезде камеры в шариках отчетливо просматривалось отражение зала. Только происходящее в этом храме официоза люстра рисовала по-своему: все было кривым и вверх тормашками. Мне иногда казалось, что упорно снимая этот план, операторы втихаря выражали свое отношение к власти. Сейчас столы, обычно сдвинутые между собой в форме буквы «П» были раскиданы по залу в шахматном полупорядке. Вокруг них дефилировали местные депутаты, чиновники, бизнесмены, чахлый провинциальный бомонд торопливо жевал бутерброды с икрой, работники масс-медиа искали для пожатий сильную руку мэра сего, попутно пытаясь развести на рекламу тройку местных олигархов. Свет был приглушен, а в углу зала усталым сопрано терзала нотный стан солистка городской филармонии. Сейчас все это было мне неинтересно. Ни коньяка, ни виски на столе не водилось. Мэр Пигалицын, как стойкий патриот, на публичных вечеринках употреблял только водку. Демократическую нотку в суверенное царство национального напитка вносило французское вино, выставленное специально для дам и специфической части бомонда.

Я налил себе полную стопку, сказал куда-то в толпу «прозит» и выпил. Водка чуть обожгла губу. Я прислушался к своим ощущениям и одновременно к гулу за столами. Жизнь налаживалась и там, и там. Я подумал, что через пару стопок и сам пойду в поход вокруг столов, чокаясь с знакомыми и незнакомыми, рассказывая сплетни, хохоча над анекдотами и шепча пакости про конкурентов. То есть вольюсь в толпу. Я знал, что вскоре мэр как хозяин праздника начнет обязательный круг почета – сказать хоть пару слов большинству присутствующих, пожать руку и, конечно же, выпить. И я буду улыбаться ему, как и все другие, восхищаться праздником и задавать подобострастные вопросы. И наплевать, что он, скорее всего, меня ненавидит, а я просто не испытываю теплых чувств к нему. Этикет есть этикет.

– О, да это никак Антон! – я обернулся. Мэр стоял у меня за спиной с рюмкой в руке. Видимо, обход он начал раньше положенного. Пигалицын занимал свой пост лет пятнадцать, за это время успел немало располнеть, но мне он всегда напоминал помесь какой-то породистой собаки с дворовым Бобиком. Если посмотреть на пышные слесарские усы, кабаний нос с ощетинившимися отверстиями и почти гитлеровскую прическу – типичный пролетарий. Но тяжелый зеркальный взгляд, тщательно выглаженный костюм и толстые очки без оправы убедительно свидетельствовали о принадлежности Пигалицына к высшей чиновничьей касте. Этот имиджевый оксюморон помогал мэру на каждых новых выборах набирать неизменные девяносто процентов голосов. Для электората он по-прежнему был рубахой-парнем из поселка Красные Звездюли, но при этом вникшим во все тонкости чиновничьей работы. То есть наворовавшимся, который всегда лучше честного, но голодного. Сейчас глазки мэра напоминали весенние лужи с пробитым посередине льдом. Видимо, выпил он уже немало.

– Иван Петрович! Очень рад. С Днем Города! Смотрел трансляцию, вы выглядели потрясающе. Праздник просто супер.

– Да хер с ним с праздником, – Пигалицын наклонился ко мне, подмигнул и тут я понял, что пьян он до неприличия. – Ты мне лучше скажи, Антон, так – без обид – просто скажи. Вот почему у вас на СТВ мэр всегда мудак, а губернатор молодец? Нет, ты скажи, я не обижусь. Почему мэр

– мудак, а губернатор – молодец? Ведь должен же хоть иногда мэр быть молодцом, а губернатор... То есть нет, губернатор всегда молодец. Но ведь и мэру можно иногда? А?

Нет, это не наезд. Пьяные треп, подколка, легкое предупреждение и проверка на реакцию. Аппаратная игра в народ. Как для меня игра в ящик.

– Ну вы и скажете, Иван Петрович! Да мы же любя. Потому и критикуем. Сами же знаете, на то и щука в пруду, чтобы карась не дремал. А насчет губернатора – за что же его критиковать? Он хоть и большой начальник, но ответственности никакой. Ответственность вся на вас. У людей трубы протекли, кто виноват? Мэр! Дороги не чистят – опять мэр! Но ведь у нас же демократия пока еще. Не отменили ее почему-то. Я все жду, когда ж отменят, а все никак. Зато когда дороги почистили и трубу починили, опять же – кто молодец? Вы. Люди ведь это тоже понимают.

– Да ладно, не обижайся ты. Я же в шутку. А насчет демократии ты ловко задвинул.

– Я, Иван Петрович, давно про это говорю. Вот выборы, например. Сплошной ведь перевод денег, обман и кидалово! Лохотрон. Я давно придумал, как и выборы сделать, и народу мозг не выносить. Все просто. Берем и устраиваем аукцион. Открытый. Представьте: «Лот номер один – первый избирательный округ! Тридцать тысяч жителей! Ветхое жилье не более пяти процентов! Депутатская приемная с кондиционером в здании районной управы! Замена тепловых сетей! Стартовая цена миллион. Миллион сто, миллион пятьсот, два миллиона – продано!» Все средства, которые сейчас идут на подкуп избирателей, пиарщикам и СМИ пустить просто на покупку мандата. Деньги в бюджет, а оттуда – на дороги, садики и больницы. Для участия в аукционе залог. Тоже в бюджет. И главное, никакой грязи, никакой нервотрепки.

Пигалицын расхохотался и похлопал меня по плечу.

– Ну ты юморист, Антон. Все хорошо, но только ты не знаешь всех этих, – мэр кивнул на столы. – Всех этих депутатов и бизнесменов. Они ведь договорятся между собой, чтобы денег не платить. Аукционы просто сорвут из-за неявки. И тогда придется начальную цену сбивать, а то и вовсе продавать мандаты через публичное предложение. А аукционисту дадут, чтобы тот все ловко обставил.

– М-да. Об этом я как-то не подумал. Все куплено в этой стране. Сплошная коррупция.

Пришло мое время подкалывать. Ну, он начал первый. Пигалицын снова подмигнул, наполнил наши стопки, мы чокнулись и синхронно выпили.

– Эй, ты погоди коррупцию-то ругать. Вот все орут – коррупция, дескать, все губит. А она не губит ничего. Она устанавливает правила игры. Потому что если не будет коррупции, будет разгильдяйство и безответственность.

– Поясните.

– Если бы не коррупция, тут бы вообще никто не работал. Вот ты как думаешь, что ценнее: власть или деньги?

– Деньги, конечно. За них можно все купить, в том числе и власть. Что и происходит на выборах.

– А ты представь, что есть у тебя деньги. Много денег. Машины, виллы, яхты, положение в обществе. А в один прекрасный день приходят к тебе люди в погонах, говорят что налогов ты заплатил мало, деньги акционеров украл, и вообще, в верхнем правом кармане у тебя героин. И все твои деньги больше для тебя не стоят ни-че-го. Так что власть гораздо важнее. Самый ценный ресурс. Власть первична, деньги вторичны. Власть – это базис, а деньги – надстройка. Может надстройка существовать без базиса? Нет. Но и базис без надстройки не базис. Потому что на базисе что-то должно базироваться. Вот у меня заместитель получает в кассе две тысячи долларов. А к нему на прием идут люди, и не только идут, а в ноги кланяются, которые миллионами ворочают. Кто главный? Он, конечно. А раз он главный, он должен и на машине хорошей ездить, и дачу

иметь не хуже и любовницу содержать, и отдыхать не в паршивой Анталье, а хотя бы на Бали. Скажи, может он не брать? Нет. И он берет, но берет ведь не за просто так. За просто так и не даст никто. Он берет за то, что помогает работать бизнесу. Вот какому-то коммерсанту, к примеру, нужно построить торговый центр. Ведь если он пойдет по-честному все документы и разрешения собирать, он до второго пришествия это будет делать. Потому что «а» – всем наплевать на этого коммерсанта, «б» – где-нибудь, да у него рыльце окажется в пушку, а «ц» – согласований столько, что сам черт ногу сломит. И поэтому коммерсант этот идет к какому-то уважаемому человеку, и этот уважаемый человек быстро договаривается с другими уважаемыми людьми, чтобы те поставили подписи. И дешевле один раз дать и начать работать, чем год бегать по кабинетам и выклянчивать: «подпишите, я исправлюсь». Пока он бегает, работы нет, зарплаты нет, налогов нет. А если ему уважаемый человек поможет, то и бизнес заработает, и налоги пойдут, и бюджетники сыты. А взятка – это не взятка даже, а инвестиция. Инвестиция в базис. Это надежнее, чем в недвижимость, потому что власть – первична. Власть. Знаешь, почему Советский Союз развалился? Потому что коррупции в партийном руководстве почти не было. Смысла не было было брать, власть сама себе все давала. Квартиры, дачи, колбасу, «Волги». А тогда «Волга» была как сейчас «Лексус». И власть от народа оторвалась. Народ уже вовсю давал и брал: врачи, милиция, учителя. Одни партийные работники не брали. И не работали. Вот и просрали страну.

Во время своей речи Пигалицын изменился. Я видел его на предвыборных митингах, на переговорах с инвесторами, на встречах с начальством. Но никогда не видел его таким возбужденным. Лицо мэра покраснело, кабаньи ноздри сжимались и разжимались, очки сползли на нос. Похоже, на этот раз он не играл. Уродливая концепция мэра была выстраданной. Для него, мэра, она была единственной правдой. Или оправданием.

– Так может тогда взять и узаконить взятки?

– Ха. А вот этого делать ни в коем случае нельзя. Бояться перестанут, обленятся, станут в десять раз больше просить. А все это входит в цену конечного товара. Взятки заложены в любой товар – от домов до презервативов. Платят за все народ в конечном счете. А налогов с взяток платить все равно никто не будет. Потому что налоговому инспектору дадут. А то что одного-двух чиновников поймают и посадят, ничего не изменится. Придут другие, еще хуже. Придут те, кто работать не умеет, а получать захочет больше. Наглая молодежь. Без понятий, без воспитания, без ума, без совести.

– Простите меня, конечно, но ведь не только у коммерсантов берут. Берут и у простых людей, за то, что и без того должны делать.

Пигалицын помрачнел.

– Ах вот ты о чем. Да, есть и такие. Которые не хотят работать, а хотят только брать. Есть и такие. В каждом стаде есть паршивая овца.

– Но вы ведь эту овцу...

– А ты как хотел? А если твой папа твою маму убьет, ты будешь об этом кричать на каждом углу и требовать, чтобы папу к стенке поставили? Я не Павлик Морозов.

Повисла пауза.

– Я понял, извините.

– А ты-то сам.

– Что я?

– Ты сам-то разве не власть?

– Четвертая власть? Штамп, за которым реально ничего не стоит. Вы-то знаете. Один звонок, и все – никакой власти.

– Погоди-погоди. Что, ни разу своим удостоверением не пользовался? Ты ребенка в садик устраивал? Как простой человек в район заходил?

– Да в общем нет. Через ваших.

– Во. А остальные видел как?

Я вспомнил, как выходил из кабинета, где выдавали путевки в садик. Вспомнил очередь в

коридоре человек в тридцать. Некрасивых и озлобленных мамаш с детьми на руках, мрачных отцов. Тех, у кого не было шансов. Вспомнил крики и жалобы. Как быстро примерил на лицо гримасу недовольства.

– Да, как будто я был белым, а кругом негры.

– Потому что ты власть. А значит такой, как я и все они. Ты ничем от нас не отличаешься. Если бы ты не был властью, ты бы нес деньги или просто чувствовал себя лохом, который не может собственного ребенка устроить в сад. И знаешь что, Антон.

– Что?

– Тебе нравится быть властью, – Пигалицын, улыбаясь, смотрел на меня в упор. – Ну что, угадал?

– Н-не знаю.

– А я знаю. Иначе бы ты на меня и не наезжал. Вот ты пойми. Я двадцать лет с лишком в этой системе. Ты знаешь, сколько я всего пережил? Сколько всего на меня вылилось. Вот вы все талдычите – власть не делает ни хрена, кругом коррупция, развал, а ты попробуй сделать сам. Власть да – она много чего дает, но и ответственность, извини меня. Со всех сторон прессуют – Москва, губернатор, прокуратура, вы опять же. А твоя власть, Антон, она другая. Вам бы лишь прокукарекать, а там хоть не рассветай. Никакой ответственности.

– Кстати, не согласен. За каждое слово я лично отвечаю. Потому что любой может в суд подать. И подают.

– Ой, смеши меня. Суд! Про меня как-то такую ахинею написали, что не сдержался и подал иск. И что? Три тысячи рублей присудили! Смех! Ну ладно, отдыхай. И давай уж, чтобы губернатор не только молодец, а мэр не только мудак. Договорились?

– Так ведь у нас вроде все еще свобода слова. Демократия.

– Да не демократия это никакая! Это плебейство!

– А демократия и есть плебейство. Власть плебса.

– Во, а за эти слова надо выпить, на посошок, – мэр налил еще по стопке, и мы синхронно опрокинули их в себя. Я понял, что пьян не меньше Пигалицына. Он пожал мне руку и побрел за соседний столик. Спустя пару минут я услышал оттуда раскатистый голос мэра, убеждавшего кого-то в том, что демократия – это плебейство, и предлагавшего выпить за всех аристократов нашего славного города.

13.

– Нет, ничего страшного не произошло, – повторял я, собираясь на работу в понедельник. – Ну да, рейтинг последней недели будет низким – ну, это еще бабка надвое сказала, случаются же чудеса иногда. Но проект-то продан и рекламодателям уже никто не успеет рассказать новые данные. И все равно средняя доля за два месяца будет весьма приличной. А с тобой, Гоша, я еще разберусь, как появишься. Седина в бороду, бес в ребро. Ты чего же, сука, друзей подставляешь?

Гоша появился, но разобраться с ним я уже не успел. Двор выглядел не по-утреннему оживленно. У соседнего подъезда стоял старенький ПАЗик, вокруг суетились какие-то люди, бабушки кучковались рядом, все их внимание было направлено на дверь соседнего подъезда, рядом с которой стоял еловый венок.

«Выносят»! – крикнул кто-то, и прятавшийся за ПАЗиком оркестр грянул похоронный марш.

От этих звуков и в обычный-то день становится неуютно, одиноко и тоскливо, не то что в понедельник утром. Мне, например, всегда представлялось, что я лежу в гробу, и там в общем-то уютно, одно неудобство – от всего мира ты отделен двумя метрами земли. На третьем такте из дверей под женские всхлипывания появился деревянный ящик.

– Кого хоронят-то? – спросил я, подойдя ближе к оцеплению из числа добровольцев-пенсионерок.

– Игоря Чертикова с седьмого этажа, – не оборачиваясь ответила бабка в платке. – Разбился на машине. Пьяный в хлам. Всю неделю пил и вот: допился до чертиков.

Двор кувырнулся вверх тормашками у меня перед глазами, крутанулся вокруг своей оси и вернулся на прежнее место. Я поднес ко рту зажигалку, вдохнул полные легкие копоти от подожженного фильтра, но даже не закашлялся. К горлу подступила тошнота. Упав на свободный край лавочки, я, наконец, смог прикурить сигарету с нужного конца. Не может быть. Не может быть. Не может быть. Я! Это Я! Это Я его убил! Я бросил пробный взгляд по людям во дворе – нет вроде, никто не показывает на меня пальцем. Никто не кричит «Держите убийцу». Никто не заламывает мне руки. Все чинно-благородно: гроб заносят в катафалк. Вдова рыдает. Зрители смотрят.

– Хоронят-то хоронят, а гроб-то пустой, – я чуть не подпрыгнул. Одна бабка на моей лавочке бормотала другой на ухо, а мне оставалось только напрячь слух.

– Эт как это? – поинтересовалась вторая, склоняя голову ко рту первой.

– А труп-то так и не достали, не достали, грю, труп-то!

– Откуда ж не достали, милая?

– Ой, Семеновна, и дура ж ты старая. Я говорю, пьянчужка-то этот всю неделю с дружками в посадках пил, а в пятницу, значить, поехал кататься. Пьяный, слышь, пьяней вина. И за Волгу поехал, а на мосту-то через перила-то прямо и перелетел!

– Да ну что ты говоришь! Один в машине-т или с дружками?

– Один вроде. Дружки на такси ехали с ним, они-то и рассказали. Не захотели, видать, с пьяным-то ехать, и правильно! А он по дороге стал машину-то такси обгонять. То с одной стороны обгонит, то с другой. А на мосту-то места немного, вот его и угораздило, окаянного, спаси Христе. А Томка, жена его, у матери в Ростове была и примчалась, и рыдать, и рыдать! Ой, жаль бабу. Мужиков-то сколько мрет, мрет, и все от вина. А МЧС вызвали, труп-то достать, а водолазы, говорят, ныряли-ныряли, да больно глубоко. Так и не вытащили.

«Потому что Гоша им ящик водки не поставил».

– Машину, говорят, видят, на дне лежит, и пьянчужка в кабине, а достать никак нельзя. А хоронить-то надо? Родственников-соседей угошшать надо? Братья-то с Ростова с ней прямо и приехали, им что, месяц ждать? Ну Томка-то и не стала, так гроб пустой и закопают.

«И правда дурра. Даже с того света мужа не дождалась. И у матери ли была, и в Ростове ли? Пить-то Гоша без меня еще начал», – я медленно возвращался к обычному состоянию цинизма. Я представил себе запорожец, медленно идущий ко дну и пускающий пузыри, а Гоша, словно Ди Каприо в «Титанике», бьется о боковое стекло, пытаясь выбраться из машины. Смерть за стеклом. Двери, конечно, заклинило. Гошу я искренне успел полюбить. Его смерть выбила меня из колеи. Но мы-то живы. «Что теперь будет с рейтингами?» – спросил я у себя и сам же ответил: «Видимо, ничего».

Я очень сильно ошибался.

Из-за смерти Гоши я пришел на работу не к девяти, как обычно, а к одиннадцати. Не успел я включить компьютер, как ко мне подбежала директорская секретарша. Эти слова она всегда произносила с особенной интонацией – в советских фильмах так говорили: «Кремль на проводе!» Но сейчас девушка превзошла саму себя и даже выглядела какой-то испуганной: «Тебя директор вызывает. Срочно».

В кабинете, вернее в специальной, особо важной части огромного директорского кабинета, отгороженной стеклянной звуконепроницаемой ширмой, Саша был не один. Я не успел рассмотреть визитера, как он набросился на меня:

– Где тебя носит? Рабочий день начался два часа назад!

– У меня друг умер.

– Друг умер... Ладно, садись. Знакомься. Павел Иванович Капут, Москва, компания Геллап Медиа.

– Очень приятно.

Павел Иванович был мужчиной за пятьдесят. Чуть полноватый, чуть седоватый, в очках без оправы и хорошем костюме с галстуком в тон и при усах. Совершенно обычный мужик. Из тех, что на семейных праздниках говорят «коньячок» и «пожалте», а потом ведут хозяйку дома танцевать вальс. Павел Иванович не излучал никакой угрозы. Он был из тех людей, с которыми можно договориться «по-хорошему». Он убаюкивал. И снова я ошибся.

– Итак, начнем. К нам поступила жалоба от нашего абонента, Тамары Чертиковой. – Павел Иванович обвел нас взглядом и этот взгляд мало чего хорошего обещал. Начал он без выражения, но к концу своей речи почти кричал, и мы, прожженные телемонстры, казались рядом с ним насравшими на диван котятами. – Я называю ее фамилию, потому что больше Тамара не сможет быть нашим абонентом. И мне кажется, что кому-то эта фамилия должна быть знакома. Кто-то из ваших сотрудников, пока женщина была в командировке, подговорил ее мужа включать телевизор на телеканале СТВ в определенное, как я понимаю, время. И платил ему за это обычной русской водкой. А потом, видимо, обнаглел настолько, что канал СТВ в данной квартире не выключался вообще, что повысило его рейтинг на полтора пункта, а долю телесмотрения на 6 процентов. Сегодня утром я узнал, что этот мужчина покончил с собой. Но с этим пусть разбираются соответствующие органы. А я требую выдачи того, кто это сделал.

«Что он имеет в виду? Что значит «выдачи»? Что, за подделку рейтингов у нас уже расстреливают? Или сразу вешают на рее, чтобы порох не тратить? И че вообще этот кот так понтуется? Мы ему что, должны? По-моему, наоборот, телекомпания платит Геллапу за доставку рейтингов. Про то, что «клиент всегда прав» тебе не объясняли, москаль поганый?»

– Мы, конечно, проведем свое расследование и установим всю картину преступления, то есть происшествия. Но мы оценим добровольный шаг телекомпании к нам навстречу. Потому что, я надеюсь, это не была инициатива руководства телекомпании, – Капут опять вопросительно обвел нас взглядом. Я уже бесился. – Мне нужна фамилия и увольнение этого сотрудника без выходного пособия.

– Ээээ, а зачем, – первым от чар Кашпировского в овечьей шкуре очнулся директор.

– Видите ли, Александр Иванович. Такие попытки предпринимаются и в других регионах местными телекомпаниями. Но только здесь у нас есть стопроцентный живой свидетель, который, я уверен, расскажет все. Как я понимаю, ваш сотрудник живет в том же доме. Мы очень легко его вычислим и все докажем. Мне нужен скандал, публичная порка. Статьи во всех профессиональных журналах. Обсуждение на профессиональных порталах. Тема для семинаров повышения квалификации. Факты, мнения, комментарии. Как Иван Иванов подставил свою телекомпанию, был с позором изгнан, и теперь работает сторожем и пьет технический спирт. Следующий случай будет караться еще более жестко.

– А если мы не найдем этого человека?

– Вот адрес, – Павел Иванович передал директору бумажку, в которой я успел разглядеть номер моего дома. – Что, не найдете? Вы Александр, я знаю, живете по другому адресу, и это уже радует. Вы спрашиваете, что будет, если вы откажетесь выдать шельмеца добровольно? Да ничего не будет. Ни-че-го. Никаких рейтингов. Мы просто выключим вас из списка измеряемых каналов. У вас не будет никакого рейтинга и никакой доли. Я понятно объяснил?

– Нам надо подумать, – директор был серьезен. – Сколько у нас времени?

– До пяти. Если вы пойдете нам навстречу, мне нет смысла задерживаться здесь и я уеду на семичасовом поезде. Я остановился в гостинице «Голден Ринг Отель». Позвоните на ресепшн, там соединят.

Когда Капут ушел, директор молчал минуты три, глядя в окно. Взгляд его выражал всю скорбь за ту страну, в которой ему по недоразумению пришлось родиться и жить.

В детстве мне часто снился один сон. Я прихожу в школу, сажусь за парту, и вдруг понимаю, что на мне нет формы. И вообще ничего нет, кроме трусов и майки. Я лихорадочно ищу выход, но не нахожу. И вдруг понимаю, что трусов-то тоже нет. Я натягиваю майку до колен и пытаюсь дождаться перемены, чтобы какими-то закоулками пробраться домой. Как ни странно, никто на меня не обращает внимания, но мне-то от этого не легче. И главное, я никак не могу понять, почему я голый. Это чувство жгучего, беспричинного стыда я запомнил очень хорошо и сейчас испытывал нечто похожее.

– Ты? – директор оторвался от окна и теперь смотрел на меня в упор. Врать на этот раз было бессмысленно.

– Я.

– Блядь, да когда ж это все кончится. Когда ж вы перестанете быть такими дебилами? – в отличие от московского гостя, директор перешел на крик сразу. – Ты понимаешь, что такое лишиться рейтингов? От нас откажутся все федеральные рекламодатели! Это сотни тысяч в месяц и рынок растет! Потому что никто не будет связываться с каналом, даже доля которого неизвестна! Который даже Геллап не меряет! – он говорил чистую правду. После выхода нового закона, который накануне выборов сократил время на телерекламу, минута на федеральных каналах подорожала до невероятных высот. И многие крупные торговые сети и бренды понесли свои бюджеты в регионы, на местное телевидение. Здесь и люди были попроще, и о хорошем откате можно было легко договориться.

– Бля, ну узнал, где стоит пиплметр, ну мне бы сказал. Ты понимаешь, что это НЕ ТВОЕ дело! Что мне НАСРАТЬ, какая доля будет у твоих новостей и твоей дебильной «Карьеры». Потому что мы выиграли три копейки и потеряем теперь миллионы! Все. Иди.

– И что ты решил?

– Все узнаешь. В свое время. Все. Иди.

Все так все. Такой вот день. Это все цыганка. Впервые в жизни я ушел с работы, никому ничего не сказав. Замы есть – пусть они и работают. А какой смысл работать, если тебя должны сегодня расстрелять к пяти часам? И шанс на помилование, директора я знал, один из ста? Конечно, против меня лично он ничего не имеет и, скорее всего, сам бы поступил на моем месте точно так же. Но он был на своем месте, и ему надо было принимать решение – либо несколько миллионов рублей в год, либо хороший главред. А незаменимых нет. Нет уж, работать сегодня я не буду. У меня умер друг и меня почти уволили. Что делают в таких случаях?

Пить пришлось в одиночку. Знакомые в это время работали, а друзей у меня давно не осталось. Телефоны пары приятелей детства, каким-то чудом сохраненные в симке, давно, видно, поменялись и не отвечали.

Метров за тридцать до кафе я заметил трех парней родом из моего детства. Пятнадцатилетние волосатики сидели на траве и бренчали на гитаре с надписью «Панки, хой!» Я остановился. И мое сердце тоже. Эти аккорды я не забуду даже при смерти. Ля-минор, фа-мажор, до-мажор, ми-мажор. Как перед входом в храм пальцы верующего сами сжимаются в трехперстие, так при звуках «Все идет по плану» я непроизвольно нащупывал в воздухе блатной ля-минор. Сколько струн порвано, сколько перцовки выпито! Волосатики, похоже, пребывали в состоянии, которого я надеялся достичь часа через полтора. Долговязый очкарик отыграл два квадрата и запел:

Границы ключ снова выковал Брюссель
А наш дедушка Ельцин совсем усох
Он разложился на глянец и на липовый лед
А нацпроекты все идут, и идут по плану

И вся нефть превращается в Стабфонд
И все идет по плану!

А моя судьба захотела на Т.О.
Я обещал ей никогда не вступать в ВТО
Но на бейсболке «Marx & Spenser»: Че Гевера и звезда
Как это трогательно Маркс, Гевара и звезда
Абонент недоступен навсегда
И все идет по плану!

При капитализме все будет хорошо
Там все будет в евро, там все будет в кайф
Там всегда распродажа и дешевый Интернет
Там, наверное, вообще наступит вечная life
Я проснулся среди ночи...

Упыри. Ничего святого! Я не стал слушать до конца. В большом зале кафе я был один, но водку все равно принесли через десять минут после заказа.

– За тебя, Гоша, вернее, помяни тебя Господь во царствии своем, – я обращал эти слова к перелитой в графин бутылке «Беленькой», – единственному, что связывало меня с Гошиным духом.

Я вспоминал этого простого и искреннего мужика, который называл меня самой злой кличкой из детства и на которого я ни разу за это не обиделся. Который подарил мне несколько восхитительных дней славы и сам себя принес в жертву. Он был, конечно, обречен. Любовь к быстрой езде нельзя сочетать с любовью к водке. И все же с края моста его толкнула моя рука. И я всегда буду помнить это.

А потом было: от нашего стола вашему столу, а не пойти ли нам в кино, эй, ребята, я угощаю, а вы что, правда панки, я тоже был панк в детстве и в душе им остался, айм ан антикрайст, айм ан анаркайст, девушка, девушка, ну не уходите, давайте еще мартини, а поедемте в номера, женя, а здесь есть номера, э, ребята, я не пидор, а если вы не пидоры, то выпейте водки, как учил великий Гоша и т.д. и т.п.

Такси выгрузило меня у дома в полной темноте. Рядом, на дороге, висел подсвеченный рекламный щит какой-то страховой конторы с надписью во всю длину КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ. Эта фраза была одна в мире, единственным осмысленным человеческим сигналом. Я не знал, сколько времени, не думал, что сказать жене. «Скажу как есть. Кстати, а че директор не звонил? Надо самому позвонить, что он там решил, где ставить запятую. Ну-ка, ну-ка». Но звонить было не надо. В шумном зале ресторана я не расслышал приход смс. Я закурил перед подъездом.

“Извини, но это бизнес. Ничего личного. Ты уволен”.

Я не думал, что найду дома жилетку друга. Жене было не до моих проблем. Я ничего не рассказывал ей ни о махинации с рейтингами, ни о том, что «Карьеру» могут прикрыть. Она понятия не имела, кто такой Гоша, зачем ко мне приходил Володя Жеглов, и откуда взялись деньги на машину. МОЯ жизнь ее не интересовала. Ее интересовала НАША жизнь. А ее-то в последнее время и не было. Старший ребенок спал, а младшего жена носила на руках. Я вторгся в этот детский мир как агрессор – вероломный, коварный и безжалостный, насквозь прокуренный и дышащий перегаром. Что хорошего я мог от нее услышать? Что будет дальше, я знал в мельчайших подробностях.

– Ты вообще знаешь, сколько времени? – я не знал, но судя по тому, что из ресторана нас выгнали, время не детское.

– Ты как это все вообще можешь объяснить? – объяснить я мог, но на это ушла бы вся ночь и еще и день в придачу.

– Что у тебя с телефоном? – телефон я благоразумно поставил на вибрацию.

– А знаешь, катись-ка ты на свою работу, спи там со своим директором, мальчиками, девочками, снимай свои дурацкие передачи, ночуй там, ты все равно там живешь! Зачем ты нам ТАКОЙ нужен? Зачем? – Голос жены захлебнулся, дверь в ванну хлопнула и закрылась изнутри на замок. И только младенец стоически переносил первый в жизни семейный скандал.

Я знал, что нужно сделать, чтобы восстановить мир в семье. Во-первых, нужно было тупо лечь спать. Во-вторых, на следующий день нужно было пятьсот раз попросить прощения, перемыть всю посуду, сделать уборку, на работу не ходить (это-то теперь легче всего), пережить еще две истерики, подойти сзади, обнять и стоять молча, шепча на ухо «я тебя люблю», пока не оттает.

Но сегодня я поступил по-другому. Я зашел в ботинках на кухню, взял три CD-диска, положил на стол пятьдесят тысяч рублей и хлопнул входной дверью.

14.

Я вышел из дома, когда во всех окнах... Идти было некуда, и я пошел на автостоянку. Я хотел просто лечь в салоне, но понял, что спать не хочу, а хочу еще выпить. Пешком до ларька было далеко. Чего уж теперь – я повернул ключ зажигания. Коктейль Молотова. Я дернул крышку, как чеку гранаты, и промахнулся. Из пальца хлынула кровь. По фиг. Однако через минуту пришлось присосаться губами к ране – так и весь салон можно залить. Демиург-мазохист пьет свою кровь. Не все ж чужую. Светало. Я вспомнил, что еще несколько дней назад встречал рассвет вместе с Гошей. На мост по пустым улицам форд донес меня минут за семь. Я остановился прямо посередине. Машин не было. Сбитые ограждения так и не успели восстановить.

Телефон зазвонил звонком телефона. Номер не определился. Но я и не хотел никого слышать. Абонент за базар не отвечает. Абонент ни за что не отвечает. Большим пальцем, из которого до сих пор сочилась кровь, я зажал динамик телефона и нажал на «ответ»:

– Абонент за себя не отвечает и навсегда недоступен!

Сброс. Вокруг не было полицейских машин и сверху не пикировали вертолеты. Но я, словно косоглазый из «Апокалипсиса», слышал в небе звуки «Полета Валькирий». Мир устроил на меня охоту. Тот парень смог, а я что, не смогу? Тут мне в голову пришла одна мысль. Я вставил телефон в держатель на торпеде, включил функцию видеокамеры, таймер, паузу и передачу данных по окончанию съемки. Глаз мобильной камеры нацелен на меня. Шесть секунд разгон, три секунды полет. Телефон водонепроницаемый. Базовая станция рядом. Файл успеет улететь адресату. Такого реалити мир еще не видел. Я поколебался несколько секунд, думая, кому отправить мой последний телепроект. Директор. Решишься ли ты поставить это в эфир? Или закинешь на западные порталы, чтобы получить свои 10 процентов в электронных евро за каждое скачивание? Это будет самый дорогой видеоролик в истории, если считать доход с одной секунды. Мою смерть смогут увидеть миллионы. Слава 3 G технологиям! Мысли мелькали как на ускоренной перемотке. Мобильный секс. Мобильный экзамен. Мобильные выборы. Смс-голосование за президента. Мобильный прием избирателей в чате. Мобильная демократия.

Восходящее солнце било свежими лучами прямо в лицо. Отлично. Свет в порядке. Режимная съемка, мечта оператора. Качество будет на высшем уровне. Задний ход. Остановка. Тишина. Двигатель заглох. Я дернул ключ зажигания. Никакого эффекта. Еще! Ноль. Я взглянул на приборы. Бак был сух, как попа младенца в телерекламе.

Я вышел на мост и увидел, что ко мне приближаются первые утренние машины. Да ну ее к чертям. Бросив форд посреди дороги, я сбежал с моста и пошел по набережной.

Через несколько минут дорогу преградил строительный забор. На заборе висел рисунок храма в ложнорусском стиле. Восстановление Успенского собора, взорванного в тридцать седьмом, было главным проектом губернатора на ближайшие годы. Стройку мы не раз показывали в новостях. Я дошел до больших деревянных ворот и закурил, любуясь восхитительно безлюдным пейзажем. Времени было, наверно, часов пять.

– А ну-ка стой, – услышал я за спиной чей-то голос.– Стоять не двигаться, – обладателем голоса был мужик двухметрового роста, в обычной строительной одежде, с богатырскими ручищами и физиономией, такой же пьяной, как моя.

– Выпить хочешь? – богатырь подмигнул с улыбкой ушкуйника – то ли пойдем грабить с нами, то ли ограбим тебя.

– Варум нихт?

– Ну, тогда пойдем. Слышь, фашист, щас мы зайдем в вагон, и ты скажешь мужикам, что ты наш новый сторож. Что ты искал работу и где пожить, и типа пришел сюда. А я тебя нашел. Понял? Потом можешь пить с нами, а как надоест, вали на все четыре.

– А если не надоест?

– В смысле?

– А если я и вправду хочу работать сторожем и ищу, где пожить?

– Че, в натуре?

– Да.

– Ну и денек сегодня, то есть завтра, то есть вчера. Паспорт-то есть?

Я пошарил по карманам.

– Есть.

– Ну тогда вообще нет вопросов – работай сколько хочешь, живи сколько хочешь. Зарплата хорошая – три тысячи рублей, в ведомости, если доживешь, за восемь будешь расписываться, но ты не обращай внимания, это так, для отчетности. Ты только, это, никого не убил? Тебя менты не ищут? А то был тут у нас такой...

– Да не, я...

– Ну, ладно-ладно, пошли, там разберемся.

«Ну че, бля, а кто тут сомневался??? Привел!!!!»

Мой новый знакомый распахнул ударом ноги дверь строительного вагончика, в котором можно было вешать топор и где сидели три таких же, как он, бухих вдугаря мужика.

Наш приход был встречен дружной овацией, после которой я узнал, что помог выиграть спор на ящик водки. Михалыч, так звали нанявшего меня мастера, поспорил, что найдет нового сторожа взамен уволившегося «прям щас, да прям щас, да в пять утра». Времени ему было дано полчаса, но он управился за несколько минут.

– Ты кто вообще? И откуда? – спросил меня Михалыч, когда мы приняли по пятьдесят из несвежих пластиковых стаканов.

– Я-то? – а действительно, кто я теперь? – Я, мужики, рок-музыкант. Непризнанный гений. Зовут меня Диогеном, живу я в бочке, точнее, в ящике жил до сегодняшнего дня.

– Музыкант? Ну, играй музыкант! – кто-то достал из угла облупленную гитару «Турист», в точности такую же я купил себе в пятнадцать лет на первые деньги, заработанные продажей газет. Струны больно резанули пальцы левой руки. Но я крепко зажал «первый блатной» ля-минор, ударил по струнам пару раз и, не обращая внимания на то, что гитара расстроена, запел пронзительный русский блюз:

Я сижу на крыше
И плюю в прохожих
А они не знают
Думают, что дождик
Никому нет дела до меня
Никому нет дела до меня

До меня нет дела
Никому на свете
Надо мной летает
Космонавт в ракете
Я ему махаю
Чтоб он приземлился
Я ему желаю
Чтоб он, блядь, разбился
Никому нет дела до меня
Никому нет дела до меня

Во время песни засохшая уже было рана на пальце открылась, и теперь гитару украшали пятна свежей крови. Приняв с новыми коллегами еще два раза по пятьдесят, я вырубился и был транспортирован в свой новый дом. «Куда заносить-то? – прозвучали в угасающем сознании чьи-то слова. – Куда-куда, в ящик, я тебе говорю, в ящик!»

15.

Вынырнув из кошмарного сна и обнаружив себя лежащим на грязном матрасе, я испытал острое чувство стыда за вчерашнее. Я подумал, что еще долго буду отвыкать от привычки работать на камеру.

Все формальности уладили быстро. Михалыч сходил в вагончик прораба с моим паспортом, вернулся оттуда с трудовым договором, в котором значилась сумма в восемь тысяч, и, заполучив мою подпись, исчез. Строили собор москвичи, а потому все здесь было по-серьезному.

Каморку, куда меня отнесли накануне, строители действительно называли «ящиком».

Это была самая плохая бытовка на стройке, маленькая, тесная, ни одного окна. Обитали здесь сторожа. Сделана она была из допотопного железнодорожного контейнера, и потому сильно напоминала ящик для почтовых посылок.

Вокруг ящика лежали груды человеческих костей. Строительству собора предшествовали масштабные раскопки, в ходе которых археологи и наткнулись на братскую могилу. Считалось, что это заживо сгоревшие горожане тринадцатого века, погибшие во время нашествия Батыя. И хотя большая часть костей была перезахоронена, строители продолжали находить следы огромного погоста, которым был весь центр. Здесь, я припомнил, хоронили местных князей. Среди них попадались как святые, так и подлецы вроде меня. Попадались и святые подлецы. Кроме элитных костей сторожить, в общем-то, было нечего. Работы велись круглые сутки, и строители сами присматривали за своим инвентарем.

Денег оставалось немного, и потому вечером я дошел до ближайшей аптеки и безо всяких размышлений купил десять пузырьков боярышника. Боярышник на кладбище Невинноубиенных. Покопался в памяти: Александр Дюма, «Королева Марго». В детстве я бредил книгами Дюма. Мушкетеры, виконты, короли, герои и злодеи. Дюма был настоящим писателем. А теперь литераторов не осталось, одни литературоеды. Книги их читаешь как учебник для третьего курса

филфака, и героев их не хочется ни любить, ни ненавидеть. Тот же «Дом-2», и то вызывает больше эмоций. Кстати, не тем ли самым я занимался несколько дней назад, снимая телепередачу о съемках телепередачи? Игра в Ящик. Игра в Я...

Опрокинув жгучую жидкость боярышника, я снова вспомнил Гошу и подумал, что поминки вчера я справлял не по нему. Какое мне было дело до этого мужика из позапрошлой жизни? Конечно, он мне нравился. В отличие от меня, Гоша знал, где черное, а где белое. Но это был ЕГО бизнес. А я? Я провожал в последний путь себя, такого, каким был раньше.

Рядом с вагончиком грохотала стройка: ухал филином сваебой, урчал кран, гастарбайтеры переругивались с собственным эхом. Но в моей жизни наступила тишина, как будто в квартире с видом на автостраду закрыли пластиковое окно.

Строители прозвали меня «Музыкант». Мне нравилось новое имя. День за днем я проводил, терзая раздолбанную гитару, покуривая на крылечке, зарываясь в приятные воспоминания и старые сны.

Когда это было? Лет пятнадцать назад. Мы с Дюшей выгрузились из поезда одни на той станции. Станции Нея. Разбитый полустанок, несколько домов вдали.

– Станция «Не я». Я не я, и лошадь не моя.

– Жил был варяжский князь, и как-то раз прислал он в эти лесные края сборщика податей...

Порой мы с Дюшей прямо на ходу сочиняли такие истории. Полудетская привычка-игра. Один начинал, другой подхватывал.

– Но местным дикарям это, ясен пень, кстати, пень был их богом, не понравилось. И убили они налогового инспектора – посланника варяжского князя.

– Князь, как водится, приехал на разборки. Но по простоте новокрещенной души (ибо страшен ад и скрежет зубовный) решил не истреблять всех жителей варварского селения, а искал подлинного убийцу.

– Рассудив, что дикие лесные жители, испугавшись мести, выдадут его добровольно, князь собрал их у пня – древнего капища. Пообещав наказать всех, если шельмеца не выдадут на праведный суд, он спросил, кто поднял руку на власть.

– Варвары молчали. Удрученный викинг решил допросить лесных людей по одному. Но на вопрос князя каждый твердил: «Не я». Устав биться с таежными олухами, князь произнес:

– «Глупы жители этой земли. Жалость к грешнику преступна, ибо усугубляет грех. Глуп тот, кто покрывает грех и боится правды, боится мира, а не Бога. И пока будет так, не будет правды на этой земле, и будете вы мучиться во веки вечные. И терзать себя, говоря князю и Богу «Не я». И за это я сжигаю вашего идола, и нарекаю селение ваше «Нея»».

От Неи начиналась почти тайга – по берегам сонной реки с тем же именем стояли сосны, щемяще красные на закате. Из поваленных стволов на третий день пути мы соорудили плот. Мы хотели проплыть и пройти до другой, такой же неведомой станции Яя – тоже найденной на карте между третьей и четверкой бутылками портвейна.

Пара ножей, топор, донка, несколько пачек гречки, свинина тушеная и сгущенка, соль, спирт «Рояль», разлитый в пластиковые бутылки, пачка чая – вот и все, что у нас было. И белые грибы, которые мы, обнаглев, рубили топором на стоянках. Они спускались к воде из тайги, как хозяева. Царство грибов в этих краях не знало или забыло о других царях природы, от которых нужно прятаться под еловые лапы и в густую траву опушек. Проклятие князя действовало до сих пор – в этом мы убедились, доплыв до первой брошенной деревни. Пара домов сгорело, будто спаленных дыханием дракона с носа норвежского драккара. В остальных двери дай Бог болтались на одной петле. Вдоволь наевшись одичавшей смородины и набив рюкзак зелеными орехами, мы дошли до бревенчатой ветряной мельницы на околице. Ее крылья давно обвалились, так и не дождавшись Дон Кихота. Светло-черный сруб накренился, понурив облысевшую голову. В щели-морщины древних бревен можно было просунуть ладонь.

– Смотри, что я нашел, – Дюша позвал меня из глубины мельницы.

– Что там?

– Газеты. Опа – тысяча девятьсот какой-то седьмой год! «Спасли кулака, но погубили других». Статья неразборчиво, все стерлось. А вот это, как тебе? «Пролетарский террор беспощаден к врагам трудового народа». Ага, тут есть кое-что:

«Кулацкие элементы до сих пор тихо саботировали продразверстку, на которую, словно славные соколы, вылетели из гнезда лучшие сыны пролетарско-крестьянской семьи. Но подлая кулацкая душонка не могла смотреть на то, как свято исполняют свой долг честные коммунары 25-тысячники. Тов. Прозоров Иван и Пузнов Глеб пришли в храм «Димитрия на Крови» деревни Голодново Неинской волости в страстную пятницу и, согнав с амвона попа на проповеди, стали агитировать народ сдавать зерно на Красную Армию для борьбы с мировым империализмом. На что несознательные кулаки стали бить коммунаров прямо в храме, оттолкнули попа, а потом вытащили за околицу и привязали к крыльям кулацкой мельницы. Товарищи нашли погибших коммунаров только на третий день. Комиссия ГубЧК спросила жителей, кто причастен к расправе над коммунарами. Но кулаки молчали даже под угрозой расстрела...»

Так, тут не разобрать ничего. Дюша отковырнул от газетного листа кусок присохшей пыли и нашел конец статьи.

– ... комиссар тов. Циммер, в целях борьбы с кулацким элементом приказал свести всех кулаков к реке и расстрелять. Вечная память героям, погибшим за святое дело мировой Революции!

– Слушай, дай мне.

– Да бери, тут их сколько хочешь. Смотри, вот еще «Монастырь под личиной коммуны». Начало тоже ничего не понятно. А вот здесь, слушай:

«...заняли второе место на Всероссийской выставке достижений советского хозяйства. Четыре года никто не знал, что члены женской коммуны, не принимавшие в свои ряды пролетариев и крестьян, были тайными монашками и прятали в риге попа Никона, который проводил обряды причащения и исповеди. Когда комиссар тов. Голопятов призвал женщин и девушек расстричься из монашек и выйти замуж за членов рабочее-крестьянского класса, все жительницы тайного монастыря ответили отказом. Решением суда Тройки поп Никон был расстрелян. А монашки Аглая, Серафима и Никандра, как наиболее злостные антисоветчицы и разлагательницы молодой крестьянской поросли, сосланы в Нарымский край».

Потом мы уже не удивлялись брошенным деревням. Скорее, удивились, что в одной из них кто-то жил – картофельное поле на околице было окучено, а через деревенскую улицу тянулась веревка с рваными простынями. Хозяев было не видно, но мы предположили, что здесь поселилась хиповская коммуна, сбежавшая из бетонных городских нор. Мы и сами дали зарок вернуться сюда, хотя бы на лето. Конечно, не вернулись.

Лучше всего было ночью, когда гречка с тушенкой или грибы с картошкой (с того самого поля) бормотали в котелке о сытости и уюте. Когда разведенный речной водой Рояль приятно обжигал глотку, сушеные мухоморы щелкали в папиросах, а где-то далеко в небе мерцающие огоньки самолетов скользили по Млечному пути. Холод и сырость подбирались из тайги, но жар от костра пек лица, а к спине мы подкладывали нагретые в костре булыжники. Мы с Дюшей лежали на земле, смотрели в небо, думали о сосланных монашках, повешенных комиссарах и мечтали о первом альбоме. Тогда казалось, что нам есть чем удивить мир.

До Яи мы так и не добрались. Это только на карте бывают прямые, как стрела, реки. На исходе второй недели мы вышли из поймы реки, чтобы найти кого-нибудь и спросить – далеко ли до обетованной земли. Из леса вышел бородач с посохом, лайкой и ножом размером со штык.

– Яя? Ну вы, ребята, даете. Верст двести отсюда по прямой. А по реке все четыреста. Но по прямой дороги нет.

– А от Неи тогда до сюда сколько?

Я удрученно уткнулся в карту. Мы полагали, что через пару дней сядем на поезд в Яе и еще через день будем дома.

– От Неи? Ну, километров тридцать...

Мы подарили бородачу остатки спирта, часа через четыре поймали трактор на чудом уцелевшей дороге и вернулись в Нею. А там купили билет и сели на поезд домой...

Организм пытался бунтовать против спокойной жизни на стройке. Привычка к ежедневным впрыскам адреналина укоренилась так глубоко, что я испытывал что-то вроде ломки. Но погасить ее было несложно. После окончания дневной смены я отправлялся в вагончик к Михалычу и пил с рабочими, почти всегда за их счет. За полночь доползал до своего ящика и сваливался на кровать прямо в одежде. Спать я теперь мог сколько угодно – в мою бытовку не проникал ни один луч света, и только грязная лампочка создавала и убивала день по моему желанию.

Впервые лет за пять мне снова стали сниться сны не про работу. Не про начальников и подчиненных, упущенные новости и сорванные прямые эфиры. Мне снилось, что я снова играю рок-н-ролл. Небольшие прокуренные залы, бьющий из-под сцены свет, танцующие девочки. И, чего не бывало никогда, мне снилась мощная и чистая музыка. Наша музыка. Которую мы так и не смогли сыграть, как хотели, ни во сне, ни наяву.

16.

На этот раз я проснулся от какого-то знакомого звука, похожего на щелканье фотозатвора. Открыв глаза, я увидел направленный мне в лицо ствол Кэннона. Фотограф отвел камеру от лица. Жеглов едва сдерживал довольный смех. Лицо прямо-таки светилось счастьем, как будто он поймал как минимум Усаму Бен Ладена. Косуху мент сменил на костюм.

– Доброе утро, – произнес Владимир и протянул мне руку помощи. Ухватившись за массивную ладонь, я сел на кушетке.

– Чем. Обязан.

– Ну ни хера себе, он еще спрашивает. Ты хоть понимаешь, что ты сделал? Ты в курсе, что ты в федеральном розыске? Что тебя ищет милиция, прокуратура и ФСБ всего Центрального Федерального округа?

«За что? Гоша – дело моей совести, а не их уж точно... Или, может быть, я опять чего-то не догнал, и он – Великий Инквизитор, а я член Ордена Инфотеймента, не прошедший все ступени посвящения. И теперь буду сожжен в прямом эфире как отступник и еретик?»

– Ты что, не понял? Неделю назад к нам поступило заявление о том, что пропал журналист, да даже не журналист, а главный редактор телекомпании. Твою машину нашли на мосту через Волгу. Всю в крови! Твоей, между прочим. Водолазы все дно прочесали! Возбуждено уголовное дело о твоем убийстве! О ходе расследования мы докладываем лично замминистру внутренних дел! Вставай, давай, поехали.

– Никуда я с вами не поеду. Я никаких заявлений не писал. Вы убедились, что со мной все в порядке? До свидания.

Зачем он меня фотографировал? Вроде, для отчета, но... По привычке я представил, что сделал бы раньше, если бы мне в руки попали такие снимки. Заголовок в газете: «Бухое ТВ», это как минимум. В этом свете и мое увольнение можно было бы подать совсем по-другому. Главный редактор телекомпании ушел в запой и спустя неделю был найден в непотребном состоянии на стройке. Вот они какие, наши акулы пера! И они еще берут наглость рассуждать о том, что такое добро и зло?

Жеглов присел рядом со мной, покосился на гитару и вздохнул:

– Не хочешь ехать, давай здесь поговорим. Ты не против? – и достал пачку Кента. Я вытащил Балканскую звезду. Чего с нами, люмпенами-то, разговаривать? Закурили.

– Я знаю, Антон, что у тебя проблемы. Так вот, мы хотим тебе помочь. Ты вернешься на работу и будешь работать, как раньше. Встречаться с теми же людьми, что раньше... – Я понимал, к чему он клонит. Тоже мне, моссад деревенский.

– И стучать на всех, да? Я, конечно, предатель, но не до такой же степени!

– Не прав ты, Антон. Мы Родину защищаем. И заметь, не за такие деньги, за которые некоторые ее продают.

Жеглов стряхнул пепел с кентины в жестяную банку. Я смахивал балканку прямо на пол. Может, он и прав. Но в нашей стране ни один нормальный человек сотрудничать с органами за идею не будет. Цифра «тридцать семь» не позволит.

– Извините, если что, я ничего такого не хотел. Просто я завязал с телевидением. Мы ведь теперь коллеги – вы Родину сторожите, а я вот стройку.

– Ну, смотри, – он поднялся. – А я ведь тебя давно знаю. Ты в «Вопреки» играл.

– А ты в «Тотенкопф».

– А у нас, кстати, в отделе своя группа есть. Нам как раз басиста не хватает – забрали в Москву на повышение. В клубы, конечно, не пускают, а вот по колониям ездим. Зекам нравится.

– Нет уж, ты лучше кассетку подгони. Хотя здесь ее слушать не на чем.

Когда Жеглов ушел, я испытал легкое чувство разочарования. Ведь мне предлагали войти в орден Серых Плащей. Тот же Жеглов, я уверен, не раз рисковал жизнью во имя... во имя чего – не бабок же наверно? Я похмелился остатками вчерашнего боярышника и вновь упал на кушетку.

17.

Следующий гость пришел ко мне ночью.

– Эй, окосевшее ТВ, хорош бухать, встречай друзей. Это я тебе как труп трупу говорю! – видимо, на почве боярышника и всех последних событий крыша у меня здорово подсъехала. В бытовке стоял Гоша.

– Слушай, что тебе надо? Ты же умер? Ну и отстань от живого человека. Я не хотел тебя убивать.

– Умер-умер, у меня и справочка есть – читай. – Гоша с видимым удовольствием протянул мне бумажку, и я взял ее за край, чтобы, не дай Бог, не коснуться призрака. Свидетельство о смерти было оформлено по всем правилам – фамилия, причина, дата, подпись начальника ЗАГС, печать. Раньше мне не приходилось встречаться с привидениями, но ни один из источников не упоминал, что тень должна предъявить бумагу из ЗАГСа. Что-то в этом было не так. У меня, привыкшего не доверять государству, закрались сомнения в подлинности смерти Гоши.

– Так ты что, живой что ли?

– А вот щас в табло дам, узнаешь, живой или нет. Пять минут у него уже стою, а он даже выпить не предложил. Сторож, е-мое, называется. Че пьем-то? Боярышник? Поминки, что ли, по себе справляешь? – и Гоша на самом деле саданул меня по плечу. Сомнений не было – Игорь Чертиков, свидетельство о смерти которого я только что читал, был живее всех живых, буянил и просил выпить.

– Но как ты...

– Да выплыл я, выплыл. К спасательной станции. Спасатели – я их давно знаю – меня подобрали-обогрели, налили. Прости-прости, про телевизор твой забыл я тогда совсем. Но ведь ничего страшного не произошло? Ну и я так думал. Решил я у них остаться. А они доложить-то забыли, что человечка спасли, в управление. А че, если б не водка, я, может быть, замерз где-нибудь по

дороге. Точно, спасли, на то они и спасатели. А когда я узнал, что дурра похороны замутила, ну тут уж я не мог объявиться никак. Мы вечером на моей могиле такой сабантуй устроили! Как я плясал на собственных похоронах, ты б видел, Антоха!

– А свидетельство ты в ЗАГСе попросил?

– Ага, тупым не притворяйся. Зашел домой и взял на тумбочке. Буду я его дурре оставлять. Она щас со справкой-то быстро бы наследство оформила да хахаля в дом пустила. Но я вообще подумал, и решил не возвращаться. Мертвому в нашей стране жить куда лучше, чем живому. Запор мой вчера подняли вечером. Гаишник меня тормозит – а я ему с правами справку о смерти. Штрафуйте, говорю, гражданин начальник! Он охренел просто.

– А жить-то на что? Работать надо как-то!

– А я на станции так и работаю. Иваныч оформлен на две ставки, а дежурю я за него. Буду теперь людей спасать.

– Лучший спасатель – мертвый спасатель! – к этому времени мы уже открывали вторую бутылку «Беленькой». – Слушай, а че ты про меня говорил, что я тоже труп?

– Ха, а ты газет-то что ли не читаешь?

– Нет.

– Так везде писали, что убили тебя где-то на набережной. Чуть ли, бля, не терроризм. Я три дня тебя поминал.

Вот ведь пишущая братия. Менты им наверняка говорили: «пропал». Но разве из этого сделаешь сенсацию? Сразу появились достоверные сведения, и вот тебе, готова жертва: для кого бандитского беспредела, для кого тоталитарного государства, для кого сексуальных нравов на нашем ТВ.

– Ну, так давай помянем друг друга. Скажем заупокойные речи. Как много мы потеряли с уходом... Не чокаясь!

– Про тебя ЕЩЕ в газетах-то писали. На-ко посмотри, – Гоша вытащил из-за пазухи заляпанный газетный лист. Видно было, что на нем раскладывали закуску. В середине полосы я мирно спал на диване в моем ящике. Стрелка от моего лица вела к более крупной фотографии: из края рта стекала слюна, и вообще было заметно, что пьян я в хламину.

Статья называлась «Окосевшее-с ТВ», и была напечатана в газете, входившей в один пул с главным нашим, пардон, уже не нашим конкурентом – телеканалом «Местный». Текст пространно излагал мое озарение во время последней встречи с Жегловым в этой самой каморке, что наводило на нехорошие мысли о техническом вооружении спецслужб.

Вот я и попал. Правда, не на первую, а на вторую полосу. Рядом со статьей на развороте начиналась телепрограмма. Сегодня газеты – всего лишь приложение к телику. А сам телик скоро станет приложением к мобильнику. Убойным приложением. Killer application. 3 G killer power.

Как я понял, из статьи Гоша и узнал, где меня искать. Благо спасательная станция была напротив – на другой стороне Волги.

– Ну ладно, Антоха, Гондоном больше тебя не буду называть, ты мужик. Молодец, что послал всех. Пора мне, я ж моторку здесь оставил, на берегу. Ребята будут беспокоиться. Ну, пока, покойник!

Мы попрощались.

На этот раз меня разбудил Михалыч.

– Эй, Музыкант, к тебе еще какой-то поклонник.

На этот раз я вышел сам и увидел на дороге метрах в пятидесяти черную Тойоту Лэндкрузер. Директор не признавал маленьких машин, просто в них не помещался. Что и говорить, большой человек. Водитель просигналил. А с какого, спрашивается, хрена? Я достал сигарету, медленно закурил и даже стал смотреть в другую сторону – на огромный рекламный щит за забором.

Там висел баннер с изображением яйца на кроваво-красном фоне. Ими завешен весь город. Да что там город, вся страна. Рано или поздно из этого яйца рано кто-то должен вылупиться. Я представил, что овал разлинован черточками, наподобие параллелей и меридианов, на боках смутно проступают очертания материков. Из района Северного полюса вниз бежит трещинка. Она становится все больше. Яйцо раскалывается на две части и оттуда вылезает существо, похожее на человека. Сгорбленное, с большими острыми ушами, лягушачьей лысой физиономией и выпученными глазами.

Я было подумал, что всю эту неделю директор не спал ночами, пил водку и рвал волосы на голове по невинно убиенному Антонио, но отбросил эту мысль как совершенно фантастическую. Хотя и ему, наверно, пришлось нелегко – Жеглов сотоварищи нервишки попортили. Будет знать, как своих москалям продавать.

Директор вышел из машины и двинулся в мою сторону. С лица его еще не сошел след нецензурного ругательства. Мы оба понимали: играть на чужом поле всегда труднее.

– Короче, сразу к делу. Ты, наверно, не в курсе, от Геллапа я тебя отмазал. Все, что Капут говорил насчет скандала – ничего этого нет.

– Еще скажи, что смску «Ты уволен» не ты мне присылал.

– Ну, я. Но потом удалось с ним договориться по-хорошему. Я бабки заплатил! Ты понимаешь? – Я отстраненно подумал, что, по большому счету, Геллапу скандал был не нужен. Что подделали один раз – могли подделывать и раньше, и всегда. Неужели у нас банально выпрашивали откат? – Ну и не все так плохо оказалось. Мы с ним вообще договорились. Будем ему отстегивать раз в квартал, а он потихоньку нам и долю, и рейтинг подтянет. Думаю, через год «Местный» заткнем. Видишь, какие все продажные в вашей стране.

– Ну и?

– Никто тебя не увольнял, и увольнять не собирается. Так что завтра жду тебя на работу.

– И это говорит человек, продавший меня за тридцать сребреников?

– А ты забыл, как ты меня, нет, всю телекомпанию подставил? А чем бы я зарплату людям платил, если бы нас от рейтингов отключили? И чем ты здесь собираешься детей своих кормить? – тренинги по работе с персоналом пошли директору на пользу. Он знал, как замордовать человека.

– А вот это уже совершенно не твое дело. У тебя ручка есть? Заявление, раз сами не уволили, могу написать прямо сейчас.

– Ну конечно, лучше гордо сдохнуть от бухла на стройке. Давай, давай.

Директор развернулся и быстро зашагал назад к машине. Я и не думал отвечать.

Следующей пришла Люба.

Она сидела напротив меня на единственной табуретке, и у нее на лице было написано: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

Но я-то еще не потерял привычку читать взгляды между строк. И прочитал там любопытство. Ну да, я ж теперь бородатая женщина.

– Ну как ты? Возвращаться-то не собираешься?

– Я уже вернулся. Из ящика. В реальный мир.

Мои фотографии, наверно, висят на каждом столбе. Этой славы ты хотел? Нет уж, пошли вы все...

– А как же жена, дети?

– Не трогай того, чего не понимаешь, – зло сказал я. – Извини.

Это было слабым местом моего бегства, и уже второй человек тыкал меня в него мордой. Что я умею? Играть словами. Играть людьми. Играть собой. Играть в ящик.

– Нет, Люба, я не вернусь. Я, знаешь, всегда мечтал быть водителем трамвая.
– Ну, смотри, хозяин – барин.
Научиться бы еще жить.
Люба уже стояла в дверях. Мне пришла в голову одна мысль.
– Скажи, Алису нашли?
– Да.
– И кто это был?
– Я.
– Зачем?
– Я... хотела сказать правду. Извини.
– Да ладно.

А потом пришла жена. Она молча села на ту же табуретку и смотрела в угол моего ящика. Я смотрел в другой угол. Так прошло минут пятнадцать. Если бы уже появились мухи, их жужжание в тишине бытовки было бы похоже на взлет ТУ-134. Но мы сидели в абсолютной тишине. А потом по столу стукнула слеза. Она упала на фото в газете, размыв окосевшее лицо. Следующая – заляпала буквы «Т» и «В» в названии статьи. А это-то насколько честно? Хотя неважно. Я ведь сам ждал. Принять ванну, выспаться на простынях, сделать уборку, повесить, наконец, вешалку для белья в ванную. Я подумал, что даже не помню, как выглядит мой сын.

– Пошли?
– Пошли.
У входа в каморку стоял Михалыч. Но он не стал ничего говорить. Мы вышли из-за ворот Успенского собора, пока еще существующего только в виде картинки на заборе. Я предавал очередную родину.

– Да, и директору позвони. Он просил.
– Хорошо. Кстати, а ты не знаешь, кто там у нас победил?

***

Приложение. Глоссарий работника СТВ:

Гоблин – телезритель. В широком смысле – не телевизионщик. В это понятие не попадают ньюсмейкеры: представители власти, бизнеса, силовых структур и т.п. (см. пидоры).

Упырь (директорск.) – журналист. В широком смысле – подчиненный либо партнер по бизнесу. Фразеологизм: «Упыри, бля» – выражение недовольства уровнем интеллектуального развития подчиненного.

Жопа (реже – задница) – состояние души работника телевидения. Реже – телекомпания, место работы журналиста.

Пидоры (реже – уроды) – представители власти, бизнеса, силовых структур и т.п. От гоблинов отличаются тем, что могут навредить работнику телевидения: подать в суд, нажаловаться начальству, угрожать, избить, убить.

Пиплметр – прибор для измерения телевизионных пристрастий гоблинов.

Рейтинг (гоблинск.) – степень популярности канала, придуманная его руководством. Рейтинг выдумывает директор телеканала для понтов.

Доля (религиозн.) – Степень популярности телеканала либо передачи в представлении директора телеканала. Сведения о доле директор получает с небес после камлания на бабле.

Бабло (религиозн.) – трансцендентная цель существования телеканала. «Бабло побеждает зло» – молитва.

Выборы (религиозн.) – время перетекания бабла от пидоров (уродов) на телекомпанию.

Жареный факт (гоблинск.-пидорск.) – новость. В лексиконе работника телевидения оборот отсутствует.

Мочить – говорить правду в теленовостях. «Мочить + Родительный падеж» (например: мочить губера – говорить правду о действиях губернатора).

Замочить – рассказать всю правду, не утаивая никаких фактов.

Лизать – говорить в новостях неправду о пидорах (уродах) за деньги или по принуждению. «Лизать + Творительный падеж» (Например: лизать мэру – говорить неправду о работе мэра).

Утренник (в детском саду) – официальное мероприятие, репортаж о котором делается в силу договора об информационном обслуживании либо политической ориентации учредителя. «Через пару лет одни утренники снимать будем» – фразеологизм.

Бля – 1) усилительная частица. Не несет четкой семантической нагрузки.

2) Междометие, служащее для придания речи угрожающего характера (применяется в разговорах с подчиненными и криминальными элементами нижнего звена)

Говно – телевизионный продукт (новости, передачи и т.п.) собственного производства.

Это вам не выставки снимать (редакторск.) – фразеологизм, выражающий восхищение перед хорошо сделанной работой (см. «замочить).

Станислав ЛИВИНСКИЙ

* * *

Осень сделает cheese и поправит наряд –
перелётная вылетит птичка.
Если хочешь ко мне, если хочешь назад,
то короткую вытащи спичку.

Я тебя не зову, потому что – вода,
перемены и новые лица.
Мы когда-нибудь вспомним об этом, когда
наше прошлое здесь отвисится.

Слово вылетит или же это в бреду,
в тридевятом каком измереньи?
Неужель это я под луною иду
при дежурном её освещеньи.

Но теперь не узнать и торчком воротник.
Через двор – так намного короче.
Я вернусь, я открою окно и дневник,
на живую впишу пару строчек.

А захочешь... Но лучше меня не проси
эту осень вернуть по листочку.
Так любовь, словно пешку, проводят в ферзи,
доводя до лирической точки.

* * *

Достань с антресоли, возьми и раздай
давно никому уж не нужные вещи:
бачок, глянцеватель, от «Камы» педаль,
гирлянду, и старый заплывший подсвечник,
рентгеновский снимок, цветочный горшок,
точилку, с застрявшей кудрявою стружкой,
гантели и «Детский» зубной порошок,
торчащий меж полкою и раскладушкой.

Пройдешь меж соседей, как сквозь трафарет,
сглотнешь и подумаешь – Боже, как душно.

Станислав ЛИВИНСКИЙ родился в 1972 году в Ставрополе. Работал в газете «Вечерний Ставрополь». В настоящее время занимается звукорежиссурой и видеомонтажом в Ставропольском краевом Доме народного творчества. Публиковался в журналах «Дети Ра», «Южная звезда», «Литературный Кисловодск», «Ассонанс», а также в Интернет-изданиях — «Сетевая словесность», «45-я параллель». Автор книги стихов «Оглазок».

Раздай, если хочешь, но кто-то в ответ
тебе улыбнётся – кому это нужно.
Останется только – жалеть-нежалеть,
и в паузах жизнь погашать, как судимость.
А ночью, вскочив, не поймешь – то ли смерть,
а может, второе дыханье открылось.

* * *

Нас из одной лепили глины,
но обжигали в разных горнах.
Судьба темна, как погреб винный,
сырой, просторный.

И мы с тобой: нам по семнадцать,
а может быть давно за тридцать.
И память – ветреная цаца –
та, что на лица.

И мы с тобой. Приходит осень.
И облетают листья с клёнов.
И седина виски заносит.
Гадай на зёрнах.

Гадай на зёрнышках созвездий.
Мети палас. Вари мне каши.
Я так люблю, когда мы вместе
во всём домашнем.

Я так люблю, когда в халате
рукою машешь мне в окошко;
когда ты одеваешь платье,
и трётся кошка;

когда в хоккей играют лихо
по телеку и, оторвавши
взгляд от шитья, ты спросишь тихо –
а где здесь наши?

* * *

Ты измеряешь лужу – ну, заходи же, здесь мелко:
так до сих пор на тебя плохо влияет улица.
Зонтик складной. На батарее стельки.
Плащ застегнешь: лишняя сверху петелька,
снизу – пуговица.

Это знакомый мотив. Дождь, на верёвке – пелёнки.
Мокрые футболисты, вместо ворот два портфеля.
Бог зазывает домой – так доиграй до заронки.
Жизнь во второй половине – та же продлёнка,
и бесконечна неделя.

Девочка, с которой ходили в садик, учились в школе,
теперь под одним зонтом выгуливаете собаку.
Чешется память ужасно, будто бы место укола.
И, как всегда, затерялась крышечка от корвалола.
Вот и тебя оплакали.

* * *

Войдёшь сюда, услышишь – скрипнет дверь.
Литература? Нет, ещё чтенье.
Тетрадь в линейку с гимном СССР
и первое твоё стихотворенье.

Когда ещё, в каких таких краях?
В какой такой безбрежности дремучей
мельчил к концу листа и на полях
улавливал подобия созвучий?

На цыпочках, и вовсе не дыша.
Увидишь: жизнь – примета на примете.
Не думай даже с кончика ножа –
и после смерти ты за нас в ответе.

Ещё чуть-чуть, ещё одна строка –
случайная попутчица, подруга.
Узнаешь, и потянется рука,
и всё опять до одури по кругу.

Узнаешь – не изменишься в лице.
Дворняга и законченный романтик.
Ты ставишь многоточие в конце,
завязывая прошлое на бантик.

* * *

Копеечное дело – заболеть.
Сменить колючий свитер на пижаму.
Кино по телевизору смотреть.
Переключать с программы на программу.

Глотать микстуру, думать о своём,
от ноября в ладонь сметая крошки.

Смотреть, как первый снег под фонарём
крадётся и мужает понемножку.

Курить в кровати, мучая кроссворд.
Промазать мимо форточки огрызком.
Проснуться, изучая натюрморт:
холодный чай, хлеб с маслом и записка.

А у зимы в ночнушке на просвет,
как у любимой в утреннем свечении,
ещё осенний виден силуэт,
но ближе к февралю – уже весенний.

Вот так и жить – стареть по старшинству.
Листать журнал с девицей на обложке.
Прищурившись глядеть на синеву.
Кормить в окно беременную кошку.

Температурить, кашлять и болеть.
И чучелом своей никчёмной жизни
отпугивать до сроку птицу-смерть,
на случай собирая афоризмы.

Со временем всё чаще забывать
которое число и день недели.
Но по библейски терпеливо ждать
тепла, а с ним пришествия апреля.

* * *

Последний вагон уходящей строки –
запрыгнешь и едешь в курящей теплушке.
Достанешь платочек, дыхнёшь на очки
с резиночкой вместо сломавшейся дужки.

Я знаю, что кончится эта глава.
Игрушечный город, а в нём – миллионы.
Но снова идут друг за другом слова,
как в сорок втором на восток эшелоны.

И будто бы мать вновь с девичьей косой,
а с нею отец, молодой и колючий,
пьёт чай у окошка в трусах и босой
из кружки любимой с отбитою ручкой.

А вот она в чёрном чуть позже, вдова,
строчит в полумраке на швейной машинке.
О, Боже Ты мой, но и эти слова
со временем выцветут, как фотоснимки.

В промасленной стёганке, из недотык,
уедешь туда без прощаний и трапез.
И только стучать *ты-ды-дых, ты-ды-дых*,
на склонах особенно, будет анапест.

* * *

Время холодного чая.
Тема вошедших без стука.
Встреча, как будто случайна,
но не случайна разлука.

Эти нерезкие строки.
Стук портативной машинки.
Первые наши уроки –
пестики что ли, тычинки.

Девочка в плюшевом платье,
в старом мафоне кассета.
Не ослабляй же объятья –
скоро закончится лето.

Время пойдёт бахромою.
в мире ином, опустелом.
Будут и осень с зимою
клоуном рыжим и белым.

Игорь САВЕЛЬЕВ, Андрей ЮРТАЕВ

Портвейн, Кобейн и связанные руки

Драма в трех актах

Действующие лица

Юрий Жуков – 20 лет, бывший студент филологического факультета.
Федор Николаевич Зайцев – 46 лет, директор АО «ИНТЕР».
Маргарита Павловна Жукова – 43 года, учительница английского языка в средней школе.
Оксана Терехова – 25 лет, вдова.
Денис Брагин (Дэн) – 22 года, бывший студент музыкального факультета института искусств и филологического факультета.
Валерий Грановский – 20 лет, студент экономического факультета, подрабатывает барменом.
Йенс Петерсен – 28 лет, гражданин Норвегии.
Ильич – Виктор Ильич Степанов – 54 года, в молодости трижды судим.
Тайсон – Геннадий Колесников – 26 лет, бывший профессиональный спортсмен, судим.
Славик Бешеный – Вячеслав Зинченко – 18 лет, был осужден, но почти сразу освобожден по амнистии к 50-летию Победы.
Джон Райт – 44 года, гражданин США, тележурналист CNN.
Бандиты, переводчик, два помощника, съемочная группа, мастер.

ПЕРВЫЙ АКТ

Сцена первая

Квартира Дэна: однокомнатная хрущевка. Зал. В глубине сцены два выхода: двери в прихожую и на кухню. Комната обклеена облезлыми, местами оборванными обоями, на одной из стен – плакаты: «Nirvana», «ЧАЙФ», «Агата Кристи», «Политбюро ЦК КПСС»... Справа старый диван, у которого вместо ножки стопка книг, и кровать. У стены стол. Слева расстелен спальник, рядом большой рюкзак. По всем углам лежат вещи: одежда, спальники, одеяла, книги, кассеты, пустые бутылки. На полу стоит двухкассетный магнитофон, лежит гитара.

День.

Норвежец сидит в углу на спальнике, Валерий ходит туда-сюда с телефоном (дисковый аппарат на длинном шнуре).

ВАЛЕРИЙ (*в трубку*). Нет, это не то, что ты подумала!.. Я не ломаю комедию!.. Я серьезен как никогда!.. У меня кроме тебя никого нет!

Игорь САВЕЛЬЕВ родился в Уфе в 1983 году. Закончил филфак Башкирского государственного университета. Прозаик, критик, драматург. Финалист всероссийских премий и конкурсов, в т.ч. дважды – премии «Дебют». Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Урал». Живет в Уфе.

Андрей ЮРТАЕВ родился в Уфе в 1984 году. Закончил филфак Башкирского государственного университета. Спортивный журналист, хоккейный комментатор. Финалист премии «Дебют» 2008 года по драматургии и международного конкурса драматургов «Евразия». Живет в Уфе.

ДЭН (*входит с газетой*). Ну-ка сделай мне минет!

Валерий стремительно уходит с телефоном на кухню, продолжая оправдываться.

НОРВЕЖЕЦ (*с акцентом*). Что есть миньет?
ДЭН. Вырастешь – узнаешь.

Разворачивает газету.

ДЭН (*гордо*). Вот. (*Читает.*) «Городская среда» от 15 сентября 1995 года. Статья «Куда мы катимся?» «Все мы знаем, какая у нас в городе ситуация с молодежной культурой и духовностью. Давно прошли времена, когда студенты ездили в стройотряды, активно участвовали в общественной жизни...» Ладно, это все туфта... Вот. «На прошлой неделе четверо студентов нашего университета разыграли неуместную шутку. Итак, представьте: перемена, все выходят на улицу. Один из студентов филологического факультета (это вот Юрка был как раз) переходит дорогу, направляясь в столовую, как вдруг из-за угла на большой скорости появляется «шестерка». «Шестерка» (*смотрит на норвежца*). Ну «Жигули», машина типа (*жестом изображает руль*), Колян у отца взял... Визг тормозов, и на глазах всего университета двое парней, выскочивших из машины, хватают опешившего филолога, засовывают в багажник и уезжают. Свидетели этой сцены бросились звонить в милицию, была введена операция «Перехват»... Ну, тут тоже опустим...

Входит Юрий, останавливается в дверях.

ДЭН. «Каково же было изумление сотрудников милиции, выяснивших, что все это оказалось спектаклем... Непонятно, на что рассчитывали устроители этой постановки, которую они, вероятно, возомнили актом современного искусства...»
ЮРИЙ. А, все смакуешь?
ДЭН. «Итог закономерен: все четверо отчислены из университета и привлечены к административному наказанию». Ну, понял?
НОРВЕЖЕЦ (*неуверенно*). Yes...
ЮРИЙ. Йес, йес... ОБХС! (*Обращаясь к Дэну.*) Тебе-то пофиг, у тебя военник есть, а мне Чечня грозит теперь.
ДЭН. Да ладно, согласись же, круто было.
ЮРИЙ. Да какое круто, ты понимаешь, что меня на войну могут послать?
ДЭН. Понимаю, но вопрос не в этом, вопрос в том, согласен ли ты, что было круто? Помнишь, какое лицо было у Виктора Иваныча? А как Юдина чуть не обделалась, я еле сдержался, чтобы не заржать!
ЮРИЙ. Ну да... Но я теперь даже не знаю, что делать...
ВАЛЕРИЙ (*выходит с кухни*). Какая сволочь меня сдала? Кто сказал Анжелке, что я гулял с Наташенькой?
ДЭН. Друг мой! Ваши грязные инсинуации ранят мое сердце хуже ножа! Но есть способ залечить эту рану. Да, Валерий, а отчего бы тебе не сходить за портвейном?
ВАЛЕРИЙ. Нет, а чего опять я-то? Че сами не взяли?
ДЭН. Ты же знаешь, что мы даже не бедные студенты, мы теперь вообще не студенты...
ВАЛЕРИЙ. Давайте хотя бы скинемся, что ли.
ДЭН (*Юрию*). У тебя есть деньги?.. Понятно. (*Валерию.*) А нашим взносом будет телефон очаровательной Инессы! Записывай! 2-12-85-06!
ВАЛЕРИЙ. А почему семь цифр?
ДЭН. А! Просто ноль!

Уводит Валерия.

ЮРИЙ. Блин, вот ему везет! В психушке полежал, военник получил. Родители в области, никто не капает на мозги... Меня мать и отчим совсем достали из-за этого отчисления...

НОРВЕЖЕЦ. Отчим? Что есть отчим?

ЮРИЙ. Ну, в общем, «отчим» это как бы приемный отец, ненастоящий. Когда твой отец умер, а твоя мать собирается замуж за другого человека. Вот этот человек – отчим. Понятно? Understand?

НОРВЕЖЕЦ. Да, это интересно. Ты любишь твой отчим?

ЮРИЙ. Я?.. Ты знаешь слово «бандит»? А crime, мафия, понимаешь, коза ностра, якудза... Бандит. Мой отчим – бандит. Я не люблю бандитов...

ДЭН (*вернувшись*). А почему бандит-то? Нормальный мужик... Директор фирмы. Ты же сам рассказывал.

ЮРИЙ. Ну фирма-то продает всю эту промышленную хрень ЗМК, а ЗМК – сам знаешь – под покровской бригадой, и он со всеми этими братками работает.

ДЭН. А что такого-то? Сейчас все под бандитами. Вот ты же с ним живешь, ты тогда тоже бандит, получается?

ЮРИЙ. Ага, и даже на портвейн не могу скинуться. А он ездит на «ауди», коттедж собирается строить... Ты посуди сам, мог человек, будучи простым физруком, всего этого честно добиться? И вообще, ты знаешь, чем он сейчас зарабатывает? Вот смотри. У покровских есть ЗМК, а они хотят еще и «Прогресс», а его держат кировцы. А мой драгоценный отчим, находясь под крышей покровских, продает о них информацию кировцам, чтобы потом договориться еще и с «Прогрессом», чтобы их тракторы продавать.

ДЭН. И что?

ЮРИЙ. Ну как что? Вот представь, допустим, что есть Монтекки, а есть Капулетти. Они терпеть друг друга не могут и только спят и видят, чтобы перестрелять друг друга и чужой бизнес себе забрать. А отчим мой, получается, помогает и тем, и другим, набивая свой кошелек при этом! Теперь понял?

ДЭН. Ну так... Смутно...

ЮРИЙ. А я все отчетливо понял. Он же от каждого телефонного звонка вздрагивает. Прикинь, каждое утро заглядывает под машину, я сам видел. Параноик. Сам ввязался неизвестно во что. А ты говоришь – не бандит...

Приходит Валерий, выгружает на стол бутылки портвейна.

ДЭН. О, молодец! А тебе звонила Оля.

ВАЛЕРИЙ. Да?! Серьезно? Ну и что, что сказала?

ДЭН. Сказала, что на все согласна.

Валерий с телефоном бросается на кухню, Дэн достает стаканы.

ДЭН. Ну-с, больной, ваш диагноз мне вполне ясен, – и коли вам грозит военкомат и новые родственники, можете переехать ко мне! (*Смотрит на дверь кухни.*) То есть к нам!

Разливают, подносят норвежцу стакан. Тот пьет, кашляет.

НОРВЕЖЕЦ. Din pikkslikker! Det var for faen!

ДЭН. О! А по-русски ты умеешь материться?

НОРВЕЖЕЦ. Да, умею.

ДЭН. Ну-ка скажи что-нибудь.

НОРВЕЖЕЦ. Жопа.

ЮРИЙ. Не, это не мат! А еще что-нибудь знаешь?

НОРВЕЖЕЦ (*неуверенно*). Сиськи?..

ВАЛЕРИЙ (*с телефоном выходит с кухни*). Да не пялился я ни на чьи сиськи!.. Зачем мне на них пялиться вообще? Твои сиськи – лучшие сиськи в мире!.. Да мне не с чем сравнивать, я кроме твоих не видел больше...

Общий смех. Валерий возвращается на кухню.

ЮРИЙ. Как его зовут, я забыл?

ДЭН. Йенс.

ЮРИЙ. Вот, точно, Йенс. А че он тут у тебя делает-то который день? Он же стопом приехал?

ДЭН. Как что? НЛО ищет!

ЮРИЙ (*ржет*). НЛО?

ДЭН (*ржет*). Ага!

НОРВЕЖЕЦ (*оживившись*). НЛО! Йес! UFO! Unknown Flying Object! Aliens! I feel their presence hear! I should find some signs, some message...

Смеются, Дэн достает гитару.

ДЭН начинает, остальные подхватывают:
I'm gonna send him to outer space
To find another race.

Повторяют несколько раз.

ЮРИЙ. Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!
Привет всем, кто пришел сюда,
Добрый день, дамы, добрый день, господа!
Дебилы-норвежцы и все остальные,
Мы не в квартире, мы на вершине,
Вершине мира, вершине жизни,
И я смотрю без укоризны
На всех недоброжелателей,
С любовью на фанатов-почитателей.
Но вот труба уже зовет,
Мы начинаем наш поход.
Поют хором, вместе с вернувшимся Валерием:
Снова во всем мире среди сотни идей,
Нет ни одной хоть с толикой смысла.
Мы так устали от этих затей,
Мы устали от ваших мыслей.
И если весь мир встал на колени,
А в головах сплошная поллюция,
Все, что осталось моему поколению,
Лишь одно слово: РЕВОЛЮЦИЯ!
Дайте нам шанс самим выбрать дорогу,
Мы хотим мерить жизнь своими шагами,
Дайте возможность нам, ради бога,
Или мы сделаем это сами!

Телефонный звонок.

ВАЛЕРИЙ. Алло! Оля, ты?! Ой. Юр, это тебя...

ЮРИЙ. Да... А что надо?.. Ну, может, попозже?.. Ну ладно, ладно... Хорошо...

ДЭН (*допевает*). И если весь мир встал на колени,
А в головах сплошная поллюция,
Все, что осталось моему поколению,
Лишь одно слово: РЕВОЛЮЦИЯ!

ВАЛЕРИЙ. Что там у тебя?

ЮРИЙ. Да так, домой надо, чего-то они от меня хотят опять...

ДЭН. Да погоди ты... Варелий, разливай. Йенс, ну-ка тост! Ну тост, тост, – помнишь, как я тебя учил вчера? «За...»

НОРВЕЖЕЦ. За UFO!

Все пьют.

Сцена вторая

Квартира родителей: слева кухня, справа зал, между ними – дверь в прихожую. Слева: в углу мойка и плита, в другом углу холодильник, у стены стоят стол и табуретки. Справа: диван, у стены – книжный шкаф, перед ним стол с телефонным аппаратом, стулья. Дверь в спальню. Зеркало. В углу – телевизор. Другая стена: окно и дверь на балкон.

Вечер.

Зайцев ужинает, Жукова сидит рядом.

ЗАЙЦЕВ. Нет, ты прикинь, они мне звонят и говорят: мы так не договаривались. Это они – мне! Я все платежки подписал, все документы отправил, завтра любая проверка – и мне хана! Я их покрываю, а они мне еще условия ставят! Пить налей мне!

ЖУКОВА. Ну ладно, может, все образуется...

ЗАЙЦЕВ. Что образуется? У сына твоего мозги образуются в голове?

ЖУКОВА. Господи, ну при чем тут Юрочка...

ЗАЙЦЕВ. При том! При том, что мы тут уже час ждем этого твоего Юрочку! Юрочка! Взрослый мужик уже! Я в его годы уже деньги в семью приносил! Вагоны по ночам разгружал! А этот! Воспитали неизвестно кого! На этом, как его, филологическом факультете – вообще же нечего делать, книжки читать! – и то не смог удержаться! Армии они испугались! Скажите пожалуйста! Да если бы не Чечня и не беспредел, ему бы не мешало послужить, мозги бы хоть вправили! Тоже мне, поэт нашелся! Ладно, военник я ему сделал, но сколько можно терпеть, что он сидит на твоей шее! Все эти выходки, пьянки! Шатается неизвестно где!

ЖУКОВА. Федя, ну не прав ты. У мальчика была такая травма! В тринадцать лет потерять отца!..

ЗАЙЦЕВ. Да он ничего не умеет, ничего не может! Он не может даже вовремя придти, чтобы военный билет получить! Ты во сколько ему звонила?

ЖУКОВА (*посмотрев на часы*). В восемь.

ЗАЙЦЕВ. Во-от! Я тут в лепешку расшибаюсь, разговариваю с людьми, а он не соизволит придти вовремя, чтобы узнать, куда и к кому ему завтра идти в военкомат!

ЖУКОВА. Ну, может, он в дороге задержался...

ЗАЙЦЕВ. Знаем мы эти задержки! По три дня не появляется!

ЖУКОВА. Хочешь еще голубец?

ЗАЙЦЕВ. Какой нахрен голубец?! Ну ладно, давай...

Скрежет в замке.

ЗАЙЦЕВ. О. Явился. Слышишь, да, ключом в замок не может попасть! Наверное, это он в дороге так задержался, да!

Жукова бежит открывать дверь. Вваливается Юрий.

ЮРИЙ. Привет.
ЖУКОВА. Ну-ка стой! Что пили?
ЮРИЙ. Мы? Ничего не пили.
ЖУКОВА. Ну хорошо, значит, курили.
ЮРИЙ. Не курили!
ЖУКОВА. Ну-ка дыхни!
ЮРИЙ. Не буду я тебе дышать! Что ты тут устраиваешь?
ЖУКОВА. Посмотри на себя в зеркало, я же вижу, что ты пьян.
ЮРИЙ. Я не пьян! Вот так всегда обычно бывает, на самом деле приходишь пьяным, и ничего, а как нормальный трезвый, так сразу – что пили, что курили...
ЖУКОВА. Я все вижу, только не всегда говорю.
ЗАЙЦЕВ. Нет, ты погляди! Вот он, твой Юрочка! Мало того, что пьяный в жопу, так еще и выступает!
ЮРИЙ. А ты вообще молчи, бандит хренов!
ЖУКОВА (*в ужасе*). Юра, ну-ка быстро в комнату!
ЗАЙЦЕВ. Что ты там вякаешь, щенок?
ЮРИЙ. Я тебе не щенок, ты мне вообще никто! И я счастлив, что ты мне никто! Я не хочу иметь с тобой ничего общего!
ЖУКОВА. Федя, не обращай на него внимания, ты же видишь, в каком он состоянии...
ЗАЙЦЕВ. Что?! Да ты!.. Да без меня ты бы уже в армии уже давно был!
ЮРИЙ. Ну и сходил бы в армию как честный человек!
ЗАЙЦЕВ. Ты посмотри на себя, чучело! Дармоед! Только и знаешь, что дурака валять, даже учиться не смог!.. «Поэты мы!» Клоуны вы!
ЮРИЙ. Да лучше быть клоуном, чем быть тобой!
ЗАЙЦЕВ. Ну и пусть тебя трахают в жопу тогда все! Завтра же отправлю тебя в часть! Ишь! Ублюдок!

Жукова уводит Юрия в спальню.

ЗАЙЦЕВ (*вдогонку*). Идите, сюсюкайтесь! Всю жизнь сюсюкалась с ним!

Достает из холодильника початую бутылку водки, наливает себе рюмку, опрокидывает без закуски.

ЗАЙЦЕВ. Ну, семейка!

Возвращается Жукова.

ЖУКОВА. Слава богу, уснул. Не понимаю, что с ним. Может, это возраст такой... Все мы, конечно, спорили с родителями, но не до такой же степени...
ЗАЙЦЕВ. Не знаю, меня бы батя за такое насмерть забил. И правильно бы сделал! Все! Хватит! На нашей шее он больше сидеть не будет! Я тут на днях говорил с серьезными людьми... Им как раз человек нужен... У Евгения Михайловича свободное местечко...

ЖУКОВА. Что за местечко? Что еще за Евгений Михайлович?! Тот самый?! У них же там стрельба каждый день! Я Юрочку под пули не пущу!

ЗАЙЦЕВ. Да уймись ты, ничего там страшного нет. Был такой человек... Цыплаков Александр Петрович... Очень авторитетный... Его подстрелили. Светлая память.

Выпивает.

ЖУКОВА. О господи!

ЗАЙЦЕВ. ...И серьезные люди решили, что у его могилы всегда будет дежурить караул. Понимаешь?

ЖУКОВА. У какой еще могилы? А где эта могила?

ЗАЙЦЕВ. Ну а где может быть могила?! На кладбище, естественно!

ЖУКОВА. На каком?

ЗАЙЦЕВ. На Северном. Там все рядом лежат, и Петрович, и Валерка Миронов, Салим там тоже...

ЖУКОВА. И что он там должен делать? Охранять их?

ЗАЙЦЕВ. Почетный караул, сказал же! Непонятно, что ли?

ЖУКОВА. Как у мавзолея Ленина?

ЗАЙЦЕВ. Примерно.

ЖУКОВА. И надо будет стоять там не двигаясь?

ЗАЙЦЕВ. Ну че, дура совсем, что ли? Нет, конечно! Там надо просто быть! Смотреть, чтобы бомжи там ничего не сломали и не украли.

ЖУКОВА. А если что-нибудь случится?

ЗАЙЦЕВ. Да что там случится? Что может случиться на кладбище? Там никто ничего не делает, воздух охраняют сидят. Зато нормальные люди. Быстро мозги вправят твоему Юрочке...

Наливает, пьет. Жукова тихонько плачет.

Сцена третья

Кладбище. Нечто вроде центральной площади, освещаемой фонарями. В центре – легковой автомобиль. Рядом с ним огромное гранитное надгробие: двухметровая плита, пространство вокруг огорожено чугунными цепями и выложено плиткой; цветы и венки. Памятники вокруг немногим меньше. В стороны расходятся аллеи.

Ночь.

Трое стоят возле машины и играют в карты на капоте.

ИЛЬИЧ. Так, я начинаю, значит?.. Проход у нас десять? Ну начнем с пяти.

ТАЙСОН. Пять? Я пас.

БЕШЕНЫЙ. Шесть.

ИЛЬИЧ. Семь.

БЕШЕНЫЙ. Восемь.

ИЛЬИЧ. Да давай уже сразу десять и вскрываемся!

БЕШЕНЫЙ. Давай... А! 27 всего! А у меня три десятки!

ИЛЬИЧ. Это тебе не 27 – это шаха! Считай – 11, то есть всего 32! Так что положи бабки обратно!

БЕШЕНЫЙ. Да что за непруха такая? В любви что ли повезет?.. (*Достает сигарету*.) А слышали, че вчера было в Ясной Поляне?

ИЛЬИЧ. Ты про нападение, что ли?

БЕШЕНЫЙ. Ну да! Блин, вы бы видели! Кировцы ваще оборзели! Прикиньте, Евгений Михалыч с пацанами поехали чисто отдохнуть, телочек с собой взяли, все дела... Сидели в домике, и тут как стекла посыпятся! – машина на улице взорвалась!

ТАЙСОН. А ты там был, что ли?

БЕШЕНЫЙ (*растеряно*). Ну... да, был!

ИЛЬИЧ. Да ты здесь вчера сидел в это время.

БЕШЕНЫЙ. Ну а я потом, после смены... Мне пацаны сказали, что такое дело, я сразу же помчался...

ИЛЬИЧ. И на твоих глазах и машины взрывались, и стекла сыпались?

БЕШЕНЫЙ. Ну не на моих, но я же видел там... осколки... От тачки ваще почти ниче не осталось! Я приехал, там уже менты, трупы собирают... Я с пацанами поговорил, которые в больницу ехали...

ИЛЬИЧ. Короче, ясно все... Видел ты... Тут вопрос в другом, как вообще это получилось, никто же не знал, что братва туда поехала... Че-то кажется мне, завелась у нас какая-то крыса... Вот ты, Славик, откуда узнал про этот пикник?

БЕШЕНЫЙ (*изменившись в лице*). Я?.. Я?.. Да ты что, Ильич! Да я никогда... Да мне вот пацаны сказали, когда я с дежурства приехал... Сам можешь у них спросить...

ИЛЬИЧ. Да ладно, шучу. (*Задумчиво.*) Но крыса все-таки есть.

БЕШЕНЫЙ. Нет, ну там ваще было побоище! Вот бы пораньше приехать! Я бы знал, я бы отсюда сразу рванул...

ТАЙСОН. И было бы у нас на одну могилу здесь больше. И так каждый день хороним...

БЕШЕНЫЙ. А лучше просто так здесь сидеть?! Вот че мы тут торчим?! Там такие дела делаются! Сейчас все и решается, и делится, а мы тут просто так сидим, и будем сидеть до пенсии. Задолбало уже в карты играть...

ИЛЬИЧ. Не спеши, успеешь. Кто сдавал? Тайсон? Давай, сколько ставишь?

Играют в карты.

Приходит Юрий с пакетом, в котором звякают бутылки.

ИЛЬИЧ. О! Наконец-то! Че так долго? Тебя только за смертью посылать...

ЮРИЙ. Я тут не самый молодой, чтобы постоянно бегать...

БЕШЕНЫЙ. Ты че? Ты оборзел, что ли? Ты кто такой вообще, чтобы тут стрелки переводить? Че ты молчишь? Я к тебе обращаюсь.

ИЛЬИЧ. Славик, уймись.

БЕШЕНЫЙ. Нет, пусть он скажет! Ты кто ваще?

ЮРИЙ. А ты кто?

БЕШЕНЫЙ. Ты мне вопросом на вопрос не отвечай! Я тебя спрашиваю, ты кто по жизни вообще?

ЮРИЙ. Я... филолог.

БЕШЕНЫЙ. Кто?

ЮРИЙ. Филолог.

БЕШЕНЫЙ. Лох галимый, короче! И я тебя могу заставить сосать у меня сейчас.

ИЛЬИЧ. Че ты пристал к нему? Давай, налито... (*Юрию.*) Тебе че, отдельное приглашение нужно?

Выпивают.

БЕШЕНЫЙ. Нет, реально, че это такое-то? Кто, он сказал?

ИЛЬИЧ. Филолог. Учитель русского языка.

ЮРИЙ. Не только!
ИЛЬИЧ. А кто еще?
ЮРИЙ. Ну там... журналист, писатель...
БЕШЕНЫЙ. О! Писатель! Однажды в студеную зимнюю пору... Скажи-ка, дядя! Где же кружка... Стихи пишешь, что ли?
ЮРИЙ. Бывает...
БЕШЕНЫЙ. Ну-ка давай, изобрази че-нибудь!
ЮРИЙ. Да я так не помню...
БЕШЕНЫЙ. Ну ты вспомни! Уважь пацанов уж...
ЮРИЙ (*начинает тихо читать*). Как давно я топчу, видно по каблуку.
Паутинку тоже пальцем не снять с чела.
БЕШЕНЫЙ. Че ты там мямлишь, давай, нормально читай!
ЮРИЙ (*громче*). То и приятно в громком кукареку,
Что звучит как вчера.
БЕШЕНЫЙ. Че за кукареку? Че за курочка Ряба?
ЮРИЙ. Но и черной мысли толком не закрепить,
Как на лоб упавшую косо прядь.
БЕШЕНЫЙ. Че? Куда упавшую косо блядь?
ЮРИЙ. Да я не буду читать дальше!..
ТАЙСОН. Давай читай. А ты помолчи!
ЮРИЙ (*сурово*). И по комнате точно шаман кружа,
Я наматываю, как клубок,
На себя пустоту ее, чтоб душа
Знала что-то, что знает Бог.
БЕШЕНЫЙ. Че за хрень! Ты че вообще вот щас рассказал?
ЮРИЙ. Это Иосиф Бродский. Современный поэт. Живет в Америке.
БЕШЕНЫЙ. Где? В дурке?
ЮРИЙ. Почему в дурке?! В доме каком-то своем...
БЕШЕНЫЙ. А похоже, что в дурке!
ИЛЬИЧ. Ну, за поэтов.

Пьют водку.

ЮРИЙ. Между прочим, Бродский – лауреат Нобелевской премии.
БЕШЕНЫЙ. Между прочим, все мы дрочим. Премии... Поэты... Да кому щас все это на хрен надо вообще? Разуй глаза! Щас ваще нужно только это!

Достает пистолет, целится в Юрия. Ржет.

ИЛЬИЧ. А ну убрал быстро!
БЕШЕНЫЙ. А че такого-то?
ИЛЬИЧ. Убрал быстро, я сказал! Тоже мне, нашел игрушку! Тут тебе не американский боевик, чтобы размахивать туда-сюда. Че? Непонятно? Если непонятно, мы тебе с Тайсоном быстро объясним. Места тут много... А писатель, вон, некролог напишет.
БЕШЕНЫЙ. Ну ладно, ладно, че ты сразу...

Прячет пистолет.

ИЛЬИЧ (*закуривает*). Вот ты говоришь – дурка... А бывают писатели – и нормальные люди... Я вот чалился по малолетке... В Коми АССР... Приходил там к нам раз в неделю один писатель.

Даже не помню, как звать. Книжки все носил. Говорил: «книга – это источник знаний». Вслух нам читал. Причем не всякую фигню, а Агату Кристи, там, Мегрэ... Потом я вышел и узнал, что на воле это жуткий дефицит... Хороший был мужик. Один раз даже в футбол с нами играл.

БЕШЕНЫЙ. Ну, за футбол!

Пьют.

ЮРИЙ. А смотрели футбол вчера?

БЕШЕНЫЙ. Смотрели, да. 2:1. Наши выиграли.

ИЛЬИЧ. На чемпионат Европы теперь, считай, вышли, но че там делать с такой игрой – непонятно.

ЮРИЙ. Да нормально играли! На отборочном этапе больше всех голов забили.

ИЛЬИЧ. Зато от Фарер два пропустили, от почтальонов каких-то.

ЮРИЙ. Ну сейчас слабых команд не осталось уже.

ИЛЬИЧ. Да и вчера, если бы греки сами себе первый гол не привезли, еще непонятно, как бы все сложилось.

ЮРИЙ. Ну а если не мы бы из этой группы выходили, то кто бы? Греки, что ли? Где греки и где чемпионат Европы?

ТАЙСОН. Смотри, какой специалист нашелся! Чтоб в следующий раз как Колыванов за водкой бегал! Так же быстро!

ЮРИЙ. Да ну его! Мне не нравится Колыванов. Лучший наш игрок это вообще Веретенников, сколько забил уже, а в сборную не берут!

ТАЙСОН. А он не может в сборной играть. Он привык, что «Ротор» все мячи только ему отдает, поэтому там у себя и забивает постоянно. Но это разве нормально?

ЮРИЙ. Нормально! Главное же – результат! «Манчестер» вот обыграли...

ТАЙСОН. Случайно. С «Бордо» точно обосрутся!

ЮРИЙ. Ну посмотрим...

ИЛЬИЧ. Посмотрим, посмотрим. Ладно, в секу будешь играть?

ЮРИЙ. А как это?

БЕШЕНЫЙ. Да мы щас научим! Деньги есть с собой?

ЮРИЙ. Нет... А что, на деньги, что ли?

БЕШЕНЫЙ. Ну а что – не на интерес же.

ЮРИЙ. Не, я лучше тогда так посижу. Или пройдусь. Посмотрю, что тут да как.

ИЛЬИЧ. Только далеко от площади не уходи. Там фонарей нет, темно... И тишина...

ЮРИЙ. И что?

ИЛЬИЧ. И мертвые с косами стоят!

Ржут.

ТАЙСОН. Если что подозрительное увидишь, сигналь.

БЕШЕНЫЙ. Ну, на посошок!

Пьют.

Сцена четвертая

Аллея кладбища. Вдоль дорожки – внушительные памятники из черного гранита. Некоторые представляют собой плиты с изображениями бритоголовых людей в полный рост, некоторые – в виде фигур. Две скамейки: одна на самой аллее, вторая в глубине, возле одного из памятников. Знак на столбике: стрелка «К площади», указывает налево.

Ночь.

Юрий выходит слева.

ЮРИЙ. Ну вот спасибо! Спасибо, дорогой товарищ отчим! Удружил! Лучше бы в армию сходил, честное слово. Ну подумаешь, Чечня! И потом, не всех же посылают в Чечню. Почему именно меня в Чечню? А если бы и в Чечню... Что, Лермонтов не воевал? А Толстой? Ничего же, не надломились. Может, я бы со своим зрением классным снайпером был!

Берет с земли палку, ставит ногу на мраморный постамент памятника, целится. Делает вид, что стреляет, потом прячется за памятник, ползет к следующему, высовывается, целится, снова стреляет. Прячется. Его отбрасывает взрывной волной.

ЮРИЙ. Ничего, сестра, это просто царапина!

Стреляет, придерживая раненую руку.
Подходит к памятнику (фигура в человеческий рост), стоит по стойке смирно, держа раненую руку на повязке. Слушает. Шагает вперед, отдает честь.

ЮРИЙ. Служу Отечеству! (*Протягивает руку.*) Спасибо, Борис Николаевич! (*Поправляет медаль на груди.*)

Шагает дальше, высоко подняв голову. Останавливается.

ЮРИЙ. А, это ты?.. Все шакалишь? Нет? А че ты делаешь? Кто я такой? Я герой войны, а ты кто такой? Че ты там мямлишь, говори громче! Ты понимаешь, что ты попал? В общем с тебя литр водки, либо расплачиваешься здоровьем. Чего? Ой, какие мы смелые! Ну давай! Стреляй! Ссышь? (*Отрабатывает приемы рукопашного боя.*) Ты че, не понял, сука? Не рыпаться! Деньги где? А? Давай сюда! А теперь пошел вон, чтобы я тебя здесь больше не видел!.. (*После паузы.*) Вот бред. Надо хоть отжиматься по утрам начать.

Идет дальше, оглядывается по сторонам.

ЮРИЙ. Ого, ни фига себе, памятничек! Ну-ка, кто это? Никифоров Сергей Владимирович... «Помним. Скорбим». Ну понятно, еще бы не помнить, такую махину отгрохали. И скорбим – ага, сколько денег-то стоит. Та-ак, что у нас тут... О, свежачок! Из-за венков даже креста не видно, где тут что, как звать-то хоть? А! Вот! «Витьку от пацанов». Виктор, значит? Победитель? Всех победил... Ну-ка, сколько было лет? Так, шестьдесят пятый... Тридцать лет, а все Витек! Что за жизнь?

Натыкается на очередной памятник в виде скульптуры в натуральную величину.

ЮРИЙ. Ой! А это кто такой огромный? Михайловский Ипполит Борисович... Ага! Я исполнил твое желание – принес тебе голову Медузы! Не веришь? Вот она, взгляни на нее! (*Делает жест, будто достает что-то. Пауза.*) Бред. Но весело. Вообще веселое место. Да! Надо что-нибудь здесь замутить! Так-так-так... Ага! Вот! Ночь живых мертвецов–6! Авторитет возвращается! Спрятаться тут и вылезти из могил во время похорон! Вот, прикольно. Вот прямо тут вот где-нибудь закопаться... Или лучше под венки залезть? Или лучше закопаться? Под венки легче, закопаться эффектнее... А как дышать? Трубочки вставить? Так, над этим надо еще подумать, но допустим – закопаться. Так, а как узнать, где закапываться, где похороны будут? Подойти к сторожу, что ли, у него узнать... Да, вот сейчас прямо пойду к сторожу!.. Ну допустим, это я узнал, мы закопались...

Вот идут похороны, куча народу... И тут мы все разом встаем и говорим... Блин, что говорим? Что сказать-то, реально? Так, ну ладно, это мы с Дэном еще обсудим... А что надеть? Красные пиджаки? А где их взять?.. Тоже вопрос. Ладно. Придумаем. Пойду-ка я пока к сторожу схожу...

Уходит.

Справа появляется Оксана. Торопится, почти бежит, постоянно оглядываясь. В руках кейс. Подходит к одной из могил, достает совок, начинает раскапывать ямку возле памятника, прячет туда кейс, тщательно закапывает, обкладывает венками. Все время оглядывается, нервничает.

Возвращается Юрий. Видит Оксану.

ЮРИЙ. Вы кто?!

Оксана взвизгивает, подпрыгивает, выбросив совок.

ЮРИЙ. Вы кто? Что вы тут делаете?

ОКСАНА. Я... Я... Да я просто... Да это могила моего мужа... То есть брата... Двоюродного... Я просто пришла сюда навестить...

ЮРИЙ. В два часа ночи?

ОКСАНА. Как в два? Да, в два! А что? А вы кто?

ЮРИЙ. Юрий Жуков. Охранник.

ОКСАНА. Очень приятно. Ну ладно, я пошла.

ЮРИЙ. Стойте!

ОКСАНА. Что?

ЮРИЙ. Я должен вас задержать.

ОКСАНА. Как задержать?! За что?

ЮРИЙ. Я же говорю, я охранник. Вы занимаетесь непонятно чем ночью на кладбище! Я должен вас задержать.

ОКСАНА. Ну как это – непонятно чем? Я пришла на могилу... своего мужа...

ЮРИЙ. Вы же сказали – двоюродного брата?

ОКСАНА. Ну... да! Я вышла замуж за двоюродного брата! А что такого? Вся родня была против... Но это было искреннее чувство...

ЮРИЙ. Так, хорошо. Скажите, как его зовут.

ОКСАНА. Его зовут... Я не знаю... Я забыла...

ЮРИЙ. Как это – забыла?

ОКСАНА (*начинает плакать*). Я не знаю... Я не знаю, что со мной происходит... Его убили... Я не могу прийти в себя... Я не понимаю, как вообще здесь оказалась...

ЮРИЙ (*растерявшись*). Ну успокойтесь... Не плачьте! Как вас зовут?

ОКСАНА. Оксана. А... Или Оля. Хотя, может быть, Юля? Я не помню...

ЮРИЙ. Как так – не помните?

ОКСАНА. Видимо, я потеряла память... Кажется, да, Оксана...

ЮРИЙ. Как это – потеряла память? Вы что, совсем ничего не помните?

ОКСАНА (*плачет*). Я не знаю... У меня погиб муж... Я не знаю, что мне делать... Я даже не помню, как я сюда попала...

ЮРИЙ. А вы помните, где вы живете?

ОКСАНА. Да... То есть нет... Кажется, не помню...

ЮРИЙ. Давайте вызовем «скорую помощь». Пойдемте со мной, у сторожа есть телефон.

ОКСАНА. Нет! Не надо «скорую»... Со мной все в порядке... Такое бывает... Не думайте, что я сумасшедшая. Просто после похорон я никак не могу прийти в себя... Я не могу находиться дома, мне все напоминает про... Сашу...

ЮРИЙ. А где вы будете ночевать?

ОКСАНА. Я не знаю... Может, пойду на вокзал... Домой не хочу.

ЮРИЙ. Ну родственники там, может, какие-нибудь есть у вас?

ОКСАНА. Слушайте, Юрий, спасибо вам за заботу, вы очень милы, но я думаю, я справлюсь.

ЮРИЙ (*подумав*). Давайте я отведу вас в одно место.

ОКСАНА. В какое место?

ЮРИЙ. Ну к друзьям...

ОКСАНА. К каким друзьям?!

ЮРИЙ. Обычные друзья... Ничего такого. Вам же все равно ночевать негде.

ОКСАНА. Негде и где попало – это разные вещи!

ЮРИЙ. Ну почему «где попало»! Мои друзья снимают квартиру, и там всегда кто-то живет... Путешественники всякие...

ОКСАНА. Путешественники?

ЮРИЙ. Ну автостопщики... Туристы... Там сейчас живет норвежец, например... Там куча места, есть свободный диван, старый, правда, но спать можно. Можете остаться на какое-то время, вас там пальцем никто не тронет.

ОКСАНА. То есть будет нормально, если я там переночую?

ЮРИЙ. Да, вполне.

ОКСАНА. Ну даже не знаю...

ЮРИЙ. Пойдемте-пойдемте. Не сомневайтесь. Здесь недалеко, я вас провожу...

ОКСАНА. Вы же охранник, вам охранять надо?

ЮРИЙ. Да ладно, здесь все равно ничего не происходит.

ОКСАНА. Спасибо. Вы просто меня спасли. Что бы я здесь делала ночью...

Уходят.

Занавес.

ВТОРОЙ АКТ

Сцена первая

Аллея кладбища. День.

Тайсон сидит на ближней скамейке, пьет кефир. Разбирает пистолет.

Идет Юрий.

ТАЙСОН. Будешь кефир?

ЮРИЙ. Еще чего не хватало. Молоко – это для маленьких.

ТАЙСОН. Это же не молоко, это кефир.

ЮРИЙ. Да какая разница!

ТАЙСОН. Вот я каждый день пью кефир, и у меня с желудком никаких проблем никогда. Встал с утра, выпил кефира, сделал зарядку, и весь день как огурчик.

ЮРИЙ. Я понял: кефир и зарядка спасут мир!

ТАЙСОН. Зря смеешься, тебе бы спортом самому не мешало заняться, смотри, какой хилый.

ЮРИЙ. Мне спорта и по телику хватает...

ТАЙСОН. По телику... По телику, вон, твой «Ротор» проиграл вчера.

ЮРИЙ. Да судья этот пенальти придумал! Так бы ничья была.

ТАЙСОН. Ниче он не придумал, все по делу было... Надо было с тобой поспорить тогда.

ЮРИЙ. Ага, с вами тут только начни спорить... То спорить, то в карты играть, никаких денег

не напасешься.

ТАЙСОН. Да ладно, че ты боишься, у нас же по-честному все. Че ты зашуганный такой вообще?

ЮРИЙ. Да я не зашуганный, я просто... просто... А че этот ваш докапывается постоянно?

ТАЙСОН. Ты на него вообще не обращай внимания! Ниче он тебе не сделает, он же знает, чей ты сын.

ЮРИЙ. Чей я сын?

ТАЙСОН. Ну этого... Не помню, как звать... Он с Евгением Михайловичем работает, продает эти... станки.

ЮРИЙ. Да с чего вы взяли, что это мой отец вообще?!

ТАЙСОН. А кто?

ЮРИЙ. Да так... Родственник... Друг семьи... А мой отец умер давно. Между прочим, был известный человек. Жуков. Слышал про такого?

ТАЙСОН. Это маршал, что ли?

ЮРИЙ. Нет. Он тут курировал машиностроение... Николай Иванович Жуков. Он вообще из Москвы, работал там в министерстве, потом тут когда начали строиться все эти заводы-гиганты, его сюда отправили: сначала строить, потом курировать их работу. Ну вот тут он заодно женился, тут я родился... Он был третьим секретарем обкома.

ТАЙСОН (*зевает*). Вот он наворовался, наверное.

ЮРИЙ. Почему?!

ТАЙСОН. Да там все воровали.

ЮРИЙ (*возмущенно*). Да ничего он не воровал! Он был честнейший человек!

ТАЙСОН. Да все мы тут честные... (*Собрав пистолет, вытаскивает обойму.*) На вот, потренируйся лучше. А я пойду, может, посплю в машине.

Уходит.

ЮРИЙ. Ну что за уроды! Перед кем я должен оправдывать своего отца! Да они и мизинца его не стоят! Только и могут, что убивать, грабить, бухать и в карты играть на деньги. Зато памятники себе вон какие отгрохали! А отец мой здесь с нуля все своими руками создал, все здоровье на этом загубил, и вот тебе благодарность: ничего не скопил, а тут – «наворовался»! Да у него на могиле обычный надгробный камень, не то, что эти все!.. Вот это вот, что это вообще? (*Смотрит на памятник в полтора человеческих роста.*) Зачем, зачем вам это все после смерти, с собой вы, что ли, заберете? Так к вам же даже не приходит никто, только мы тут сидим, как дураки. Вас на следующий день все забыли... А еще этот козел! Сын я ему! Да я бы лучше повесился, чем быть его сыном!

Справа появляется группа людей с телекамерой.

РАЙТ (*хлопает в ладоши*). Ok, enough! That place will do.

Указывает на ближайшие памятники.

Камеру устанавливают на штатив, кто-то держит лист бумаги перед оператором, кто-то подключает микрофон, суета.

РАЙТ. Let's shoot me here, then take some pictures around. Where's the grease-pusher I wonder? Did you check up the mikes?

Ему кладут пудру, цепляют микрофон к пиджаку.

РАЙТ. Go. Russians have always been characterised by their inclination to personality cult: at first they worshipped their tzars, then soviet leaders. Even now, in the end of XX century, whith full-fledged democracy, russian people is still inclined to create idols.

Останавливается возле одного из монументов. Юрий, сидя на скамейке, наблюдает за этим. Райт, отцепив микрофон, идет к камере смотреть – как получилось.

РАЙТ. Ok, well done. Go, get some landscapes. (*Подходит к переводчику.*) Ask if there is some brutal monument over here.

ПЕРЕВОДЧИК. You mean the biggest?

РАЙТ (*раздраженно*). Not necessary, just kind of... wild rites, or something...

ПЕРЕВОДЧИК. Господин Райт просит, чтобы вы нашли памятник, который показывает какие-то дикие традиции.

ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК. А какой тут самый дикий? (*Оглядывается.*) Вот этот, где мужик с брелком от «Мерса», подойдет?

ВТОРОЙ ПОМОЩНИК. А вот, может, лучше этот, который босиком? Это же у них означает, типа, вор?

ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК. Откуда я знаю.

ВТОРОЙ ПОМОЩНИК. Пошли у того парня спросим. Может, он знает...

ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК (*тихо*). По-моему, у него там пистолет лежит.

ВТОРОЙ ПОМОЩНИК. Ну и что? Мы же просто спросим...

Подходят к Юрию.

ВТОРОЙ ПОМОЩНИК. Извините, а вы нам не поможете? Вот на том памятнике мужчина босиком. Это значит, что он вор, или что?

ЮРИЙ. Э-э... Ну... Наверное... Если честно, я не в курсе.

ВТОРОЙ ПОМОЩНИК. Ну вы же, наверное, знаете обычаи бандитские... То есть не бандитские... Ну как тут вообще хоронят у вас...

ЮРИЙ. Да что значит «у вас»! Я что, на бандита похож? А... Вы из-за пистолета, что ли... Да он даже не заряжен, я просто тут сижу, собираю-разбираю...

Берет пистолет, показывает, что там нет магазина.

РАЙТ (*издали – помощникам, вглядываясь*). Эй! Вы есть о'кей?

ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК. Yes, все alright!

ВТОРОЙ ПОМОЩНИК. Слушай, у нас тут американец снимает репортаж про русскую мафию... Давай ты у нас сыграешь сейчас какого-нибудь отморозка с оружием? А то он из нас уже всю душу вынул...

ЮРИЙ. Да не... Вы что... Нет.

ВТОРОЙ ПОМОЩНИК. Да просто помашешь перед камерой пистолетом и скажешь пару слов на фене, и нормально...

ЮРИЙ. Да не буду я ничего говорить и махать! Чего я буду, как дурак...

Подходят Райт с переводчиком.

РАЙТ. Мы долго ждем. Это очень долго время!

ВТОРОЙ ПОМОЩНИК. Господин Райт! Мы нашли представителя... местной криминальной группировки... Его зовут... Леха... Кабан... Он готов рассказать вам... о диких традициях!

РАЙТ. О, хорошо. Turn it on, shoot! Where's the mike?! Get me the damned mike! Now!

Суета, устанавливают камеру.

ЮРИЙ. Кино, значит?.. Ну ладно... Сейчас я вам покажу кино. Давайте, снимайте! Дикий рашн традишн.

Ставит второму помощнику пакет от кефира на голову, отходит на несколько шагов, целится. Пауза.

Всеобщее замешательство. Крики «Ноу», «Нет», «Что вы делаете», «Мы журналисты», «Это съемочная группа CNN» и т.д.

ЮРИЙ. Че, зассал? (*Убирает пистолет.*) Ну ладно, как хотите.

РАЙТ. Very good! (*Юрию.*) Добрый... утро! Скажите, кто вы есть?

ЮРИЙ. Да меня тут все знают! Меня зовут Леха, можно просто Кабан.

РАЙТ. Скажите, Кабан, что есть вы тут делать?

ЮРИЙ. Что я есть тут делать? Да у меня тут столько моих пацанов лежит! Со всеми же в одном дворе росли, с первого класса, и что теперь, эти ментовские суки всех постреляли! Никогда им не прощу, этим падлам!

РАЙТ. А почему вы зовут Кабан? Это свинья? Да?

ЮРИЙ. Ты че! Щас за свинью ответишь!

РАЙТ. Простите, я не хотеть вас обидеть!

ЮРИЙ. Ладно, на первый раз прощаю, но ты следи за своим базаром... Тут тебе не твоя Америка, если что, сразу перо в бок!

РАЙТ. А это правда, что русская мафия править Россия?

ЮРИЙ. Ну я за всю Россию не отвечаю, но у нас тут все чисто по понятиям! Приходит ко мне вчера губернатор, говорит: Юра, дай денег на выборы, нам не хватает...

РАЙТ. Юра?

ЮРИЙ. То есть Кабан! Кабан, дай денег! Я ему говорю: ты ментам на моих пацанов стучал? Стучал. Так что хрен тебе теперь, а не деньги. И достаю волыну...

Юрий достает пистолет.

РАЙТ (*перепугавшись*). Нет, нет! Может быть, вы нам проводить экскурсия по здесь?

ЮРИЙ. Да без проблем!

Идут по аллее, оператор снимает.

ЮРИЙ (*указывая на надгробия*). Ну че тут? Вот тут лежит Гарик по кличке Князь. Его вообще беспредельно замочили. Гарик держал свой рынок, ходил как обычно, снимал кассу, и тут одни азеры его завалили, прикинь? Привязали к двум деревьям и порвали пополам.

РАЙТ. Jesus!

ЮРИЙ. А тут Миша Шумахер, ну он, типа, машины любил. Его даже похоронили в «Мерине» вместо гроба, и с ним куча оружия, целый арсенал. А это могила Васьки Шило. Но она на самом деле пустая, его уже третий раз хоронят, а потом он в городе объявляется... Мистика! А это вот, братаны, особый случай. Здесь лежит самая позорная гнида – Федька Косой. Эта сука стучала всем сразу, он хотел и нашим, и вашим... Специально стравливал две бригады, а себе карман на этом грел.

РАЙТ. Простите, «карман на этом грел», я не понимаю... Это значит пытки?

ЮРИЙ. Пытки были потом. А сначала он типа чистенький такой был, приличный, «я не такая, я жду трамвая»: типа не бандит вовсе, а просто техникой торговал. С одной бригадой работал. Потом его жаба стала душить: еще захотелось. Стал работать с другой бригадой. Потом уже начал стучать одним на других, и так далее... За ним потом весь город охотился. Смерть его была долгой и мучительной, плакал, как девочка...

РАЙТ. Спасибо. Это очень интересно. Мы вам большое спасибо.
ЮРИЙ. Да не вопрос! Обращайся, если надо. Слушай, а закурить у тебя есть?
РАЙТ. Да, конечно. Вот.

Протягивает пачку сигарет. Берет сигарету себе тоже, достает зажигалку.

ЮРИЙ. Прикольная зажигалка! Где купил такую?
РАЙТ. Это не купил. Это подарок сенатора Кеннеди...
ЮРИЙ. О! Давай махнемся?
РАЙТ. Что, простите?
ЮРИЙ. Поменяемся давай! Ты мне зажигалку, я тебе тоже зажигалку.

Достает из кармана дешевую пластмассовую зажигалку.

РАЙТ (*растеряно*). Но это подарок!
ЮРИЙ. Это тоже подарок. Губернатор вчера подарил.
РАЙТ. Я не уверен...
ЮРИЙ. Да ладно, че ты, давай! Я тебе тут экскурсию провел, а ты жопишь!

Райт отдает зажигалку.

ЮРИЙ. Вот это другое дело. Ладно, давай, привет Кеннеди.

Уходит.

РАЙТ (*съемочной группе – с раздражением*). What are you looking at? Done, go pack it all!

Сцена вторая

Квартира Дэна. День.

На полу сидит Дэн, играет на гитаре.

Звук спускаемой воды. Выходит Валерий.

ВАЛЕРИЙ. Вот от души вчера потусили!
ДЭН. Ага...
ВАЛЕРИЙ. Как эту звали?.. Ну кудрявая такая... Лиза... Леся... Лена...
ДЭН. Леонид.
ВАЛЕРИЙ. А что, ты переспал с Леонидом?.. Нет, все-таки жизнь хороша! Может, пожрем че-нибудь? Будешь макароны?
ДЭН. Достали уже макароны!
ВАЛЕРИЙ. Ну гречка есть.
ДЭН. Ну давай.

Валерий уходит на кухню.
Дэн играет вступление «Rape Me».
Валерий возвращается.

ДЭН, ВАЛЕРИЙ (хором). Rape me... Rape me, my friend.

Rape me... Rape me again.
I'm not the only one. E-e-e...

Повторяют.

ВАЛЕРИЙ. Эх, Кобейн все-таки клевым чуваком был. Жаль только с этой Кортни Лав связался, и страшная, и музыка так себе. И застрелила его еще.

ДЭН. Вот! Я тебе всегда говорил, что бабы до добра не доведут.

ВАЛЕРИЙ (*уходя на кухню*). Ладно, не парься, тебе тоже когда-нибудь дадут.

Дэн кидает ему вслед тапком. Заходит Юрий.

ЮРИЙ. Привет.

ДЭН. Привет. Есть курить?

Юрий достает пачку сигарет.

ДЭН. И зажигалку.

ЮРИЙ. Ни говна, ни ложки. (*Достает зажигалку.*) На.

ДЭН. Ого. Откуда такая роскошь?

ЮРИЙ. Да так... Кеннеди подарил.

ДЭН. Что, и он у вас на кладбище обитает?

ЮРИЙ. Ага. А ты чего такой помятый-то?

ДЭН. День рожденья отмечали.

ЮРИЙ. Чей?

ДЭН. Через девять месяцев узнаем.

ВАЛЕРИЙ (*высовывается с кухни*). Сплюнь три раза! Между прочим, у нее были месячные! Юр, жрать будешь?

ЮРИЙ. У кого месячные?!

ВАЛЕРИЙ. Ну у этой... Как ее...

ЮРИЙ. У Оксаны?!

ВАЛЕРИЙ. Да че-то... Да может, и Оксана... Вообще-то...

ЮРИЙ. Вы че, охренели?!

Бросается на Валерия, замахивается.

ВАЛЕРИЙ. Эй, ты чего!

ДЭН. Подожди, ты про эту, что ли? Ненормальную свою?

ЮРИЙ. Почему ненормальную?

ДЭН. Да ты же сам говорил – типа память потеряла...

ВАЛЕРИЙ. Да ты что, мы же не про нее! Это вчера приходила Катька Васильева с подружкой, то ли Лена, то ли Леся... Может, и Оксана... А твою-то мы уже давно не видели.

ЮРИЙ. В смысле – давно? Вот же я позавчера приходил, чай пили вместе с ней...

ВАЛЕРИЙ. Вот с того времени больше и не видели.

ДЭН. Да вообще странная она какая-то. Все время где-то пропадает, ничего о себе не говорит, а что-нибудь спросишь – путаться начинает... Ну нам-то что? Нормально... Полы вот помыла...

ВАЛЕРИЙ. Да и вообще, симпатичная девушка... Очень сексуально картавит.

ЮРИЙ. Но-но!

ДЭН. Валерка-то ладно, а вот наш норвежский друг на нее всяко запал. Все время что-то спрашивает по-английски, она половину не понимает, по-моему...

ЮРИЙ. А где он, кстати?

Дэн и Валерий начинают хохотать.

ДЭН. Ну как обычно! Ищет НЛО! Вот смотри.

Подходят к спальнику норвежца, расстеленному в углу. Дэн берет листок – вырезку из газеты.

ЮРИЙ. Ничего не понятно.

ДЭН. Ну естественно, это же по-норвежски. Он мне тут два дня героически пытался это перевести, что-то я даже понял... В общем, смысл такой. В семьдесят втором году, у нас, где-то возле города потерпела крушение летающая тарелка.

ЮРИЙ. Где?

ДЭН. О, это страшная тайна, которую скрывали от народа! У нас же тут всякие военные заводы, военные объекты... Тарелку тут же увезли на склады КГБ, и русские до сих пор скрывают все эти обломки и останки гуманоидов! Вот ты русский?

ЮРИЙ. Ну да.

ДЭН. Вот ты тоже скрываешь.

ЮРИЙ. Без сомнения. Ну-ка дай сюда... Карта какая-то... О, смотри, оказывается, мы с Монголией граничим! Причем именно наш город!

ДЭН. Да-да-да, я тут вообще, судя по карте, из Улан-Батора...

Ржут.

ЮРИЙ. Стоп-стоп, подождите, а вот кроме этой газеты – у него были какие-то поводы искать тут НЛО?

ДЭН. Ну, судя по всему, нет!

ЮРИЙ. Погоди, то есть человек реально проперся четыре тысячи километров, прочитав статью в какой-то желтой газете?!

ВАЛЕРИЙ. Бедненький!

ЮРИЙ. Слушайте, давайте ему... я не знаю... зеленых человечков организуем! Жалко же чувака...

ВАЛЕРИЙ. В каком смысле?

ЮРИЙ. Ну противогазы давай наденем. Он придет, а мы скажем, что мы с Марса...

ВАЛЕРИЙ. Ага! Очередной... как это... «акт современного искусства»! Их уже выгнали с филфака! Но не беда! Они стремятся к новым вершинам!..

ДЭН. Ну а что плохого? Что бы мы дальше делали на филфаке?.. Учили бы всех этих писателей и поэтов? Да ты знаешь, что сейчас пишут? Ни рифмы, ни смысла. Ни знаков препинания.

ВАЛЕРИЙ. Ну вот же у Юры нормально получается...

ДЭН. Да я ему давно говорю, – тебе надо всерьез этим заняться и выпустить книгу.

ЮРИЙ. Ага! А на какие шиши? Это же только детективы бесплатно издают... В смысле, не за счет автора... А для стихов нужен спонсор. А кто даст денег? Кому все это нужно?

ДЭН. Может, твой отчим поможет?

ЮРИЙ. Что?! Да чтобы я его просил?! Да чтобы он вообще подошел к моим стихам?! Только через мой труп!

ДЭН. Ну просто попроси у него денег. На свое дело. Потом вернешь... Когда-нибудь... Тебе не все равно, за чей счет издаваться?

ЮРИЙ. Мне – не все равно. Вон, вспомни про «Мастера и Маргариту». Ты же сам говорил. Сначала взяли денег непонятно у кого, а теперь судятся, и я тебе точно говорю – этот фильм никто не увидит. Сколько бы актеры и режиссеры не выступали, все равно у них связаны руки.

Заходит Оксана.

ОКСАНА. Ой! Хм... Привет! (*Подходит к Юрию, целует его в щеку*.) Как дела?

Крики «О!»

ЮРИЙ (*смущенно*). Нормально... Ты как? Голова больше не болит?
ОКСАНА. Ну только если чуть-чуть...

Юрий целомудренно целует Оксану в лоб.

ОКСАНА. Да, так гораздо лучше...
ДЭН. Э-э... чувак... У меня тут тоже одно место побаливает...
ЮРИЙ. Да иди ты!
ДЭН. И это говорит поэт! Вот он – поэт будущего тысячелетия!
ОКСАНА. Поэт?!
ВАЛЕРА. Что-о? Он не читал тебе свои стихи?
ДЭН (*аплодирует*). Просим, просим!

Юрий берет Оксану за руки, выводит в центр комнаты. Кружит ее, сначала медленно, потом все быстрее.

ЮРИЙ. Не потому ли, что небо голубо,
А земля мне любовница в этой праздничной чистке,
Я дарю вам стихи, веселые, как би-ба-бо,
И острые, и нужные, как зубочистки!
Женщины, любящие мое мясо, и эта
Девушка, смотрящая на меня, как на брата,
Закидайте улыбками меня, поэта, –
Я цветами нашью их мне на кофту фата!

Сцена третья

Аллея кладбища. Ночь.

Ильич, Тайсон и Бешеный появляются справа, тащат два ящика пива.

ИЛЬИЧ. Эх, обоссымся сегодня!
ТАЙСОН. Надо было спорить на водку.
БЕШЕНЫЙ. Эй, да вы вообще охренели! Ящик водки каждому!
ТАЙСОН. А не надо было понты кидать! Десять из десяти он выбьет...
ИЛЬИЧ. Десять, десять... Три!
БЕШЕНЫЙ. Четыре! Одна не упала просто...
ИЛЬИЧ. Ниче не знаю, я видел три.
ТАЙСОН. Может, и десять тогда все? Только не упали просто.
БЕШЕНЫЙ. Да пошли вы!

Уносят ящики влево.

Справа появляется Оксана, беспокойно озирается по сторонам, прислушивается, несколько раз останавливается. Подходит к могиле.

ОКСАНА. Ну привет, родной. Да, жизнь такая штука... Мечтали мы с тобой вдвоем, а получилось у меня одной...

Достает совок, раздвигает венки, светит себе зажигалкой. Копает.

ОКСАНА. Ну как ты там вообще? Черти не одолевают?.. Ничего, мне рай тоже не светит... Может, еще свидимся... Ну а вообще-то, поделом тебе, скотина ты был порядочная!.. За что только дурака полюбила?

ГОЛОС ЮРИЯ (приближается). Быть иль не быть? Вопрос извечный.

Сорвать успех, или навек
Забыть о славе бесконечной
И доживать в глуши свой век...

Нет, «навек» и «век» не пойдет. Надо что-то еще. «Человек», может быть? Навек – человек...

ОКСАНА. Господи, опять этот влюбленный поэт... Угораздило же...

Начинает копать быстрее. Достает кейс.

Появляется Юрий. Останавливается.

ЮРИЙ. Оксана?!

Оксана прячет кейс под венок, распускает волосы, поворачивается к Юрию.

ОКСАНА. Привет.

ЮРИЙ. Что ты тут делаешь?

ОКСАНА (*походит к нему, расстегивая верхнюю пуговицу блузки*). Ты знаешь... Мне было так одиноко... И я почему-то подумала о тебе...

ЮРИЙ. Ты нормально себя чувствуешь?

ОКСАНА (*обняв его*). Теперь уже очень хорошо...

ЮРИЙ. Ну это все как-то так... Я не то чтобы... Но...

Оксана страстно целует его.

ЮРИЙ. Оксана... Я люблю тебя...

ОКСАНА. Я знаю, мой хороший...

Расстегивает кофту. Юрий изумленно смотрит на ее грудь.

ОКСАНА. Поцелуй меня.

Юрий целует ее грудь.

ОКСАНА (*шепотом*). О боже!

Запускает руки в джинсы Юрия.

ОКСАНА. У тебя есть презервативы?

ЮРИЙ. М-м... нет.

ОКСАНА. Ладно. Пойдем.

Идут в сторону. Подходят к дальней скамейке. Оксана толкает Юрия на скамейку, садится сверху, целует его.

ЮРИЙ. Ты знаешь... Я никогда не встречал такой девушки, как ты...

Ласкают друг друга.
С правой стороны появляются люди с пистолетами. Крадутся, озираются. Прячутся за памятниками. Переговариваются тихо, почти шепотом.

ПЕРВЫЙ. Ну и где?.. Ты уверен, что это вообще она была?
ВТОРОЙ. Да точно, что ж я, бабу тереховскую никогда не видел?
ПЕРВЫЙ. Ну хорошо, вот его могила, где ей еще быть-то, как не здесь?..
ВТОРОЙ. Не знаю, может, у нее тут еще какие родственники...
ПЕРВЫЙ. Ну да, вовремя вспомнила...
ТРЕТИЙ. Тихо вы! Слышите? Кто-то тут есть!

На дальней скамейке: Оксана снимает с шеи платок, завязывает Юрию глаза.

ЮРИЙ. С ума сойти...
ОКСАНА. Это еще не все...

Приспускает его джинсы.

ОКСАНА. Не подглядывай...

Юрий лежит неподвижно. Оксана бесшумно бежит обратно к могиле. Наклоняется к венкам.

ПЕРВЫЙ (*подходит*). А ну стоять!

Оксана испуганно замирает.

ПЕРВЫЙ. Ну че, попалась, сука?
ОКСАНА. Ой, Володя... Привет... Какими судьбами?
ПЕРВЫЙ. Да так... Мимо проходил... Ну че, сразу скажешь, где бабки? Или в молчанку играть будем?
ОКСАНА. Ребят, вы что, какие бабки? Какая молчанка? Вы чего вообще?

Юрий снимает платок, озирается, натягивает джинсы, встает.
Слева выходят Ильич, Тайсон и Бешеный, становятся в рядок.

ИЛЬИЧ. Так, вот этого мы еще не окропили...
БЕШЕНЫЙ. О, давай, кто выше!
ТАЙСОН. Может, еще на пиво поспорим?
ИЛЬИЧ. Так! Шухер! Тихо все!
ПЕРВЫЙ. Ну не хочешь по-хорошему, значит, будем по-плохому...

Юрий подходит, прячется за одним из памятников.
Ильич, Тайсон и Бешеный выходят с оружием.

ИЛЬИЧ. Так, что за дела? А ну-ка стволы на землю!

ТРЕТИЙ. А вы кто такие?
БЕШЕНЫЙ. А ты кто такой, урод!
ТРЕТИЙ. Сопляк, следи за базаром!
БЕШЕНЫЙ. Да ты че!.. Да ты кого сопляком назвал!..

Стреляет. Попадает в один из памятников, разлетается мраморная крошка. Люди с оружием прячутся за памятники, отстреливаются.

БЕШЕНЫЙ. А-а! Нога-а!

Падает.
Ильич и Тайсон, укрывшись за памятником, стреляют.
Юрий подбегает к Оксане, хватает ее за руку и утаскивает ее за собой.

ИЛЬИЧ. Юрка, мать твою, а ты-то куда!..

Стрельба.

ПЕРВЫЙ. Уходим!

Отходят, отстреливаясь.
Ильич и Тайсон подбегают к раненому Бешеному.

ИЛЬИЧ. Ну что, живой?
БЕШЕНЫЙ. Не знаю!
ИЛЬИЧ. Ну-ка покажи! Ладно... Царапина... До свадьбы заживет...

Поднимают его, несут.

ТАЙСОН. Кто это был?
ИЛЬИЧ. Не знаю. Может, нам Юра расскажет?
ТАЙСОН. Че он там делал вообще?
ИЛЬИЧ. Не знаю...

Уносят Бешеного.

Занавес.

ТРЕТИЙ АКТ

Сцена первая

Квартира родителей. Утро.

Жукова в халате возится с посудой, Зайцев щелкает пультом телевизора, переключает каналы.

ЗАЙЦЕВ. Ни хрена не видно, блин. Во сколько этот мастер придет?
ЖУКОВА. Он сказал, что после обеда...
ЗАЙЦЕВ. И будет у нас пятьдесят каналов.

ЖУКОВА. Знаешь, а я вот слышала, что эти тарелки, их когда на балконе устанавливают, они у соседей глушат телевизоры.

ЗАЙЦЕВ. Как – глушат?

ЖУКОВА. Ну у Татьяны соседи купили, и у нее теперь помехи, у них даже первый канал плохо показывает...

ЗАЙЦЕВ. Да ты слушай больше, что тебе говорят! Фуфло тебе гонят, ты и уши развесила. Ты сама-то подумай, если у нас тарелка будет на пятом этаже, а соседи к общаковой антенне на крыше подключены, то как она им будет мешать?

ЖУКОВА. Я не знаю, ну вот же, у Татьяны... Я просто говорю, что у Татьяны вот так стало...

ЗАЙЦЕВ. Да даже если и будут помехи, то нам-то что?

ЖУКОВА. Да как-то неудобно...

ЗАЙЦЕВ. А че неудобно-то? Можно подумать, Обуховы ставили бы себе тарелку и думали: ах, перед соседями неудобно!

Звонит телефон.

ЗАЙЦЕВ. Меня нет.

Жукова подходит к телефону.

ЖУКОВА. Алло. Да. А его нет дома. Ой, я даже не знаю. По делам каким-то с утра уехал. Будет, наверное, скоро. Да, хорошо, я обязательно передам. Да, он сразу перезвонит. До свидания.

Кладет трубку.

ЗАЙЦЕВ. Что там еще?

ЖУКОВА. Звонил Евгений Михайлович, говорит, что-то срочное...

ЗАЙЦЕВ. Евгений Михайлович?! А по какому поводу?

ЖУКОВА. Я не знаю...

ЗАЙЦЕВ. Ты что, спросить не могла?!

ЖУКОВА. Ну как я спрошу...

Зайцев нервно расхаживает по комнате.

ЗАЙЦЕВ. Так, что же это может быть... Там меня, вроде, некому сдать было... А почему срочное тогда?.. Так, что же делать... Ладно.

Звонит.

ЗАЙЦЕВ. Алло, Евгений Михайлович... Здрасьте, Зайцев беспокоит... Да я во двор выходил, машину мыл... Так... Так... Кто? Юра?!

Жукова замирает, оборачивается.

ЗАЙЦЕВ. А что за баба?.. Так... Ну вот он тут, дома, спит, пришел с утра со смены... Ничего не говорил... Его что, позвать? Ага... Понял... Сразу же перезвоню, да. До свидания.

Кладет трубку.

ЖУКОВА. Что? Что случилось?

ЗАЙЦЕВ. Это щас надо у Юры спросить – что случилось...

ЖУКОВА. У Юры?!

ЗАЙЦЕВ. Звонил Евгений Михайлович, как ты поняла... Ночью на кладбище была перестрелка. Один человек ранен. Какие-то люди напали на охрану.

ЖУКОВА. А с Юрой что?!

ЗАЙЦЕВ. А Юра там с какой-то бабой вертелся, из-за которой все и началось...

ЖУКОВА. С какой еще бабой?

ЗАЙЦЕВ. Вот пусть твой Юрочка нам щас расскажет! Иди, буди его! Я теперь по его милости должен отчитываться перед Евгением Михайловичем...

ЖУКОВА. Ты же говорил, что там стрелять не будут! Что там спокойно!

ЗАЙЦЕВ. Этот твой Юрочка даже в таком месте не смог работать нормально! Опять из-за него у меня проблемы!

ЖУКОВА. А с ним-то самим все нормально?

ЗАЙЦЕВ. Откуда я знаю! Ну домой же он вернулся...

Выходит заспанный Юрий.

ЮРИЙ. Что орете? Задолбали... Поспать не дадут...

ЖУКОВА. С тобой все нормально?

ЮРИЙ. В смысле?

ЗАЙЦЕВ. Рассказывай, че там было ночью на кладбище.

ЮРИЙ. Не знаю. Ничего особенного не было. Как обычно все...

ЗАЙЦЕВ. Звонил Евгений Михайлович, рассказал, что у вас там стреляли ночью. И ты там был с какой-то бабой.

ЮРИЙ. Ну да, был. И что?

ЗАЙЦЕВ. Кто она такая?

ЮРИЙ. Что значит – кто такая? Я что, тебе отчитываться должен о своей личной жизни?

ЗАЙЦЕВ. А почему из-за твоей личной жизни у напарника твоего пуля в ноге?

ЮРИЙ. Я не знаю... Это случайность...

ЗАЙЦЕВ. Это не случайность. Тебя спрашивают: что это за женщина или девушка была с тобой? Твои же напарники говорят, что из-за нее все началось.

ЮРИЙ. Она тут ни при чем. Мы с ней уже об этом говорили.

ЖУКОВА. Да кто она? Кто это?

ЮРИЙ. Ну-у... Ее зовут Оксана... Вот, недавно познакомились...

ЖУКОВА. И что она делала ночью на кладбище?

ЮРИЙ. Ну просто... Приходила в гости...

ЗАЙЦЕВ. И чем вы там занимались?

ЮРИЙ. Ну так... Ничего такого... Просто...

ЗАЙЦЕВ. А как стрельба началась?

ЮРИЙ. Да какие-то мужики левые откуда-то появились, увидели ее, достали стволы... Тут наши тоже подошли... Слово за слово...

ЗАЙЦЕВ. То есть увидели и сразу достали стволы?

ЮРИЙ. Ну да... Но говорю же, это просто бред какой-то...

ЖУКОВА. А что это за девушка-то? Чем занимается? Учится где-то?

ЮРИЙ. Ну наверное... Не знаю... Она, в общем, память потеряла. Не помнит ничего.

ЖУКОВА. То есть как память потеряла?! Как это? Где ты ее взял такую?

ЮРИЙ. Ну... У нас там, на кладбище. У нее... брата убили. Он рядом с Цыплаковым похоронен.

ЗАЙЦЕВ. С Цыплаковым? Че за брат такой? Кто это?

ЮРИЙ. Терехов какой-то... Не помню...

ЗАЙЦЕВ. Терехов? А ее как зовут?

ЮРИЙ. Говорю же, Оксана.

ЗАЙЦЕВ. А выглядит как?

ЮРИЙ. Ну не знаю... Обычно... Стройная... Волосы темные...

ЗАЙЦЕВ. А букву «р» она выговаривает?

ЮРИЙ (*в недоумении*). Нет... Откуда ты знаешь?

ЗАЙЦЕВ. Да все понятно. Оксана, значит... А ты знаешь, что эту твою Оксану кировцы по всему городу ищут? Она им каких-то денег должна. Так... Понятно... Тогда надо позвонить Евгению Михайловичу, и... Хотя почему Евгению Михайловичу? А может быть, лучше... Ну да... За нее, вроде как, и вознаграждение обещано... Так! Юра! Ты знаешь, где она сейчас?

ЮРИЙ. А что?

ЗАЙЦЕВ. Мы на этом можем заработать приличные бабки. Поделим пополам. Сможешь купить себе что-нибудь...

ЮРИЙ. Нет.

ЗАЙЦЕВ. А чего нет? Что, плохо, что ли? Деньги приличные, купишь себе сто Оксан... А так смотри, долго с тобой возиться не будут...

ЮРИЙ. Я свою невесту не продам.

ЗАЙЦЕВ, ЖУКОВА (*вместе*). Какую невесту?!

ЮРИЙ. Ну, в общем, я и Оксана... Мы решили пожениться.

ЖУКОВА. Как – жениться?! Да ты что! Ты же ее не знаешь толком! Да где вы будете жить? Да на какие средства? Да вы же недавно знакомы! Она что, беременна?!

ЮРИЙ. Нет, не беременна. Просто я ее люблю... Она меня тоже... И мы хотим всегда быть вместе друг с другом...

ЖУКОВА. Тебе всего двадцать лет!

Уходит в спальню.

ЗАЙЦЕВ. Да ты че, с ума сошел? Она увела деньги у очень серьезных людей! Ты понимаешь, что могут замочить и ее, и тебя вместе с ней?

ЮРИЙ. Да ни фига! Я же говорю, это все какая-то случайность, совпадение!

ЗАЙЦЕВ. Да какое совпадение, какое совпадение?..

ЖУКОВА (*возвращается, капая себе корвалол*). Послушай, Юрочка! Мы эту девушку не знаем, и ты о ней тоже, может быть, всего не знаешь... Давайте вы просто пока подружите, а со свадьбой торопиться не надо...

ЮРИЙ. Да хватит! Я свое решение уже принял! Я взрослый человек! И вы мне не указ!

Уходит, громко хлопнув дверью.

ЖУКОВА (*выбегает следом в прихожую*). Юрочка, куда ты?

ЗАЙЦЕВ. Так. Ну и кому звонить теперь?

Возвращается Жукова.

ЖУКОВА. Вот опять ушел куда-то. Бедный мальчик...

ЗАЙЦЕВ. А я не бедный? Я-то что должен делать в этой ситуации?.. (*Расхаживает по комнате.*) Так. Евгению Михайловичу я должен звонить в любом случае. Но ему можно сказать, что Юра ничего не знает. Мало ли... Просто он девку какую-то привел... А это беспредельщики залетные были... Над могилой надругаться хотели... Да, вот, именно так. А с кировцами как быть? Деньги уплывут... Надо как-то у него все-таки выяснить...

ЖУКОВА. Да прекрати ты его вмешивать во все эти ваши дела! Может, у него действительно

любовь! И вообще! Он же сказал, что это все какое-то совпадение просто... Пообещай мне, что ты никому ничего не скажешь.

ЗАЙЦЕВ. Но Евгению Михайловичу-то я в любом случае должен позвонить.

ЖУКОВА. Федя! Но это же мой сын! Ты что, ему плохого желаешь?!

ЗАЙЦЕВ. Ладно. Успокойся. Придумаю что-нибудь.

Обнимает ее.

Сцена вторая

Квартира Дэна. День.

Норвежец лежит на спальнике в углу.

НОРВЕЖЕЦ. А-а... Helvete...

ДЭН (*подходит к нему, открывает бутылку*). Пивка?

Норвежец со стоном отворачивается к тазику.

ДЭН. Ну смотри... Мое дело – предложить...

Пьет пиво.

ВАЛЕРИЙ (*выходит с кухни с телефоном*). Нет, подожди, подожди, не бросай трубку! Я тебе все могу объяснить! У нас же тут сейчас живет норвежец, Йенс. Да подожди, подожди!.. Хочешь, я сейчас дам телефон, вот он, тут лежит... Йенс! Поговори, а!

Норвежец снова мычит в тазик и отмахивается.

ВАЛЕРИЙ (*продолжает в трубку*). Ну он же иностранец, они же не умеют пить! Он пропал у нас на несколько дней, а вчера мы идем мимо заправки, ну тут у нас вот, за углом, знаешь?.. Вот. И представляешь, идем, а он там стоит, с колонкой обнимается и спрашивает по-английски: «How do you do? Where are you from? The weather is fine!»

НОРВЕЖЕЦ. Somebody kill me, please...

ВАЛЕРИЙ. Вот! Не могли же мы его бросить в таком состоянии! Это же международный скандал... Конечно, я люблю тебя! Слушай, а может быть, тогда, сегодня?.. М-м! А что наденешь?

ДЭН. Пояс верности.

Валерий уносит телефон на кухню.

Заходит Юрий.

ЮРИЙ. Привет. Оксана здесь?

ДЭН. Да нет. Как обычно...

ЮРИЙ. Так даже лучше. (*Достает две бутылки портвейна, открывает одну, берет стаканы. Норвежцу.*) Будешь?

Норвежец со стоном отворачивается.

Юрий наливает два стакана, протягивает удивленному Дэну. Выпивают.

ЮРИЙ. Еще?

ДЭН. Ты куда разогнался-то?

Юрий наливает себе стакан, выпивает, садится на пол, закуривает.

Пауза.

ЮРИЙ. Слушай... Я даже не знаю, как это все рассказать... В общем, я, похоже, женюсь. Кажется.

ДЭН. В смысле – женишься? На ком ты женишься?

ЮРИЙ. На Оксане.

ДЭН. На Оксане?! А чего вдруг? Она что, залетела, что ли?

ЮРИЙ. Нет.

ДЭН. А зачем тогда?

ЮРИЙ. Ну, в общем, дикая ситуация... Кажется, она должна бандитам большие деньги... Ее сегодня ночью чуть не убили. И мой отчим знает, что я ее знаю. Ну и, в общем, он хочет ее сдать. И либо я ее сейчас продаю – деньги мне за это уже предложили, – либо говорю, что это моя жена. И мы... Мы...

ДЭН. Что – вы?

ЮРИЙ. Не знаю. Остаемся вдвоем против всех.

ДЭН. Ничего себе, однако...

Наливает себе портвейн, выпивает.

ДЭН. Ну и что ты собираешься делать?

ЮРИЙ. Не знаю...

ДЭН. А Оксана что говорит по этому поводу?

ЮРИЙ. Ничего. Мы с ней еще не обсуждали.

ДЭН. Как это – не обсуждали? А она вообще знает, что ты на ней женишься?

ЮРИЙ. Ну я собираюсь сделать предложение... При встрече...

ДЭН. Ха! Так ты оставь записочку, мы передадим, как она придет!

ЮРИЙ. Да ты достал со своими шуточками! Ты понимаешь, что сейчас речь идет... о жизни и смерти буквально!

ДЭН. Я, конечно, все понимаю! Вопрос в том, знает ли Оксана о твоих героических планах? Или даже скорее – о том подвиге, который ты собрался совершать во имя спасения ее жизни!

ЮРИЙ. Ну, мне кажется, она... испытывает ко мне какие-то чувства...

ДЭН. С чего ты взял?

ЮРИЙ. Ну... Она ночью приходила ко мне на кладбище...

ДЭН. И что?

ЮРИЙ. Ну и... у нас там...

ВАЛЕРИЙ (*высовывается из кухни*). Ты трахнул Оксану?! (*В трубку.*) Это я не тебе.

ЮРИЙ. Ну... почти...

ДЭН. Что значит «почти»? Она тебя поцеловала и ты кончил?

ЮРИЙ. Ну там, как бы, все уже шло к этому, но...

ВАЛЕРИЙ (*в трубку*). Я тебе перезвоню. (*Отложив телефон.*) Ну?

ЮРИЙ. Ну а потом появились какие-то уроды с пистолетами, началась стрельба, ну и... все.

ВАЛЕРИЙ. Какая еще стрельба?

ЮРИЙ. Ну говорю же, Оксана, похоже, должна каким-то людям деньги, и вчера они ее выследили. Нас спасли только охранники, – пока они там все сцепились между собой, мы убежали сюда...

ДЭН. А интересная у тебя работа, Юрий.

ЮРИЙ. Очень.

Валерий разливает портвейн. Выпивают. Курят. Молчат.

Норвежец медленно встает, идет в сторону туалета, держась за стены.

ЮРИЙ. Йенс! Как дела, мужик? Давно тебя не видел, где ты был?.. Where have you been for all this time?

Норвежец отмахивается, уходит в туалет.

ДЭН. Не разговаривай с ним по-английски, он подумает, что ты бензоколонка.
ЮРИЙ. Бензоколонка?!
ВАЛЕРИЙ. Да вчера нашли его на заправке! Спрашивал у автоматов, как пройти на улицу Калинина... Мы его еле дотащили, он вообще на ногах не держался!
ЮРИЙ. А где это он так?
ДЭН. О-о! А это самое интересное! Он же поехал за город искать «склады КГБ»... И что самое интересное, – нашел!
ВАЛЕРИЙ. На самом деле, хрен знает, что это было, но с его слов – прямо суперсекретная военная часть!
ЮРИЙ. И его туда пустили?
ДЭН. Да мало того – пустили! Накормили, напоили и все военные секреты рассказали.
ЮРИЙ. Ну да?
ДЭН. В общем, если серьезно, он реально несколько дней где-то пил с какими-то людьми, которые, по его мнению, были военными, и добыл чертеж сверхсекретного самолета-невидимки!
ЮРИЙ (*со смехом*). Что еще за невидимка? А чертежи тоже невидимые?
ВАЛЕРИЙ. Нет, чертежи – вот они.

Дает Юрию бумаги.

ЮРИЙ (*разворачивает, смотрит*). А где вообще верх?
ДЭН. Ну, видимо, вот так.
ЮРИЙ. А почему крыло только одно? Второе где?
ДЭН. Ну невидимка же! Не видно!
ЮРИЙ. Да вы что, издеваетесь, что ли? Это же бред!
ДЭН. Не бред! Это секретные военные разработки! КГБ, НЛО! Миру – мир! Ты, главное, не спрашивай, сколько он за эту мазню отдал.
ЮРИЙ. А-а!

Возвращается норвежец.

ЮРИЙ. Йенс, а ты вообще домой собираешься когда-нибудь?
НОРВЕЖЕЦ. Да.
ЮРИЙ. Ты знаешь, что тебя не выпустят из страны с этими бумагами?
НОРВЕЖЕЦ. Почему?
ЮРИЙ. Ну это же военная тайна! Если их у тебя найдут, тебя расстреляют!
НОРВЕЖЕЦ. Fuck. Что делать?
ЮРИЙ. Ты должен съесть их! Прямо сейчас!

Норвежец выхватывает чертеж и убегает в туалет.
Все смеются.

ЮРИЙ. Интересно, в Норвегии все такие?
ВАЛЕРИЙ. Ужас, если он сейчас реально съест этот чертеж, ему же станет плохо!

ДЭН. Да ему вообще с утра как-то не очень хорошо...

Разливают портвейн. Выпивают.

ЮРИЙ. Слушайте, а когда Оксана ушла?
ВАЛЕРИЙ. Я не помню точно... Часов в одиннадцать...

Молчат.

ДЭН. А знаешь что?.. Ты бы не торопился с этой свадьбой. Дождись Оксану. Поговори с ней. Подумайте, что можно сделать. Может, уедете куда-нибудь. У меня в Казани есть друг, если что, там можете остановиться, впишет без проблем... Поживете там, пока все уляжется. А жениться... Жениться вы всегда успеете.
ВАЛЕРИЙ. И в самом деле! Жениться – это дело такое... Тут торопиться не надо!
ЮРИЙ. А может, и правда уехать? Если мы сегодня вечером выйдем на трассу... Завтра мы будем в Уфе... Послезавтра – в Казани. Слушай, ну нормально! Ты мне дашь адрес этого чувака?
ДЭН. Да не вопрос.

Копается в куче книг, журналов и кассет, достает блокнот, листает страницы.

ЮРИЙ. Только вы смотрите! Если будут звонить, нас искать... Даже если моя мать позвонит... Вы не знаете, где мы. Договорились?
ДЭН. Ага. Вот, запиши...
ВАЛЕРИЙ. Слушай, а если она сегодня не придет?

Юрий задумывается.

Сцена третья

Квартира родителей. День.

Жукова у зеркала красит ресницы, Зайцев сидит за столом, изучает договор. Встает, подходит к балкону.

ЗАЙЦЕВ. Сергей, а если просрочить абонентскую плату, то какие-то каналы, хотя бы основные, показывать будут?
МАСТЕР (*голос из-за сцены*). Нет, ничего не будет.
ЗАЙЦЕВ. Хм. Понятно. Жаль.

Читает договор дальше.

ЖУКОВА. Я все думаю об этой Оксане... Хоть бы он ее привел, познакомил с нами... А то все не как у людей...
ЗАЙЦЕВ. Да дождешься ты от него, как же. Он тебя еще и на свадьбу не пригласит...
ЖУКОВА. Как это?! Как это – свадьба без родителей?
ЗАЙЦЕВ. А так! Сбегают в ЗАГС, распишутся и набухаются со своими дружками...
ЖУКОВА. Да что ты такое говоришь! Я не думаю, что он так сделает...
ЗАЙЦЕВ. Да ничего он не сделает! Он только языком чесать мастер. Он бы хоть раз довел что-нибудь до конца! Наболтал тебе про свадьбу, а ты и веришь всему!

Звонит телефон.

ЗАЙЦЕВ. Ну что там опять... Меня нет.

Жукова берет трубку.

ЖУКОВА. Алло! Да, уже выхожу. Да, как и договаривались, в три у Татьяны.

Заходит мастер, возится с настройками телевизора.

ЖУКОВА. Ладно, я ушла. Буду не поздно. Не скучай.

Уходит.

ЗАЙЦЕВ. Ну что, получается?
МАСТЕР. Да что-то непонятно, какие-то каналы не те...
ЗАЙЦЕВ. Что значит – не те?
МАСТЕР. Не на тот спутник настроился. Надо тарелку немного развернуть.
ЗАЙЦЕВ. А вот эти каналы – они какие-то неправильные, что ли?
МАСТЕР. Да они же все иностранные, не понятно ничего.
ЗАЙЦЕВ. Да, тогда лучше действительно развернуть...
МАСТЕР. А можно сначала у вас в туалет сходить?
ЗАЙЦЕВ. Да, вон там.

Мастер уходит, Зайцев щелкает пультом. Натыкается на один из каналов, на экране – Юрий.

ЗАЙЦЕВ. Че за хрень? Юра?!

На экране. Текст идет параллельно с английским переводом.

ЮРИЙ (*указывая на надгробия*). Ну че тут? Вот тут лежит Гарик по кличке Князь. Его вообще беспредельно замочили. Гарик держал свой рынок, ходил как обычно, снимал кассу, и тут одни азеры его завалили, прикинь? Привязали к двум деревьям и порвали пополам. А тут Миша Шумахер, ну он, типа, машины любил. Его даже похоронили в «Мерине» вместо гроба, и с ним куча оружия, целый арсенал...

ЗАЙЦЕВ. Что он несет?! Что опять за балаган!

ЮРИЙ. А это вот, братаны, особый случай. Здесь лежит самая позорная гнида – Федька Косой. Эта сука стучала всем сразу, он хотел и нашим, и вашим... Специально стравливал две бригады, а себе карман на этом грел. Пытки были потом. А сначала он типа чистенький такой был, приличный, «я не такая, я жду трамвая»: типа не бандит вовсе, а просто техникой торговал. С одной бригадой работал. Потом его жаба стала душить: еще захотелось. Стал работать с другой бригадой. Потом уже начал стучать одним на других, и так далее... За ним потом весь город охотился. Смерть его была долгой и мучительной, плакал, как девочка...

ЗАЙЦЕВ (*медленно поднимается*). Ах ты... Ах ты, сученыш! Ну все! Ты доигрался! Тебе конец теперь! Да я тебя... Да ты у меня...

Отпинывает стул, расхаживает по комнате. Возвращается мастер. Зайцев поспешно переключает канал.

МАСТЕР. Ну что, я тогда пошел перенастраивать?

ЗАЙЦЕВ. Сергей, а вот эти каналы, которые вы сейчас настроили, у нас в городе их еще кто-нибудь смотрит?

МАСТЕР. Ну, может, и смотрят, но мы их обычно не устанавливаем. А что? Вам оставить?

ЗАЙЦЕВ. Нет-нет!

Мастер уходит на балкон.

ЗАЙЦЕВ. Так... Как девочка плакал, значит? Ладно... Ладно... Пора кончать с этим.

Берет записную книжку, садится к телефону. Набирает номер.

ЗАЙЦЕВ. Алло! Здрасьте! Это Зайцев. Да. Да нет, нет, я по другому вопросу. Я слышал, вы ищете девушку... Оксана, кажется... Да-да. С деньгами. Ну, в общем, есть один человек, который знает, где она. Да. Но он так просто не скажет. Ага. Зоя Космодемьянская, ха-ха-ха. Да, надо на него надавить как следует. Ну, там, утюжок, паяльничек... Не мне вам объяснять... Зовут его Юрий. Да. Он работает на кладбище. На Северном. Ну вот на этой аллее как раз... Ну да, на этой самой. Охраняет. Сегодня ночью он будет один. Да, точно. Ну что вы... Как обычно... Ну договоримся. Да. Всего доброго.

Кладет трубку. Листает книжку. Набирает номер.

ЗАЙЦЕВ. Привет. Слушай, есть вопрос один, но это между нами. Ну Юру же знаешь... Ну этого, моего... Че-то мне не нравится, как он на работу ходит... Че-то он халявит, по-моему... У тебя есть телефоны пацанов, которые в его смене должны быть?.. Ага. Записываю. А во второй смене кто у них там? Колян? А еще кто? А есть телефон чей-нибудь? На всякий случай... Поспрашиваю, а то не хочется Михалыча подвести... Только ты никому, а то сам понимаешь... Ну спасибо, выручил. Давай, пока.

Кладет трубку. Потом снова набирает номер.

ЗАЙЦЕВ. Але! Ильич, здорово! Это Колян Белый... (*Кашляет.*) Да простыл децл... В общем, слышь! Евгень Михалыч сказал, мы седня вместо вас выйдем! Вы пока отдыхайте, надо разобраться, че за шухер у вас был вчера... Да все путем будет, отдыхай, братуха... (*Кашляет.*) Ага, до связи.

Кладет трубку. Идет к холодильнику, наливает рюмку водки, выпивает.

Выходит мастер, переключает каналы телевизора.

МАСТЕР. Ну вот... ОРТ, РТР, НТВ... Вот еще здесь список каналов, они должны открыться в течение двух часов... Вот это меню, тут вот так все переключается... Вот эти настройки лучше не менять, если что, лучше позвоните мне...

ЗАЙЦЕВ. Да, хорошо, понятно, спасибо...

Дает мастеру денег, провожает его в прихожую, возвращается.

Звонит телефон. Зайцев выдергивает его из розетки.

ЗАЙЦЕВ. Так, ну что... Главное, чтобы он появился сегодня на кладбище.

Сцена четвертая

Аллея кладбища. Ночь.

Справа появляются кировцы (трое). Оглядываются. Останавливаются.

ПЕРВЫЙ. Ну и где он?
ВТОРОЙ. Да хрен знает. Похоже, нет никого.
ТРЕТИЙ. А информация проверенная была?
ВТОРОЙ. Да конечно. Заяц никогда раньше не кидал...
ТРЕТИЙ. Все бывает в первый раз.
ПЕРВЫЙ. Ладно, подождем.

Садятся на ближнюю скамейку.

ТРЕТИЙ. А это не тот, которого мы вчера подстрелили?
ВТОРОЙ. Нет, точно не он.
ТРЕТИЙ. ...А то я думаю, вдруг он ходить уже не может?

Молчат.
Из глубины сцены появляется Юрий, идет медленно, почти крадется. Озирается по сторонам.

ЮРИЙ. Оксана, Оксана, ну где же ты... Могли бы быть с тобой уже на трассе... Где же тебя носит... А если ее уже поймали? Нет, не может быть... Они же не могли нас выследить... И здесь ее тоже нет. Черт. Может, она все-таки уже вернулась к Дэну... Пойти обратно?.. А кстати, почему никого нет? Наша же смена... Странно...

Идет уже не таясь.
Кировцы встают со скамейки.

ПЕРВЫЙ. А вот и клиент!
ЮРИЙ. Э... Вы че...

Первый бьет Юрия по лицу. Его хватают под руки.

ПЕРВЫЙ. Ну что? Будем знакомы, Юрий? Кировская бригада – слышал про таких?
ЮРИЙ. Да...
ПЕРВЫЙ. Это хорошо. Значит, тебе не надо объяснять, что с нами лучше договориться по-хорошему... Иначе найдут твое тело в каком-нибудь овраге... С мешком на голове... И долго мама с папой не смогут тебя опознать.
ЮРИЙ. Да в чем проблема-то, что вам надо от меня?
ПЕРВЫЙ. А ты и не догадываешься?
ЮРИЙ. Да нет, конечно! Налетели ни с того, ни с сего... какие-то...

Первый с размаху бьет его по лицу.

ПЕРВЫЙ. Тебе известна некая Оксана Терехова?
ЮРИЙ. Нет.
ПЕРВЫЙ. Это неправильный ответ.

Снова бьет его.

ПЕРВЫЙ. А теперь?

Юрий молчит.

ТРЕТИЙ. Ты посмотри, какой герой.
ПЕРВЫЙ. Ладно, вяжите его. Сейчас повезем купаться...

Держат Юрия, достают веревки и нож, крепко связывают руки за спиной и ноги.

ЮРИЙ. Слушайте, я действительно не знаю, о ком вы говорите... Я простой студент, я никогда не влезал ни в какие разборки... Подумайте, что вы делаете! Вам наверняка нужен кто-то другой! И вообще!.. Ха-ха!.. Слушайте, точно, я же понял! Вам же Юрий нужен был! А я же... Я же Юлий! Меня в честь Гая Юлия Цезаря назвали! Ребят, все понятно, вы взяли кого-то другого...
ТРЕТИЙ (*второму*). Заткни ему рот, а то у меня уже уши вянут.
ВТОРОЙ. Чем? Пальцем, что ли? У меня нет ничего...
ТРЕТИЙ. Ну тряпку какую-нибудь найди... Ленту, вон, с венка оторви...

Второй озирается, идет к могиле, склоняется над ней. Достает венки. Находит и поднимает кейс.

ВТОРОЙ. Эй, братаны, а ну идите сюда!

Первый и третий подходят. Открывают кейс.

ПЕРВЫЙ. Ни хрена себе! Это же тот самый тереховский кейс!
ТРЕТИЙ. А сколько здесь? Лимон? Два?
ВТОРОЙ. Короче, до фига.
ТРЕТИЙ. Не кукла?
ВТОРОЙ. Да вроде, нет...
ПЕРВЫЙ. Вот уж свезло так свезло! Мы по всему городу искали, а ларчик просто открывался... Так, ладно, грузите этого в багажник, и поехали. Рот только не забудьте завязать.

Возвращаются к Юрию с кейсом и лентой от венка. Затыкают ему рот.
Справа идут Ильич и Тайсон.

ИЛЬИЧ. ...Он мне позвонил днем. Голос какой-то странный. Простуженный. Говорит, вы сегодня отдыхайте, мы вместо вас остаемся. Ну я тебе сразу отзвонился.
ТАЙСОН. Ну.
ИЛЬИЧ. А сейчас мне Колян перезванивает и говорит: вы че, оборзели? Сколько вас ждать можно. Я ему: Колян, ты че, ты же мне сам днем звонил. А он мне говорит: ты че, долбанулся, что ли, мы и так вас ждем больше положенного. Ну и все, говорит, мы сваливаем, чтобы через полчаса тут были...

Кировцы, услышав голоса, достают пистолеты.

ТАЙСОН. Кто-то подставил нас, короче.
ТРЕТИЙ (*второму*). Ты же говорил, никого не будет больше...
ИЛЬИЧ. Ложись!

Стрельба с обеих сторон.

В упор расстреливают друг друга. Все падают.
Тишина. Пауза.
Связанный Юрий медленно поднимается на колени. Смотрит по сторонам. Пытается как-то освободиться. Упав на землю, пытается сделать так, чтобы руки оказались впереди.
Появляется Зайцев. Увидев лежащих людей, останавливается. Подойдя к одному из трупов, поворачивает его ногой, чтобы посмотреть, кто это. Юрий мычит. Зайцев видит его, но не обращает внимания. Медленно обходит все трупы, смотрит. Берет с земли кейс. Открывает. Смотрит. Думает. Закрывает.

ЗАЙЦЕВ. О, Юра! Ты, что ли? Еще и живой?

Юрий мычит. С усилием поднимается обратно на колени.

ЗАЙЦЕВ. Ну ты молодец. Хоть какая-то польза от тебя... (*Снова заглядывает в кейс. Думает.*) А ты знаешь, что-то осточертела мне ваша семейка... Рвану-ка я на Канары? А? Или на Багамы? Как считаешь?

Юрий мычит.

ЗАЙЦЕВ. А может быть, и туда, и туда?

Выстрел. Зайцев падает.
Подходит Оксана с пистолетом. Стреляет лежащему Зайцеву в голову. Наклоняется за кейсом.

ОКСАНА (*Юрию*). Привет.

Подходит, вытаскивает кляп изо рта.

ЮРИЙ. Оксана... Что это вообще все...
ОКСАНА (*гладит его по щеке*). Все хорошо, Юра. Все нормально.
ЮРИЙ. Это не нормально... Я стою связанный посреди кучи трупов... Ты только что убила человека... Это, по-твоему, нормально?!
ОКСАНА (*помолчав*). Бывает... Такие дела...

Наклоняется к Юрию, целует его и уходит с кейсом.

Пауза.

ЮРИЙ. Оксана!.. Подожди!..

Пытается рвануться за ней, падает. С трудом встает на колени.

ЮРИЙ. Оксана!!!

Смотрит ей вслед, вслушивается.
Садится, уронив голову. Молчит.

Вдалеке брезжит рассвет. Тишина.

Долгая пауза.

ЗАНАВЕС

Январь – май 2008 г.

Сергей ЩЁЛОКОВ

* * *

Поверивший тебе не врун, не враль,
велосипед без цепи, сталь без струн, –

а март,
  который как валун февраль
подхватывает,
как Грааль Перун.

И говоря:

  мол, сволочь сей Сизиф,
порядок слов меняющий всегда, –

и кто кого несёт,
          осев в курсив,
неясно,
словно та еще вода, –

я понимаю,
  что я враль и врун,
что в этой вот воде бурун и даль,
где март уже зарыл февраль под грунт –

и где не видеть больше лун не жаль.

(зима без начала)

декабрь был бы кораблём да только он странно сух
снова зима без снега а вот было бы лето без мух
и только одна стрекоза летала бы у единственного фонаря
а может и бабочка значит корабль поплывёт без декабря
но со мной ведь мне всё равно в каком из двенадцати месяцев быть
тонущей ниткой но кто ещё мне распутает эту нить
какая парка права отныне и впредь какой пейзаж просмотрю
когда надо в оба глядеть в лицо именно этому декабрю

Сергей ЩЁЛОКОВ родился в 1974 году в Самаре. Окончил филологический факультет Самарского университета, работал учителем русского языка и литературы в сельской школе. Публиковался в журнале «Дети Ра», антологиях «Нестоличная литература» и «Девять измерений», альманахе «Вавилон», самарской периодике. Автор книги стихотворений «Разговоры» (2004).

весла и паруса сушу потому что это не пароход
бабочки и стрекозы на вёслах а на парусах восход
теперь когда они чёрными быть перестали когда
с них смыли грязь и во сне земля а наяву вода
декабрь осторожно объявится его сторожа и посты окружают
его охраняют от нового года как от ежедневно грядущей жатвы
хоть бы подморозило но снова зима без снега а под столом
могло бы не быть летних мух и бабочек и декабрь бы был кораблём

* * *

Вот и мне уже готово одеяло

Сахар соль мука сухое молоко
перемешаны

Кончается начало

и тяжёлая рука легко-легко
гладит и пересыпает эту прелесть

Хлеб и женщины под снегом

Вот и в честь
заболевшего меня все птицы спелись
а собаки захотели пить и есть

Но не хватит перьев птичьих
шкур собачьих
чтобы сахар соль муку и молоко
окончательно смешать

Не хватит плача
чтобы падать виновато
глубоко

В этой прелести лишь сухость

Ну а хлеба
или женщин не предвидится

Седой
дух в седое тело смотрит
словно в небо
словно бы под одеялом
под водой

* * *

Вначале слово да не Божье
как черепицей по металлу

Вначале слово было ложью

да и в конце ничем не стало

Вначале слова было мало
оно дрожало мелкой дрожью

зато в конце оно дрожало
так что согреться невозможно

Мы согревались осторожно

но от бокала до бокала
нас медленно но верно брало
и уносило в бездорожье

А там уж много было можно

но всё равно не помогало

* * *

помни после меня начинается осень
АУ

Простыли дверь и окно

На излёте август

да и как полетишь
когда заложен нос
больно глотать
и пропадает адрес

а воздух глубже
шрамов и заноз

Извлечь его из плоти

и кровь сольётся

но выздоровление не придёт

Помнишь после тебя
похолодело солнце

а сказано было
потеплеет лёд

Да сказано было

но будет только осень

а уж она сама за себя звучит

Простыли пол и потолок
кожа и кости
лечащие больные
болеющие врачи

Да и как лететь
августу
когда он
уже спрятал под листву
крылья сентября

После тебя осень

После меня даун
который слушает
но говорит не говоря

* * *

Есть у сонета потолок и пол.

Разбитый дух. Разбитый лоб. Расплата.

Частично меблированная хата,
изба, хибара, хижина, костёл
и кирха,
аллохол и валидол –
и парацетамол,
когда Пилата
в себе лечить еще не поздновато,
чтобы когда-то до Христа довёл.

Когда сонет бывает сильно пьян,
когда софой становится диван,
софа – столом,
где пишется и пьётся,
в истерике луна, в экстазе солнце,
в разгуле карнавал и балаган –

поэт всегда последним засмеётся.

* * *

В

Заросли дрожат

а огонь ещё не зажжён

Медленно бежать
от повторов ласковых жён

У барыги нал

как зелёные листья кому

Ты оригинал
повторяешь святого Фому

Но Фома-то знал
для чего родился на свет

Ты ж духовно мал

но при этом всё же поэт

и на высоту
или на глубину всё одно
ты приводишь ту

но она вся из если и но

Ты заводишь блюз

а ей очень хочется рок

Вот стоит союз

а хотелось бы ей предлог

Плюнешь и уйдёшь
вспоминая святого Фому

а она из кож
мягко выстелет жёсткую тьму

и начнёт хлестать
чтобы и не думал уснуть

Не любовь опять
а поднаторевшая муть

Когда эта дрожь
проберёт от подвалов до крыш

в заросли врастёшь

и в случайном пожаре сгоришь

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Приключение с гринкартой

Детективные записки русского репортера

Шурик

Шурику под семьдесят. Он невысокого роста, сухой, часто небритый и всегда с сигаретой в железных зубах. Когда он приехал в Америку, ему предложили сменить эту реликвию советского зубоврачевания на что-то менее устрашающее.

– Если вы хотите, чтобы я произвел на кого-то сильное впечатление, так это не входит в мои планы! – заявил он и остался при своих нержавеющих.

Моего героя можно часто видеть в скверике на Корбин-плейс, откуда в солнечные дни доносятся голоса детворы и стук домино. Шурик считает домино жлобской игрой и ходит в сквер с целлофановым кульком, в котором у него лежат шахматы. Шахматное поле предусмотрительно нанесено на поверхность бетонных столов трудящимися из городского управления парков. Те, ясное дело, не могли предполагать, что местное русскоговорящее население всем настольным играм предпочитает «козла». Шурик принадлежит к крохотной группе любителей шахмат, в которую входят, помимо него, отставной полковник бывшей советской армии Осип Шпигун и я. К счастью, в шахматы можно играть только вдвоем, что позволяет мне избегать полковника, которого я не переношу на дух. Проникшись благодарностью ко всем тем еврейским организациям, которые устроили ему райскую жизнь в Америке, а главное – возгордившись своей причастностью к ним, пусть даже в качестве бедного клиента, Шпигун написал книгу очерков о выдающихся военачальниках-евреях. Он начал ее с библейского Давида, который победил Голиафа, и постепенно добрался до героев наших дней. В творческом угаре он включил в свой справочник не только евреев, но и тех, в которых он подозревал таковых. В их числе оказался адмирал Нахимов, за фамилией которого, по версии этого доморощенного историка, стояло имя его еврейского папаши или деда – Наума или Нахума. Сперва он был Наумов или Нахумов, а потом стал Нахимовым. Оккам прославился своим лезвием, Шпигун для отделения всего лишнего из своих восторженных изысканий пользовался топором. С исторической точки зрения его книга имела ту же ценность, что и Протоколы сионских мудрецов, но члены местной ассоциации ветеранов второй мировой войны, которые получили в Америке долгожданную возможность гордиться своим происхождением, легко прощали Шпигуну антинаучность его произведения и охотно покупали его. Им было приятно сидеть на солнечном бордвоке, дышать целебным океанским воздухом и читать, к какому героическому народу они принадлежат. Там, откуда они приехали, об этом лучше было помалкивать. Там их приучили к мысли, что основным фронтом, где они себя проявили, был Второй Ташкентский. Мотивы их интереса к творчеству Шпигуна были понятны, тем не менее меня просто бесило то, что их национальное самосознание подпитывалось трудом автора, не имевшего ни малейшего представления о таких тонких материях, как мораль и нравственность. Для него происхождение его героев было единственным мерилом их военного гения и человеческих до-

---

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ родился в 1958 году в Одессе. Работал в одесских газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации прозы: «Октябрь», «Парус», «Столица», «Время и мы», «22», «Слово/Word», «Крещатик» и др. Автор трех книг прозы и очерков. В журнале «Волга» публиковались рассказы (№2 (415), 2008) и роман «Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89» (№4 (417), 2008).

стоинств. Лев Троцкий у него был и талантливым стратегом, и блистательным тактиком, и хрен его знает кем еще, но в очерке о нем у Шпигуна не нашлось полслова об ответственности этого красного упыря за миллионы угробленных им и его талантливыми соратниками жизней россиян, в том числе евреев, которым не повезло родиться в революционную эпоху.

Шурик относился к Шпигуну как к неизбежному злу. Когда я с ним впервые поделился своими соображениями об этом псевдоисторике, он пожал плечами:

– Слушай, ше ты от него хочешь? Он же военный. Но если бы ты видел, как мы с ним вчера разложили алехинскую защиту, ты бы плакал.

Потом ему, видимо, стало неловко за свой шахматный прагматизм, и он добавил:

– Ты про маяковское дело не слышал?

– В смысле дело Маяковского?

– Нет, в другом смысле. Слушай сюда. Мне об этом рассказал еще мой папаша. За старую Одессу он знал почти все. Так вот когда Троцкий был военкомом, он должен был приехать в Одессу. Так местные чекисты сделали ему подарок. Они сочинили историю, что на маяке на Даче Ковалевского засела группа контрреволюционеров, которые должны были сигналить белому десанту, чтобы те высадились и захватили Одессу. На самом деле никакого десанта не было, но на маяке работало пару человек, которые служили еще в царской армии. И этого хватило ровно на то, чтобы поставить их всех к стенке. Ты меня понял?

– Расскажи это своему партнеру.

– А-а-а... – Шурик махнул рукой. – Всех идийотов не перевоспитаешь.

– А он не идиот.

– Нет?

– Ну, во-первых, он тебе иногда ставит мат. Во-вторых, я предполагаю, что для получения чина полковника он должен был предпринять определенные усилия. И я готов поспорить на любые бабки, что там, в Союзе он клеймил сионистов по полной программе. Как только может клеймить коммунист с «пятой группой инвалидности», которого могут заподозрить в связях с ними. Но когда кормушку прихлопнули, он быстро сменил советский мотив на еврейский.

– Все хотят кушать, – вздохнул Шурик.

– Ну конечно! Во всем виноват желудок. Я бы даже назвал аморальность симптомом язвы. И лечил бы ее у гастроэнтеролога.

– Слушай, кому может помешать хорошая клизма? – очень резонно заметил мой собеседник.

В Одессе Шурик до выхода на пенсию был следователем райотдела милиции. Он приехал в Нью-Йорк в начале 90-х, когда все то, что осталось от СССРа, погрузилось в мрак, нищету и голод, которым, казалось, не будет ни конца ни края. Он получал копеечную пенсию, его дочь Лариса работала, не получая зарплаты вообще. Как это произошло тогда со многими, они вспомнили забытых еврейских родственников, или просто сочинили их, уехав в США по липовому вызову. Я знал старых иммигрантов, приехавших в Америку в 70-х, которые относились к этой постсоветской иммиграции с презрением. Сами они уехали *от* советской власти, а эти уехали *после* советской власти, при которой у них была вполне сносная жизнь. По иронии судьбы послевоенная иммиграция, сплошь состоявшая из Ди-Пи, иммиграцию 70-х окрестила «колбасной». Это звучало очень уничижительно, но согласимся – у нас на родине производство колбасы было прямо связано с политическим курсом ее производителей. И кто станет спорить с тем, что у многих людей, доживших до последних дней советской власти, были более скромные аппетиты, чем у тех уехавших, которым она не давала реализовать свои таланты в сфере бизнеса или в области культуры? Оставшиеся мирились с властью, как мирятся с плохой погодой, стараясь не замечать ее и занимаясь своими делами. Так жил и Шурик – рядовой мент, так жила его дочь Лариса, работавшая секретаршей на канатном, кажется, заводе. И так бы они и жили дальше, если бы только в один прекрасный день не обнаружили, что жить им не на что, а в окружающей среде стали доминировать типы, которых Шурик совсем еще недавно ловил и отправлял за решетку. И они не были бы одесситами, если бы не нашли спасительную еврейскую бабку или троюродную тетку.

Они поселились в нашей желтого кирпича шестиэтажке, что на углу 13-го Брайтона. Двери наших квартир выходили на одну площадь. Шурик завел знакомство со слов: «Ну, так ше вы тут вообще делаете в свбодное время? В шахматы, чи ше?»

Он облюбовал скамейку в нашем сквере, скоро оказавшись в центре компании собиравшихся там пенсионеров, и тут же начал разбирать их дрязги, как и полагается работнику райотдела милиции в послании. Его дочь Лариса стала работать в редакции «Репортера» наборщицей. Это придало нашим отношениям некоторый оттенок семейственности. Но лишь оттенок. Вся ее душевная энергия направлялась по телефонным проводам в южную Каролину, где нес военную службу ее сын Коля. Год назад я отвез их всех на вербовочный пункт на Флэтбуш-Авеню, где бледная Лариса подписала документ о том, что не возражает, чтобы ее сын служил в корпусе морской пехоты. До 21-летнего возраста для подписания контракта нужно согласие родителей. Мы с Шуриком одобряли выбор Коли, мальчика спортивного и активного, который заявил после окончания 12 класса, что в колледж не пойдет, а на улице того и гляди попадет в беду. Со стороны это выглядело как проявление высокой сознательности со стороны подростка, который себя знает. Мне этот подросток признался, что вербовщик заверил его, что через три месяца он будет иметь собственную машину. Это резко поднимало ставки Коли среди его товарищей и особенно подружек. По окончании учебки он действительно приехал домой на черном спортивном «додже». Военным кредит предоставляли безоговорочно. Трехмесячный бут-кемп пошел парню на пользу. Он сбросил вес и одновременно окреп. Держался он очень уверенно и явно был доволен своим выбором. Вид внука наполнял Шурика гордостью, Лариса тоже, казалось, успокоилась. Я предполагаю, что внутренне и она была рада такому развитию событий, поскольку на учебу сына в хорошем колледже денег у нее не было, а улица со всеми ее соблазнами представляла реальную угрозу.

От Шурика я знал, что Колин отец умер, когда ему было года три. Он был старше Ларисы лет на 20, что поначалу обещало семейную стабильность. Но у него диагностировали рак желудка, диагностировали с большим опозданием, а борьба за продление жизни в условиях полного отсутствия лекарств оказалась невозможной. «Сгорел за два месяца», – сказал Шурик. После чего он, как говорится, заменил Коле отца. Жили они вместе. И в Одессе, и здесь, в Нью-Йорке.

Лариса была приветливой и симпатичной женщиной. Невысокая и худощавая – в отца, сероглазая, с россыпью веснушек на худощавом лице, с короткой стрижкой светло-каштановых волос и всегда на каблуках, она обращала на себя внимание, но, как я понял, второй брак в ее планы не входил. У нее был сын, был отец, был дом, и у нее явно нигде не подзуживало, если вы понимаете, о чем я говорю. Мне было немного больше 40, и я был холост, она была лет на пять моложе. Но ни разу за несколько лет нашего знакомства она не проявила интереса к сближению. И это при том, что свою работу она получила благодаря мне и чуть ли не на следующий день после приезда в Америку! Ждал ли я от нее благодарности? Нет! Но, я как говорится, был открыт для предложений. Она была, знаете, из таких людей, которые настолько погружены в заботы о близких, что окружающие в ее поле зрения просто не попадают. А если и попадают, то у нее нет никакого стимула, чтобы навестись на резкость и в оказавшемся рядом увидеть человека с какими-то ему одному присущими чертами. Но послушайте, если она так устроена и это никому не мешает, включая меня – потенциального жениха, то о чем переживать?

Но я отвлекся. А история, о которой я хочу рассказать, началась одним погожим сентябрьским утром, когда по причине, я думаю, чисто возрастного характера, я проснулся в половине седьмого утра и осознал, что спать больше не буду. Поднявшись, я почистил зубы, выпил стакан клюквенного сока, надел спортивный костюм, кроссовки и выбежал на бордвок. Дотрусив по деревянному настилу до Вест 12-й улицы, я подошел к колонке напиться и, наклонившись к ней, увидел кошелек. Он лежал в луже – очень худой и насквозь промокший. Я не отрывал взгляда от него все время пока пил, думая, что именно здесь, под настилом, два года назад изнасиловали иммигрантку из Киева. Самому младшему из четверых насильников было 13 лет. Глядя на кошелек, я первым делом решил, что может быть ночью здесь еще кто-то попался в руки молодежи из видневшихся над забором Аквариума многоэтажек. Многоквартирный комплекс для городской

черни носил аристократическое название «Мальборо». Я спустился по лесенке на песок и заглянул под настил. Пострадавших или следов борьбы не наблюдалось. Там и сям валялись мятые банки из-под пива, которые днем подберет нищий, чтобы нажить пятерку на порцию крэка. Я вернулся к колонке, у которой теперь стояла бегунья с моей находкой в руках. Встретившись со мной взглядом, она испуганно спросила: «Это ваш?» – и протянула кошелек мне. Не дожидаясь ответа, она подпрыгнула и побежала дальше в сторону Си-Гейта.

Открыв кошелек, я обнаружил в нем несколько квитанций и в отделении для документов грин-карту на имя Ирины Кудрявцевой – черноволосого очкарика с синими губами. Я потрусил домой, держа находку в руке, в надежде, что ее кто-то заметит. Но в такую рань замечать ее было некому.

Это, значит, было в среду. Обычно среда у нас сумасшедший день – номер отправляется в типографию, и всегда находится тысяча недоделанных мелочей, но, тем не менее, я выкроил несколько минут, чтобы найти в телефонном справочнике двух Кудрявцевых. В одном месте со мной говорили на плохом английском с польским акцентом. Сперва очень обрадовались, услышав про гринкарту, потом потребовали по буквам произнести фамилию владелицы и, наконец, сказали с тяжелым вздохом, что такая у них не живет. По второму номеру включился автоответчик, и мутный голос попросил оставить запись. Я оставил. В редакции я успел воткнуть в номер крохотное объявление о найденном документе в раздел «Разное». Да, забыл сказать: квитанции и кошелек я положил сохнуть на подоконник, а гринкарту бросил в ящик стола. Потом подумал и переложил ее к себе в бумажник. С учетом того, что большинство офисов в нашем городе убирают мексиканские нелегалы, испытывать их честность с помощью такой наживки не стоило. Не думаю, что наши уборщики лазили по столам, но, взяв добровольное шефство над таким важным документом, как гринкарта, я должен был проявлять максимальную бдительность.

Какое значение имеет для нас вся эта история с кошельком? Как нам объяснил классик, если в первом акте на стене висит ружье, то в третьем оно выстрелит. Просто так, для создания стильного интерьера, вешать его не надо. С другой стороны, в американском детективе к ружью нельзя предъявлять те же требования, что и в пьесе о тоскующих от безделья русских интеллигентах. В детективе автор умышленно вводит в рассказ необязательные детали, которые не дают читателю возможность сразу догадаться, кто убийца. Специально для выполнения этой задачи существуют такие персонажи, как Доктор Ватсон, хотя изобрел их не Конан Дойл, а нью-йоркский газетчик Эдгар По. Газетчик?! Очень хорошо, что вы слышали про «Ворона» и «Убийства на улице Морг», но на жизнь классик американской литературы зарабатывал газетной поденкой. Представьте, что По принес бы своего «Ворона» в редакцию «Репортера». Я просто вижу, как наш главред – Леон Клопман по прозвищу Лева Циклоп сунул бы дужку очков в рот и, откинувшись на спинку кресла, сказал:

– Эдик, это – гениально, но для газеты я бы предпочел сокращенный вариант. Ну, подумай, кто в наши дни способен прочесть 18 куплетов? Краткость – сестра таланта и гарантия того, что читатель доберется до финала.

Эдик, наверное, поджал бы свои тонкие губки и сказал:

– Леон, я бы попросил вместо слова «куплет» употреблять более подобающее случаю слово «строфа».

– Эдик, я тебя умоляю, не придирайся к словам! Я хочу тебе только хорошего, поэтому моя рекомендация – восьми куплетов, в смысле – строф, вполне достаточно! Идеальное число – пять. Что до гонорара, то мы с тобой рассчитаемся по самой высокой расценке – 25 долларов. Но ты же знаешь, мы всегда рады хорошей статье на наши иммигрантские темы. Хорошая статья это 50 долларов. Две статьи – сто. При этом я знаю как никто, писать статью чуть проще, чем хорошее стихотворение. Я прав?

Первый гонорар По за «Ворона» составил 9 баксов. Сумма кажется смехотворной, но, напомню, что через год после написания своего самого знаменитого стихотворения По снял с юной

женой домик в Бронксе, за который вносил пять долларов в месяц! На что хватит 5 долларов в наши дни? А 25, которые бы ему предложил Циклоп? Не спрашивайте! Но и сегодня поэт может рассчитывать на благотворительный порыв издателя. Хотя и не такой щедрый, как в дни Эдгара Аллана По. Интересно, что первый издатель, которому По показал своего «Ворона», это был владелец филадельфийского Graham's Magazine, публиковать поэму отказался, но дал ее автору 15 долларов. С барского плеча, так сказать. В дни, когда наш главред пребывает в благодушном настроении, он может пригласить забредшего в редакцию служителя муз в соседний Dunkin Donuts и угостить кофе с глазированым пончиком. Как мельчает литературный люд, и особенно – в иммигрантской среде!

Короче говоря, история с потерянным кошельком может быть всего-навсего трюком для отвлечения внимания. А может и не быть! Но терпенье, читатель, история недолгая, ты доберешься до ее конца быстрее, чем думаешь.

Итак, впереди у меня было четыре выходных, и я собирался провести их на пляже. Сентябрь – мое любимое время года. Вода еще не остыла, а пляжи пустеют и становятся чище, радостные детские вопли, горький плач и изматывающие румбы из бум-боксов стихают. Шумный и грязный Брайтон-Бич становится неузнаваемо тихим и чистым. Я уже предвкушал, как брошу поближе к воде полотенце и поваляюсь на нежарком солнышке с только что купленным Миланом Кундерой. Книжка называлась «Медлительность». Я купил ее, только пробежав первые несколько страниц. Медлительность – это именно то, чего мне так не хватало в моей репортерской жизни. Медлительности и покоя.

Из редакции я повез газету в типографию в Квинс, на обратном пути попав в пробку. Из-за аварии перед выездом на Проспект-экспрессвей два ряда были закрыты, машины втягивались в одну открытую полосу бампер к бамперу, как черепахи. Домой я вернулся часов в девять. Ложиться спать было рано, а делать – нечего. Я настрогал себе одесский (он же греческий) салат: помидоры, огурцы, лук, брынза, оливковое масло, соль, перец, стакан белой рецины и, употребив его с первой половиной шоу Хеннети и Колмса, пошел в сквер, надеясь сыграть партию в шахматы. Шурика на месте не было, и когда я спросил у доминошников, где он, один из них кивнул в сторону – в густой тени под платанами виднелись две фигуры. Худой был без сомнения Шуриком. Подойдя ближе, я узнал во втором Изю по прозвищу Толмач.

В прошлой жизни Изя был школьным учителем английского языка. В этой он возил безъязыких пенсионеров по разным городским организациям соцобеспечения, выясняя, почему им прекратили выплату пособия, недодали фудстемпы или еще что-то в том же роде. Брал он за эту услугу 25 долларов в день и пользовался повышенным спросом. Его охотно ангажировали работающие дети, у которых не было ни времени, ни желания возить своих стариков в город и убивать время в очередях.

Изя был явно встревожен и при моем появлении замолчал.

– Это свой парень, можешь не стесняться, – успокоил его Шурик.

– Я знаю этого парня, – ответил Изя. – Он потом такое напишет в своей газете, что мало не покажется.

– Изя, кончай, ты имеешь дело с порядочными людьми. Я хочу, чтобы он услышал твою историю еще раз, только с подробностями. Может, он на свежую голову подскажет нам что-то дельное.

– Я должен сесть... – сказал Изя. – Я так нервничаю, что у меня дрожит в ногах.

Шурик осмотрелся по сторонам и кивнул на скамейку. Мы с Изей сели, Шурик остался стоять.

Начало бессонной ночи

– Ой, – начал Изя. – Когда я говорю, я чувствую, как у меня поднимается сахар. Значит, вчера ко мне позвонил один человек и назвался Николаем. Он сказал, что мой телефон ему дала его сестра Мила. Ее маму я возил на Юнион-сквер две недели назад.

– Ты помнишь эту Милу?

– Как их можно всех помнить? – ответил Изя. – Каждый, кто ко мне звонит, говорит, что ему мой телефон дала сестра, брат, кто угодно. Я говорю: нет проблем, дайте адрес и поехали. На что он говорит: мы за вами заедем сами. Я ему говорю: если вы можете заехать за мной, так почему вам самим не отвезти свою маму, куда ей надо? Он говорит: я бы завез, но я не сильно говорю по-английски. Я себе думаю: хорошенькое дело, он еще не сильно говорит, но уже разъезжает на машине! А я здесь живу 19 лет и езжу на велисапеде!

– Ну, допустим, на велосипеде ты ездишь, потому что ты – зажим-контора, – заметил Шурик. – Так ше же дальше с этим Николаем?

– Кто, я зажим-контора? – обиделся Изя. – Ты что, знаешь, какие расходы у приличных людей? На прошлой неделе у Брони была пятая годовщина со смерти мужа. На позапрошлой – день рождения у моей племянницы Мишеллочки. Так с чего я им несу конверт? Со своей пенсии? Щас!

– Давайте вернемся к делу, – вмешался я. – Он за вами приехал?

– Он за мной приехал в новеньком «Линкольне» с темными стеклами. Когда я сел внутрь, так понял, что я влип. Там не было ни мамы, ни папы. Там сидело два таких грузина, что они могли меня взять за руки и за ноги и выкрутить, как тряпку.

– Откуда ты знаешь, что это грузины? – перебил Шурик.

– Ну, что я, грузин не видел? – удивился Изя. – Короче, я уже понял, что лучше не спрашивать, куда мы едем. И они, кажется, тоже поняли, что я этим вопросом не интересуюсь. На всякий случай, я только спросил, уверены ли они, что им нужен именно я. Они мне кивнули. Ехали мы минут пять, от силы десять. Потом остановились. Водитель опустил стекло и сказал кому-то: «Доктор Максимов». Кому из нас нужен был доктор, я не знаю. Но мы поехали дальше. Вышли на какой-то захолустной улице и тут же прошли в дом.

– А что за улица?

– Если бы мы были на перекрестке, так я бы сказал. А это было посреди квартала. Значит, заходим внутрь. За столом сидит молодая женщина. Светленькая такая. Под левым глазом фуфляк. Рот залеплен дак-тейпом. Руки тоже перемотаны дак-тейпом.

Один мне говорит, чтобы я сел рядом с ней. Я сажусь. Он мне говорит – будешь переводить. Потом говорит ей: «Еще будешь орать, еще раз получишь по морде». От этих слов мне стало нехорошо. Чтоб женское лицо назвать мордой... Меня так не воспитывали. Но я перевел. После этого они сняли ей дак-тейп со рта.

Она говорит: «Дайте мне пить». Я перевожу. Они говорят: «Пока не найдем твоего, я извиняюсь, факанного начальника, не получишь ни пить, ни есть. Понятно?» Я перевел.

Один из них говорит второму: «Я бы все-таки дал ей пить, а то она может перекинуться». Второй, я извиняюсь, отвечает: «Ни хрена подобного!» Я спрашиваю: «Это переводить?» Так он на меня так посмотрел, что я понял, что это можно не переводить.

Из дальнейшего диалога, который передал нам Изя со своими комментариями, мы поняли, что грузины захватили девушку по имени Поли как заложницу, хотя им нужна была не она, а ее начальник, которого звали Майком. У девушки с собой был сотовый телефон, и они надеялись, что рано или поздно этот Майк ей позвонит, и они поймают его на нее, как на живца. Под конец, по словам Изи, женщина стала рыдать и говорить, что этот Майкл обманул ее так же, как их, и глупо было бы ждать, что теперь он объявится.

– Но, что мне показалось интересным, – добавил Изя. – Во время разговора я ей говорю на английском, чтоб те не поняли – ты, мол, держись, если я отсюда, выберусь, так я немедленно позвоню куда надо. Так она мне отвечает – не надо никуда звонить! Слушайте, я бы удивлен, но с другой стороны, если она так говорит, так она знает, что она делает, правильно? А какая она была беззащитная! – Изя свел руки на груди. – Она так просила их: «Пустите меня, пустите меня, я же ни в чем не виновата...» И один из них, я видел, таки ее жалел, а второй сказал – ничего подобного! Если он захочет, он тебя найдет, если ты захочешь, ты его найдешь.

Тут я должен был вмешаться. Я сказал: «Джентельмены, я не могу здесь сидеть два дня, пока у вас зазвенит телефон. У меня диабет. Если я вовремя не приму инсулин, так вам надо будет срочно искать другого переводчика». Что же они? Они посмотрели друг на друга и отвезли меня обратно, чтобы я взял шприц и инсулин. Один из этих жлобов поднялся со мной в квартиру, а я пошел в ванную, якобы пописать, и оттуда вылез через окно на пожарную лестницу. Но я не стал спускаться во двор, потому что он же меня мог поймать снизу. Так я спустился до третьего этажа и постучался в окно к Броне.

– Слушай, прямо как в «Трех мушкетерах», – сказал Шурик. – Так ты еще имел ночь любви?

– Шурик, перестань шутить. Это серьезное дело, – голова у Изи начала мелко трястись. – Может быть, она и хотела более близких отношений, но все, что я мог себе позволить в этих условиях, это – чашку чаю. Больше я не мог, так я вынужден был прийти сюда. Но у меня такое ощущение, как будто они ищут меня по всему Брайтону.

Идти в полицию или не идти?

– Ну, что ты скажешь? – спросил меня Шурик, прикуривая новую сигарету от старой.

– А что говорить? Я только удивляюсь, что вы до сих пор не позвонили в полицию.

– Минуточку, – Изя выдвинул руку в моем направлении. – Не все так просто, как вам тут всем кажется. Значит, я сейчас позвоню в полицию. Они приедут со всеми своими сиренами и собаками. А эти люди не такие шлимазлы, как хотелось бы. Они спрячутся, а полицейские увидят, что никого нет, и уедут. А те вернутся и скажут мне: «Изя, зачем же ты звал этих людей? Мы тебя об этом просили?»

– А я знаю, где она, – сказал я. – Доктор Максимов живет в Си-Гейте. Си-Гейт охраняется частной полицией. Посторонняя машина туда может въехать только через КПП, где водитель должен сказать, к кому едет. Отсюда туда ехать минут 10-15.

– Ты знаешь этого Максимова? – спросил Шурик.

– И очень хорошо.

Володя Максимов на самом деле был не доктором, а экстрасенсом. Я несколько раз интервьюировал его для «Репортера». В частности, когда пропал знаменитый боксер Кобзев, и Максимов нехотя сказал, что его, скорее всего, уже нет в живых. Так оно и вышло. Парня, точнее его останки, потом нашли в Нью-Джерси.

– Идем, от меня позвоним.

Когда мы направлялись к нашей парадной, Изя пугливо осматривался по сторонам, и Шурик, легонько хлопнув его ладошкой по макушке, сказал:

– Изя, прекрати бздеть, я же рядом!

Он едва доставал Изе до плеча.

– Слушай, старик, – отвечал Максимов на вопрос, нет ли у него каких-нибудь знакомых грузин в Си-Гейте. – Тут на меня уже жалуются. Когда кто-то хочет проехать на наш пляж, он говорит, что он к доктору Максимову. Работает как «Сим-сим, откройся». Если бы у меня было столько клиентов, я бы уже был счастливым человеком.

– Они не профессионалы – сказал Шурик, когда я повесил трубку. – Так отпустить Изю могли только последние лохи. И пить ей не давать. Это неумно. Они просто злые, как собаки.

– Наверное сообщить об этом происшествии в полицию надо, но осторожно. – сказал Изя. – Чтобы они ехали не ко мне, а туда к ним. Потому, что если не начать действовать, так они еще ее убьют.

Помолчав, он добавил:

– А потом они убьют меня. Потому что я – единственный свидетель.

– Ты таки не лишен здравого смысла, – отметил Шурик.

– Шурик, – снова затряс головой Изя. – Если ты не прекратишь меня подначивать, я тебя просто пошлю подальше. Потому что тебе шуточки, а речь, между прочим, идет о человеческой жизни...

– Изя прав, – сказал я. – Надо звонить в полицию. У меня там есть знакомый сержант по связям с общиной – Питер Суарес. Если его сейчас нет, можно поговорить с дежурным. Я им все объясню.

– Дежурный, а обычно это какой-нибудь лох, будет два часа терзать тебя вопросами, а когда они, наконец, доберуться до этого Си-Гейта, труп уже не будет даже комнатной температуры,– сказал Шурик.

– Шурик, поверь мне, они знают, кого и куда посылать. Я звоню.

– Хорошо, а если это не Си-Гейт? – возразил Шурик. – И почему она не хотела, чтобы Изя звал полицию?

– Откуда я могу знать? Может, они напару с этим Майклом продавали героин. Или ракеты СС-20. Ей что эти грузины, что полицейские – один хрен.

– Слушай, Дима, – сказал Изя, – ты – хороший парень. Я могу у тебя переночевать?

– Ночуй, конечно.

– А что из себя представляет этот район? – спросил Шурик.

Я достал с полки телефонный справочник, в который была вложена подробная карта Бруклина. Развернув ее на столе, показал Шурику полуостровок на западной оконечности Кони-Айленда.

– Хм, – сказал он, отрываясь через минуту от карты, – пять улиц вдоль и десять поперек. Его можно обойти за полчаса. А чего бы нам не съездить тоже к доктору Максимову?

– В 12 часов ночи?

– А как туда еще можно попасть?

– Можно попытаться пройти через пляжи.

– Ты же говоришь, что на пляж едут на машине.

– На машине едут те, кто не хочет оставлять ее в черном районе, который вплотную примыкает к Си-Гейту. А пешком можно пройти без особых проблем.

– Ты можешь нас туда отвезти? – спросил Шурик.

– Кого нас? – подпрыгнул Изя. Я никуда не собираюсь ехать! На улице – ночь. Тоже мне, понимаете ли, Шерлок Холоймес! Лучше бы я вообще никому ничего не говорил. Правильно говорит Броня – язык твой враг мой! То есть наоборот – моим врагам мой язык. Сидел бы тихо, и все обошлось. Они же не знают, что я понял, куда они меня возили.

– Ой, кажется, мы уже наложили полные штаны, – сказал Шурик. – Кажется, даже уже начало пахнуть.

Изя ничего не ответил. Он смотрел на Шурика ненавидящим взглядом, и голова его мелко тряслась.

В полиции

– Короче, вы как хотите, а я звоню в полицию.

Я набрал номер 60-го участка и попросил «*о*фисера» Суареса. Я всегда спотыкаюсь о слово «*о*фисер» с ударением на первом «о», когда речь заходит о полицейских. Дело в том, что у наших иммигрантов это слово ассоциируется с офицерским званием. Между тем *о*фисерами зовут только рядовых ментов, в смысле обычных патрульных. Если назвать так какого-нибудь лейтенанта или капитана, те сильно обидятся.

– Я только что видел его, – ответил дежурный. – Не вешайте трубку.

– Вам крупно повезло, – сказал я Шурику и Изе, прикрыв трубку рукой, и тут же услышал на другом конце провода:

– Дима, привет! Я думал, ты уже спишь!

– Русский репортер никогда не спит, – сказал я наш редакционный лозунг. – Питер, у нас тут произошло похищение.

– Похищение?! Хочешь, чтобы я подъехал куда-то, или ты подъедешь к нам?

Я посмотрел на скорчившегося от ужаса Изю. Полуночная встреча с полицией, которая наверняка затянется на несколько часов, была бы для него слишком большой нагрузкой.

– Я сейчас подъеду.

– Изя, – сказал я, вставая, – ложитесь на диван, накройтесь пледом и не высовывайте носа наружу. Я буду часа через два. Спите.

– Я не могу спать без валидола.

– Могу предложить только рюмку коньяка.

– Даже лучше! – сказал Изя.

На лестничной площадке Шурик попросил, чтобы я подождал его, и зашел в свою квартиру. Он появился на улице через несколько минут и сказал решительно:

– Значит так, перед тем, как ехать в участок, отвезешь меня к этому Си-Гейту.

Я высадил его за несколько кварталов до ворот со шлагбаумом и будочкой, в которой виднелась фигура полицейского. Шурик, сунув руки в карманы брюк и мерцая в темноте сигареткой, направился к шумящему в темноте морю, понемногу забирая вправо. Когда огонек сигаретки исчез, я развернулся и поехал в участок.

Суарес, к счастью, не заставил меня ничего писать, а составил рапорт сам. После чего ушел к стойке диспетчера, и скоро я увидел, как тот подозвал несколько куривших и обменивавшихся шумными шутками детективов в джинсах и коротких куртках. Пока Суарес говорил с ними, я видел, как у них посерьезнели лица. Получив указания, они молча вышли из участка. Суарес вернулся и сказал, что все под первоначальным контролем.

– Этот дед никуда от тебя не уйдет? – спросил он.

– Вряд ли. Он перепуган насмерть.

– А ты уверен, что он за собой никого не привел?

– Надеюсь, что никого.

– Все равно нам придется его потревожить. – Он взял ключи со стола. – Ну, что – поехали?

– Поехали, – ответил я, с тоской осознавая, что мой короткий отпуск начинается с бессонной ночи.

Еще два слова о Питере Суаресе. Он родился в Доминиканской республике, но вырос в Нью-Йорке. После школы пошел в полицейскую академию, но, уже работая патрульным, женился на пробивной девушке, которая решила продвинуть его по службе в соответствии со своими представлении об Американской мечте. С ее подачи он поступил в школу уголовного права Джона Джея, получил свою нынешнюю должность и сменил ментовскую форму на скромный серый костюмчик. Судя по всему, следующим его местом работы должна была стать окружная прокуратура. В участке он отвечал за связи с общиной. Это должность была создана специально для укрепления доверия между полицией и местными жителями. Раз в месяц Суарес созывал местную общественность на встречу с командованием участка, где высказывались пожелания и предложения по поводу положения дел в районе. Эта система работала замечательно, поскольку у людей был как бы свой человек в полиции, с которым можно было обсудить массу вопросов, не требовавших срочного вызова машин с сиренами и собаками, как выразились только что мои друзья. Скажем, появления бездомных на бордвоке или подозрительных молодых людей в сквере. Полиция таким образом получала информацию о том, что происходит в районе, и временами даже реагировала на нее. Особенно, если близились выборы, и на собраниях в участке появлялись местные политики и их потенциальные сменщики. Перед выборами они начинали сильно болеть за безопасность электората. Будучи представителем местной прессы, я ходил на эти собрания, как на работу. Суарес явно ценил во мне то, что я не гонялся за дешевыми сенсациями и не раздувал из мух слонов. Поэтому мы были с ним почти в приятельских отношениях.

Размышления репортера

Как бы ни любил свою работу репортер, всегда бывают дни, когда он начинает завидовать тем, кто работает с 9 до 5, независимо даже от того, какую зарплату он получает. Не без того, что зарплата определяет отношение человека к самому себе – богатый уважает себя больше, чем бедный, но это не делает первого счастливей. Я знаю сколько угодно несчастных богатых людей. Они болеют так же, как бедные. Им изменяют жены. Обычно от скуки и, как правило, с другими богатыми. Поскольку те богатые такие же скучные, как и мужья, они в конечном итоге возвращаются в семью. Наверное, поэтому у богатых процент разводов меньше, чем у бедных. Потом богатые супруги понимают, что делить все нажитые ими материальные блага так сложно и накладно, что в целях экономии они предпочитают терпеть друг друга. Наша эмиграция не знала ни одного шумного бракоразводного процесса. Если терпеть уже совсем невмоготу, один из супругов предпочитает убить второго, но не доводить дело до суда. У нас тут была одна Рита Глузман, так она порубила родного мужа на куски. Интересно, что помогал ей в этом даже не любовник, что хоть как-то объяснило бы эту кровавую историю, а брат. Кое-как отмыв квартиру и упаковав останки в пластиковые пакеты для мусора, брат пошел топить их в реке. Там он наткнулся на полицейского, обратившего внимание на то, что у этого самодеятельного мясника штаны по колено в крови.

Глядя на собирающуюся в «Бруклинской микропивоварне» на Пятой компьютерную интеллигенцию – наш знаменитый средний класс с двумя детьми и одним 30-летним моргиджем – я думаю, что эти люди куда счастливей миллионеров-врачей и адвокатов, хотя живут как будто невыразительной, на русский взгляд, жизнью: болеют за своих “Янкис”, собираются за пивом, чтобы посмотреть очередной матч, пьют за победу или за поражение, потом обсуждают шумные судебные процессы, матерят адвокатов, которые за деньги доказывают, что черное это – белое, клянут присяжных, которые не видят, что черное это черное, перед очередными выборами тему юриспруденции сменяет тема налогов и дороговизны медицинских страховок. Посредством спорта, судебных процессов, политики и пары бутылок «Сэма Адамса» они живут жизнью страны.

Русские в массе своей спортом не интересуются. В политику вникают на уровне внешнего вида кандитатов: посмотри на него – он же вылитый идиот! Самой содержательной частью их бесед является пересказ новых анекдотов. Именно поэтому им для общения не хватает одного пива. Им нужен изобильный стол, который займет их, и шумная музыка, которая заменит разговор. Мой коллега Володя Козловский говорит, что за моей позицией стоит скрыто протекающая классовая ненависть. Может, и так. Достаток притупляет чувства, а бедность их стимулирует.

Взять, к примеру, моего соседа Витю Ленца. В Одессе он был инженером-наладчиком. Летними вечерами его можно было встретить на бульваре, где он со своей фирменной усмешечкой и набором обтекаемых фраз обсуждал текущие события и ел пломбир за 19 копеек. На соседней скамейке сидела с подругами его жена Таня, работавшая бухгалтером на молочном заводе, благодаря чему в их доме всегда был полный ассортимент продукции их предприятия. Они, как говорится, неплохо жили. И это придавало Ленцу уверенности в себе. Он был всезнающ и самодоволен. Потом совок накрылся, и Ленцы приехали в Нью-Йорк, где попали в полную зависимость от пособия велфэра. Бедность скоро довела Витю до того, что он стал раздавать на улице рекламные листовки какой-то пиццерии. Это была довольно-таки утомительная и не очень хорошо оплачиваемая работа. Витя тут же вызверился на Америку, назвал Нью-Йорк местечком самодовольных идиотов, которых не волнует ничего, кроме своевременного внесения платежа по удачно взятому моргиджу. Моргидж является центром интеллекуальной жизни этих карликов. Все их мысли вращаются вокруг него, как вокруг тотемного столба. И если этот столб упадет, то катастрофа неминуема. И поэтому надо работать. Хорошо и много. На износ и до самой смерти. Вите это не нравилось, но годика через два примитивная американская система стимуляции жизненного успеха заставила Витю побежать в ее ритме.

Он стал говорить с пулеметной скоростью, что оставляло ему больше времени на устройство жизни. Он нашел место клерка в приемной второразрядного колледжа, куда новоприбывшие

русские шли приобретать так называемые ходовые специальности. Там он очень точно подметил одну чисто русскую особенность абитуриентов. Они не могли просто спросить: «Как найти такую-то аудиторию?» Или: «Когда принимает консультант по предоставлению финансовой помощи?» Прежде всего, они сообщали, что у них уже есть настоящее университетское образование, которому не нашлось применения в прагматичной и бездушной Америке. Помимо простого ответа на простой вопрос они требовали к себе жалости и одновременно уважения. У Вити это вызывало отвращение. Эту реакцию можно было бы назвать вполне естественной, если бы Витя еще недавно не был бы сам точно таким же обиженным иммигрантом с интеллигентным прошлым.

Кончилось тем, что Витя как-то незаметно окончил этот же колледж, получив специальность техника по обслуживанию медицинского оборудования. Он быстро нашел работу в городской больнице, вступил в профсоюз и получил хорошую зарплату. Еще через год он получил моргидж и купил квартиру в красивом кооперативном доме прямо напротив нашего. Теплыми вечерами его можно видеть в сквере, где он со своей фирменной усмешечкой обсуждает с товарищами текущие события и делится соображениями о том, какой из карибских курортов лучше и почему. Когда к скверу подъезжает с музыкальным звоном грузовичок мороженщика, он поднимается и идет к нему. «Таня, что тебе взять?» – спрашивает он у жены, сидящей с подругами на соседней скамейке. «Возьми эскимо», – отвечает она. Его Таня тоже неплохо устроилась. Она окончила курсы английского языка, встала на кассу в обычном универсаме, потом на нее обратили внимание, и после ряда смененных позиций и магазинов она получила место менеджера манхэттенского Whole Food. Работа позволяет ее семье питаться органическими продуктами и выглядеть сытыми и довольными собой людьми. Умышленно не пишу самодовольными. В конечном итоге они добились всего своими силами, если, конечно, не считать годика-другого на не давшем им утонуть велфэре. Теперь они, как у нас тут говорят, добропорядочные налогоплательщики. Я не исключаю, что их дочь, которая учится в Нью-Йоркском университете, считает их про себя мещанами и, может быть, даже стесняется их в обществе своих изысканных соучеников. Но для меня они – совершенно нормальные люди.

Продолжение бессонной ночи

Вернемся к нашему детективу. Итак, мы с Суаресом подъехали к дому. Брайтон-Бич авеню была совершенно пустынна. Ночной ветерок с шорохом тащил по земле рекламные листовки и мятые целлофановые пакеты. В квартире никого не оказалось. Я позвонил в соседнюю дверь. Открыла заспанная Лариса.

– Папа у тебя? – спросила она еще до того, как я успел спросить ее, дома ли он.

– Он решает какую-то проблему с Изей Толмачом, – о-очень уклончиво ответил я. – Я думал, он уже вернулся.

– Нет, не вернулся.

Пока Суарес заглядывал в мои в стенные шкафы, я набрал номер телефона Изи. Послушал, как на том конце включился автоответчик, и повесил трубку.

– Если он появится, позвонишь мне, я буду в участке. – Зевая, Суарес посмотрел на часы. – Черт, второй день не могу поспать по-человечески.

– Ты мне говоришь!

Суарес уехал, а я повалился прямо на диван, где должен был сейчас спать Изя. Не успел закрыть глаза, как задребезжал телефон.

– Привет, это я, – сказал Суарес. – Ты знаешь Шурика Осипова?

– Да, а что случилось?

– Приезжай, он здесь, и мне нужен переводчик.

Но я не бросился спасать Шурика. Я пошел на кухню и приготовил себе кофе.

В участке печальный Шурик сидел на казенном пластиковом стуле и смотрел на меня глазами провинившегося первоклашки.

– Ты его знаешь? – спросил Суарес.

– Еще как!

– Его арестовали в Си-Гейте за то, что он находился на территории чужой собственности.

– Питер, – сказал я. – Это – мой сосед. У старика – альцхаймер. Он просто не отдает себе отчета, где он находится.

– Это точно?

– 100 процентов. Отдай его мне, я его доставлю домой и мы все ляжем спать.

– Я тебе его отдам со штрафной квитанцией на 75 долларов, но если у него альцхаймер, то пусть его родственники приложат к квитанции справку от врача, в квитанции напишут «не виновен» и пошлют в суд в течение 30 дней.

В машине Шурик нарушил тишину первым:

– Пока ты выяснял отношения со своими друзьями, я ее почти нашел.

– Что значит почти?

– Ее уже нет в Си-Гейте.

– А где же она?

– Не знаю. Ее посадили в тот самый «Линкольн» и увезли.

– Ты что, видел ее? Вообще, ты можешь рассказать, что произошло?

– Я могу. Как я и предполагал, в этой деревне пять улиц вдоль и десять поперек. Райончик – дохлый. В таких местах «Линкольны» под каждым домом не стоят. Поэтому этот «Линкольн» я нашел почти сразу. После этого я встал у дома и стал слушать, ше там происходит. Сперва было тихо. Потом я перешел на другую сторону улицы и увидел на втором этаже мужика с телефоном. Через минут пять он вышел на улицу. Осмотрелся и говорит кому-то в доме: «Рафик, поехали!» А потом из двери вышел этот Рафик, и с ним была эта подруга.

– Дела, – сказал я. – Как ты думаешь, она еще жива?

Шурик пожал плечами.

– Я знаю...

– Ты номер машины заметил?

– Какой номер, когда я без очков.

– Я одного не понимаю – почему нельзя было все это сказать в участке?

– А какой смысл? В доме все равно никого нет. Я зашел внутрь, походил туда-сюда. Там никто постоянно не живет. Его, видно, сдают приезжим. Вот, а через пять минут меня уже взяли за жабры. Кстати, что мы решим насчет того, что они грузины?

– Какая разница, кто они?

– Разница есть всегда. Например, они – грузины, которые приехали в США, не зная английского. То, что они эмигранты – маловероятно. Грузины вроде бы не эмигрируют. Значит, какие-то бизнесмены. Лимузин взяли либо напрокат, либо у друзей. Значит, друзья с бабками. Теперь вопрос – грузины ли? Кто вообще сказал, что они грузины?

– Изя.

– А ше, Изя знает грузинский? Или грузинский похож на идиш?

– Так что ты хочешь сказать? – устало сказал я.

– Думай. Кто у нас репортер, ты или я?

Я тупо смотрел на него. Ему не было сносу. Он курил, держа сигарету в кулаке, словно прикрывая ее от ветра, сухой, темный, всегда находящийся в одном и том же состоянии духа и тела.

– Я сейчас отрублюсь, – наконец сказал я. – Скажи, что ты нашел?

– Ше тебе говорит имя Рафик?

– Ничего. Может быть, он бухарский.

– Если они бухарские, значит они все-таки иммигранты, а иммигранты могли бы говорить по-английски сами. Плохо, но сами. Тем более, особо сложных разговоров там не было. Дальше, если бы они жили здесь, они бы побоялись вот так вот кого-то похищать. Они – залетные, которые знают, ше они здесь ненадолго. И они откуда-то с Кавказа.

– Все ясно, это – чеченцы.

– Этого мы утверждать не можем. Но мы можем предположить, что приехали сюда делать какие-то гешефты, а их взяли местные ухари.

Я ничего не мог к этому добавить. Я был уже на автопилоте и хотел одного – закрыть глаза.

– Будем считать, что с этим все ясно. Теперь второй вопрос: где Изя?

– Следов насилья нет. Дверь не взломана. Домой он пойти не мог, так как боится, что там его поймают. Руб за сто, что этот старый шлимазл пошел к своей Броне. Можешь ложиться спать.

Я опрокинулся на диван, прямо где сидел. Я ощутил, что под щекой у меня оказался лист бумаги, но это не помешало мне заснуть. Утром я обнаружил, что на листе было написано:

Утро второго дня

«Димуля, я бы поняла, если бы застала в твоей постели женщину, а не какого-то старого Изю. Где ты его взял? Он ушел, а я прождала тебя час и тоже ухожу. Буду завтра на пляже часам к 12.

Лена».

О том, кто такая Лена, я вам сообщу позже, главное, что следовало из записки, это то, что Изю никто не похищал. Видно, ему стало неловко при внезапном появлении моей знакомой, и он решил уйти. Я набрал номер его телефона, но у него снова включился автоответчик.

Было десять часов. Покачиваясь, поплелся под душ. Я включал горячую воду, потом холодную, потом горячую, потом холодную. Закончил на холодной и стоял долго под ледяными струями, наполняясь если не свежей энергией, то раздражением от того, что вынужден испытывать этот жуткий холод вместо того, чтобы лежать в теплой постели и набираться энергии в здоровом глубоком сне.

Когда меня уже всего трясло то ли от мороза, то ли от злости, я выбрался из ванной и, набросив халат, направился на кухню, где меня ждал, дымя сигареткой, мой неутомимый сосед. Чайник на плите уже посвистывал.

– Слушай, – сказал Шурик. – У тебя есть какие-то знакомые туристические агенты?

– Есть, а что ты от них хочешь?

– Если мы допустим, что эти рафики прилетели сюда дня три назад, есть вероятность, что мы можем найти их имена в списках пассажиров. Пусть они там прощупают это дело через свои компьютеры. В Одессе я бы это сделал за пять минут.

– У тебя, что, есть их имена?

– Рафик.

– Ну, и как ты себе это представляешь? В каждом самолете летит человек по двести. Значит, мне надо список имен всех пассажиров?

– Сделай иначе. Узнай, есть ли прямые рейсы из Баку или Еревана.

Зная, что от Шурика не отделаться, я подошел к телефону и позвонил в рекламировавшееся в «Репортере» агентство «Панорама-трэвел».

Выслушав меня, владевшая агентством Ира Синобичер сказала:

– Дима, без фамилии я ничего сделать не могу. Потом, как я объясню причину этого поиска?

– Ну, представь, что сестра некоего Рафика пытается узнать, когда он прилетел в США.

– А чего она его ищет? Если он прилетел, так он должен ей сам позвонить.

– Допустим, он потерял блокнот с ее телефоном.

– А она забыла его фамилию! – Ира расхохоталась. – Дима, это нереально. Я предполагаю, что тебе нужна распечатка имен всех пассажиров нескольких рейсов нескольких авиакомпаний за несколько дней. Наверное, такую информацию может получить полиция, но не я.

Я повесил трубку и сказал:

– Шурик, мне надоело играть в доктора Ватсона при Шерлоке Холмсе. Я звоню Суаресу.

– Ну и что ты ему скажешь?

– Что? Что мужики – не грузины, а азербайджанцы или армяне, и пусть они их ищут по спискам пассажиров с этих авиалиний.

Я набрал номер, но Суареса не оказалось на месте. Был его напарник Марк Лист, который сказал, что Питер будет только завтра, так как он взял отгул и повел ребенка к зубному врачу. Что-то передать?

– Передай, что я звонил, – попросил я.

Нехреново! Суарес, у которого на участке похитили неизвестную женщину, взял отгул и повел ребенка к дантисту. Хотя в приличном триллере детектив должен был бы бросить все семейные дела и гореть на работе, даже если это грозило бы ему разводом и судебной тяжбой за родительские права. Во-первых, это помогло бы ему продемонстрировать зрителю свою преданность профессии, а во-вторых, порадовать в финале воссоединением с любимой женой и ребенком. А вдруг похищенную убьют? Он об этом думает, слушая зуд бормашинки? Или уже убили? С другой стороны, он мог передать это дело по инстанциям, и им теперь занимается кто-то еще. И теоретически, они должны были позвонить мне. Потому что в своем рапорте Суарес должен был начать историю с моего имени.

Не успел я подумать об этом, как в мою дверь позвонили. «Кто там?» – спросил я в интерком и тут же получил вполне закономерный ответ: «эф-би-ай». Через минуту-другую я пропустил в квартиру двух молодых ребят, один из которых показал мне удостоверение сотрудника ФБР. Система включилась без нашего участия. Я понял, что день мой убит, но ошибся. Разговор длился не более часа. Я с несказанным облегчением сообщил им нашу кавказскую версию, после чего они, оставив свои визитки, вежливо попрощались. У меня с плеч свалилась гора. Честно говоря, я испытал такое облегчение, как будто просто вычеркнул эту историю из сознания. Это мое состояние укрепилось еще больше после звонка Лены, спросившей, не хотел бы я встретиться с ней на пляже.

– Очень хочу, – ответил я и, не без злорадства выпроводив Шурика на лестничную площадку, забросил на плечо сумку с пляжной подстилкой и кундеровской «Медлительностью».

Русский репортер

Пляж был именно таким, как надо – безлюдным и чистым. Я искупался, и вода была именно такой, как я люблю – прозрачной и слегка прохладной. Плаванье для меня всегда представляет некоторое испытание. Я боюсь глубины. В глубине, как я узнал в детстве из романов Жюль-Верна, водятся разные морские гады: акулы, гигантские осьминоги, электрическиие спруты (или скаты), кальмары-людоеды, ядовитые медузы. Отплывая от берега, я часто с ужасом представляю, как из глубины ко мне устремляется с неторопливой уверенностью в беззащитности жертвы темный торпедообразный предмет. В поисках подозрительной ряби или стремительного серпообразного плавника я тревожно оглядываю поверхность вод, пытаясь успокоить себя мыслью, что на брайтонском пляже ничего такого не водится. Но напрасно. Повернув, я устраиваю скоростной заплыв к берегу, яростно молотя конечностями по воде. Опять же, как следовало из одной детской книжки, кажется, Луи Буссенара, некий юноша бежал с плавучей тюрьмы и, чтобы отпугнуть кишевших вокруг него акул, что было сил колотил по воде руками и ногами. Как я сейчас понимаю, беглец не мог этим не привлечь внимание охранников.

Я упал на полотенце и, отдышавшись, взялся за Кундеру. Тот развивал замечательную мысль об ушедшей от нас медлительности жизни, неспособности переживать какое-то значительное событие долго, смакуя каждую его грань, тем более яркую, чем отдаленней она от нас во времени. Он начинал книгу с пересказа истории французского автора прошлого века Вивана Денона о 20-летнем виконте, который волею женской интриги пережил удивительное приключение.

Молодая любовница виконта познакомила его в театре с подругой – мадам де Т. После театра мадам де Т. пригласила виконта к себе. Приняв это недвусмысленное приглашение, виконт был крайне удивлен, поскольку у мадам де Т., об этом все знали, был постоянный любовник – некий маркиз. Прибыв в шато мадам де Т., расположенное на берегу Сены, они поужинали в угрюмом обществе молчаливого старика – мужа хозяйки. После ужина он, сухо простившись, удалился, а

виконта пригласили в сад. Уже стемнело, и в небе сияла полная луна. Шепот близкой реки мешался с шелестом листвы. В саду переломанных черных теней и пятен мертвенного лунного света виконт поцеловал свою спутницу. За первым поцелуем последовала ночь любви, начавшаяся в беседке в глубине парка и завершившаяся в тайной комнатке шато.

Утром, когда утомленный и ошеломленный молодой человек покидал дом, к его крыльцу подкатила карета. Из нее вышел тот самый маркиз, с любовницей которого виконт провел волшебную ночь. Маркиз обнял виконта и со смехом рассказал ему, что тот стал жертвой розыгрыша. Оказывается, его специально отправили в дом мадам де Т., чтобы ее муж решил, что именно он, а не маркиз – ее любовник, и ни в чем не подозревал в дальнейшем маркиза. Интрига навсегда осталась в памяти молодого человека, как навсегда остается в морской раковине неменяющийся шум моря. Весь остаток его жизни был посвящен воспоминаниям об этом удивительном случае. Описав его в новелле, Денон даже не подписал ее своим полным именем, ограничившись инициалами. Удовлетворение тщеславия не являлось целью этого литературного труда. Автор взялся за перо лишь с тем, чтобы по крупицам собрать свои воспоминания на бумаге и еще раз прожить ту удивительную ночь в саду на берегу Сены.

Отложив книгу, я окинул беглым взором свою жизнь и обнаружил, что в ней не было ни одной истории, которая представлялась бы мне сейчас по-настоящему значительной. Меня не тревожила память о женщинах, которых я знал в прошлом. Я любил свою работу, они ее не переносили. То есть сначала она казалась им привлекательной и даже романтичной. Но потом они обнаруживали, что она отнимает столько времени и при этом приносит такой небольшой доход, что связываться с представителем этой профессии просто неумно.

Судя по всему, я допустил ошибку с выбором профессии, но часть ответственности лежит на моих многочисленных друзьях и знакомых. Только приехав в Америку, все мы были одинаково бедны и всем предстояло начать жизнь с нуля. Кто учился, кто делал попытки поставить на ноги новый бизнес. И вот на этом историческом этапе все они очень гордились знакомством со мной. Не сочтите за хвастовство, но, благодаря нашей дружбе, они считали, что принадлежат к цвету нашей эмиграции – талантливой, образованной и потому имеющей блестящее будущее. Я был их справкой об интеллигентности, и меня это просто окрыляло. Я, как говорится, чувствовал себя востребованным. Эта востребованность была лучше денег. Но жизнь шла, и постепенно мои старые друзья стали владельцами прачечных и авторемонтных мастерских, программистами и бухгалтерами, врачами и юристами. В своем новом качестве и при своих значительно возросших доходах они осознали, что это именно они, а не полысевший и располневший репортер этнической газетки, являются талантливым и образованным цветом нашей иммиграции. И знаете что? Они были правы! В Америке талант имеет такое же денежное выражение, как сила, красота и миллион других достоинств. Поэтому вы не ошибетесь, если скажете, что владелец подержаной «тойоты», арендующий студию на Брайтон-Биче, не так талантлив, как владелец особняка на соседнем Манхэттен-Биче, у ворот которого сияет черным лаком 750-й бимер.

Меня об этом предупреждали еще в Италии. Мы поселились в курортном городке Ладисполи, что под Римом. Здесь я пошел в местное отделение Сохнута, надеясь получить работу, поскольку мне не хватало 240 долларов на покупку клетки и билета для собаки. Я вез с собой пуделя, за которого еврейские благотворители платить отказывались. Они спасали евреев. Собак евреев они не спасали, хотя все, кто видел эту собаку, говорили, что в ее глазах живет скорбь всего еврейского народа. В действительности этот скорбный взор выражал ни на минуту не утихающую надежду на то, что какой-нибудь чудесный незнакомец достанет из кармана и протянет ей кусочек колбаски.

Я надеялся получить место преподавателя английского, но посмотрев мое резюме – трудовую книжку – чиновник сказал, что на этой неделе в США отбыл редактор местной иммигрантской газеты, и я могу занять вакансию. Газета называлась «Голос Ладисполи» и выпускалась на двух листах бумаги размером 11 на 17 дюймов, согнутых пополам для удобства чтения. Выходило 8 страниц. До отправки в США я успел выпустить четыре номера и получить за них искомые 240 долларов. Выдававший мне эти деньги симпатичный израильтянин, звали которого, помню, Яир,

сказал: «Там, в США, постарайся найти себе какую-то другую работу. Русский журналист в Америке, это... – он презрительно сморщился, – дрек мит пфеффер...»

Он, конечно, был прав, этот Яир, но так вышло, что когда я приехал в США, «Репортер» дал объявление, что ему требуется журналист-переводчик. Я стопроцентно подходил под это требование. Я окончил иняз, после которого работал в газете. Я был журналистом, и я был переводчиком. Бинго!

За моим звонком в редакцию стояло нечто большее, чем необходимость платить по счетам, которые посыпались на меня, как листья в октябре. Как я уже сообщил выше, мной гордились, и, соответственно, я рвался в бой, стремясь доказать, что отношение ко мне моих друзей и знакомых совершенно обоснованно. Мной начали гордиться в кругу отъезжавших еще в Одессе, потом мной стали гордиться в Ладисполи и по инерции продолжали годиться в Нью-Йорке. И, наконец, последний фактор: когда ты достигаешь какого-то уровня мастерства в своем ремесле, то бросить его сложно. Сознание того, что ты занимаешься своим делом, отчасти компенсирует скромный заработок.

Душевная женщина, читающая эти строки, легко поймет меня и даже посочувствует. В принципе, это поймет любая женщина. Кроме, как показал опыт, тех, которые имели счастье проснуться в моей постели больше двух-трех раз.

Лена ДОСААФ

Но я все время отвлекаюсь, а между тем обещал рассказать про свою подругу Лену, собиравшуюся быть на пляже к 12. В два ее еще не было. Это было в ее духе. Мы были знакомы еще в Одессе. Там ее звали Лена ДОСААФ. Это прозвище ей дал мой друг Сережа Четвертков. Он сказал, что Лена – как добровольное общество, в которое вступили все желающие. Она была девушкой легкого поведения в романтическом смысле этого слова. Она легко увлекалась и легко отдавала своим возлюбленным все лучшее, что у нее было. Каждый находил в ней именно то, в чем больше всего нуждался. Одни отдавали предпочтение ее удивительному умению сосредоточенно слушать и в знак понимания кивать головой. Есть люди, которые говорят с чувством. Она слушала с чувством. Особенно истории про несчастную любовь. В конце таких доверительных бесед рассказчик ожидал дельного совета, и Лена не обманывала этих ожиданий. Обычно она говорила: «Голубчик, я слушала тебя и все время думала, как тебе помочь. И знаешь, что я решила? Пошли эту дуру на хрен! Посмотри лучше, какая перед тобой сидит баба!»

И для пущей убедительности она расправляла плечи, открывая аудитории вид на свой роскошный бюст. После чего она оказывала несчастному помощь.

Другие принимали эту помощь без долгих разговоров, третьи пользовались ее совершенно детской способностью отдавать последнее. Когда-то, сто лет назад, и я стал членом ДОСААФ. Я даже не знаю, стоит ли мне стыдиться этого факта своей биографии, поскольку тогда я стремился стать членом максимально большого числа добровольных организаций.

Появившаяся в Нью-Йорке, Лена нашла во мне старую подругу, с которой можно было выкурить сигаретку, выпить чашку кофе и поговорить о жизни. Некоторые наши одесские знакомые, встречая нас то в кафе, то на пляже, спрашивали многозначительно – что, у вас *это* снова? Я не знал, что отвечать. Иногда мы действительно просыпались в одной постели. Но преобладала в наших отношениях дружба. Насколько страсть избавляет от необходимости говорить, настолько продолжительные разговоры нейтрализуют чувственность. Если дочь Шурика – Лариса, всегда пугаясь этого, заставала Лену в моем халате, это не обязательно значило, что Лена провела у меня ночь. Она могла просто от нечего делать зайти, приготовить обед и пообедать в приятной компании. В смысле – в моей компании. А халат надеть для удобства.

Она появилась в тот день часа в три, когда с моря уже потянуло пронзительным холодком, и я собирался идти домой. Сев на полотенце рядом со мной, она сказала:

– Извини меня, голубчик. Ты знаешь, когда я уже сложила сумку и собиралась выходить, мне позвонил один мой приятель и сказал, что у него есть для меня хорошее предложение.

– Руки и сердца?

– Если бы! Работы. На Бас-авеню открылся новый ресторан. Какая-то «Вышка». Говорят, очень стильное место и им нужна барменша. Так им порекомендовали меня.

Совсем забыл сообщить, что именно работа барменши отчасти способствовала тому, что вокруг Лены постоянно крутились люди, готовые если не предложить ей руку, то положить ее на нее.

– Сегодня я выхожу первый день. Хочешь прийти посмотреть? Говорят, там очень хорошая кухня. Придешь?

– С удовольствием, – сказал я, поскольку вечером мне делать было совершенно нечего, а главное, я боялся, что Шурик снова втянет меня в свое самодеятельное расследование. Я предпочитал, чтобы этим занималась полиция. И я предполагал, что к выходу следующего номера «Репортера» у меня будет достаточно информации, чтобы привлечь читателя. А дальше пусть эстафету подхватывает «Новое русское слово».

– Не знаю, как теперь быть, – сказала Лена. – Так хотела выкупаться, а уже прохладно.

– Осень. Дни становятся короче и холоднее. Посиди просто на свежем воздухе. Это тоже помогает.

– В моем возрасте мне, кажется, уже ничего не поможет.

– Мне тоже.

– Димуля, ты, надо сказать, не по-мужски кокетлив. В твоем возрасте люди женятся на девках на двадцать лет моложе себя и еще имеют любовниц.

– Молодые любят богатых.

– Ты прямо считаешь, что все женщины такие уже бляди. Ну, есть, конечно, немножко в нас этого, но ты себе найди такую, которая на богатом уже обожглась, а теперь хочет обыкновенного. Чтоб не пил, не курил, не играл в карты и не хотел мальчиков. Найди себе что-то типа меня, только лет на десять моложе. – Она засмеялась, но тут же переключилась на свой обычный поучительный тон. – Голубчик, ты должен срочно жениться. Посмотри на себя. Ты опускаешься. Сколько можно носить одни и те же джинсы? Я недавно заглянула в твой шкаф, у тебя там висит один этот твой серый твидовый пиджак и один парадно-выходной синий костюм. Это – позор!

– Это костюм от Армани.

– Пусть он будет от трех Армани сразу, но я вижу тебя в нем уже хороших пять лет! Такое впечатление, что ты живешь не в Америке, а в Советском Союзе!

Шурик не унимается

Когда я вернулся домой, Шурик, видно, поджидавший меня, тут же вышел на лестничную площадку и прошел следом за мной.

– Шурик, – сказал я, бросая сумку на пол и направляясь в ванную. – Я не хочу больше заниматься этой историей. Ей занимается полиция и ФБР. Я – пас. Во-первых, я хочу пару дней отдохнуть от этих бесконечных новостей, от постоянной необходимости куда-то идти. А во-вторых, я за то, чтобы каждый занимался своим делом. Полиция ищет похищенных, я – пишу статьи в газету.

Перед тем, как я закрыл за собой дверь ванной, я услышал, как Шурик не без обиды в голосе сказал:

– Я, между прочим, занимаюсь *своим* делом.

Смыв с себя песок и соль, я заварил кофе, соорудил бутерброд с моцареллой, канадским беконом, базиликом, помидорами и майонезом и сел напротив Шурика, который никуда не собирался уходить. «Пусть говорит», – подумал я про себя.

– Ну, хорошо, – сказал Шурик, как ни в чем не бывало. – Давай прикинем одно место к носу и посмотрим на это дело так...

– Какое именно?

– Что какое именно?

– Какое место я должен прикидывать к носу?

– Слушай, не прикидывайся шлангом, – сердито сказал Шурик. – Это так говорят, а ты можешь прикидывать себе к носу то, что тебе больше нравится.

– Понял.

– Короче. Что мы имеем? Выхаренных азербайджанцев – раз. – Он загнул палец. – По меньшей мере, двух жуликов. Один из них это этот Майк, вторая – эта девка. Это – два. Девку они как-то заловили, а Майка хотят поймать на нее, как на живца – три. Пока они не поймали Мишу, девку они не тронут. В смысле не замочат.

– Слава богу, – я промакнул побежавший по подбородку помидорный сок.

– Теперь вопрос, где их искать?

– В Азербайджанском культурном центре при ООН, – сострил я.

– Правильно, – сказал Шурик. – Эти жлобы только что приехали и еще никого не знают.

– А ты откуда знаешь?

– А ше тут знать? Если они новенькие, так им надо искать если не прямых знакомых, то хотя бы близких по крови. Поэтому они пойдут куда?

– В ресторан «Баку», – ответил я, в очередной раз восхитившись про себя профессиональной сообразительностью Шурика. – Или в «Ереван».

– Ну, ты видишь, – он укоризненно посмотрел на меня. – Ты же можешь тоже думать. Так неужели тебе не интересно довести это дело до конца и спасти может быть еще живого человека?

При упоминании о *еще живом* человеке я положил остаток бутерброда на тарелку.

– А что ей могут сделать?

– Я знаю? – пожал плечами Шурик. – Поставить на кодляк могут.

– Что?

– Групповое изнасилование ей могут сделать, так тебе понятней? Но в ближайшие день-два ее не убьют, это точно.

Мы замолчали. Позвонил телефон. Звонил один из фэбеэровских парней. Когда я повесил трубку, Шурик спросил:

– Нашли машину?

Я кивнул.

– Охранник у въезда в Си-Гейт записал ее номер. Ее взяли в аренду на две недели. Некто Мельник. И на это же имя была снята квартира в Си-Гейте. Спрашивают, не слышал ли я о Мельнике.

– Я же тебе сказал, они – не местные. Их сюда привезли и обобрали. Короче, напиши мне на листике список местных восточных ресторанов.

Я знал две «Бухары» – обе на Кони-Айленд авеню, «Баку» – там же, «Узбекистан» и «Сахару». Армянских ресторанов я не знал.

– Вечером сходим в «Баку». – Поймав мой удивленный взгляд, Шурик добавил: – Ну ше, я не понимаю, у американского журналиста не хватит на чашку кофе для старшего товарища?

– Шурик, – снова начал злиться я на настырность соседа. – Вечером я иду в ресторан «Вышка». Меня пригласила туда одна женщина. Это – раз. Два – в русских ресторанах не подают чашку кофе.

– Почему?

– Потому что в русских ресторанах считают, что на чашке кофе ты только испачкаешь чашку и ничего не заработаешь. Ты у них попросишь кофе, они тебя пошлют в «Макдональдс».

– А ше это за «Вышка»?

– Не знаю, только что открылась. У музыкантов есть такое слово «вышак» – это означает высший класс. Может, отсюда...

– А-а, – сказал Шурик. – А у зэков «вышка» означает расстрел.

Вышка

Признаться, Бас-авеню с ее безрадостными двухэтажными домиками, где квартал за кварталом вывески прачечных сменяются вывесками пиццерий и продуктовых лавок, а дайнеры по своему внешнему виду мало чем отличаются от похоронных домов, не кажется самым подходящим местом для русского ресторана. Хотя, вероятно, то же самое думали, когда на Брайтоне появились «Националь», «Одесса» и следом все остальные. Может быть, Бас-авеню тоже ждет расцвет, хотя еще непонятно, станут ли появившиеся здесь русские первыми смертниками или первыми ласточками вторжения в район, где, говорят, итальянцы все еще взимают мзду с новоприбывших.

В поисках парковки я поехал помедленнее и скоро увидел над крышами стоявших у тротуара машин моргающую цветными огнями «Вышку». Вышка над козырьком ресторана была намечена вытянутым в небо треугольником из светящихся желтых трубок с переломанными перекладинами внутри, а сверху над ней вертелся красный огонек, вероятно, изображая огонь.

У входа толпилась молодежь, из репродукторов ревела «Макарена», на связках белых и голубых шариков было написано Grand Opening.

– Здравствуй, голубчик, – сказала Лена, подвигая ко мне бокал красного вина. – Ты мне нужен, как никогда.

– Слушай, что это за нефтяники открыли это место?

– Хозяин из Баку. Накачали там этой нефти и вложили здесь бабки.

– Так зачем я тебе нужен?

– Секундочку, – она сделала джин с тоником подошедшему к стойке усатому мужику и, наклонившись ко мне, тихо стала говорить:

– Я пришла где-то часа за два до открытия. И скоро после этого сюда пришли какие-то знакомые хозяина, и с ними была одна девка. Как мне показалось, она была такая обдолбанная, что еле шла. Они вели ее с двух сторон под руки. Бледная как смерть. Клянусь тебе, когда я ее увидела, мне стало не по себе.

– Она сейчас здесь?

– Да, в подсобке. И ты знаешь, чего я боюсь?

– Ну?

– Что она там врежет дуба, и всех потом затаскают по полиции. Это именно то, чего мне не хватает.

– А кто ее привел?

– Они сидят у тебя за спиной, только не поворачивайся сразу. Четверо за столиком в левом крайнем углу.

Надо ли говорить, что мы подходим к концу нашей истории? Это кому-то может показаться, что Нью-Йорк – большой город и потеряться в нем – проще простого. Даже и Бруклин, с его трехмиллионным населением, большой город. Но, как один раз высказалась моя знакомая художница Юля Беломлинская, все мы здесь живем, как в гарнизоне, где все всё знают обо всех. Орбиты вращения в нашей иммиграции постоянно пересекаются. Любой поиск завершается довольно быстро.

Шурик точно вычислил, что похитители – азербайджанцы и что искать их надо в азербайджанских ресторанах. Кто мог знать, что за названием «Вышка» скрывается ресторан бакинских нефтяников? Я был на сто процентов уверен, что в подсобке лежала эта похищенная Полин. Конечно, она была не обдолбана, а просто обессилела от голодухи и стресса.

– У вас здесь телефон есть?

– Есть в кабинете у Сергея. Это – хозяин.

– Я знаю эту подругу. Ее похитили два дня назад. Я сейчас уйду и вызову ментов. В случае чего, ты меня не знаешь, о-кей?

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, но я уже с опозданием понял, что означает ее взгляд. На плечо мне легла тяжелая рука, и кто-то с сильным восточным акцентом сказал:

– Зачем вмешиваться не в свое дело, да? Похитили-шмохители, может быть причина била, правильно?

– Может быть, – сказал я, пытаясь стряхнуть с себя руку, но меня так крепко прихватили, что проявить независимость мне уже не удалось. С удивительной скоростью – я только успел заметить, как прокрутилось вокруг меня помещение бара и мелькнуло изумленное лицо Лены – меня втолкнули в темный, заставленный ящиками коридорчик, и в конце его, открыв узкую дверь, втолкнули в подсобку. Здесь я получил могучий удар по затылку и рухнул в заклубившийся под ногами сумрак.

Знакомство

Я пришел в себя от ледяного холода, который, казалось, проник мне в самую глубину мозга. Надо мной сидела светловолосая девушка с невероятно бледным лицом, самым выразительной деталью которого был синяк под левым глазом. Голова моя лежала на чем-то твердом и холодном. Я сел, но тут же стены тускло освещенной комнатки стали заваливаться вбок.

– Блин, – сказал я. – Полина, сколько же я из-за вас натерпелся и ради чего, спрашивается?

На всякий случай я лег и закрыл глаза. Движение комнатки замедлилось. Снова приподнявшись на локте, я обнаружил, что холод шел от пластикового пакета со льдом. Вероятно, его подложила мне под голову моя сокамерница.

Я постарался его убрать, но, изменив положение тела, тут же ощутил, как комнатка стала резко входить в штопор.

– Hold on, – сказала моя новая подруга по несчастью и помогла убрать пакет.

Я сел, опершись о картонный ящик. Комната остановилась, но все равно под наклоном, и казалось, что расставленные на стеллажах бутылки сейчас поедут на пол. Я потрогал голову, обнаружив на затылке внушительных размеров шишку.

– You know my name?

Я только махнул рукой, со словами к горлу подкатил тошнотный ком, и тут же я уткнулся в темную щель между стеллажами и картонным ящиком, вернув негостеприимному заведению его вино. Когда я вытер рукавом лицо, она поинтересовалась:

– Are you from police?

– Нет, я не из полиции. Я работаю в газете, мне про тебя рассказал старик, который переводил тебе для этих азербайджанцев. Он – мой сосед, и после того, как он убежал от них, он пришел ко мне. Короче... – я остановился, потому что эту историю целиком мне было не рассказать, ибо в ней было слишком много действующих лиц, а мне казалось, что каждая фраза грозит кончиться рвотой.

– Are you speaking Russian? – спросила она, и тут я вспомнил, что она, действительно, не должна была говорить по-русски. Ведь именно поэтому ее похитители и притащили к ней Изю.

– Do you know how to get out of here?

– Absolutely not.

Как говорится, положение узников было плачевным. И это состояние могло только усугубиться. Когда ресторан закроется, это будет часа в три-четыре утра, они могут устроить нам допрос с утюгом на животе, а потом закопать подгоревшие трупы во дворе за домом. Или положить в карманы наших брюк гантели и спустить в затоку Шипсхед-бей. Некоторые удивляются, откуда в ней так много рыбы. Наверное, ей есть, что там кушать.

Мои размышления были прерваны тем, что дверь открылась, и к нам в подсобку вошла с несколько растерянным видом Лена, а следом за ней крепкий парень, который подтолкнув ее в нашу сторону, сказал коротко и ясно:

– Сидэт и молчат, а то убъю всэх на фих. Понял?

Обведя нас всех строгим взглядом, он скрылся, закрыв за собой дверь.

– Голубчик, – сказала мне Лена, наклоняясь ко мне, – ты что, вырвал? У тебя наверное сотря-

сение мозга. – Она приложила ладонь к моему лбу. – Слушай, ну как тебе нравиться это местечко? Черт меня сюда занес! Это же надо быть такими идиотами!

– А ты-то как сюда попала? – спросил я.

– Ты не поверишь, когда они увели тебя, я подошла к этому Сергею и спросила, что произошло. Так ты представляешь, он мне сказал, чтобы я шла за стойку и помалкивала! Я ему говорю, Сергей, мы так не договаривались, чтобы моих друзей ни с того ни с сего сажали в какую-то вонючую подсобку и при этом говорили мне, чтобы я помалкивала. И тут еще пришел этот твой старичок.

– Изя?!

– Шурик.

– Так он сейчас наверху?

– Да, ты понимаешь, он взял у меня бутылку пива и встал не у бара, а как-то странно почти у входа. Они, видимо, хотели с ним тоже поговорить, но он вышел в коридор к игровым автоматам, а там было несколько человек, и ему просто повезло, что они его тоже не затащили сюда. Ничего, сейчас его приведут.

– А я думаю, что его-то они и не приведут, – сказал я.

– Да? – удивилась Лена. – А нам-то что делать?

– Там еще люди есть?

– В баре может быть человека два-три, а в ресторане может быть человек 15. Но еще час-полтора, и все разойдутся.

– Надо отсюда вырваться любыми средствами, пока там еще кто-то есть. Главное, вырваться за эти двери хотя бы одному. Как я помню, участок должен быть в двух-трех кварталах отсюда. Лена, слушай, что мы сейчас будем делать. Дверь открывается внутрь, мы начнем барабанить и кричать. Свет выключим. Когда они приоткроют дверь, вставляем в просвет какой-нибудь ящик, чтобы ее сразу не захлопнули и бежим к выходу. И еще – орать что есть сил – они не хотят шума. Если вырвется один, полиция здесь будет через пять минут. За пять минут они никого не тронут, только потому, что не успеют спрятать трупы.

Полине я сказал очень коротко, в надежде, что она во всем разберется по ходу развития событий, чтобы она просто бежала к выходу и громко звала полицию. Она кивнула.

Качаясь и хватаясь за стены, я поднялся, подставил к входной двери ящик с шипучим «Асти спуманте», откуда каждый из нас взял по бутылке.

– Итак, я вырубаю свет, а вы начинаете орать что есть сил.

Еще до того, как я сбил бутылкой лампочку, девушки подняли такой дикий визг, что от его звука меня качнуло еще сильнее. Не в силах вторить им и понимая, что это лишено всякого смысла, я просто стал бить ногой в дверь и бил даже тогда, когда услышал, как с той стороны зазвенели ключи. Дальнейшее произошло очень быстро – дверь открылась, я ударил человека, который сунулся в темную кладовку бутылкой в лицо, ощутив, как он осел под ударом. Кто-то из девушек вытолкнул меня в темный коридорчик и потом, как поршнем, выдавил мной всех, кто стоял на нашем пути. Небольшая заминка произошла лишь у бара, когда кто-то бросился мне наперерез, но ударившая в голову итальянская шипучка остановила его. Последним на нашем пути был Шурик, которому я буквально влетел в объятия. Дальше весь этот клубок тел, гремя опрокинутыми стульями и звеня битой посудой, вылетел с уже отрывочным визгом, который издавала Лена, на улицу, и тут случилось несчастье. Патрульная машина стояла у тротуара. Я увидел, как напряглись лица полицейских и видел, как Шурик, которого сзади толкала как вагонетку ослепшая от страха Лена, влетел в одного из них и все трое повалились на тротуар. Второй полицейский, выхватив дубинку, тут же бросился разбирать кучу, под которой оказался его напарник. Я уже заранее знал, что бедному Шурику достанется на орехи, но все это было включено в плату за свободу, поэтому я приготовился к длительному объяснению, подыскивая удобный момент, чтобы крикнуть: «Офицер! Офицер!» Но тут я обнаружил, как меня настойчиво дергает за рукав Полина, повторяя как заведенная:

– Where is your fucking car!

– Around the corner, – ответил я. – Police is here. Everything's gonna be all right now!

– No! Run!

Не представляю, как это произошло, но я побежал за ней, насколько возможно было бежать по сильно накрененному тротуару с грозящими упасть на меня фасадами домов. Бежал я, пока она буквально не втолкнула меня в мою машину, выдохнув:

– Any motel!

Золотые ворота Бруклина

Через минут двадцать мы запарковались в «Голден гейте» на восточной оконечности Белтпарквея. Моя новая подруга, не успели мы толком познакомиться, вовлекла меня в большую неприятность. Зачем мне было бежать от полиции? Зачем мне было платить за мотель 59 долларов в сутки? Я понимал, что вступать в отношения с полицией не хотелось моей спутнице. Что-то она такое натворила, за что ей грозило наказание не только от ее Рафика.

Клерк за конторкой спросил, собираемся ли мы остановиться на несколько часов, и был удивлен, когда моя спутница отрезала – нет! На сколько – скажем завтра утром.

Когда я хотел расплатиться «Американ-экспрессом», она остановила мою руку с карточкой и распорядилась: «Только наличными».

К счастью, у меня было с собой 70 долларов.

В номере я сел на кровать и спросил, что она собирается делать теперь.

– Купаться, – ответила она. Она вошла в ванную, и я услышал, как там полилась вода. Я лег и, кажется, заснул. Очнулся от того же самого ощущения – кровать медленно наклонялась, грозясь сбросить меня на пол. Этот процесс перекашивания реальности продолжался бесконечно, в то время как угол наклона оставался тем же. Я открыл глаза, но процесс не остановился, зеркало с комодом и телевизор, стоявшие напротив кровати, также бесконечно ехали в сторону. Я осмотрелся – вокруг никого не было.

Я подумал, что она просто смылась.

Я прошел к ванной и, приоткрыв дверь, увидел, что она спит в воде. Наверное, сам я спал недолго, поскольку сигарета у нее в руке еще оставалась зажженной. Я осторожно вынул ее у нее из пальцев и погасил. Ощутив мое прикосновение, она открыла глаза и долго смотрела на меня, не шевелясь и не делая никаких попыток укрыться от моего взгляда. Совершенно не помню, как она выглядела тогда.

– Что-то мне неважно, – сказал я. – Пойду лягу.

Я разделся и забрался под одеяло. Сквозь тяжелую дрему я слышал, как она несколько раз набирала телефонный номер, а потом, тихо скользнув под одеяло, замерла на другом конце кровати. Может быть, от ощущения того, что она легла, я, наконец, заснул. Ночью я снова проснулся от ее голоса.

Сидя у туалетного столика в белой простыне, она отчетливо сказала в телефонную трубку: «Если он не перезвонит мне по этому номеру, он об этом сильно пожалеет».

От неожиданности я поднялся.

– Так ты говоришь по-русски?

– What? – спросила она, вешая трубку. – You better sleep, O.K.?

Она встала из-за туалетного столика, обошла кровать и легла рядом со мной. Легкой рукой она стала гладить меня по лбу, приговаривая: «Sleep, honey. Sleep».

Я не знал, что думать. Может быть, мне это и вправду показалось, что она говорила по-русски. Я внимательно рассматривал ее. У нее был длинноватый нос и немного раскосые карие глаза с залегшими под ними глубокими тенями. Под одним глазом темнел синяк. Я повернулся на бок и прижался к ней, а она положила голову мне на локоть, продолжая поглаживать мне лоб, пока я снова не заснул.

Утром она попросила принести что-то поесть. Я внимательно слушал ее английский, но не замечал в нем никаких следов русского. Судя по произношению, она была явно не из Нью-Йорка, но это еще ни о чем не говорило. Когда я ее спросил, откуда она, она коротко ответила: «Guess». Я пожал плечами. Она сказала, что приехала сюда из Ирландии. Она не была похожа на ирландку внешне, а произношение было слишком мягким для ирландки. На вопрос, как она оказалась вовлеченной в эту историю, она коротко объяснила, что нашла работу секретарем в одной фирме, а хозяин оказался мошенником. Забрал деньги и убежал. А клиенты решили, что она заодно с хозяином.

– So what they do?

– Technologies.

Я взял деньги в банковском автомате, потом зашел в магазин напротив мотеля, купил ей бутерброд и кофе. Взяв еду, она тут же отправила меня заплатить еще за день. Она ничего не просила, она распоряжалась, и я не без опоздания заметил, что незаметно попал под ее начало.

Когда я вернулся, пустая тарелка стояла на полу возле кровати, а сама она лежала, свернувшись калачиком под одеялом. Взглянув на меня, сказала: «Shit!», медленно встала и прошла в ванную. Вернувшись, она со стоном легла и сказала: «I ate to much».

Я выпил уже подостывший кофе, походил по комнате, и когда остановился у двери на балкон, услышал, как она сказала тихо:

– Don't go anywhere. All right?

Почему я ее слушался, так, словно она была моей подругой, любовницей, пусть хотя бы старой знакомой, как например Лена? Кем угодно, кто имел на меня хоть какое-то право? Не знаю. Вероятно, это ощущение подчиненности возникло во мне из-за жалости к ней – больной, избитой, измученной трехдневной неволей, в истинных причинах которой я имел все основания сомневаться. Возникшее к ней чувство было сродни тому, которое возникает к больному ребенку. Я сделаю все, что хочешь, только говори, дай знать, хоть своими глупыми распоряжениями, что ты не собираешься умирать.

От нечего делать я лег на кровать и задремал. Неторопливое течение жизни нежданно-негаданно занесло меня в какой-то приток моей биографии. Я оказался связанным с женщиной, которая явно нуждалась во мне. И она, вероятно, знала лучше, какая помощь ей нужна, поэтому мне оставалось только выполнять ее просьбы.

Когда я проснулся, она сидела у окна и перебирала содержимое моего бумажника. Она пересчитала деньги, а затем пересмотрела мои кредитные карточки и удостоверения. Мне показалось, что она взяла что-то – скорее всего, часть денег, и сунула в карман своих джинсов. Сложив остальное в бумажник, она положила его снова мне в куртку и тут заметила, что я смотрю на нее. Ничуть не смутившись, она спросила:

– Can you bring more coffee?

– Why can't you go yourself?

Мне казалось, что так логичнее было бы объяснить экспроприацию средств.

– Is it far?

– Across the street.

Она поправила футболку, надела туфли, и осмотрела каблуки. Только сейчас я заметил, что на правой руке у нее тоже был синяк. Большой синяк. Она провела по нему рукой. Потом, приблизив лицо к зеркалу, стала внимательно рассматривать отражение. Она чувствовала себя, как бы это сказать, не в своей тарелке, и я, кажется, понял, отчего. Ей не хватало косметики, помады, туши для ресниц, то, с чего женщина начинает свой день. К тому же, ей надо было как-то замаскировать следы побоев.

– Listen, stay here. I'll go.

– Good. – Она испытала явное облегчение.

В магазине я с удивлением обнаружил, что деньги были на месте. Во всяком случае, если что-то и пропало, то от силы долларов пять. Я не помнил, сколько мне дали сдачи, когда я расплачи-

вался за номер. На обратном пути я подумал, что даже с учетом перенесенного она могла бы хоть коротким словом поблагодарить меня. Поставив перед ней кофе, я пошел в душ, а когда вернулся, обнаружил, что она лежит под одеялом, а ее джинсы висят на стуле. Я пил кофе под ее внимательным взглядом. А когда кончил, она протянула ко мне руку и сказала: «Come here». В очередной раз я послушно выполнил ее распоряжение.

Побег

Мы уехали из «Голден гейта» около часу дня. Небо было серое, ветровое стекло тут же покрылось каплями мелкого дождя. У меня было новое задание, и каким бы диким оно ни казалось, я взялся его выполнить, по сути став сообщником Полин. Я хотел зайти домой переодеться, но она, крепко сжав мне запястье и глядя в глаза, сказала: «Please, don't go anywhere. Please...» Это «Please» было новой формой приказания.

Пока я ждал ее в машине на Кингс-Хайвей, она вошла в магазин и через полчаса вышла оттуда в черной лаковой куртке, бейсбольной кепке и очках в тонкой металлической оправе. В руках у нее был пакет, как оказалось позже – с бельем для себя и меня. «I need one more hour», – сказала она, наклонившись к окну и, когда я кивнул согласно, направилась в парикмахерскую на другой стороне улицы. Я купил несколько газет и на час погрузился в привычный мир. В Индии столкнулись два самолета. 240 человек погибли. Бруклин готовился к выборам депутатов в школьные советы. На Парк-авеню женщину изнасиловали в телефонной будке.

Когда она вернулась, я не узнал ее. Последний раз я видел ее со светлыми волосами до плечей. Передо мной стояла брюнетка с короткой стрижкой.

– Like it?

– Well, I've got to get used to it.

Она села в машину и вернула мне сильно похудевший бумажник.

– Where now? – спросил я, выруливая от тротуара и вливаясь в поток машин, двигавшийся в сторону Оушен-парквей.

– Montreal, – ответила она.

Вот об этом абсурде я и говорил. Почему в Монреаль? По ее словам, там у нее был друг-адвокат, который бы уладил всю эту историю.

Я ненавижу долгую езду в машине, особенно если мне приходится сидеть за рулем. Меня никогда не привлекали придорожные пейзажи, городки с тюдорами под красной черепицей, макдональдсы, гамбургер-кинги и пицца-хаты, станции Амоко, Мобил и Шелл, Холидей-Инны и Мотор-Инны вдоль дороги, по краям которой простирается американский лес или американская степь. Езда мне всегда казалась напрасной тратой времени, но я уже попал в поле притяжения моей удивительной спутницы и внезапно ощутил его силу, как ощущал ее в школьном детстве – тревожной дрожью в желудке.

Мы двигались на север под мелким дождем. Она спросила:

– Can you drive with one hand?

– Sure, – ответил я, и она взяла мою правую руку в свои. У нее были прохладные и очень нежные руки, и время от времени я прижимал их к щекам и целовал ее ладошки.

– Your face is hot, – сказала она один раз.

Иногда, она, укачанная движением, клала голову мне на плечо и дремала.

Я не знал, как кончится эта история. Отправляясь в относительно недалекий Монреаль, я не знал, на сколько еду туда. Я не знал, насколько дружескими были ее отношения с упомянутым адвокатом. Я отдался течению жизни, которая сделала неожиданный поворот, и последствия которой в данный момент меня не беспокоили. Это был тот редчайший случай, о котором мы часто мечтаем, когда сама судьба предлагает нам перемену участи. Неважно, в лучшую ли, в худшую сторону. Эта перемена обещает потерю старого багажа, о каком бы багаже мы ни говорили: деньгах, доме, бывшем близком человеке, опыте. За этой потерей лежит тайное стремление еще

раз вернуться в юность, когда тебя не обременяет ничего, кроме невнятных ожиданий больших перемен к лучшему, которые и являются самой большой ценностью.

Что меня могло ждать в Монреале? Вероятно, втайне я надеялся, что, доставив ее к друзьям, обозначу для себя точку, в которой смогу снова найти ее. Через день, максимум два, мне снова надо было вернуться в наш захламленный бумагами офис на бруклинской 18-й авеню и снова писать статьи, без особой надежды на то, что когда-либо они всплывут в чьей-то памяти или будут помянуты добрым словом. Мои старшие товарищи смотрят на нашу профессию проще. «Газета живет один день», – говорит Леша Орлов, и, закрывая все остальные вопросы, Володя Козловский добавляет: «Главное – сумма прописью».

В тот момент у меня даже мелькнула грешная мысль о том, что если бы сейчас на скользкой трассе в меня въехал какой-нибудь лихой водитель грузовика, которые носятся по шоссе, как угорелые, невзирая ни на какие дожди и туманы, это было бы не так грустно, как могло бы показаться десятку-другому ценителей моего журналистского таланта. Жизнь в тот момент казалась мне доведенной до логического конца. Лучшее было только что пережито, будущее обещало лишь его потерю, рассасывание родившегося во мне тревожного чувства в каждодневной топи обязанностей старой жизни, уносившейся от меня прочь со скоростью 65 миль в час.

Через три часа, когда мы въехали в Хадсон, дождь обрушился на нас грязно-серой стеной, из которой время от времени выплывали навстречу светящиеся вывески автозаправок и придорожных магазинов. Мы вышли возле первого же мотеля, перебежав с автостоянки в освещенный мутным желтым светом офис администратора.

Прощание

Прожив некоторое время в США и начав забывать родину, я ощутил, что провинциальные американские мотели и гостиницы очень похожи на советские, если не считать хронического отсутствия туалетной бумаги во вторых. Все в них – от наружной проводки и засохших растений в фойе до деревянных перил с облупившейся коричневой краской и затоптанных красных ковров – напоминает о временах, когда у строителей этих мест была надежда на то, что завтра будет лучшим, чем сегодня. Увы, их надежда оказалась тщетной.

Примыкавшее к мотелю кафе пустовало. Привлеченная стуком двери, к стойке вышла румяная девушка лет 20.

– Хай! – сказала она, улыбаясь. – Что я могу сделать для вас?

Положив перед нами меню в потертой пластиковой обертке, она сообщила, что повар ушел на почту, но она может нам быстро поджарить яичницу с ветчиной и сыром.

– Good! – сказала Полин. – I'm dead hungry.

Девушка поставила перед нами большие белые чашки, наполнила их кофе и ушла на кухню.

– Want to drink something?

Она кивнула согласно.

Я поднялся и пошел на кухню. Девушка клала в микроволновую духовку булки. Закрыв дверцу и набрав на попискивающей панели время, включила ее.

– Извините, – сказал я. – У вас есть что-то выпить? Мы продрогли, как черт знает кто.

– Бар закрыт, – сказала девушка. – А ключи у повара. Честно говоря, в такой дождь я даже не представляю, когда он вернется. Хотя, он всегда держит что-то для себя. Думаю, пару рюмок я вам чем-то наполню.

Она прошла в погруженный в сумрак дальний конец кухни, открыв дверцу шкафа, подвигала в нем что-то со звоном и вернулась с початой бутылкой.

– «Хеннеси», это не очень крепко?

– Отлично, – я достал бумажник. – Только я не хочу пару рюмок, я хотел бы всю бутылку.

– О-о, – сказала она. – У меня будут неприятности.

Я достал 50 долларов.

– Нормально?

– Добавьте еще пятерку, на всякий случай, – она поставила бутылку передо мной. – Вы, наверное, хотите взять с собой в номер? – Она подмигнула мне сообщнически, затем достала с полки шоколадку «Херши» и положила рядом с бутылкой. – Бонус.

Она принесла тарелки действительно через пять минут, и промозглость погоды и усталость сделала коньяк идеально совместимым с горячей яичницей.

Когда я закрыл за нами дверь номера, Полин, обнимая меня, попросила:

– Don't turn the lights on. I can't see this poverty.

Ах, читатель, как описать это удивительный поцелуй, возвращающий тебя в то далекое прошлое, где шумят эти знаменитые пропахшие креозотом ветви, полные цветов и листьев, где ночные стекла выгибаются и дрожат под напором весеннего ветра, несущего запах сырой земли? Какими словами напомнить ту ночь, когда в освещенном недобитым фонарем парке ты был обучен искусству, краткий курс которого юная колдунья взяла без твоего спроса у одного курсанта местной мореходки? Помнишь ли ты, с каким грохотом ее поцелуи захлопнули главу твоей юношеской биографии, наполненной ревом «Свинцового дирижабля», едким плановым дымом и невнятными мечтами о счастье?

Лил безумный дождь. Он лил откуда-то из тропиков, из каких-то Бразилий и Венесуэл, пересекая тысячи километров американских небес и отрезая нас непроницаемой стеной от холодного осеннего мира, заливая нас своими мутными и жаркими потоками. Выплывая из них, возвращаясь к берегу, приходя в себя, я думал, какой глупой была недавняя мысль о смерти, посетившая меня на дороге, когда мне казалось, что все главное достигнуто. Дождь стих под утро, и новый день робко заглянул в окно. В его рассеянном свете я увидел сидевшую в кресле у окна женщину с сигаретой, дымок которой, поднимаясь, таял на фоне светлеющего окна. Склонившись, она подвинула к себе туфли и, надев их, поднялась. У нее были удивительно узкие бедра, прямые плечи и грудь, о которой говорят, что она должна помещаться в ладонь.

– Дима, – позвала она меня тихо, но я не мог ей ответить. У меня перехватило дыхание. Глядя на нее, облитую неверной дымкой рассвета, я подумал, что никогда не забуду этого утра, наступившего в мертвенной тишине остановившегося времени, ее голоса. В этом трудно было ошибиться. Она позвала меня по-русски. У меня такое имя. В английском невозможно произнести мягкое «и» после твердой «д». Она произнесла мое имя по-русски.

– Darling, – позвала она меня снова. – We have to go.

Когда я вышел из номера, она уже сидела за рулем. Через несколько часов мы въехали в очередь машин, медленно направлявшихся к канадской границе.

– By the way, do you have any ID? – вспомнил я.

– Sure.

– Вы везете какой-то коммерческий груз? – спросил меня пограничник и, не слушая ответа, добавил: – откройте багажник.

Я вышел из машины и открыл. В багажнике лежала пачка «Репортера».

– Зачем вы едете в Канаду? – спросил он, доставая одну газету из-под бечевки и разворачивая ее.

– Провести выходные.

– А зачем газеты?

– Я работаю в газете, – начал объяснять я. – Две недели назад меня попросили подвезти несколько пачек в новый лоток, чтобы они посмотрели, как она продается. Они взяли одну пачку, а вторую брать отказались. Я просто забыл ее вынуть.

– Отъедьте в сторону, – попросил пограничник.

Полин отогнала машину на площадку рядом с трейлером, на котором был прикреплен пластиковый канадский флаг, а под ним красовалось на французском и английском: «Добро пожаловать в Канаду». Меня попросили пройти в офис.

– На каком языке эта газета?

– На русском.

– Где она издается?
– В Нью-Йорке.
– Зачем в Нью-Йорке русская газета?
– Там живет полмиллиона русских.
– В Нью-Йорке?
– Да, сэр.
– О чем там написано?
– О жизни русских в Нью-Йорке.
– Что-то нацистское, антисемитское, провоцирующее нетерпимость? Детская порнография?
– Боже упаси! И потом, я везу ее только потому, что забыл, что она лежит у меня в багажнике. Я в этой газете работаю репортером. Вот мое удостоверение.

Я показал ему свой пластиковый бэдж «Пресса».

– О-кей, можешь идти.

В окно я увидел, что Полин говорит с подошедшим к машине пограничником.

Когда мы въехали в Монреаль, она сказала, что без чашки эспрессо заснет.

Бар, у которого мы остновились, назывался «Мариот». Деревянная вывеска качалась на цепях над стеклянной дверью. Это было узкое и длинное, как вагон, помещение с единственным высоким окном у входа, свет от которого падал на стойку из потемневшего дерева и стеллажи с бутылками. Стены были выкрашены отвратительной краской изумрудного цвета, под высоким потолком змеились вентиляционные трубы. Над столами горели в бумажных абажурах лампы. Она заказала эспрессо, и мы устроились в дальнем конце зала за круглым мраморным столом, где едва поместились два блюдца и пепельница.

– Wanna drink something?

Она покачала головой и, подвинувшись ко мне, поцеловала долгим-долгим поцелуем.

– I'll wake up in a minute, – улыбнулась она.

Неотрывно глядя на меня, она сбивала пепел прямо на пол. Тогда я впервые задумался о том, сколько ей лет. Может быть, 30. Худощавые и светловолосые женщины всегда выглядят моложе. Сейчас, став брюнеткой, она как будто не сильно изменилась. Уже выучив тревожный запах ее тела, я все еще не мог толком рассмотреть ее. Была ли она красавицей? Вряд ли. Свежесть, вот что было самым привлекательным в ней. И эта свежесть пьянила меня, стареющего козлищу, как наркотик. Ее молодое тело пьянило меня. Ее щедрые ласки. Этот голос: «Родной, иди сюда!» Но что предосудительного было в этом?

Сделав последний глоток и затушив сигарету, она поднялась и, проведя рукой по моей щеке, ушла. Минут через 20 я понял, что она уже не вернется. Скорее для очистки совести я попросил барменшу, чтобы она заглянула, нет ли ее в туалете.

– А кого вы ищете?
– Худую девушку в голубых джинсах и черной лаковой куртке.
– Я видела, как она вышла и остановила такси.

Она понимающе сказала:

– Поссорились? Хотите что-то еще?

Я ничего не хотел. В этот момент я ощутил сильный голод, но одновременно и такую сильную боль в желудке, что только покачал головой.

Я не стал искать ее. Это было бессмысленно. Я не знал ни ее фамилии, ни адреса. Я не знал о ней ничего. Easy come easy go. Как пришла, так и ушла. Благородно оставив на столике ключи от машины.

Я отправился в обратную дорогу. В районе Хадсона я достал из бардачка кассету, оставленную Ларисой, когда я последний раз вез ее на работу. Сюткин пел все про то же:

Тайное движенье в небе без конца,
Вижу отраженье твоего лица.

Движенье было абсолютно тайным. Мрак окружал меня, и мрак был во мне. И в этом мраке не видно было ничего, кроме ее лица. И вкус ее поцелуя все еще оставался на губах, и когда я прикладывал к носу ладонь, она еще пахла ею.

Ты далеко от меня за пеленой другого дня,
Но даже время мне не сможет помешать
Перелететь океан и разогнав крылом туман,
Уупав с ночных небес, скорей тебя обнять...

Я мог лететь только в свой Бруклин и падать в объятия Шурику, Изе, Лене, Ларисе, Леве Циклопу. Я снова ехал на 18-ю авеню, где меня ждала заваленная бумагами редакция, полиция, рекламодатели, писанина до боли в руках.

Ружье на стене

В понедельник я вышел на работу. Надо ли рассказывать, как я хотел работать? Нахально устроив ноги на столе, я тупо смотрел сквозь пыльные оконные стекла в даль, где не было ничего, кроме серого неба и красной пластиковой надписи «Silver Rod» над входом в аптеку на другой стороне улицы. Я впал, как говорили в старые времена, в апатию. И пребывая в этой апатии, я понял всю мудрость хвостенковских строчек: «Хочу лежать с любимой рядом, а с нелюбимой не хочу» и «Пускай работает рабочий, пускай работает, кто хочет, а я работать не хочу». Ничего мне не хотелось, кроме как обнять бросившую меня Полин и держать ее в объятиях, ощущая лишь тепло ее тела. Но обнимать было некого. И с учетом обстоятельств дела, в которое я оказался впутанным, жаловаться на эту потерю было глупо. От этих меланхолических мыслей меня отвлек главред. Он вызвал меня к себе в кабинет и, кивнув на кресло перед своим столом, сказал с воодушевлением, что мы начинаем печатать нового автора и мне предстоит внести его в разметку.

– Что за автор? – поинтересовался я.

– Очень востребованный литератор, – заверил меня Леон. – Ты будешь доволен.

– Кто же это?

– Осип Шпигун.

– Нет!

– Еще как да!

– А что он еще написал?

– Он написал книгу о евреях-героях. Наши старики это любят.

– Наши старики могут покупать его книгу про евреев-героев в «Черном море» или в «Санкт-Петербурге»!

– В этом проблема. У него кончилась эта книга, и он хочет собрать немного денег на дополнительный тираж.

– Елки-палки, вы же постоянно жалуетесь, что у вас нет средств на увеличение гонорарного фонда!

– Он не просит гонорар.

– А что он просит?

– Он просит ставить в номер одну главу и под ней заказной талон на его книгу. Потом ему присылают заказ и чек, и вот его гонорар.

– А что имеем с этого мы?

– Мы имеем популярного автора.

– Шеф, – сказал я. – Я знаю его книгу. И я вам скажу точно: его глава встанет приблизительно на наш разворот. Это значит, что вам надо будет добавить в номер четыре полосы. Один разворот заполнит он, а еще две полосы кто-то другой. И тоже попросит гонорар. Что будет иметь с этой сделки Шпигун – понятно, но вам надо будет за нее доплатить. Вам напомнить, сколько стоит наша полоса?

– А почему не снять две полосы и освободить ему?

– Что вы планируете снять? Платную рекламу? Или полосы наших постоянных авторов, которые плачут, что вы не даете им места? Снимите полосу такой, как Марина Потемкина, и завтра она пойдет в «Новое русское слово». У вас есть, кем ее заменить?

– С тобой говорить – только портить здоровье, – вздохнул Циклоп. – Можешь идти.

Вернувшись к столу, я подумал, что прагматизм босса неизбежно возьмет верх, что станет редким случаем победы циклоповского цинизма над шпигуновской безнравственностью. Но я знал и то, что победа будет временной.

Чтобы как-то оправдать ожидавший меня чек, я стал перебирать письма. Я люблю письма больше, чем статьи. Статьи пишут в основном такие же профессионалы, как и ты. Они всегда предсказуемы. Письма часто таят в себе неожиданности. Недавно я, например, получил письмо следующего содержания:

«Господин Санин!

Гитлер – величайший подлец человечества. А вы поместили в газете его фотографию. Я этого просто не понимаю!

Геннадий Штурм».

Когда я собрался выйти на обед, позвонил телефон и, сняв трубку, услышал волнующийся голос:

– Здравствуйте, меня зовут Ира Кудрявцева. Я прочла объявление, что кто-то нашел мою гринкарту.

– А, да, – вспомнил я. – Заходите.

– Можно прямо сейчас? Я тут недалеко.

– Давайте.

Когда она вошла, мне стало немного не по себе. Брюнетка с короткой стрижкой в очках с тонкой металлической оправой. Она была в голубых джинсах, черной куртке и с рюкзаком на плече.

– Здравствуйте, – сказала она. – Я за гринкартой. А вы хотите какую-то награду?

– Нет, я уже все получил, – я достал бумажник, уже зная, что гринкарты там нет. – Знаете, – сказал я, заглянув еще для приличия в верхний ящик стола. – Произошло недоразумение. Кажется, вашу гринкарту случайно отдали другому человеку. Но я надеюсь, что он заметит ошибку и вернет ее.

– Боже, это судьба, – как-то очень трагически выдохнула она и просто упала на стул.

– Ну, не расстраивайтесь, – я с тревогой почувствовал, что дело запахло долгим выяснением отношений. – Только оставьте свои координаты. Мы позвоним вам.

– Понимаете, я не расстраиваюсь из-за гринкарты. Просто вся эта история с ней это какой-то знак...

– Знак чего?

– Понимаете, – она устроила рюкзак на коленях. – Я выиграла эту гринкарту по лотерее. И я решила уехать. Знаете, доживаешь до какого-то момента в жизни – и хочется перемен.

– Это мне знакомо, – кивнул я, отметив по себя, что ей как-то очень рано захотелось перемен. На вид ей было лет 25, может быть, чуть больше.

– А здесь я уже полтора года, и все никак не удается зацепиться. Работы постоянной нет, живу то здесь, то там... Как-то бестолково все. И там еще хоть друзья какие-то были, а тут – ни фига. Когда я потеряла эту гринкарту, я подумала, это – знак, надо возвращаться. Родители все время назад зовут. А тут еду в поезде и вижу – ваша газета лежит на сиденьи, кто-то оставил. Я стала просматривать и вдруг наткнулась на объявление. Нет, думаю, видно не судьба уезжать. А тут ее снова кому-то другому отдали. Так судьба?

Я засмеялся.

– А кто вы по специальности?

– Химик.

– Слушайте, я – ваш должник. Хотите, я помогу вам найти работу? Серьезно. У нас тут и знакомые в бюро по трудоустройству, потом объявления разные приходят, рекламодатели иногда спрашивают, нет ли кого для работы в офисе. У газеты – большие связи. Хотите?

Она покачала головой.

– От этих ваших американских горок просто обалдеть можно – то буквально некуда приткнуться, то – золотые горы.

Это ее «аб-балдеть» и напористая интонация явно оставались от недавних студенческих времен.

– Никаких золотых гор, но какую-то работу я вам найду. Большой зарплаты тоже не ждите, но на жизнь хватит. Потом пойдете подучитесь, так и устроитесь как все.

– Понимаете, у меня за квартиру заплачено только до конца этого месяца, а сегодня 22-е. Если за неделю вы ничего мне не найдете, то я снова окажусь...

– Поживете у меня, – нагло предложил я.

– А вот это мне знакомо! – она хлопнула себя ладошкой по колену. – Вот это мы уже слышали неоднократно! Нет, дядя, сперва работа, а потом – поживешь у меня!

– Я знаю, что я дядя, – вздохнул я. – Делайте как знаете. Только оставьте свой телефон на всякий случай. Если гринкарту принесут до конца месяца, я вам позвоню.

Она взяла лист бумаги, карандаш и, написав свой телефон, подвинула ко мне. Поднявшись, закинула рюкзак за плечо.

– Ну, вы это, ну... то, что я дядей вас назвала, не обижайтесь. Я ничего такого не имела в виду.

– Ничего-ничего, – успокоил я ее, сметая листик с телефоном в ящик стола. – Не тетя же я, в самом деле.

Через несколько дней мне позвонил Суарес и попросил зайти в участок. Я зашел.

– Что ты о ней знаешь? – спросил он без обиняков.

– Ничего, – как на духу ответил я.

– Слушай, – сказал Суарес. – Я тебе сейчас расскажу одну историю, только это не для прессы. Если ты что-то услышишь, то перед тем, как писать, ты знаешь куда звонить. Верно?

– Верно.

– Мы имеем четырех азербайджанцев из бывшего Советского Союза. Город Баку. По их словам, там, в Баку, их нашли двое американцев, которые предложили вложить деньги в американскую нефть. Где-то в Техасе. Они согласились. Их привезли в Хьюстон. Поселили в гостинице. Потом повезли на буровую. Показали нефть. Они внесли задаток.

– А что у них там, в Техасе, так просто купить буровую? Приехал, заглянул в скважину и рассчитался?

– Дима, я тебе никогда не рассказывал, как одному русскому продавали Импайр-Стэйт билдинг?

– Нет.

– Его привезли из «Кеннеди» на 34-ю, показали, как дом выглядит снаружи, завели внутрь, провели по офисам, назвали цену. Нравится? Да, красиво, но для начала хочется что-то менее габаритное. Никаких проблем! Его отвезли на 42-ю к Крайслер-билдингу. Показали снаружи, провели по офисам. Это лучше? Да, это намного лучше, и потом такой шпиль красивый!

– А документы?

– Видишь вон ксерос у окна? – он кивнул на копировальную машину Canon. – Если тебе нужны какие-то документы, я тебе напечатаю. 15 центов страница.

– А адвокаты сторон, представители банка?

– Слушай, ты как вчера на свет появился! Поверь мне, если я торгую буровыми или Импайр-стейт билдингами, то мне ничего не стоит открыть офис и посадить в него одного адвоката, а потом привести к нему на встречу другого, который будет представлять Леону Хелмсли или Дональда Трампа, или кто там еще владеет этими небоскребами. Это же все кукольный театр, ты что, не понимаешь?

– Уже понял, – сказал я.

– И эта девка, о которой я тебя спрашиваю, могла быть таким адвокатом. Или секретарем такого адвоката. А теперь скажи мне: ты сидел с ней в подвале «Вышки», потом вы вылетели с ней на улицу. И ты не знаешь, куда она делась?

– Не знаю.

– Дима, – укоризненно сказал он. – Ты не хочешь быть соучастником мошеников, которые вступили в тайный сговор с целью обмана предположительно порядочных людей и выдачи себя за лиц, которыми они не являются.

Я плюнул на щепоть и перекрестился.

– Не богохульствуй.

– Кто, я богохульствую?!

– Но ты знаешь мой телефон.

– Никогда его не забываю.

У дверей я остановился.

– Питер, а что с этими из Баку?

– Не имею представления, – он пожал плечами. – Пострадавших нет, свидетелей нет, никто ни на что не жаловался. Эти ребята в таких ситуациях ищут своих обидчиков без нашей помощи.

Работа снова втянула меня в свой серый омут, и неделя промелькнула незаметно. В пятницу выдался солнечный день, и я ушел из офиса пораньше, захватив почту с собой. Подходя к дому, я увидел беседовавших Шурика и Шпигуна. Шпигун, рубя воздух рукой, говорил:

– ... и я ему так и сказал: это – трусость! Но вы можете не волноваться, я давно имею в планах и другую книгу: о евреях-предателях! И вы – хороший кандидат для нее!

Заметив меня, он махнул рукой и, бросив: «Ладно, Шура, пойду поработаю», двинул к парадной.

Шурик, у которого в руке был кулек с шахматами, сказал:

– Ну ше, Димитрий Батькович, пару партий, чтобы отвлечься от забот жизни?

– Можно, только я почту просмотрю быстро.

Устроившись за бетонно-шахматным столом, Шурик закурил и, отмахнув дым от лица, сказал:

– Ше ты знаешь? Шпигун будет писать второй том.

– Да я слышал, про евреев-предателей.

– И знаешь, с кого он начнет?

– Не имею представления.

– С твоего редактора. Он отказался печатать главы из его книги.

От неожиданности я расхохотался.

– Ну, ше ты смеешься?

– Я думаю, что он должен посвятить мне тоже пару строчек.

– Дай время, может, он и посвятит. Слушай, возвращаясь к предыдущему вопросу, посмотри, какие неплохие девочки тут крутятся, а? – Шурик кивнул на двух мамаш, присматривавших за своими отпрысками у качелей. – Смотри на ту в чулках, а? С такой я бы и сам замастырил пару пацанят.

– Пойди познакомься, пока не поздно, может, она одинокая, – предложил я.

– Щас тока докурю, – сказал он.

Пока Шурик докуривал, я открывал конверты. В одном из них оказался свернутый лист белой бумаги, в котором лежало что-то плотное. Я развернул его, и на землю выпала гринкарта. На листке не было написано ни слова, а только стоял красный отпечаток губ.

– Таки красиво, – заметил Шурик.

Он взял у меня из рук листик, рассмотрел со всех сторон, шумно понюхал и сказал:

– Ну, и ше это такое? Прощальный привет?

Потом он взял конверт и, близоруко щурясь, прочел:

– Рома. Италия. Как же ты ее туда отправил, а?

Я покачал головой.

– Я не знаю, Шурик. Я довез ее до Канады, а там она потерялась.

– Так я и думал. Какая-то русская шалашовка. Видимо, в Канаде у нее были еще одни документы. Может быть, даже настоящие. А оттуда она вернулась в Россию. Или в Израиль. Или в Германию. Та еще гастролерша!

– Гастролерша, а гринкарту вернула.

– Попользовалась и вернула, – уточнил Шурик. – Может, она к тебе таки неплохо отнеслась.

Может быть. Я чувствовал себя, как, вероятно, чувствовал себя в 18-м веке мой далекий предшественник – лирический герой виконта Вивана Денона. Меня использовали, подарив за услугу две ночи, продолжения у которых никогда не будет. И этот подарок был, как говорится, от чистого сердца. Я поднял с земли гринкарту Иры Кудрявцевой. Потом забрал у Шурика листик с отпечатком губ и, сложив его, положил в стоявшую рядом урну.

– Правильное решение, – похвалил он. – Сантименты – для лохов.

Дома я сел к телефону и позвонил своему доктору Кагановскому, который держит большой офис на Оушен-авеню.

– Ну, что тебя беспокоит, писатель? – сразу поинтересовался тот.

– Доктор, меня чуть-чуть беспокоит сердце, но я по другому вопросу.

– Надо следить, что ты ешь, – сказал он. – Избегай жирное. Так какой вопрос?

– Вам не нужна в офис хорошая девушка?

– Это из-за нее у тебя болит сердце?

– Нет, болит из-за плохой, а эта – хорошая.

На другом конце линии раздался вздох.

– Сначала они все хорошие. Поэтому надо есть меньше жирного и больше свежих фруктов. Мне нужна девочка в регистратуру, она пойдет?

– Я дам ей ваш телефон, хорошо? Она скажет, что она от меня.

– Давай. И посмотри, когда ты был последний раз на обследовании. Если больше года, приди проверься, сдай анализы, ты меня понял?

– Я вас понял, спасибо. Если она позвонит, ее зовут Ирина Кудрявцева.

Повесив трубку, я достал листок с телефоном Кудрявцевой и скоро услышал знакомый голос:

– Слушаю вас.

– Здравствуйте Ира, это – Дмитрий Санин из «Русского репортера». У меня есть для вас две новости.

– Одна плохая, одна хорошая, начинайте с хорошей.

– Обе хорошие.

– Так не бывает.

– Почему? Считайте, что судьба наконец вам улыбнулась.

– Ну, не тяните.

– Во-первых, у меня есть ваша гринкарта, а во-вторых – работа.

– Невероятно, – сказала она, но как-то грустно. – Понимаете, я через два дня съезжаю со своей квартиры к знакомым, а на следующую пятницу у меня билет домой. – Она помолчала. – Наверное, уже поздно.

– Если вы верите в судьбу, то никогда не поздно. У вас есть гринкарта и работа. Попробуйте еще раз.

Она молчала.

– Ира, вы меня слышите?

– Слышу.

– Что вы делаете вечером?

– Не знаю... Ничего не делаю.

– Хотите, сходим куда-то? В конечном итоге, я же должен объяснить, что это за работа.

– Надеюсь, это не в подпольном публичном доме?

– Вы с ума сошли! Одним словом, выбирайте – в кино или на ужин?

– Хм, – сказала она. – Я в кино уже лет сто не была.

И после короткой паузы добавила:

– И в ресторане тоже.

Игорь БОБЫРЕВ

следы почтальона

моему другу Кириллу Корчагину

* * *

еще немного

* * *

китаец и китаец

* * *

синтаксис

* * *

я хотел его целиком

* * *

просто здесь сидит читающий мальчик

* * *

не знаю как

* * *

не зная что делать
уснул

* * *

я хотел это сказать

* * *

фреска на ней сцена охоты

* * *

мост

Игорь БОБЫРЕВ родился в 1985 году в Донецке. Окончил исторический факультет Донецкого национального университета. Публиковался в журналах «Арион», «Волга–XXI век», «Нева», «Новая Юность», «Новые облака» (Тарту), «REFLECT...» (Чикаго) и Интернете.

* * *

глоток шерсти

* * *

я говорю

* * *

поля за стеклом

* * *

просто они смотрят в разные стороны

* * *

маги

* * *

свет комнаты

* * *

пастух отдыхает в траве

* * *

мертвый пес соблюдает дистанцию

* * *

музыка улиц вобрала его целиком

* * *

пейзаж с персефоной

* * *

сказать

* * *

он отдыхает в траве

* * *

всё проще

* * *

всё что я знаю пространство

* * *

доллары

* * *

я закрываю глаза

* * *

ангелы

* * *

пыль

* * *

спина хоккеиста

* * *

бездна вымысла штрих

* * *

зелень

* * *

автобус меняет маршрут

* * *

так и черное постоянно прекрасно

* * *

музыка речи вобрала его целиком

* * *

у него изящные снежные ступни

* * *

дорога подожди

* * *

окно открыто
но никого
нет

* * *

этот голос вобрал меня целиком

февраль–апрель 2009

Вадим ФАДИН

Ночная жизнь Китежа

Исход из столиц в глухомань (считалось – к истокам) увлек в последние месяцы стольких, что мог казаться модой; между тем сниматься с насиженных мест людей толкала всего лишь та или иная нужда: одни бежали от нищеты, другие – от разбоя, кто – за длинным рублем, а кто – за вольною волей, встречались тут и гонимые, и искавшие признания заслуг либо внимания к своим пророчествам, но большинство – просто хотели стать провинциалами. Об этом Лобунин слышал так часто и много, что когда и его, в отвлеченных рассуждениях тоже находившего вкус в звании, например, китежанина, но всё ж предпочитавшего на деле оставаться столичным жителем, вынудили к отъезду, он уже не счел чрезмерною эту перемену; между тем, перемены тотчас обнаружились в нем самом, в виде хотя бы новой привычки без надобности, словно от повреждения в уме, называть вслух имена существительные, некими списками, вовсе без сопровождения глаголами: древность, совесть, юродство... Знакомые, видя, что он придает этим словам вполне мистическое значение, стали говорить об его изгнании с пренебрежением: щуку, мол, бросают в реку. В действительности, однако, дело обстояло не так просто, и, вступая в незнакомый город, Лобунин растерялся: он ожидал увидеть глушь, но не такую же, тем более, что кое-какие местные виды знал по иллюстрациям и кино; выйдя на соборную площадь и найдя ее непривычно пустою, он нечаянно воскликнул в изумлении: «А где же массовка?»

Первый день на новом месте, как водится, проходить не торопился, и всё же Лобунин, расслабившись после дороги, опоздал с одним важным делом: не получил денег по дорожному чеку; дожив до сумерек, когда всё вокруг замерло в ожидании замечательного здесь явления природы, он от предчувствий и вовсе взвыл в полный голос: «Боже, до чего довела меня любознательность!» – хотя и любознательность была тут не при чем, и жилище оказалось не хуже, чем он ожидал, представляя собою в меру убогий номер гостиницы «Садко» в том ее крыле, где размещали не богатых гостей, а переселенцев, приглашенных городской управой будто бы для обретения свободы и достоинства, а на самом деле – для пополнения убывающего поголовья. Приезжие, соблазненные посулами, искали здесь ощутимых вещей; за дивными местными пейзажами не приезжал никто, и если в дальнейшем Лобунин, забывшись, указывал на нечто приятное зрению или слуху, то обыкновенно встречал непонимание и даже отпор. Во флигеле, свысока именуемом прислугою приютом, естественно было бы найти изрядное общество, но Лобунин в первые часы своей новой жизни усомнился в существовании по соседству хотя бы единой живой души – такая стояла неприятная тишина, – отчего впал в настоящую панику, предположив, будто прочие отчаянные и отчаявшиеся люди, чей путь он намеревался повторить, сумели взятками или иными неправдами избежать отправки в это гиблое место, осев теперь в пристойных городах с трамваями, с протекающими в дождик цирками шапито на окраинах, со сплетнями в лавках и даже с ночными уличными происшествиями и оставив его, Лобунина, без надежды на поддержку хотя бы советом или примером. Он живо представил себе долгие будущие дни, когда работа валится из рук, а рядом нет его старого пса, любившего, если хозяин слонялся по дому без дела, усаживать того за письменный стол и самому ложиться рядом, и сырые ночи в полном одиночестве, и вечера – в общении

Вадим ФАДИН родился в Москве в 1936 году. С 1963 года стихотворения, эссе и рассказы публиковались в журналах и альманахах «Новый мир», «День поэзии», «Стрелец», «Арион» и др.; в Германии (живет с 1996 года) – в журналах «Lettre International», «Студия», «Родная речь», «Крещатик» и др. Проза публиковалась также в израильских журналах «22» и «Алеф», в датском «Новом береге». Изданы книги стихов «Пути деревьев» и «Черта». Автор романов «Семеро нищих под одним одеялом» и «Рыдание пастухов». Лауреат премии им. М. Алданова 2008 года («Лучшая повесть русского зарубежья»).

с туземцами (те, известно, были молчаливы, как рыбы, и Лобунин думал, что нескоро научится понимать их подводное молчание, а тем паче молчать сам), а представив это – взвыл.

Тем не менее, объявиться сейчас незнакомцу, пусть и товарищу по несчастью, было бы некстати: брошенному нет проку от брошенных; если Лобунину и нужно было что-то от других, так только объяснения, куда и как можно здесь податься, чтобы развеять тоску. Упустив время до появления воды, когда еще был открыт подъезд, он уже не мог перейти в главный корпус, где давеча, получая у портье ключи, заметил стопку проспектов «Ночная жизнь Китежа», но глупо постеснялся взять себе один. Без советов путеводителя нелегко было бы придумать развлечение, кроме, пожалуй, простейшего: выглянув в окно, Лобунин увидел стайку прехорошеньких русалок, направлявшихся ко входу в гостиницу; он еще успел бы постучать в стекло. Впрочем, ему пока был недоступен и этот способ: оставшись без денег, он мог бы расплатиться с русалкой разве что чулками, неведомо как оказавшимися в его чемодане. Теперь уже посмеиваясь, он подумал, что вот – случай завыть снова, только что толку – без отклика; на людях же он постеснялся бы и, значит, опять выходило то же: лишь собственная собака поняла бы его, начав не подпевать вторым голосом, но – утешать.

Уже безо всякой иронии, а серьезно, Лобунин попытался представить себе, как пес отнесся бы к русалкам: мог и не принять за людей. Он и сам считал их созданиями пусть и не богомерзкими, но явленными на свет помимо Божией воли; сущая ныне живность вышла некогда из ковчега, где находилось от всякой плоти по паре, но этим, здешним, как раз пар и не хватало. Возможно, их предки вовсе не поднимались на борт, а просто плыли за судном, либо их прародительницу сбросили с палубы за понятную провинность и она спаслась, попав в рыбью семью, – так с печалью подумал Лобунин; с печалью – оттого что снова вспомнил о собаке, словно бы сброшенной им со спасательной шлюпки, походящей из-за тесноты на подводную лодку, но в конце концов уткнувшейся в берег, где хватило бы места для тысяч пар.

Со псом все было непросто: не будь его, не пришлось бы убегать и Лобунину. Началось с жестокого отстрела в городе собак – не только бродячих; мало кого удивляло то, что иной раз следом пропадали их хозяева. Некоторое время Лобунин еще поиграл с властями в казаки-разбойники, но скоро неравная игра стала слишком опасной: все чаще неприятности стали приключаться даже с теми собачниками, которые избавились от своих питомцев: их находили то ли по загодя составленным спискам, то ли по доносам. Ему пришлось скрыться, оставив собаку добрым людям в деревне, куда еще не докатилась новая волна.

Пса он так и звал – Пес, вопреки записанной в паспорте вычурной кличке; для него это и впрямь была собака с большой буквы, собрание всех собачьих и лучших человеческих черт – существо, с которым можно говорить по душам. Лобунин заранее рассказал ему об отъезде, ничего не утаив, – и тот, поняв и простив всё, стал увлекать хозяина на прогулки в места, связанные со своей молодостью, а позже по разным причинам оставленные вниманием: приходил туда и, огромный зверь, сидел в задумчивости, наблюдая и вспоминая – прощаясь навсегда.

Выйдя на площадку и свесившись над пролетом, Лобунин крикнул: «Есть кто-нибудь живой?» – и эхо, бесполезно обойдя этажи, возвестило о безлюдье; это был редкий случай, когда он пожалел об отсутствии соглядатаев. Публику, вероятно, можно было б найти лишь в вестибюле отеля, и Лобунин решил попасть туда во что бы то ни стало; всё, что пришло ему в голову, это испробовать пути через чердак и подвал. Без особой надежды спустившись по лестнице, он, к своему удивлению, нашел вход в подземелье открытым и, опытный человек, усмотрел в этом неладное. Прежде чем войти, следовало подумать, как выйти: не ровен час, дверь захлопнулась бы или кто-нибудь запер бы ее нарочно, а там и вода могла хлынуть с улицы в нечаянно разбитое им самим стекло под потолком – и, пошарив по карманам, Лобунин соорудил, что сумел, из скрепки и спичек.

Подвал, как и подобает, представлял собою анфиладу скучных помещений, служивших складами, раздевалками и мастерскими; пройдя их несколько, Лобунин попал в комнату, обставленную, словно дачная закусочная, дрянными пластиковыми столами с грязной посудой на них. Здесь его задержала, как задержала бы и почти всякого русского человека, находка едва початой бутылки – предмета, в его положении и состоянии необходимого. Его подмывало поспешить с добычей к себе, но он не смел унести чужое; с другой стороны, искать владельца не имело смысла

– бутылка могла стоять здесь не первый день – и, собравшись двигаться дальше и уже нацелившись на боковую дверь, ведущую, по его вычислениям, в центральный подъезд, он сделал добрый глоток. Выпитое отдавало самогоном и медом, и он зауважал местных винокуров.

За дверью оказалась короткая лестница, выведшая его в ярко освещенный коридор, застеленный мягкой ковровой дорожкой и заканчивающийся справа зашторенным окном, а противоположным концом впадающий в вестибюль, куда и направился Лобунин, довольный тем, что шаги стали не слышны. Тотчас ему попалась стеклянная стена бара, но за нею было темно и пусто; пусто оказалось и в вестибюле, куда Лобунин, предварительно изучив его в удачно повешенном зеркале, вышел с величайшею осторожностью, чтобы не попасться на глаза портье; но и того не было на месте, а на шкафчике с ключами и стеклянной витрине с вожделенными проспектами висели замки. Необычная тишина стояла в доме, и только откуда-то из дальнего угла доносились вялые голоса; там, в углу, нашлась винтовая лестница вниз, на круглую площадку, вместившую крохотное кафе: стойку и два треугольных столика, за которыми расположилась давешняя девичья стайка. Девушки были невеселы, и беседа их то ли угасала, то ли никак не могла начаться. Спустившись было на несколько ступенек, Лобунин вспомнил о деньгах, вернее – об их отсутствии. «Так оно и лучше, – утешил себя он. – Утро вечера мудренее».

Крадучись, он вернулся в подвал, где первым делом снова приложился к знакомой бутылке. За этим его и застала появившаяся на пороге девушка в лиловом платье до полу, тонкая ткань которого в полутьме выглядела мелкой кольчугой. Лобунин решил, что она подглядывала.

– Ваше здоровье, – нашелся он.

– Э, да тут осталось, – удивилась она. – А я несу еще.

– Не пропадет, – нахально заверил смущенный Лобунин, косясь на новую этикетку и думая, что удачно выбрал время для своей вылазки. – Я без спросу отпил, простите. Без этого не обойтись было: настроение, прямо скажем... Хоть вешайся... Впрочем, у вас, видимо – топятся. Завтра получу по чеку и отдам.

– А, пустяки. Нам продают со скидкой.

– И вы в одиночестве попиваете. Занятно.

– Денег же вы, может случиться, не получите и завтра. Знаете ведь, как это бывает в банках: то ревизия, то бандиты. Да что вы так смотрите? Я шучу, шучу. В крайнем случае вам дадут талоны на еду, а их и в баре принимают, и девушке можно заплатить.

– Спасибо, что просветили.

– Ваше счастье, что напали на меня: из других тут слова и клещами не вытянешь.

Взяв с незамеченной им полки стопку бумажных стаканов, она налила Лобунину:

– Выпейте, не то у вас такой вид, будто вы замерзли или обижены и вот-вот зарычите. Да постойте, у вас ведь собака была, правда? Мне такие вещи видны. Была ведь?

– Какое там... – почуяв подвох, махнул он рукой.

– Что ж, вы правы, жизнь здесь подлая, и лучше поменьше рассказывать о себе: всё будет обращено во вред.

Ему вдруг совершенно ясно представились библейские глаза Пса, смотревшие с укоризной; Лобунин подумал, что перед человеком чувствовал бы свою вину не так остро. Привыкнув говорить (обычные в таких случаях слова), что потратил на воспитание Пса часть собственной души, Лобунин всерьез полагал, что тот в самом деле был как раз этой самой родимой частью, только живущей опричь. Разделенные, они должны были погибнуть – понятно, кто раньше, оттого что собачий век недолог, – и только сейчас, возбужденный выпитой медовухой, Лобунин, прежде, как и любой нормальный человек, отгонявший мысли о смерти, вдруг сообразил, что должен бы, напротив, просить ее приближения, потому что первым, встретившим его на небесах, будет Пес.

– Мне бояться нечего, – ответил он девушке, – тем более – сплетен в чужом городе. Всё, что можно было, я уже напортил себе сам – и не здесь.

– Вам нужны лишние неприятности? Да и вылазка в подвал... Не вы первый находите эту дорогу. Лучше не рискуйте напрасно, а забирайте обе бутылки и возвращайтесь домой.

– Домой! Впрочем, окрестность меняет цвет в зависимости от количества выпитого. А местное зелье и само окрашено прелюбопытно – наверняка врачует раны, утешает в скорби, молодит и предохраняет от сглаза, не так ли? Но я-то искал другого: хотел приобщиться к здешней ночной

жизни. Жаль, не взял буклет – целая стопка лежала на стойке: надо же хотя бы по картинкам представить себе ваши злачные места: казино в аквариумах, фантастические подводные бордели...

– Вы нас переоцениваете: воображения местных жителей достало лишь на устройство ночной бани. В десять часов город уже спит, чтобы не видеть воды.

– А у нас в эту пору только жизнь начинается, – с тоскою вспомнил Лобунин, не веря, что и сам когда-нибудь примет здешний распорядок дня. – Кто идет к женщине, кто – на большую дорогу, а кто – просто посидеть с друзьями. С друзьями – это чтобы не пить, как вы, в одиночку.

– Здесь выбора нет, так что ступайте, ступайте. Это всё же казенное помещение. Ничего хорошего вы тут не высидите.

Уязвленный, Лобунин подумал, что мысль о месте встречи со своей собакой пришла ему в голову неспроста, и следует приготовиться ко всякому; но он слабо верил в такую скорость развития событий, чтобы ему в один прием перенестись на небеса – да еще и неизвестно, на небеса ли.

– Хорошо, – наконец согласился он, с неохотой поднимаясь и прикидывая, нельзя ли попросить девушку обслужить его в кредит. – Чтобы подвести черту, не стоило из одного опустившегося города бежать в другой. Здесь, вижу, всё идет, как у нас, а мы-то в простоте своей представляли, будто местные жители едва ли не ходят вниз головой, как в Австралии.

– Главное, пережить первую ночь.

Но именно она и страшила Лобунина, вообразившего, будто забежал слишком далеко на север и ночь протянется полгода; с другой стороны, все эти долгие шесть месяцев он был бы в безопасности.

– Первая ночь – это звучит...

– Сейчас светает рано, – сказала девушка, откидываясь на спинку стула и так вильнув при этом всем телом, что Лобунин на секунду усомнился в назначении ее лиловой чешуйки. – Вы понимаете, что я имею в виду? И все равно, ни одна собака вас не найдет.

«В том-то и беда, – едва не сказал вслух Лобунин. – Он же маленький и не может без меня. Однако нужно взять себя в руки: еще немного, и я стал бы исповедоваться перед проституткой».

Он снова, назло ей, уселся – на край стола. В этот момент погас свет.

– Посидите спокойно, – вздохнув, велела она, угадав его намерения, – не то поколотите чашки.

Слышно было, как она шарит на полке. Потом чиркнула спичка.

– Это часто бывает, – объяснила она, ставя на стол свечу. – Отсыревают провода.

– Как бы тут не заплесневеть. Да, послушайте, а как же колокола? Их что, совсем не слыхать в окрестности? Из-под воды?

– Говорю же, светает рано, – уже не скрывая раздражения, ответила она. – Вы прямо как младенец. И деньги вам дадут завтра, а не через полгода.

– Да причем тут... – раздражился и он. – Мне другое интересно: вечером-то, вечером случается, наверно, что народ не успевает разойтись из церкви? Так и молятся до утра? И людям ни поспать, ни присесть, и Господь обманывается их рвением?

– Может случиться, что молитву услышит вовсе не Он: никогда не знаешь, кто стоит рядом.

– И верно, мне боязно было бы молиться здесь... на людях.

«На русалках», – едва не сказал он.

– Вот и мне с ними совсем непросто, – согласилась девушка, испытующе глядя в глаза Лобунину. – Возьмите-ка вторую свечку.

Зыбкий огонек в его руке не мог осветить углы, где теперь мерещилось самое неожиданное, и обратная дорога показалась Лобунину такой долгой, что он подумал, не заблудился ли. «Это тебе не крестный ход на Пасху», – сказал он себе, понимая, что никогда больше не пройдет в полночь вокруг храма – если только безрассудно не вернется к своему другу, возможно, еще не поверившему в предательство хозяина; он уже не видел разницы в итоге – медленно пропадать поодиночке или неизбежно и самым странным образом скоро сгинуть вместе.

Комната приюта показалась Лобунину вполне уютной при свете свечи; тут в углах тоже скрывалось неожиданное, но такое, что живет близ любого домашнего очага, не давая обитателям почувствовать себя одинокими. Глядя на живой огонек, Лобунин не понимал человека, придумавшего электричество.

Арно НИКИТИН

От пяти до двадцати двух

(Главы из повести)

Кошачий рай

В то время не было другого такого города на земле, где было бы столько бездомных кошек. Вернее, у всех у них был дом, и этим домом был целый город – Астрахань. Интересно, как вы себе представляете бездомную кошку? Худая, голодная, шерсть клочьями, всего боится? Так? Дудки! Астраханские кошки были упитанными, наглыми, с лоснящейся шерстью, чрезвычайно плодовитыми и голосистыми... Не было такого уголка в городе, где бы каждую ночь не звучали кошачьи концерты. Не было такого местечка, где бы не разгуливали барской походкой разномастные коты, не грели бы на жарком астраханском солнышке беременные свои животы их многочисленные жены, не шмыгали бы взад-вперед стайки котят. И все находили пропитание и жилье.

До сравнительно недавнего времени Астрахань была в основном деревянной и одноэтажной. Только в центре да в двух-трех микрорайонах стояли многоэтажные каменные дома. А все деревянные дома имели чердаки или, как их называют в Астрахани, – «подловки» (с ударением на первом слоге). Слово «подловка» произошло не от подлости, а от предназначения помещения: «под лов», потому что там висели гирлянды вялящейся пойманной рыбы. Не было на свете и уже, наверное, не будет, другого такого места, которое изобиловало бы таким количеством первосортной рыбы, рыбацкими традициями и, конечно же, рыбаками. Кто не ловил сам, всегда мог купить практически все по бросовым ценам. Не только рыбные рынки, садки и магазины были переполнены всевозможной рыбой – около каждого гастронома сидели рыбаки и за бесценок предлагали только что пойманных судаков, сазанов, лещей, воблу. За бутылку водки насыпали мешок судаков или давали осетра, а до 70–75-го года – и литровую банку черной икры. И это в городе, а по рыбацким селам все это было втрое-впятеро дешевле. Практически каждая семья солила, вялила, коптила от воблы до залома, от белорыбицы до осетра и белуги. В каждом доме, в каждом дворе почти ежедневно чистили, потрошили, жарили, фаршировали, тушили лещей, сазанов, судаков, миногу, воблу, стерлядок. Щука – на любителя, в основном свежая щучья икра, иногда – котлеты. У сомов готовили только плес (заднюю, хвостовую часть). Варили двойную, тройную уху...

А знаете ли вы, как готовится тройная уха? Я расскажу. Сначала варятся нечищеные, но потрошеные, с вынутыми жабрами, окуньки. По готовности они просто-напросто выбрасываются. Полученный бульон процеживается через марлю или частое сито, а потом в него запускают уже чищеных и порезанных судаков, сазанчиков и лещей, которые варятся не более получаса. Каждый раз перед закипанием рыбы удаляют накипь. За десять минут до окончания варки кладется соль и горошки черного перца. Готовая рыба выкладывается на блюдо, а в бульон запускают подготовленную и порезанную на порции стерлядь и очищенные головки репчатого лука, через пятьдесять минут добавляют картошку, лавровый лист и варят еще двадцать-двадцать пять минут. За пять минут до окончания варки извлекают и выбрасывают вареный лук, а за несколько секунд до снятия с огня в готовую уху вливают треть стакана водки. Затем вынимают и раскладывают по тарелкам стерлядь и заливают горячей, крепчайшей, прозрачной ухой. Такую уху еще называют «царской». Правда, были еще нюансы, но они потеряли свою актуальность в связи с полным отсутствием «ингредиентов». Например, для получения ухи особой крепости и абсолютной прозрачности делалась оттяжка юшки сырой черной икрой... Каково?

Красноперку, тарань, сапу за рыбу не считали – вернее, считали за сорную рыбу. Не всякая астраханская кошка ее ела. Подловки, в зависимости от сезона, ломились от вывешенных на про-

---

Арно НИКИТИН родился в Астрахани в 1951 году, окончил медицинский институт. Публикуется впервые. В настоящее время живет в Москве.

сушку и вяление воблы, селедки, жереха, леща, судака, провесных и копченых балыков из красной рыбы – и кошки, Боже упаси, эту рыбу не трогали, хотя и жили на этих же самых подловках: им и так хватало. Воистину: статус Рыбной Столицы Мира Астрахань заслужила по праву!

А осенью и весной армия охотников наводняла город битыми утками, гусями, кашкалдаками[1], которых тоже беловали[2], потрошили, разнообразя меню тех же кошек... При таком изобилии особенным, редким шиком для уважающей себя астраханской кошки являлось поймать мышку или крысеночка... Почему в Астраханском крае, несмотря на такое обилие кошек, множество грызунов? Да потому, что кошки зажрались!

Вот так в то время жили в Астрахани кошки. Да и люди тоже неплохо жили, но не так, и не все... Все-таки у людей и потребности повыше, и спросу с них больше. Да еще за людьми глаз да глаз нужен, мало ли... Это вам не кошки, которые живут себе и живут...

И мне довелось в то время пожить в этом кошачьем раю...

В самые отчаянные голодные годы в Астрахани с голоду не умер ни один человек. Ну, может, один или двое самых уж отъявленных бездельников. Изобильная астраханская Волга кормила всех. Не было хлеба – грузили лодки, барки рыбой и шли вверх, меняли рыбу на хлеб. Представьте: у вас дома – шаром покати, есть нечего... Идти просить милостыню? Ни в коем случае! Что делает астраханец в такой безвыходной, казалось бы, ситуации? Астраханец берет какую-нибудь палку метра два-два с половиной длиной, привязывает к одному из концов суровую нитку (если есть леска – еще лучше), делает из обыкновенного веника поплавок и к концу нитки привязывает крючок. Все! Дальше – дело техники: нарыть с десяток червей и прогуляться до Кутума (рукав Волги, протекающий через весь город). Посидели час с такой удочкой – ведро рыбы наловили... В шесть-семь-восемь лет я сам ходил на Кутум, который был рядом с домом, точно с такой удочкой. Просто так ходил, а не потому, что есть нечего было. За час-полтора ловил ведро сазанчиков-лопушков (самые вкусные, по 700-800 г) и приволакивал домой, а бабушка меня сильно ругала:

– Ну зачем ты опять рыбу припер? Куда мне ее девать?

– Бабуль, ты ее пожарь.

– Да кто ж ее будет есть? Ты, что ль? Ты же не ешь ничего, худющий вон, как живодрист... Иди кошкам отдай.

Я покорно выходил со своим уловом во двор, наметанным глазом примечал с десятка полтора сонных и ленивых кошек, там и сям прячущихся в тени, шел к месту, где обычно во дворе чистили и потрошили рыбу (такое место было оборудовано в каждом дворе), вываливал свою рыбу и начинал навязывать им внеплановую трапезу:

– Кс, кс, кс, кс, кс, кс..... – Через пятнадцать минут этого беспрерывного «Кс, кс...» неторопливо подходили две-три кошки, нюхали свежайшую, полчаса как пойманную рыбу и, смерив меня презрительным взглядом, отваливали на прежние места... С тех самых пор охота к рыбалке у меня отбита начисто.

А насчет «живодриста» бабушка была права. Я действительно был худ, но не от недоедания, а от конституции... Утро обычно начиналось так. Бабушка меня будила, и я бежал умываться. По радио, которое не выключалось никогда, какая-то голосистая певица исполняла «Соловья» Алябьева... Где-то с полминуты бабушка вслушивалась в звонкие рулады и произносила: «Эка ее надирает!»

Или после объявления диктора: «...а теперь послушайте в исполнении Павла Лисициана «Эпиталаму» Рубинштейна» Павел Герасимович начинал петь: «Пою тебе, бог Гименей...» – бабушка произносила те же слова, но только: «Эка ЕГО надирает»...

А мне нравился и «Соловей», и «Эпиталама». На столе, между тем, лежала нарезанная ломтиками в палец толщиной паюсная икра, сливочное масло и хлеб. Бабушка наливала здоровенный бокал горячего калмыцкого чая, с которым я и уминал бутерброд с черной икрой. Кроме того,

[1] *Кашкалдак – астраханское название лысухи.*

[2] *Обеловать – в отличие от ощипывания, снять с дичи кожу вместе с перьями, оставляя чистую тушку.*

бабушка предлагала скушать яички или сырку, но я категорически отказывался и бежал гулять. Вы, наверное, подумали, что мы жили зажиточно? Отнюдь. Жили средне. А икрой в то время в Астрахани можно было удивить разве что какого-нибудь приезжего... Калмыцкий же чай там готовят не реже, чем в Элисте. Мало кто знает, какой это вкусный и сытный напиток.

Кстати, русский чай в Астрахани всегда был в особом почете. «Астраханский чаевник» – когда-то это выражение было укоренившимся и не подвергавшимся сомнению. Объяснить это несложно – основной пищей была рыба, а после рыбы люди отпивались чаем...

Астрахань удивительна и самобытна. В этой самой низкой точке на планете веками селились русские, татары, калмыки, казахи... Да кого там только не было... И каждый приносил с собой свое и все отдавал в общий котел. И такая в этом котле получилась уха, равной которой по вкусу нет нигде в мире.

Немногие знают про бабайку, которого я перестал бояться лет с трех. А ведь каждый астраханский ребенок знает бабайку... Бабай по-татарски – старик, дед. И родители пугают непослушных детей: смотри, будешь шалить – заберет бабайка. Вообще татарских слов в астраханской речи много, и они настолько гармонично вплелись в русский язык, что слушать коренного астраханца – одно удовольствие: вон идет старуха с зимбилем – и все понимают, что старуха – это старуха, а зимбиль – это плетеная из чакана сумка.

Астраханец не скажет, что идет на рынок – он идет НА БАЗАР.

А знаете ли вы, как отличить астраханца от неастраханца? Дайте ему в руки воблу и посмотрите, как он ее будет чистить. Неастраханец потратит на это простейшее дело неопределенно долгое время. Астраханец чистит воблу за 10 секунд, молниеносно выполняя два последовательных действия:

1. отрывается голова;
2. резким движением отрывается брюшко от спинки.

Все! Шкурка надорвана со всех сторон, и убрать ее – секундное дело. И вот у вас в руках – полупрозрачная, слезящаяся жиром спинка и ребрышки, раздутые нежнейшими семядолями икры. Такая виртуозность объясняется тем, что астраханцы едят воблу с пивом, а весь остальной мир пьет пиво с воблой. Кстати, я еще захватил время, когда вобелья икра продавалась в Астрахани бочками.

Да что там говорить... Когда-то маринованные сазаньи языки – тумаки (изысканный деликатес) – бочками же поставлялись к царскому столу. В астраханской области есть такое село – Тумак. Так вот, промыслом этим занимались как раз тумакчане.

Да что там говорить... Когда-то знаменитая каспийская сельдь шла по Волге на нерест такими плотными косяками, спина к спине, косяк к косяку, что, выплыв на середину реки, можно было воткнуть весло вертикально в воду, и весло это несколько метров шло вертикально же против течения... В это время во всех прибрежных селах даже в большие церковные праздники не звонили в колокола. Правда, потом целых семьдесят лет колокола не звонили уже вне связи с ходом селедки, но это – совсем другая история... К слову, в двадцать первом веке большинство астраханцев каспийской селедки вообще не пробовало, да и поголовье кошек резко сократилось...

Да что там говорить...

Трудовой семестр

Первые три курса института, начиная с августа, студентов отправляли в колхозы на уборку арбузов. В конце сентября нам щедро прощали заработанные за два месяца трудового семестра долги (мы редко расходились с колхозом в ноль, почти всегда оставались должны) и отпускали на учебу. Колхоз «Большевик» был флагманом Лиманского района по сдаче бахчевых государству. Жили мы на бригадах, в длинных саманных бараках. Электричества не было, зато каждый день в молочных флягах привозили воду. Был свой студенческий бригадир – из наших, и бригадир с

учетчицей – из колхозных. Эти наведывались в бригаду раз в два-три дня. Работали в алгоритме: сбор-погрузка. До обеда – собираем арбузы в поле и складываем в кучи, после обеда – грузим их в машины. Средний арбуз весил двенадцать килограммов, но были и за двадцать. При погрузке бригада вставала цепью и перебрасывала арбузы от кучи к машине.

На наших девчонок жалко было смотреть: с туго перебинтованными запястьями, охая и кряхтя, они «ловили» и «кидали» крупнокалиберные полосатые ядра, которые, разворачивая их вокруг оси, сбивали с ног. Арбузный бой был страшным. Там, где мы проходили, земля окрашивалась арбузной кровью...

Но проходила пара недель – и самая тщедушная девчонка начинала лихо швыряться зелеными громадинами на три-четыре метра.

Первые два-три дня, поужинав, бригада понуро расползалась по нарам, забиралась под полога... и вырубалась.

Но очень скоро народ потянулся на токовище. Зазвенели гитары и полились песни. Мы все время были неразлучны со Славкой – моим одноклассником, с которым вместе поступили в мединститут и учились в одной группе. Славка был гитаристом от Бога и имел замечательный слух. Он мог и солировать, и аккомпанировать. Гитара, схваченная длинными и сильными Славкиными пальцами, пела то цыганскими переборами, то испанским фламенко. То звучала банжо, то контрабасом, а то – гавайской гитарой.

Со школьных лет, со школьных вечеров у нас со Славкой накопился обширнейший репертуар. За сильный, чистый и звонкий голос мне дали в бригаде кликуху: поющий Вова. Устраивались концерты, за пять километров приходили люди из соседних бригад, начиналось токовище...

Теперь уже никто не ложился спать раньше полуночи. А многие ложились только под утро...

Сколько романов начиналось на астраханских арбузных полях! Сколько свадеб было сыграно после трудового семестра! Сколько абортов было сделано в первые месяцы учебы... Кому – радость, а кому – слезы.

Среди нас был Коля Кукушкин. Кликуха – Никсон. Представьте двухметрового гиганта, весящего пятьдесят пять кг. Он был добродушнейшим и остроумным парнем, но имел два недостатка. Стоило Никсону выпить стакан – и он преображался. Его тянуло раздеться полностью и выйти в широкие массы. Вторым недостатком был его детородный орган. Все то мясо, которого так не хватало на Колиных костях, в избытке наросло на этом органе.

Однажды в любимом студентами ресторане «Поплавок» Никсон в конце застолья расстегнул штаны и, не вставая с места, сильно постучал им по столу:

– Официант. Счет.

Излишне говорить, что его рассчитали мгновенно...

Мы обхохатывались, когда на токовище какая-нибудь облапленная его гигантскими клешнями неосведомленная второкурсница из соседней бригады, затаив дыхание слушавшая, как он мурлыкал ей на ушко всякие нежности, отстранялась вдруг на секунду и вопрошала:

– А почему вас все называют Никсон? Как вас зовут по-настоящему?

Коля, не задумываясь, отвечал:

– Ричард.

И как потом все жалели ту же самую девочку, лежавшую у нас на бригаде с приоткрытым ртом и сведенными к переносице глазами, после того как..., и давали ей возможность отлеживаться неделю-две...

И сострадающий Никсон первым хлопотал за нее у обоих бригадиров из соседней бригады...

Пока оставались валютные резервы в виде спиртного, предусмотрительно привезенные из дома опытными коллегами, пока были деньги, на которые шоферы привозили нам сельповские портвейн и водку – жить было можно. Много не пили, но на токовищах всегда пускали по кругу бутылку вина «для дам» и бутылку водки «для кавалеров». Но когда кончилось и то и другое – надо было что-то думать... И мы придумали.

В четырех километрах от бригады был железнодорожный разъезд. В двенадцатом часу ночи на нем останавливался на две-три минуты московский поезд. К нему-то мы и повадились выносить отборные арбузы, которые проводницы скупали в драку, оптом. Арбузы улетали за минуту.

Выходили за два часа. Каждый нес в обеих руках не менее тридцати кг. Шли только мужчины, прижимая ношу к груди. Человек десять. Только бы успеть! Только бы успеть...

За сто метров до платформы ноги подкашивались, руки тряслись. Потоки пота заливали глаза, и нельзя было их утереть. Зато потом...

Мы полчаса отдыхали у вокзальной водопроводной колонки и отпивались, как верблюды.

И неспешным шагом шли по ночной астраханской степи, впитывая в себя всю ее красоту: от полыни до звезд...

«Пусть она-а-а светит всеем,
Как волшебная лампа в ночи-и-и,
Пусть ее-о -о ясный свеет
Освеща-а-ает влюбленным пути...»

Звенел акапелла над степью мой голос... И токовище радовалось: Успели!

А наутро нужно было вставать в шесть – и мы вставали.

Многие умывались недозревшими, белыми внутри арбузами. А потом подходили к двадцатикилограммовому гиганту, приподнимали его сантиметров на двадцать и отпускали. Арбуз лопался с треском и разваливался. Размером с футбольный мяч внутри его сверкала инеем сладчайшая сердцевина. Ею мы завтракали.

А вечером – снова концерты, посиделки, ночные прогулки по степи с хорошенькими студентками...

Поглаживая белую ножку студенточки и неуклонно подбираясь к ее голубеньким трусикам, я неизменно слышал:

– Ну, не надо, Володя... Ты ведь такой непостоянный...

Тогда я выдавал:

«... Рад послушать песню былую,
Но не лай ты, не лай... Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу к себе в дом...
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом...»

Припечатанная то ли стихами Есенина, то ли моей настойчивой рукой, девочка затихала...

Однажды, заигравшись таким образом, я что-то упустил из-под контроля...

И через два месяца женился. А еще через семь месяцев у меня родился сын. 3500!

Татьяна НЕШУМОВА

* * *

Тихо-тихо читая молитвы,
осыпается берег любви.
После битвы
и после ловитвы
как тихи берега твои.
После битвы и после ловитвы
в небесах возникает покой.
Птица видит, как солнце садится.
Боль поет в ее сердце, и птица
улетает домой.

* * *

человек живущий очень тихо
говорящий себе по-испански вальехо
у черепахи черепа нет – только пахи
и чулпанхаматову путающий с молоком

утром наливает в кружку из бата кофе
литтл кофе – а за окном – глядите-ка облака
днем принимает лифт в библиотеке
как живут они эти женщины в библиотеке
как они принимают утром свой литтл кофе
и ванну на ночь разведенную с молоком

у него нога отваливается конкретно
или фаршируется как купата вечерним чаем
морская черепаха по однородному солнечному дну моря
ползет-плывет как хорошо ей
черепа нет
и ноги всегда навесу

* * *

У математика
думы какие –
психосоматика,
шизофрения.

Татьяна НЕШУМОВА родилась и живет в Москве. Закончила русское отделение филологического факультета МГУ. Научный сотрудник музея Бориса Пастернака в Переделкино. Автор статей в словаре «Русские писатели / 1800–1917», работ о Б. Пастернаке, О. Мандельштаме, Д. С. Усове, В. А. Меркурьевой и современных поэтах: Г. Лукомникове, Г. Дашевском, М. Айзенберге, В. Друке. Публиковалась в журнале «Юность», газете «Гуманитарный фонд», альманахе «Складчина», интернет-журнале «TextOnly», в сетевой антологии «Неофициальная поэзия» и др. Автор книг стихотворений «Нептица» (1997) и «Простейшее» (2004).

У арифметика
тоньше душа:
перипатетика
как хороша!

Лишь азбуковник
стоит как святой –
грустный полковник
один под фатой.

* * *

В потолочной области затылка
гулкий металлический совок
Крынка, кринка, азбука, бутылка,
по лесу летящий мотылёк.
А в височной области нехватка
пульса, пульса, пяльцы пустоты.
Тапочки, тарелочка, прихватка...
Мнемозина-Зина, это ты?

Эстонские картинки

1.
Черника

Черных бусин блеск жесткокрыло спрятав
темносветлым швом, равнодушной стражей,
слепо лес молчит, но всегда в оружье
воинство хвои.

2.
Маленький шторм

Встанешь утром и удивишься гулу:
скрип ли это иль непонятный голос
молит, точно кто понарошку хмурит
белые брови.

* * *

Эти молочные реки и эти кисельные берега
Ты для меня оставила, бабушка-вьюга.
В голубые твои веки, в белые облака
Я уплываю, счастливая твоя внука.
Вместе со мною, не понимая, как
Это всё совершается в мире угрюмых болей
Плывет кое-кто, чей один башмак
Нам еще виден отсюда, а другой
Уже соскользнул в молочную реку-море.

«Не питай иллюзий...»

*Переписка Валерия Белохова с Александром Болонкиным**

Вниманию читателей предлагается переписка Валерия Белохова с Александром Болонкиным (письма 1985-86 гг.). Она сохранилась не целиком (или, во всяком случае, не целиком находится в нашем распоряжении). Более того, странно уже то, что она все-таки сохранилась: Болонкин советовал Белохову уничтожать его письма. Послания Белохова получены нами не от адресата (А. Болонкин любезно разрешил печатать свои письма), – копии «под копирку» хранились в его архиве.

О Валерии Белохове (1947–1987) мы подробно писали в первой публикации, поэтому напомним лишь основные моменты. Он был арестован в сентябре 1972 года, в декабре осужден по 70-й статье на пять лет. Среди инкриминировавшихся ему материалов «Программная платформа социалистического прогрессивного союза», «Досье на партию», «С чего начать» и другие статьи, призывы к созданию новой партии в противовес КПСС и изменению государственного строя в СССР. Через 2 года Белохов был досрочно освобожден, обратившись с просьбой о помиловании. Свою версию этого он излагает в публикуемой переписке.

Александр Александрович Болонкин был арестован в 1972 году за распространение самиздата (Сахаров, Солженицын, Марченко, Авторханов, «Хроника текущих событий», Конквест, листовки и многое другое) и приговорен к 4 годам лагеря и 2 годам ссылки.

Он родился в 1933 году, к началу 70-х сделал успешную научную карьеру – закончив Пермский авиационный техникум, Казанский авиационный институт и Киевский университет, затем аспирантуру Московского авиационного института, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, работал ведущим инженером в авиационном Опытно-конструкторском бюро Олега Антонова и начальником отдела надежности в ракетном бюро академика В.П. Глушко, занимался преподавательской деятельностью. Авиация и космос были традиционно приоритетными направлениями советской науки и промышленности, но для Болонкина технический прогресс был немыслим во внеэтическом измерении; он анализирует доступную ему в силу статуса закрытую для простых смертных информацию, размышляет над трудами академика Сахарова. Болонкин переходит к практическим действиям: он конструирует простейший множительный аппарат и тиражирует свое изобретение среди единомышленников. На этой технике печатается множество самиздата, в том числе журнал «Свободная мысль», в котором публикуются исследования Болонкина.

Болонкин получил относительно небольшой срок, но приватным образом ему было обещано, что он никогда не выйдет на свободу. И власти постарались сдержать слово. В 1978 году, за несколько дней до окончания срока, по сфабрикованному обвинению ему дают еще 3 года уголовного лагеря, в 1981 году угрожают третьим сроком. Об этом есть в публикуемых ниже письмах, подробнее – в книге Болонкина «Записки политзаключенного» (NY, 1991). Ни обращения Сахарова, ни протесты западных правозащитных организаций не помогают.

Понимая, что третьего лагерного срока он не выдержит, Болонкин выступает с раскаянием и отправляется в новую ссылку – хотя бы не в лагерь. И вот, ссылка уже закончилась, но из места отбывания никто его отпускать не собирается.

Собственно, на этот моменте неопределенного ожидания и строится публикуемая ниже пе-

---

** «Волга» продолжает серию публикаций из архива Валерия Белохова («Все любили получать письма от Петрова» // Волга. № 1 (414). 2008; «Листки из глухого времени». Письма Олега Сенина Валерию Белохову // Волга. № 3 (416). 2008).*

реписка двух политзэков из двух «углов». Забытые подробности общественной жизни, выборка деталей, определенный угол зрения, пересказ западных новостей, пристрастные их комментарии – все это создает мгновенный «фотоснимок эпохи», которая, казалось, будет бесконечной.

С развертыванием демократических преобразований в СССР Болонкин освобождается, дезавуирует свое «покаяние», в 1987 году он эмигрирует в США, преподает в американских университетах, работает в системе НАСА и Военно-воздушных сил. Кроме профессиональной специализации, в круг его интересов входит проблема человеческого бессмертия в связи с развитием компьютерных технологий, парадоксальным образом пересекающаяся с идеями Тимоти Лири (см. его книгу «Бессмертие людей и электронная цивилизация». NY, 3-е изд., 2007).

Сегодня Александр Болонкин член Совета Директоров Международного Космического Агентства, Председатель секции Космических Полетов, участник многих Международных Форумов и Общеамериканских конференций, автор множества книг по аэрокосмической тематике, Президент Международной Ассоциации бывших советских политзаключенных и жертв коммунистического режима.

Вчера – политзэк, томящийся в бессрочной ссылке после 15 лет (в общей сложности) лишения свободы. Об этом – в письмах.

Александр Болонкин – Валерию Белохову

№ 1

г. Улан-Удэ. 13.6.85

Здравствуй, Валера!

Письмо твое № 1 от 1.06.85 получил. Не падай духом. Туберкулез в настоящее время, если не лечат полностью, то локализуют буквально в 100% случаев. В последнем моем месте заключения (ИТК строгого режима в п. Южный ОВ-94/2 под Улан-Удэ) больна туберкулезом была почти 1/3 – 1/4 состава (в основном, молодые ребята). Лечение там сам знаешь какое. И тем не менее у большинства каверны локализовались, и жили они потом с ними, как и все остальные. Все-таки сейчас не прошлый век и медицина имеет хоть какие-то успехи. Не настраивай себя на пессимистический тон. Я не думаю, что твоя болезнь зашла далеко, да и ты не в Мордовии, а в нормальной советской больнице.

Больше бодрости и веры в свои силы. Помирать нам еще рано.

А вот пить не стоит. И не потому, что сейчас такая кампания. Надо найти какие-то иные занятия, хобби и времяпровождения, тем более, ты не в такой глуши, как я, можешь многое слышать, а иногда и видеться с людьми, друзьями.

Теперь кратко о себе.

Как ты знаешь, после Мордовии я попал в Бурятию в п. Багдарин. Здесь меня устроили вначале подсобным рабочим в геолого-разв.<едочную> партию, а т.к. шататься по тайге зимой в мои годы было непросто и я стал болеть, то потом устроили (как выяснилось позднее, специально) в КБО по ремонту бытовых приборов (утюгов, электроплиток). Одновременно ряд торгующих организаций предложили мне по письменным договорам произвести ремонт холодильников, радиоаппаратуры, которая поступила с заводов неисправной.

20 апреля 1978 г. меня арестовали и обвинили в том, что якобы мне за ремонт заплатили больше, чем положено (ст. 93 ч. II, 156 ч. I, 147 ч. 2 УК РСФСР). Виновным себя не признал. Дали 3 года ИТК строго режима.

Отбывать наказание вначале повезли в Красноярский край, на 50–80 км севернее станции Решеты (лесоповал), а затем через месяц вернули в Улан-Удэ и поместили в ИТК ОВ-94/2 п. Южный под Улан-Удэ. Здесь нач<альник> лагеря Друй Л. А. – еврей, сгубивший сотни душ, начал бешено терроризировать меня. 12 месяцев он продержал меня в ПКТ, а затем 265 суток в ШИЗо.

Причем, ШИЗо в Лесном были цветочки. Здесь ШИЗо с обледенелыми стенами, темнота, вонища, по 17 чел. на 9 м^2. И держать по новым правилам в нем могут не 15 суток, а сколько угодно.

Довели до полного истощения. Даже днем мне мерещился кусок черного хлеба. Но самое страшное – это холод, когда тебя днем и ночью бьет озноб и невозможно уснуть.

Получил хронический бронхит, радикулит и кучу других болезней, испортил желудок.

За 10 дней до конца второго срока, в апреле 1981 г. меня вновь арестовали и сделали дело по ст. 70 ч. II УК РСФСР. 40 уголовников-активистов подписали на меня нужные КГБ показания, тут же получали за это посылки, бандероли, свидания. Со многими из них я даже ни разу не поздоровался, а тем более не говорил. Часть из них специально сажали ко мне в камеру, но я с ними не говорил, тем более о политике.

После чего сказали, что либо получишь 15 лет, причем, создадим условия, что протянешь не более чем год-два, либо выступи по телевидению с раскаянием, и через 1-2 года ты вернешься в Москву к прежней работе.

Я согласился, т.к. понял, что иначе они никогда не выпустят. Здесь, в Сибири, они могут творить, что угодно, да и сейчас не 70-тые годы, игра в разрядку кончилась. Кроме того, после 265 суток ШИЗо я был в очень плохом физическом состоянии, тяжело болел. По делу шел один. Никакой деятельностью заниматься я не собирался.

Меня подлечили в больнице, переодели, вручили текст и записали на видеомагнитофон. Я просил изменить текст, но это не позволили. Стояли рядом и проверяли по копии. В газете же опубликовали, чего вообще не говорилось.

В феврале 1982 г. состоялся суд, где мне пришлось молчать или сознаваться в никогда не существовавших злых умыслах. Дали (по ст. 70 ч. II УК РСФСР) 1 год ИТК и 5 лет ссылки. Т.к. 1 год шло следствие, то 15 апреля 1982 г. меня освободили из следственной тюрьмы и местом ссылки определили Улан-Удэ, где я сейчас и нахожусь. Обещали через 1–2 года освободить из ссылки, вернуть в Москву, восстановить ученые звания.

Но так ничего и не сделали.

В июне 1984 г. я сам от себя лично подал в Президиум ВС РСФСР ходатайство о помиловании, представил отличные характеристики с места работы. 5-ть месяцев они тянули, а затем в ноябре 1984 г. сообщили, что оставшийся срок ссылки с меня сняли.

Перед этим с моей женой Болонкиной М. А., проживающей в Москве в моей квартире, познакомился начальник отдела КГБ, который обещал на ней жениться в случае развода со мной. В 1983 г. она развелась, после чего он исчез.

В мое отсутствие жена сильно пила, три раза попадала в больницу с алкогольными психозами.

Я добиваюсь возвращения в Москву, восстановления званий, но в ответ слышу только угрозы. Так, нач<альник> местного КГБ генерал Верещагин угрожает: «Что, уже отъелся, на свободе надоело гулять, снова в тюрьму захотел».

В общем, мне надо выбираться из этой проклятой Сибири ближе к Москве, а лучше вообще за пределы, т.к. здесь рано или поздно снова что-нибудь сфабрикуют и посадят. Здесь творят все, что хотят, т.к. глухо, как в танке.

Если есть у тебя знакомые в Москве или вокруг нее – напиши. Дай адрес Сенина[1]. Мне надо поменять однокомнатную квартиру в Улан-Удэ хотя бы на Тулу или иное место.

Что касается тебя, то обвинения против тебя выдвинул не я, а Любарский[2]. У меня лично никаких к тебе претензий нет. И характер обвинений разный. Тебя обвинили в скрытых действиях, наносящих ущерб другим людям. Я же выступил с раскаянием открыто, причем после многих лет невероятно тяжелых истязаний. Все прекрасно знают, какими методами КГБ заставляет каяться в несуществующих грехах. Зная их, я убежден в том, что и тебя помиловали, заставив либо выступить, либо подписать какие-то заявления, обращения и т.п. В Мордовии ходили слухи, что ты выступал в Саратовском университете. Если ты желаешь, напиши об этом.

Кстати, за последние годы каяться заставили многих, ужесточив методы содержания и обращения, а главное, фабрикуя новые дела при окончании срока. Например, я слышал, что раскаялся Чорновил Слава и др. Ему при окончании ссылки сделали «изнасилование», Айрикяну «взятку», Лисовому «тунеядство» и т.д[3].

Я не пытаюсь оправдываться, а рассказываю, как было дело. Кто не испытал все сам, тому легко обвинять, но моральное право обвинить имеет только тот, кто все прошел в таком же объеме и не сломался. А я держался с 1972 по 1982 г., 10 лет, и в каких условиях!

Я еще раз повторяю, что лично к тебе никаких претензий не имею и повторял, как и все, только обвинения Любарского, который мог и ошибаться.

Я думаю, что тебе не стоит серьезно переживать, жизнь все постепенно расставит по своим местам. Главное, чтобы никто другой серьезно не пострадал. Моя совесть чиста в этом отношении. И я уверен, что и твоя не запятнана в этом плане.

В больнице у тебя будет много времени. Напиши подробнее обо всех, что знаешь, что слышал о моем деле в 1975–82 гг.

А главное, выздоравливай.

С наилучшими пожеланиями: Александр.

Вкладываю фото.

P.S. Ты, наверно, помнишь в Лесном Петрова Ал<ександ>ра Александровича[4]. Говорят, три года назад его снова посадили.

Напиши подробнее, что за дело было у тебя с алиментами и где ты отбывал[5].

Народ здесь темный, радиоволны сюда практически не доходят.

Собираю магнитофонные записи Высоцкого, Северного, Розенбаума, Лазо и др. но доставать их трудно. Не удалось до сих пор послушать Старчика, Галича и многих других.

Зимой холодина до −40°С. Лето короткое. В течение суток бывают скачки температуры до 20°.

Если есть возможность – пришли фото.

Привет всем, кто не забыл. Сообщи при возможности Вагину[6] мой адрес и напиши обо мне.

P.S.S. Пытаюсь у местной почты высудить 952 руб. за утрату 81 заграничного письма.

Писать мне можно также по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, Главпочтамт, до востребования, Болонкину А. А.

Это, если не срочно, несколько надежнее, т.к. тут соседу одно время наказали лазить в мой ящик, что он иногда (правда, редко) и делал. 1–2 раза в неделю я хожу на Главпочтамт.

Если увидишь пластинки с уроками английского языка, обязательно с книжкой, то возьми и вышли мне.

То же в отношении немецкого и французского (для начинающих), но обязательно с книжкой. Деньги я тебе вышлю.

Когда минует надобность – письмо уничтожь.

Валерий Белохов – Александру Болонкину

г. Саратов
28.06.85
№ 2

Здравствуйте, Александр Александрович!

Получил сегодня Ваше письмо от 18.06.85. Спасибо. Очень взволнован повестью о Ваших злоключениях. В общих чертах я знал все это, и что не знал – вполне мог представить себе, зная «методу» известных органов. Но услышать все это непосредственно от Вас – совсем другое дело. Это потрясает. А я ведь не из чувствительных. Кое-что повидал и сам.

Ну что ж, попытаюсь ответить на Ваши вопросы, кое-что посоветовать, объяснить, помочь, чем смогу.

- - -

Рад, что у Вас нет ко мне претензий. Да было бы и несправедливо, если бы они были. Еще никто, насколько я знаю, из контактировавших со мной не может пожаловаться на то, что как-то пострадал. Этого не может сказать Твердохлебов[7], у которого я был в суде и в его присутствии дал

приличные показания. Его мать в коридоре суда потом горячо благодарила меня. Не может пожаловаться Арина Гинзбург, у которой я был дома. Не может меня ни в чем упрекнуть, наконец, Слава Петров[8]. А уж с ним мы общаемся очень близко. Сотни писем были за эти годы, многочисленные визиты друг к другу.

Я все это к тому, чтобы у Вас не развилась шпиономания. Конечно есть и негласный надзор, и люди, его осуществляющие, но все это делается проще, грубее, чем это мы себе порой фантазируем. Лично же меня вопрос доверия уже давно не волнует. Я не занимаюсь политикой в собственном понимании этого слова, и люди, чьим мнением я дорожу, и без того доверяют мне. Большего мне и не нужно.

Кстати, коль речь коснулась Твердохлебова: в комнате для свидетелей на его процессе я был вместе с Вашей женой (Она была с сыном, были еще Турчин[9], сестра Твердохлебова и др.). Я не стал с ней знакомиться. Еще раньше я звонил ей домой и к телефону подходил мужчина. Какой смысл был искать с ней контакта? Она была очень неряшливо одета. Это меня тогда поразило.

- - -

Отходил, чтобы позвонить Петрову домой, но его телефон упорно занят. Мой телефон – 44-74-31. Конечно, звонить в Саратов из Улан-Удэ дорого. Кроме того, через несколько дней я буду в больнице, но запишите себе на всякий случай. Всяко бывает. Мать у меня всегда дома.

- - -

Теперь о самом для Вас главном. Как выбраться из Улан-Удэ. Полезных для Вас адресов в Москве у меня не осталось. Что и было, то сплыло (Имею в виду, что убыли за кордон).

Сенин не может быть для Вас полезен. Он слишком занят своим адвентистским делом (один из заправил в секте адвентистов). Я был у него в Туле в 1981 году, в декабре того же года он был в Саратове. Его я интересовал как верующий-православный, которого он имел в виду перетащить к себе. Он утратил интерес ко мне, как только понял, что эта авантюра не состоится. Он весь занят карьерой в этой секте и крайне осторожен в выборе контактов. Вам он просто не ответит, т.к. Вы – неперспективны с точки зрения адвентизма.

Я, быть может, слишком прямолинеен, но суть дела именно такова.

Вам надо меняться на любой приличный город в пределах европейской части страны. Хотя бы и на Саратов. Это миллионный город с 400-летней историей, университет и еще 11 ВУЗов, 5 театров. У нас тут своя, непохожая на Вашу, атмосфера. (Во всяком случае, зарубежная корреспонденция не пропадает). Из «мордовцев» тут не я один. До Москвы – 18 часов поездом. Вечером сели, утром вышли на Павелецком вокзале. Мать у меня запросто катается за продуктами. Здоровый климат.

Что у Вас там за квартира? Можно было и дать объявление в нашей «Рекламе». Я бы присматривал тут варианты. Мне ранее попадались на глаза объявления обмена на Улан-Удэ. Конечно, обмен будет с потерей. К примеру, однокомнатная квартира на комнату в коммунальной квартире, или квартиру с неполными удобствами и т.д.

Впрочем, дело покажет.

Это то, в чем я реально бы смог Вам помочь.

- - -

Только, ради Бога, сидите в своей Бурятии тихо, не обостряйте своих отношений с чекистами. Когда Вас сажали в последний раз, в Вашу защиту еще покрикивала «Свобода», а теперь, если что и случится, уже никто кричать не будет. С Вами расправятся тихо, так тихо, что никто Вас и не услышит. Проявите благоразумие! Я написал о Вас Любарскому. На днях буду писать Вагину. Упомяну и там.

Вам самому это сделать не дадут. По крайней мере оттуда. Спишитесь с Петровым поплотнее. Он тоже может помочь. Правда, у него на руках парализованная мать, и сам он после инфаркта. Его возможности ограничены ныне.

Я тоже вот ложусь в больницу.

Но все-таки даль придвинуть можно. Только будьте благоразумны, не боксируйте Вы с мест-

ными божками. Ничего не добьетесь. Вы же сами о том говорили. Продемонстрируйте эту лояльность, если ничего другого не останется.

Только больше никаких публичных выступлений.

(Кстати, отвечаю на Ваш вопрос. Я никаких бесед, выступлений и т.д. в университете не проводил. Это злобная клевета. Все это легко проверяется – Саша Романов[10] рядом, в Саратове).

- - -

Поймите меня правильно. Я в свое время, как Вы помните, написал не заявление о помиловании, а «отказ от оппозиционной политической деятельности». Конечно, всем ясно, что по сути своей это то же самое. Но форма соблюдена, насколько это было возможно в тех условиях.

И я «деятельностью» не занимаюсь. Я писал об отказе от своих ревизионистских воззрений, и я от них отказался. Ведь я садился как марксист, социал-демократ.

Отказался я от марксизма. И сейчас не приемлю. Я не кричу об этом на всех перекрестках. (Да и надо ли кричать об очевидном!?) Но те, кому надо знать, это знают.

Я писал, что я патриот своей Родины и особо подчеркивал – России.

И я остался патриотом России, интересы Родины для меня главнее прочего. И опять же – это знают.

Я не сделаю ничего, что повредило бы Родине, и при этом условии власти как-то терпят мои убеждения, ибо это уже мое личное дело. Дальше меня это не идет.

В реальной жизни, разумеется, все сложнее. Были и слежки, и придирки, и проч., и проч., но наши чекисты, надо отдать им должное, дальше определенной черты не шли.

Оказались, так сказать, «джентльменами».

У Романова и других наших «мордовцев» то же самое.

Я пишу Вам все это не для какой-то «саморекламы», а для того, чтобы подчеркнуть одну мысль, которую извлек из своего опыта диссидентства – надо быть последовательным. Избрал я путь «внутренней эмиграции» и уж стараюсь с него не сходить. Если Вы сейчас проявили готовность к лояльности, так уж держитесь этой линии, любить их ведь и не требуется (да они были бы до крайности удивлены такой любовью). Больше гибкости.

Надо выделить главное. Что Вам сейчас нужно более всего? Сносные условия жизни, условия для научной работы или хотя бы для занятий любимым делом. Кажется, я так вас понял?

Вот и давайте бить в эту точку.

А Вы тяжбу затеваете с почтой! К чему? Из-за второстепенного можете потерять главное. Только дразните гусей.

Да и дело безнадежное. Петров в таких тяжбах собаку съел, и то бросил.

- - -

Вы простите меня, что я, как будто, поучаю Вас. Просто советую. Ведь вновь репрессии Вы не перенесете. Речь идет уже о Вашей жизни, а тут трудно оставаться равнодушным.

- - -

О своем последнем годичном сроке напишу в следующий раз. Письмо и так велико, а в больнице мне делать будет нечего. Буду писать. Что еще остается?

О Александре Петрове-Агатове я слышал недавно лишь то, что он умер. В свое время я читал самиздатовскую работу Петра Григоренко (генерала) о Петрове-Агатове. Если даже половина там изложенного правда, то это ужасно.

Пластинки я в оставшиеся дни до больницы посмотрю.

Приемник стоит рядом, но я в последнее время его почти не слушаю. Зимой говорили о том, что наш известный кинодеятель Андрей Тарковский остался в Италии (автор «Андрея Рублева», «Соляриса» и др.). С Тарковским я был мельком знаком. Он был в Саратове.

- - -

Здоровье мое конечно требует внимания. Ведь и с сердцем плохо.

Что ж, будем лечиться!

Высылаю две фотографии. (Там, где я с Петровым – девочка, дочка Давыдова[11] от первого брака. Его первая жена нас и фотографировала).

Высылаю и видовую карточку.

В ближайшие дня напишу более подробно о себе. Там будет кое-что любопытное и для Вас.

Пока же – все

Пишите!

Валерий.

P.S. Получали ли Вы мои письма в заключении? Они были пустенькие, ничего не говорящие, но их было много.

- - -

г. Саратов

2.07.85

№3

Здравствуйте, Александр Александрович!

Снова я, с обещанным продолжением второго номера.

За последние дни получил два обширных письма Петрова. В одном из них он сообщает, что разговаривал по телефону с Георгием Валентиновичем Давыдовым о Вас. Есть вариант, по которому можно использовать обстоятельства вашего рождения, т.е. найти Вам подходящего «отца»-еврея, который бы и сделал вызов. Далее уж все на усмотрение властей.

Петров должен все это отписать Вам сам. Я лишь дублирую его сообщение, на всякий случай.

- - -

За эти дни я дважды разговаривал с ним по телефону, и Петров совершенно согласен со мной в том, что Вы должны бы сидеть у себя тихо и осмотрительно. Все возможное попытаются сделать за Вас ваши друзья и знакомые.

Вчера ушло письмо Вагину. Там я также упомянул о Вас.

О Вас знают. Ваш адрес известен. Это уже кое-что...

Мои дела прежние. Завтра иду на ЦВК (центральную врачебную комиссию), где получу направление в больницу и окончательный диагноз.

Чувствую себя удовлетворительно. Беспокоит лишь сердце.

- - -

Кадровые перестройки в Кремле продолжаются. Только что сообщили, что смещен секретарь ЦК Романов. Комментарий по зарубежному радио пока нет.

- - -

Теперь я попытаюсь рассказать кое-что о своей жизни за прошедшие вот уже 11 лет со дня нашего расставания.

Я благополучно прошел контроль в момент освобождения. Мы правильно, как Вы помните, рассчитали время, не оставив на шмон и 10 минут.

Надо было непременно посадить меня на «кукушку». После расчета в бухгалтерии я успел на нее в последнюю минуту.

Приехал домой в Саратов. Конец сентября. Стояла чудесная осень. Оформил паспорт и прописку. Паспорт получил временный на 1 месяц, т.к. в справке об освобождении в графе «место рождения» написали домашний адрес. Послали для выяснения запрос в зону.

Вырваться в Москву тотчас было неблагоразумно, и личные дела мешали.

Я приехал туда где-то в 20-х числах ноября 1974 г. Еще был жив мой дядя. Весь день я слонялся по Москве. Дядя был на работе. Звонил Твердохлебову, но ответила соседка, что его нет дома. Лялин переулок я нашел еще днем и бродил неподалеку.

Подошел к старому, двух или трехэтажному дому (кое-что уже запамятовал), вошел в подъезд, подошел к двери (1 этаж). На площадке стояла женщина. Я почти не обратил на нее внимание и потянулся рукой к звонку.

Но не успел. Женщина шепотом спросила: «вы к Андрею?»

«Да»

«Не ходите туда, там обыск!»

Я метнулся из подъезда, едва успев сказать: «спасибо»

Но от дома я далеко не ушел. Метрах в двадцати ко мне подошли двое мужчин, представились сотрудниками КГБ и отвели в отделение милиции. Оно находилось совсем рядом, 100-200 метров. Обыскали, установили личность.

Бумаги изъяли. Тогда, придравшись к моему временному паспорту, срок которого к тому времени истек дней на 10-15, мне было велено в 24 часа убираться в Саратов. Объяснения какие-либо относительно бумаг я дать отказался, что документировано протоколом.

Со мной обошлись столь поспешно, что у меня создалось впечатление: ждали кого-то другого.

Я поехал к дяде и на другой день выехал в Саратов.

Что дальше было у Твердохлебова, я не знаю. Знаю лишь, что в тот обыск его не арестовали. Мне бы написать ему, да я все никак не мог собраться (сооружал свой второй брак, дурачина!). Ну и признаюсь, был все-таки напуган. Мордовия в памяти была свежа...

Андрея арестовали через несколько месяцев. Летом (июль-август 1975 г.) меня неожиданно вызвала на допрос московская государственная прокуратура.

Приехал. Меня опрашивал молодой, очень любезный следователь. Смысл моих показаний: собирал вещи из лагеря в спешке, видимо, потому и попали туда эти бумаги. Ни Болонкин, ни кто-либо другой мне их не давали. (Нечаянно захватил...)

К Твердохлебову шел, чтобы лично поблагодарить за ту помощь, которую он оказывал моим детям.

Вертелся как мог, но ответил, как и сейчас считаю, правильно. Следователь после допроса сказал: «Если вы и на своем следствии так себя вели, то я не завидую вашему следователю».

Я честно ответил:

«Увы! зеленый был. Следователь оказался на высоте.»

В апреле 1986 г. меня вызвали на суд. Как видите, история эта длилась около полутора лет. За это время я успел второй раз жениться, венчаться, пожить около года и разойтись.

Судебные заседания отнесли в пригород Москвы. Я сейчас не помню, как называется это место. (От Курского вокзала на электричке 30 минут)

Старое двухэтажное здание суда. Вход строго по пропускам и повесткам. У здания кучка диссидентов, человек 20-25, в основном, если судить по внешности, евреи если не все), 2 или 3 иностранных корреспондента с кино- и фотокамерами. Меня проводили на второй этаж, в комнату свидетелей. Там были Турчин, еще двое молодых людей, сестра Твердохлебова, Ваша супруга с сыном (о чем я узнал не сразу), а так же 4-5 человек, державшихся особняком.

Просидели до обеда без вызовов, а потом отпустили на обед. Я ни с кем в контакты не вступал. Достаточно и тех было сплетен, что гуляли по милости Кронида и компании.

После обеда стали вызывать свидетелей. Вызывали и меня. Я повторил свои показания, ничего нового не прибавив. Помню вопрос прокурора: сколько реально я был в лагере?

Я ответил, что свыше 2-х лет и зал дружно выдохнул: «мало!» Как было не сделать дружно! Публика была подобрана.

Я вышел в коридор, и ко мне подлетела мать Твердохлебова. Она благодарила меня за мое поведение на суде, извинялась, что не подошла ко мне раньше, т.к. не знала меня, совала мне в руки свой номер телефона.

Но тут дюжие ребята взяли меня под локоток и вывели меня на улицу. Она, как мать, осталась в коридоре.

Вот и вся история. Вся или почти вся она поддается проверке. Случится так, что уедете и увидите Андрея, он подтвердит. Он уже читал все протоколы и не мог забыть меня на суде.

Опять же не для оправдания Вам я это написал, а чтобы Вы до конца уяснили себе историю с Твердохлебовым.

- - -

3.07.85

Дни летят нелепо быстро. Уже 3-е июля! Я все еще не в больнице. Сегодня идти на комиссию.

По поводу воспоминаний о прошлом. Они что-то тяжело мне даются. Хотел сегодня продолжить и рассказать о последнем своем сроке, да что-то настроение неподходящее, может быть, виновата и температурка, которая у меня теперь держится по вечерам.

Смотрел в одном из центральных магазинов грампластинки. Заказных Вам уроков не обнаружил.

Посмотрю в других магазинах. Время до больницы еще есть.

«Немецкая волна» о перемещениях в Кремле высказалась в том смысле, что теперь не в цене «идеологи-догматики», а требуются люди дела, технократы.

Но все это из области благих пожеланий. Посмотрим, каковы будут дела.

Ну и все на сегодня. Не унывайте. Как я уже писал Вам в начале письма, дело с мертвой точки сдвинулось. Спасибо Славке!

Пишите. Жду с нетерпением.

Валерий.

Александр Болонкин – Валерию Белохову

№ 2

г. Улан-Удэ

8.7.85

Здравствуй, Валера!

Получил сегодня твое письмо и был очень рад. Особенно фотографиям. Как мы все постарели. И Слава, и ты. Да и я со стороны, наверное, выгляжу не лучше. Хотя до ареста мне некоторые давали 27–29 лет. Как-нибудь при удобном случае покажу свои старые фото.

Теперь об обмене. Саратов, конечно, неплохой город, но... далековат от Москвы. На субботу – воскресенье из него выбраться трудновато. Поэтому вряд ли стоит давать специальное объявление, но если читаешь «Рекламу» (или бываешь в библиотеке, где есть ее подшивка), то посматривай. Будет что интересное – запиши. Можешь в качестве образца прислать экземпляр «Рекламы». Будешь близко от обмен-бюро – посмотри картотеку. Но честно говоря, Саратов – это крайний случай.

Теперь о квартире. У меня однокомнатная благоустроенная около 18 кв. м. На 3-м этаже 5-и эт. блочного дома. Кухня около 8 кв. м. Ванна и туалет совмещенные. Гор. и хол. вода, центр. отопление. На кухне электроплита. Нет балкона. На телефон – стою на очереди. Сторона солнечная. Недалеко от центра 15–20 мин. езды (трамвай, автобус).

«Бокс» мой с местными божками мелкий. Написал жалобу в порядке надзора о пересмотре Багдаринского дела (о «хищении» собственной зарплаты), о пересмотре дела к почте и т.п. Но в общем ты прав, надо прекращать и эту мелкую возню. Толку никакого, а их все раздражает и дает основание для обвинения в нелояльном поведении.

С другой стороны, первые два года после освобождения я много работал в научном плане. Бросил около сотни крупных идей, получил 8 положительных решений на изобретения. Сдал в печать монографию, учебное пособие, три статьи. Когда возглавлял здесь группу АСУ ВУЗ (8 инж. + 4 техника), то за 6 месяцев мы выполнили 5-летний план и т.д. Не получил за это все ни копейки. И власти все это считают само собой разумеющимся. Их надо просто озолотить, чтобы они сделали в ответ копейку. Так уж лучше быть как все – отбывать рабочее время.

Интересно, как это тебе удается переписываться с Любарским и как вообще возникла эта переписка после столь тяжких обвинений с его стороны. Из 50 (примерно) моих писем к совершенно невинным лицам (за границу) прошло только 2. Пишешь как в пустоту, не доходят даже

совершенно невинные открытки, например, поздравления с днем рождения. Но ко мне письма как будто доходят неплохо.

Напиши мне на всякий случай адреса Вагина и Любарского. Вагина я знал лично по Мордовии.

О Петрове-Агатове я слышал от соседей, что его примерно три года назад посадили. Был знаком с ним по Мордовии.

Получал ли твои письма в заключении – точно не помню. Но если и были, то очень редко, не более 1–2 писем.

Интересовался ли ты когда-нибудь записями песен Высоцкого, Северного, Розенбаума, Новикова и др.? Может, они есть у кого-нибудь из знакомых? У нас в городе прямо поветрие на некоторых из них.

Советую взять в библиотеке и почитать книгу: Дж. Гэлбрейт, Новое индустриальное общество. Перевод с английского. М. Прогресс. 1969 г. Для научных библиотек.

А главное, не затягивай с лечением!

Желаю тебе скорейшего выздоровления! Пиши.

С наилучшими пожеланиями: Александр.

№ 3
г. Улан-Удэ
9.7.85

Валера!

Сегодня отправил тебе заказное письмо, но забыл спросить две вещи, о которых ты упомянул в своем письме:

1) Ты писал, что видел мою жену на процессе Твердохлебова.

Напиши, что знаешь о процессе, как в него попала моя правоверная, что за показания она давала? При мне она (как и я) никакого Твердохлебова не знала и непонятно как попала в свидетели.

Твердохлебов мне писал в п. Лесной, и туда приезжал его следователь допрашивать меня. Я потребовал дать возможность мне писать показания собственноручно и накатал им такое, что меня сразу поволокли в ШИЗо. Как мне стало потом известно, эти показания (точнее, очень резкую критику всей системы правосудия и выступление в его защиту), разумеется, в дело не включили.

Как ты сам попал в свидетели?

2) Когда (в каком году) генерал писал о Петрове-Агатове и положительное или отрицательное. По лагерю я ничего плохого о нем сказать не могу, хотя он жил сам по себе и ни в чем не участвовал. У меня впечатление, что на свободе ему сделали дело и поставили перед дилеммой: либо подпиши статью в Литературку, либо назад в лагерь. Что ты тогда на свободе слышал об этом?

Не затягивай с больницей. Отложи все и займись капитально лечением.

С приветом: Александр.

P.S. Сообщи о получении письма.

Валерий Белохов – Александру Болонкину

г. Саратов
14.07.85
№4

Здравствуйте, Александр Александрович!

Уже неделя, как я в больнице. И это, судя по всему, надолго.

Чувствую себя вполне прилично, могу читать, писать, даже совершать небольшие прогулки.

Писем от Вас пока не поступало. Нет покуда вестей и от Вагина. Думаю, что письма на подходке, если исходить из реальных сроков.

Заказанные Вами пластинки смотрел в нескольких магазинах. Нет ничего подходящего, но иногда бывают. Значит, нужно лишь следить, забегать регулярно. Я это пока могу делать.

Во второй половине дня можно уходить из больницы.

Что нового у Вас? Каковы ваши планы обмена квартиры? Прельщает ли Вас вариант обмена на Саратов? Если да, то сообщите. Я буду давать объявление и смотреть варианты. Дело это долгое, хлопотное, и чем раньше его начнешь, тем лучше. Планы с более далеким прицелом от этого измениться не могут, ибо одно другому не мешает.

У меня, кроме больницы, ничего нового. Все новости – это новые книги, которые сейчас читаю.

Самое больничное занятие.

- - -

Пишите. Буду рад вестям от Вас. Сам же я пишу письма не по системе «письмо–ответ», а когда вздумается, когда есть настроение.

Так я привык переписываться с Петровым. Так что иногда часто пишу, а иной раз и замолкаю надолго.

Но в больнице писать можно много, ибо много незаполненного времени.

Вот и все.

С наилучшими пожеланиями

Валерий.

- - -

Дополню лишь, что совершенно не знаю, как попала Ваша жена (теперь, к счастью, бывшая) в процесс Твердохлебова. Не знаю ничего и о ее показаниях. Смутно лишь помню, что мать Андрея говорила о том, что она наплела много лишнего. Добавить что-либо затруднюсь, да и прошло уже 9 лет.

По второму вопросу того же письма. (О Петрове-Агатове). Мне больно об этом говорить по ряду причин, но Петров-Агатов, увы, дал публикации в прессе (и не одну, были и в «Неделе») без особого нажима. Вернее сказать, польстившись на обещание восстановить членство в Союзе Писателей. Так утверждают все и нет оснований усомниться.

Генерал писал о нем в работе где-то около 1977-88 г.г., а может быть и позже. Суть обвинения в том, что Агатов, по возвращению, втерся в доверие к сектантам, получил от них большую сумму денег (около 10 тыс. или выше) и не вернул, и не использовал по назначению. Потом сошелся с одной из сектанток, а ее мужа, с помощью милиции, выжил из собственного дома. И ряд других обвинений. Запроси Петрова из Ленинграда, он может дополнить, может быть и уточнить. Информацию я даю со слов генерала Григоренко. Так сказать – за что купил, за то и продаю.

Теперь обращаюсь к номеру второму.

Напрасно вы не хотите использовать возможность обмена на Саратов. Что-либо другое представляется мне нереальным. Да и Саратов будет для Вас большой удачей, если выйдет. В этом Вы можете убедиться, поизучав внимательно предлагаемые варианты из нашей рекламы. Улан-Удэ представляется для нас этакой Тмутараканьей. Охотников будет мало.

Между тем с работой вы будете чувствовать себя отлично. Конечно я буду присматривать за объявлениями.

- - -

Адрес Любарского я сообщать Вам не берусь, не имея на то разрешения от лиц, мне его давших и от него самого. Кроме того, этот господин слишком подозрителен. Не хочу возбуждать новые страсти.

Адрес Вагина принадлежит мне. Вот он:

E. Vagin

Via E. Barrett, 7

00141, Roma,

Italia.

Только что из того? Если письма Ваши не выпускают, то не выпустят и этого.

Кроме того, Вы не учитываете специфики положения Вагина.

Вагин представляет русскую религиозно-политическую эмиграцию. Она, в отличие от «демократов», не так важна и склонна контактировать с людьми определенного направления. Держитесь варианта, предложенного Петровым. Это куда реальней.

Все остальное – трата сил впустую.

- - -

Несколько удивлен Вашим интересом к самодеятельным песням. И не по возрасту, и не по положению Вашему. Впрочем, Галича я люблю.

Все прочие широко распространены в Саратове, даже в больнице, в одной из палат, тарахтит магнитофон с Новиковым и Высоцким.

Наваждение какое-то...

- - -

Гелбрейта я читал еще до Мордовии, брал в «научке». В Мордовии пополнил его изучением «Экономики» Самуэльсона. Весьма приличная книга. Издана она для научных библиотек еще в 1963 г. (если не ошибаюсь).

Только все это было хорошо для меня в том моем качестве – «марксиста-ревизиониста.»

Прибегая к Вашему языку (языку Вашей специальности, если точнее), можно сказать, что подобная литература – арифметика лишь.

Кроме того, эта литература устарела.

- - -

Пора заканчивать. Надо бы Петрову кое-что изложить, да еще одно письмецо висит, как неоплаченный долг.

Всего наилучшего. Пишите. Всегда буду рад ответить.

С уважением

Валерий.

- - -

г. Саратов

19.07.85

№5

Здравствуйте, Александр Александрович.

Получил, с интервалом в 2 дня, оба Ваших письма. №2 и №3. Большое спасибо. Рад, что письма доходят без помех. Правда, №4 я посылал простым и отдал его для отправки своему соседу по палате. Вечером он вернулся пьяным и не помнит точно – опустил ли он письмо? Впрочем, письмо было на 1 страничке и содержало лишь извещение о том, что я нахожусь в больнице. Не беда, если не дойдет.

- - -

Коротко о своих делах. 8.07 я наконец лег в больницу. Из двух специализированных больниц этого профиля – моя лучшая. Небольшие здания старой постройки, подбор больных, так сказать, почище. Попал я сюда опять-таки благодаря своей профессии. Художники-оформители нужны везде, особенно если есть возможность использовать их бесплатно. Я кое-что оформляю им, мне это не трудно. Но зато масса преимуществ. Каждый день бываю дома, езжу на дачу и за грибами. Главное – нужно быть на месте с утра до 12 часов дня, принять процедуры и дождаться обхода.

Что ж, так лечиться можно...

Чувствую я себя хорошо. Конечно не вполне здоровым, но было бы наглостью ожидать хорошего здоровья после 38 лет далеко не курортной жизни. С Вашими приключениями не сравнить, но тоже досталось. Тем более, что с детства крепостью здоровья не отличался.

В общем, живу, а далее – как Бог пошлет.

У нас стоит жаркая погода, хотя лето, в целом, прохладное. Сегодня было около 30 градусов. В прошлом же году, в июле, Саратовская область целую неделю была самым жарким местом Со-

ветского Союза и температура достигала 40 градусов. Спасенья нет и ночью, т.к. ниже 20 градусов температура не опускается.

Я плохо переношу жару, т.к. родился в Германии, вырос в Прибалтике, но за эти 22 года, что живу здесь, как-то притерпелся.

- - -

Получил недавно очередное письмо от Петрова. Особых новостей нет. Побаливает сам и ухаживает за больной матерью. При случае не брезгует и стаканчиком.

- - -

Теперь обращусь непосредственно к Вашим письмам. На первый вопрос письма №3 я, в основном, ответил загодя в своем номере третьем.

- - -

г. Саратов
27.07.85
№6

Здравствуйте, Александр Александрович!

Новых писем от Вас нет. Но я пишу свои письма не обязательно как ответ, а когда довольно времени и есть подходящее настроение.

Времени-то сейчас много, вот с настроением хуже. То ли болезнь тому виной, то ли иное что, но голова пуста и леность во всем.

Новостей нет. Получил довольно подробное письмо от Игоря Вячеславовича Огурцова[12]. Вы должны его помнить. Он заканчивает свою ссылку. Имеет кучу вызовов из ряда стран и, вероятно, покинет Союз.

Уже три недели моей больничной жизни. Лечусь, но о результатах говорить пока рано.

В больнице лежат больные разной степени тяжести. Есть легкие, к каким я и себя отношу, но случается, что и умирают. Так было недавно в соседней палате.

Можно оперировать, но я не тороплюсь.

- - -

Погода стоит жаркая, но часты дожди. А ведь бывают года, когда за лето не выпадает ни одного порядочного дождя.

Прошлый год я хорошо отдохнул на Волге, на турбазе, куда меня послали работать. Этот год весь протекает под знаком болезни. Купаться и загорать нельзя.

- - -

Заказных пластинок в продаже нет. Посылаю Вам страничку свежей «Рекламы». Интересного там мало, для общего анализа квартирных дел все-таки может пригодиться.

Вот пока и все.

Пишите.

Валерий.

- - -

г. Саратов
25.08.85
№8

Здравствуйте, Александр Александрович

Получил Ваше письмо от 7.08.85

Или я неправильно информирован, или Вы меня не поняли, но я отнюдь не паникую по поводу своей болезни. Сама по себе она почти не дает о себе знать, но длительное безделие, больничная атмосфера и т.д. – вот что тяготит.

Дела мои в прежнем положении. Лежать еще долго, выйду отсюда лишь где-то в ноябре-декабре. Пользуясь болезнью хочу решить свой квартирный вопрос.

Уже приступил к бумажной волоките.

- - -

Сообщаю адрес Огурцова:

169060 Коми АССР, Микунь, Усть-Вымский р-н, ул. Лесная, 10.

Я получил недавно еще и открытку от него, хотя так и не собрался ответить на письмо.

Больница ужасно размагничивает. Времени свободного много, но это-то и развращает.

--

Новостей особых нет. Чаще слушаю эфир. (Приемник взял в больницу). «Свобода» в который раз повторяет работу Сахарова об охране окружающей среды. Говорят о деле трех евреев-ученых из Ленинграда, арестованных полтора года назад. В журнале «Звезда» опубликована статья о них. (Один из последних номеров).

Чехословакия подвергает цензуре речи Горбачева ввиду их «радикализма» и обещания реформ.

Забавно, не так ли?

- - -

В заключение о месте своего рождения. Я родился в 1947 г. в городе Шверии провинция Шверин-Макленбург, но в свидетельстве о рождении, выданном СВАГ (Советская военная администрация Германии) консульский отдел – местом рождения указан г. Берлин. Мой отец после окончания войны служил там.

Если бы дело касалось США, я имел бы американское гражданство автоматически, в силу самого факта рождения. Как обстоит дело в ФРГ, я не знаю. Но, в случае чего, могу козырнуть дедом. Он – из поволжских немцев.

Это тоже забавно. Ну и хватит на сегодня.

Пишите по возможности.

Валерий.

- - -

г. Саратов

11.09.85

№9

Здравствуйте, Александр Александрович.

Новых писем от вас пока нет и в моем положении нет ничего нового. Продолжаю отлеживаться в больнице уже третий месяц. Сделали контрольные анализы и контрольные снимки. Результаты пока не известны, но надеюсь, что они будут неплохие. Чувствую я себя хорошо и колебания в весе прекратились (от 57 до 70 кг.) Сейчас держусь на уровне 68-69 кг. Температуры нет, исчезла потливость.

- - -

Скучновато, хотя и коллектив в палате сложился приличный, и чтива много, и телевизор есть, и приемник. Эфир слушаю теперь часто. Из новостей:

В заключении умер Василь Стус, украинский поэт. Я знал его по больничке в Барашево. Вы тоже должны бы знать. Правительство США выразило официальное соболезнование.

В Афганистане идут самые крупные за все время войны бои в провинции Балтии на границе с Пакистаном. Цель – окончательно перервать коммуникации партизан с их базами. Тысячи раненых и убитых.

- - -

Диссидентство, в том виде, в каком оно существовало в 60-х и первой половине 70-х годов, можно теперь считать историей. Это ясно даже из тематики передач «Свободы» и других радиостанций. Большинство нынешних дел или чисто сионистские или серьезно (без всяких натяжек) переплетены с фарцовкой и прочей ерундой. Молодежь (ну а я очень много крутился среди нее в последний год) чрезвычайно пассивна в политическом отношении, необразованна и скучна, хотя в других областях не хуже всякой другой (в другое время).

Оставаясь при своих взглядах, я испытываю глубокое разочарование. В этой «стране дураков» ничего не изменилось обычными методами. Она развивается по своим дурацким законам. У меня уже нет сил активно проявлять себя, нет и здоровья.

Давно уже и газеты читаю пореже. Невыносимо сознавать, что обывательское: «моя хата с краю» жизненно верно, но именно обыватель и процветает в России. Сейчас и всегда, в любой обстановке приживаясь наилучшим образом.

- - -

У нас как-то разом началась осень. Зарядили дожди, температура опустилась до 18-20 градусов днем.

Ночью – 12-13 градусов.

- - -

г. Саратов

16.09.85

№10

Здравствуйте, Александр Александрович.

Все те же больничные стены вокруг. Два с половиной месяца. Недавние контрольные снимки и анализы показали, что улучшения почти нет. Леч. врач сказала, что медикаментозное лечение вряд ли даст результаты. Предположительно будет операция, но сошлись на том, что еще два месяца будут пробовать различные препараты.

Вот так-то! Я же считал, что у меня все идет как надо и излечение скоро.

Не отчаиваюсь, конечно, но лишние месяцы бездеятельности!

Вот что трудно!

- - -

Много слушаю эфир. Ряд новостей. Известный советский киноартист Олег Видов стал невозвращенцем. О том поведало РС.

В Лондоне на Запад перебежал резидент КГБ Гордиевский. Оказывается он уже лет десять сотрудничал с западными спец. службами. Лишь побег в ГДР резидента западногерманской разведки вынудил его раскрыться.

РС и Би-Би-си сообщают о выходе на западе нового романа Василия Аксенова «Остров Крым». Собственно роман не новый т.к. написан еще в начале 70-х годов.

BBS сообщает и о выходе повести Корнилова «Девочки-дамочки».

- - -

Вот каковы эфирные новости. Других новостей не имею.

Осень наступила рано. Холодно. Днем едва ли будет 18 градусов. Для нашей зоны это необычно.

Вот и все.

Что нового у вас?

Пишите.

Валерий.

- - -

По-прежнему много слушаю эфир. Радо «Свобода» передает отрывки из новой вещи Солженицына «Октябрь 1916-го.»

По-прежнему все разговоры о диссидентах начинаются и кончаются евреями.

Много и серьезно говорят о Горбачеве. Его акции на Западе весьма высоки.

- - -

У нас совсем осенняя погода. По ночам заморозки. Листва еще не облетела, но холодно уже и днем – не более 7-8 градусов тепла. Ранняя осень...

Вот пока и все. Пишите!

Валерий.

- - -

г. Саратов

4.10.85

№11

Здравствуйте, Александр Александрович

Получил Ваше письмо от 17.09.85

О Вашей поездке в Москву осведомлен от Петрова. Но лишь о самом факте поездки.

Удалось ли повидать ребенка и бывшую супругу? Встречи такого рода приносят, как правило, больше огорчений, нежели радости. Как-то было у Вас?

Одного я не понимаю: помилование автоматически влечет за собой за собой снятие судимости. По крайней мере, так было у меня, с «испытательным» сроком» 3 года.

Пашнина[13] я знал по 1914, но близко с ним не общался. Он слыл за чудака, если говорить мягко. В то время я, в основном, общался с евреями и «демократами», а они такую публику не жаловали. Романов находился с ним в переписке и раза два-три давал мне почитать его письма. Письма были странными.

- - -

Мои дела неважные. Как я уже писал в № 10, мне предлагают операцию. 4 месяца лечения почти не дали улучшения. Откровенно говоря, я ожидал более скорого лечения.

Согласия на операцию пока не даю. Буду лежать с середины ноября, до новых контрольных анализов и снимков.

- - -

Часто слушаю сейчас эфир. Интересно отметить, что уровень глушения снизился до минимума. Практически глушат лишь РС, да и то – вполсилы.

Основная тема – отношения между двумя сверхдержавами. Есть перспективы их значительного улучшения.

Израиль обратился к СССР с официальным предложением возобновить дипломатические отношения. Ответа пока нет, но вероятно будет «да».

Диссидентов поминают редко и неохотно. Преуспевает в том лишь РС, но ей, как говорится, по чину положено.

Регулярно слышу про РС Любарского и Давыдова. Ватикан вещает голосом Вагина.

Вот и все.

С наилучшими пожеланиями

Валерий.

- - -

г. Саратов

21.10.85

№12

Здравствуйте, Александр Александрович!

Получил Ваше письмо от 6.10.85. Спасибо. Что было в моем №7? Я, признаться, не помню, но уверен, что ничего особенного. Рядовое письмо небольшого объема. Странно, что оно не дошло. Путаница в нумерации исключена.

Относительно Ваших писем ничего сказать не могу. Как будто доходят все, но по датам я их не смогу проверить т.к. уничтожаю их (как Вы и просили). Если бы были номера, контроль был бы проще.

- - -

Новостей особых не имею. Давно не получал писем от Петрова. Правда, на днях он звонил моей матери: интересовался моим здоровьем и жаловался на отсутствие моих писем. Тоже странно. Я пишу ему раз в неделю. Неужели и тут стали пропадать письма?

Так раньше бывало, но были и некоторые основания для того. Теперь же отчего?

- - -

Я все еще обретаюсь на больничной койке. 4-й месяц. Всего же на бюллетени почти 5 месяцев.

От операции, после некоторого размышления, я решил отказаться. Воздержусь. Пока еще я не настолько плох и буду пытаться залечить терапевтически...

Общее состояние удовлетворительное.

- - -

Часто слушаю эфир. По радио «Свобода» передают отрывки из новой вещи Синявского «Спокойной ночи». Автобиографично, с описанием мордовских зон и условий жизни там. Ничего нового, по крайней мере, для нас. Читает сам автор.

В программе «Документы времени» РС дает сводку различных документов по делу Иосифа Бегуна.

Вообще же впечатление таково, что кроме сионистов и националистов, диссидентов нет. Россия молчит.

Эпоха демократов и разного рода марксистов 60-70 гг. канула в лету.

Это уже история.

- - -

25.10.85.

Прерывался на несколько дней...

По всей видимости, срок моей больничной жизни подходит к концу. Все возможное лечение я получил, далее – или операция, или выжидание самолечением.

Думаю, что через 1-2 недели выйду.

Радио «Свобода» стало совершенно еврейской лавочкой. 50 % эфирного времени посвящается «попранным правам великого народа иудейского».

Голос Давыдова звучит довольно регулярно. Чаще он читает чей-то материал, изредка изрекает и что-то свое, по мелочам, чаще как «эксперт» по лагерным вопросам.

- - -

Передают, что наибольший выезд из СССР приходится на 1979 год – около 50 тысяч, сейчас он ничтожен – около 1 тысячи в 1984 году. Перед Женевой выпустили 10 человек, имеющих супругов в США. И кричали об этом как о 10 тысячах!

Елене Боннэр разрешили выезд на лечение на Запад.

Вот и все новости.

Как у вас дела? Откликнулся ли Саратов на расклеенные мною объявления?

Пишите.

С уважением

Валерий.

P.S. Не собираетесь ли вы в декабре в Москву. Я после больницы хочу там побывать. Могли бы согласовать время и встретиться. Было бы о чем поболтать.

Александр Болонкин – Валерию Белохову

№ 4

г. Улан-Удэ

5.11.85

Здравствуй, Валера!

От тебя очень долго – более месяца (с 22.9.85) не было писем. Я уже начал беспокоиться. Сегодня случайно зашел купить марок в наше почтовое отделение 15 и они у меня спросили – получаю ли я письма на «до востребования». Я сказал, что получаю (хотя получаю не здесь в п/о 670015, а на Главпочтамте 670000). И они, не спрашивая моей фамилии (что меня очень удивило, ибо бываю я у них редко), отдали мне два твоих письма (№№ 11, 12). Я был очень озадачен, пока не разглядел дома, что в заголовке у тебя Главпочтамт, а в индексе 670015. Пиши 670000.

Ну ладно об этом.

Славе сейчас очень тяжело. Мать в больнице, а у него самого отнялась нога. Как он там – не представляю. Не может даже в магазин сходить.

У меня в институте год рожали и наконец собрали Ученый совет по вопросу ходатайства перед ВАК о восстановлении к.т.н. и доцента. К.т.н. решили ходатайствовать восстановить, а доцента провалили (не набрали нужные 2/3 голосов «за»). Ходатайства от института в суд о снятии судимости решили не давать, как прямо заявили, чтоб не уехал из Улан-Удэ. А если буду подавать сам, то КГБ заявило, что суд откажет.

Помилование бывает, как мне разъяснили, со снятием судимости и без снятия судимости. Так значит, что я не могу прописаться в Москву, Ленинград и столицы республик.

Написал жалобу в ПВС РСФСР, что, несмотря на их указ, меня вот уже год продолжают держать в ссылке.

Все иностранные письма ко мне полностью перекрыли. Некоторые мои письма, если верить уведомлениям, доходят. Другие возвращаются с иностранными отметками «не востребовано», «нет адресата», а большая часть (в частности, все письма за границу, посланные из Москвы) вообще исчезают бесследно.

Как выбраться из этой проклятой Сибири – не знаю. Будет возможность – сходи посмотри картотеку обмена. Иногда бывают неплохие предложения – баш на баш, т.е. однокомнатную на однокомнатную. Я бы тогда вообще ничего не потерял, а приблизился и мог меняться дальше.

В отношении глушения у вас, видимо, чисто местное явление или удачное расположение твоей антенны. У нас все абсолютно глухо. Один дикий вой на всех диапазонах.

В Москву первый раз ездил в 1983 г. Встреча с супругой и сыном ничего хорошего не принесла. Главная ее задача была выкинуть меня и сестру из квартиры, а он ей в этом активно помогал. В этом году летом видел ее и его, предлагал помощь в поступлении в ин<ститу>т, но они отвергли и он провалился на первом же экзамене. В ноябре его должны забрать в армию.

Есть ли вести от Евгения В<агина>.?

С приветом: Александр.

Перед этим послал письмо от 17.10.85.

Валерий Белохов – Александру Болонкину

г. Саратов

1.12.85

№14

Здравствуйте, Александр Александрович!

Ваше письмо от 5.11.85. давно уже получил. Ответ я откладывал до выписки из больницы, чтобы толково ответить в привычных домашних условиях. Но... я все еще в больнице (Уже 5 месяцев и свыше 6-и по больничному!)

Осталось лежать несколько дней быть может. От операции я отказался, а все возможное терапевтическое лечение уже проведено.

В будущем возможны осложнения, но при условии нормальной жизни, питания и малых нагрузок – все обойдется.

Сразу же по получению Вашего письма написал Славе и позвонил ему.

У него тромбофлебит, перемещается с помощью бадика. Письма от него нет еще и подробностей я не знаю. Телефонный разговор нынче дорого, и поневоле говоришь коротко и о самом главном.

- - -

С письмом вообще что-то как обрезало. Случайно или неслучайно, но это совпадает по времени с установлением устойчивой переписки с Улан-Удэ.

Не думаю, чтобы система мелких пакостей распространялась и на Ваших корреспондентов, но все же...

От Вагина писем нет уже 6-7 месяцев, хотя мои письма до него доходят. Уведомление возвращаются с его подписью.

Его письма быть может «теряются». Кроме того, мне известно, что у Вагина были крупные неприятности и ему возможно было не до писем.

Почти год молчит Кудюкин[15]. Мы переписывались не часто, но регулярно (письмо – в 2-3 месяца).

- - -

Мои «развлечения» в больнице то же – книги и радио, изредка – шахматы (помните наш турнир в Барашево[16]?)

Прочитал книгу М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз» («Мысль», М. 1982 г.) Это подробный разбор 23 лет царствования последнего Романова вплоть до расстрела в доме Ипатьева. Ну и конечно оправдание расстрела (Кровавой войны в подвале, вплоть до последующего растворения трупов в кислоте).

Глушение в эфире возобновилось, особенно в преддверии встречи в Женеве, хотя, казалось бы, что там глушить? Комментарии западного радио были на редкость доброжелательными и миролюбивыми.

- - -

г. Саратов

18.12.85

№15

Здравствуйте, Александр Александрович!

Год завершается и мы успели обменяться в нем 15 письмами (с моей стороны) и столько же или чуть меньше (с вашей).

Не так уж и плохо!

Я – дома. Вчера выписался из больницы, отложив операцию (увы, неизбежную!) на будущее. Выписался, как сказано в «выписке», в удовлетворительном состоянии. Около недели или более буду еще на больничном. Надо ехать в санаторий, путевка бесплатная, но стоимость дороги и мелкие расходы на месте... мне это не по карману. Надо работать. И так уж мне пришлось просидеть на 50% зарплаты (из которых еще 50% алименты) почти 7 месяцев! В реальном денежном выражении – это 35 рублей в месяц(я получаю 140-150 рублей чистыми)

Но работая я еще прирабатываю кое-где по мелочам.

В общем, грустная тема.

- - -

От Петрова по-прежнему ничего нет. Вечером буду звонить ему. Предполагаю, что дела его плохи. Он еще никогда, за 12 лет нашей переписки, не замолкал столь надолго.

Известно ли вам что-либо?

- - -

Слушаю зарубежное радио. Джилас, известный югославский коммунист-ревизионист, должен находиться в одной из белградских больниц с тяжелым инфарктом.

У нас ни один десяток диссидентов имел криминалом его работы. И Вы, насколько помнится, также.

В основном же новости внешнеполитического характера.

- - -

Только что удалось дозвониться до Ленинграда и говорить с Петровым. Три дня назад он вышел из больницы. Лежал по поводу своего тромбофлебита. На сей раз будто бы обошлось, хотя там основной метод лечения, как он выразился, это резать.

Как, впрочем, и у нас в больнице. А я думаю, что хирургия – это своего рода капитулянство медицины.

Лидия Ефремовна[17] дома, чувствует себя удовлетворительно.

Таким образом мои страхи были напрасными, и слава Богу!

Писать письмо дома, в привычных условиях, в тишине – совсем другое дело. Для меня все эти мелочи всегда имели огромное значение. Вплоть до сорта бумаги и цвета чернил.

В больнице я был косноязычен и совершенно беспомощен на бумаге.

Единственное что удавалось, так это много читать.

- - -

У нас 2-3 градуса мороза, идет снег. Пока весь декабрь было очень тепло и тихо.

А как у Вас? Вероятно холод? Мое знакомство с Сибирью ограничивается севером Томский области, где я был у Славки в гостях, во время его ссылки. Но там я был в конце марта.

Каких-либо вариантов обмена Саратова на Улан-Удэ пока не усматривается.

Вам надо дать мне «полномочия» на объявление в нашей «Рекламе» и естественно денег на него. Сколько, пока не знаю, но могу, при нужде, узнать.

Тогда это будет что-то реальное. Объявления самодельные, да еще в таком количестве – это пустое.

- - -

Пора и закругляться. Пишите о себе чаще. Теперь и я смогу писать и больше и лучше.

С наилучшими пожеланиями

Валерий.

- - -

г. Саратов

22.12.85

№16

Здравствуйте, Александр Александрович!

Я нашел время еще для одного предновогоднего письма Вам. В больнице оно нашлось бы едва ли...

Завтра я уже выхожу на работу. Осмотрюсь и если обстановка покажется мне тяжелой – уйду в отпуск. Он мне положен был еще в июне.

В пятницу 20-ого я и Саша Романов ходили на концерт Александра Розенбаума. Это вторые гастроли его за год. Принимали его на «бис», хотя я, как уже писал, поклонником его не являюсь.

Помню, что Вы интересовались. Вам было интересно.

- - -

Писем почти ни от кого нет. Но я выплатил все долги – написал всем, кому должен был чуть ли не с сентября. Теперь жду ответных открыток и писем, в том числе и от Вас. Ваших писем нет уже второй месяц.

У нас выпало много снега и установился мороз до 10-12 градусов, но, видимо, ненадолго.

А что у вас? Все-таки Сибирь...

Вместе с Вашим письмом отправил и очередное письмо Вагину. Мои письма до него доходят, также как и письма Романова (уведомления за его подписью возвращаются), но писем от него пока нет.

Ни мне, ни Романову.

Ваши просьбы в письме изложены.

- - -

Скоро освобождается Огурцов. Несколько дней назад Палата Представителей США приняла резолюцию №76, призывающую СССР незамедлительно выпустить Огурцова вместе с родителями на Запад.

Полагаю, что препятствий чинить ему не будут.

Ну вот и все новости.

Привет от Романова.

С наилучшими пожеланиями

Валерий.

- - -

К сожалению, Ваша удаленность сильно мешает. Я все-таки склоняюсь к тому, чтобы дать соответствующее объявление в нашей «Рекламе недели». Это лучшее, что можно придумать. Кустарные объявления не эффективны, часто их просто срывают.

Слова за Вами. Сменять затем Саратов на Москву или что-то около того, гораздо легче. Таких обменов много.

Я знаю, что некоторые саратовцы специально на несколько лет переезжают в Москву, ухитряются получить там какую-нибудь плохенькую квартирку, чтобы затем сменять ее на прибыльно опять на Саратов.

У нас, большей частью, город свой очень любят и менять его, даже на Москву, вовсе не стремятся.

И я бы не стал. Вот на Ленинград – с удовольствием.

Но это все к делу не относится. Жду Вашего решения. Время-то идет.

- - -

Вот и все пока. Пишите по возможности. Теперь я весьма «письмовен». С удовольствием и вовремя отвечу.

Валерий.

P.S. У меня есть подборка книг на английском языке, присланных Вагиным. Не хотите ли для практики заняться переводом? И я был бы рад иметь перевод, и Вам практика?!

Александр Болонкин – Валерию Белохову

№ 5

г. Улан-Удэ

3.1.86

Здравствуй, Валера!

Твои письма № 15 и № 16 получил 26.12.85 и 3.1.86 соответственно. Отвечаю.

У нас сейчас сильные холода. По утрам −38°С, а на севере Бурятии до −50°С. Холод я плохо переношу и страшно не люблю.

На объявление в газете – мало надежды. Я дал объявления в газетах в Туле, Рязани, Калинине, Горьком, Иваново, Ярославле и др., но не было ни одного предложения, если не считать двух писем из мелких поселков этих областей.

Все это стоило кучу денег и никакого результата. Я думаю, лучше периодически (1–2 раза в месяц) заходить тебе в обмен-бюро и просматривать картотеку. Теперь я согласен и на Саратов, особенно если будет равный обмен. Благодетели всего человечества ничего делать не хотят и как отсюда выбраться, я не знаю. Связывать брачными узами мне себя также не хочется в силу известных тебе планов. Вот если у нее такое же стремление, тогда другое дело.

Я тут написал в прокуратуру и министру связи по поводу отсутствия иностранных писем, и мне выдали пару посланий. Но главного письма нет. На мое заявление о розыске потребовали указать отправителя, адрес (его), дату и номер квитанции.

О концерте Розенбаума напиши, что исполнялось. У него много зековских песен ходит на лентах. Что о нем известно. Кто он? Биография. Был ли в США (как поется в его песнях)?

Когда точно освобождается Игорь О<гурцов>.?

Из ВАКа пришел ответ. Требуют, чтобы Ученый Совет переголосовал (о восстановлении к.т.н.). Испорченный бюллетень они причислили к голосам «против», и «за» не хватает одного голоса. Ректор собирается поставить на голосование в марте. Практически это еще отсрочка на год.

Моя незарегистрированная подруга Тамара скоро почти год как болеет. В апреле была операция на желудке (рак). Теперь метастазы в позвоночнике и положение ее безнадежно. Сейчас она в больнице, но скоро ее выпишут как безнадежную, и далее мучительный конец. Домой к себе она не хочет (дерев<янный> дом, дети, престарелые родители), а у меня нет надлежащего ухода и

жизнь моя превращается в кошмар. Мы от нее скрываем ее состояние. Поэтому в письмах на мой домашний адрес – об этом не пиши.

Вот и все новости. Привет Саше Романову и всем общим знакомым.

С наилучшими пожеланиями

Александр.

У нас стали глушить наглухо.

Утерялось письмо № 13.

Валерий Белохов – Александру Болонкину

г. Саратов

05.01.86

№1

Здравствуйте, Александр Александрович!

Получил Вашу новогоднюю открытку. Спасибо. По штемпелю определил, что она добиралась до меня 16 дней. Многовато все-таки. Так ходили письма в начале века, и возросший объем корреспонденции под Новый год не может служить оправданием.

А письма мои все-таки пропадают... изредка, но бывает это и в переписке с Петровым. А в 1981 году пропадали через раз, так что пришлось всю переписку вести заказными письмами.

- - -

Наступил год 1986-й. Я встретил его у сестры. Она недавно получила квартиру и праздник был одновременно и новосельем (для информации: сестра с 1954 г. рождения, окончила юридический институт, работает зав. Районным загсом, член КПСС). Публика была по-советски заурядна: юристы, инженеры, служащие. Я, так сказать, представлял богему.

Перед Новым годом вышел на работу и сразу же закружился в хороводе дел. Коллектив в мастерской у меня сменился, но я остался старшим художником.

Я люблю свою работу и, откровенно говоря, соскучился по ней. Работаю с азартом и много, но конечно же устаю.

А вот это уже плохо. Никак не привыкну, что силы мне теперь надо беречь.

Состою на учете в диспансере как активный больной. Раз в месяц – анализы, раз в три месяца – рентген. Каждую неделю выдают огромную порцию таблеток.

Так что болезнь еще будет о себе напоминать и может быть я все-таки решусь на операцию, но позже.

- - -

Петров в декабре дважды звонил мне. Поздравил с Новым годом, сообщил последние новости.

Кудюкин долго болел. Недавно его дочь вышла замуж за немца ГДР. От Кудюкина я за весь 1985 г. ничего, кроме новогоднего поздравления, не получал, хотя ранее 4-5 писем за год приходили исправно.

Нет ничего и от Вагина, хотя уведомления возвращаются исправно с его подписью.

- - -

Вчера 4 января, по ЦТ выступал некто Минкус, осужденный по 70-й. Покаяние, но из всех покаяний, мною слышанных, это составлено наилучшим образом. Наловчились. Минкус – религиозник.

Международная обстановка, как Вы и сами видите, несколько утратила свою остроту. До хорошего еще далеко, да и будет ли оно – это хорошее? Но и нынешнее потепление – условие для некоторого смягчения нравов. Во всяком случае, в Вас это должно вселять некоторые надежды.

- - -

г. Саратов

18.01.86

№2

Здравствуйте, Александр Александрович!

17 января получил Ваше письмо от 3.01.86. Судя по штемпелю, оно пришло в Саратов еще 15-ого в 22.00, т.е. по меньшей мере сутки где-то болталось. Возможно, это просто почтовая небрежность.

От Петрова по-прежнему ничего нет. Ограничивается телефонными звонками. Жизнь у него ныне безрадостная.

В начале февраля я намерен уйти в отпуск. Предполагаю съездить в Москву и Ленинград. Конечно, если позволят материальные возможности, состояние здоровья и ряд других обстоятельств. Повидаю Петрова, рассчитываю увидеть Огурцова перед отъездом его за рубеж. По моим подсчетам он должен освободиться в первых числах февраля или в конце января.

- - -

Живу я несколько монотонно: работа – дом – работа. По работе соскучился, да и скопилось ее за время болезни довольно. Образ жизни веду щадящий, все время помня о своей болезни.

Это необычно для меня. Всегда я к собственному здоровью относился безалаберно. Нужда заставила умерить желания.

Чувствую себя вполне прилично. Беспокоит только, что устаю быстро. Вообще повышенная утомляемость.

- - -

О Розенбауме я мало чего могу сказать Вам. Я уже писал, что отношусь к такого рода песням весьма сдержанно. Тут для меня авторитетны Александр Галич, Булат Окуджава и некоторые вещички Высоцкого. Галича приемлю почти всего. (К сожалению записи его утратил).

Розенбаум из своих «хулиганских» песен пел «На улице Марата» и что-то еще. 5-6 песен он объявлял как совершенно новые. Запомнилась «Прости, прощай». Был цикл песен о Ленинграде, о блокаде. Внешность, как и следовало ожидать, ярко выраженная еврейская. Роста высокого, возраст за 40 или около того. Врач по специальности (может быть и недоучка с медицинского).

Держался просто, сам объявлял свои песни и сам аккомпанировал себе.

- - -

Дольский, чей последний диск валяется у нас в каждом ларьке, мне представляется интересней.

- - -

Слушаю регулярно эфир. Глушение усилилось и у нас. Передают о предстоящей отставке Тодора Живкова (Болгария). Якобы Живков чем-то не угодил Горбачеву. Волна чисток. Стало быть перекатится через границу. Французское радио рассказало о русских культурных центрах в Париже.

В столице Франции находятся балетная и танцевальная русские школы, консерватория имени Рахманинова, знаменитый хор при храме Александра Невского, музей русской живописи, 2 больших книжных магазина (только с русской книгой). Ряд издательств, в том числе «Лев», «3-я волна», «Имка-пресс»[18], НКС и т.п.

Издаются журналы, самые известные из которых: «Континент», «Синтаксис», «3-я волна», «Эхо», «А – Я», «Беседа»...

Вот и все новости.

- - -

Погода у нас пока очень теплая. За весь декабрь и 18 дней января наберется 4-5 дней, когда были морозы в 10-15 градусов, днем около 10 градусов. В основном же стоит легкий мороз 3-4 градуса. Вчера и сегодня около 0.

Правда выпало много снега. Покров его достигает 50-70 см. Необычно много.

Варианты обмена я регулярно просматриваю. Пока, увы, ничего нет.

С наилучшими пожеланиями

Валерий.

- - -

г. Саратов

27.01.86

№3

Здравствуйте, Александр Александрович!

Январь уже на исходе, а морозов так и не было. Лишь 3-4 дня по ночам было до – 15 градусов, а в основном держится 3-4 градуса мороза и до 0. Снега же выпало много и это обещает урожайное лето.

Трудно представить Ваши холода...

От Петрова получил первое письмо. Жизнь у него трудная нынче, хотя здоровье его и матери пока относительно удовлетворительное. Во всяком случае дома, а не в больнице.

Петров жалуется на свое настроение, душевный упадок. Никому не пишет. Письмо мне выжал через силу, устав от моих упреков в молчании.

Мне кажется, что нам надо писать ему чаще, не обращая внимание на его молчание и писать поживее, поинтересней что ли. Надо как-то вывести его из этого состояния.

- - -

Дважды был по вашему вопросу в бюро обмена. Пока ничего нет. Самодеятельно развесил 6 объявлений с указанием своего телефона. Может быть это поможет! Для ориентировки высылаю последний номер «Рекламы». Ознакомьтесь хотя бы с географией обменов.

- - -

Радио сообщает о том, что наш посол в Японии Абрамов уличен в контрабандном ввозе в СССР радиоаппаратуры (29 единиц). Аппаратура находилась в дипломатическом багаже. Обнаружили его наши таможенники в Шереметьево. Посла отпустили, но дело не закрыли. Ведут следствие.

- - -

Важное место занимают события в Южном Йемене, этом, «непотопляемом авианосце СССР» (по выражению радио Израиля). Вероятно к этому приложили руку наши. Базы в Йемене остались за нами. Запад называет Южный Йемен единственным социалистическим государством.

- - -

Вот пока и все.

С наилучшими пожеланиями

Валерий.

- - -

г. Саратов.

1.02.86

№4

Здравствуйте, Александр Александрович!

Сегодня пришло уведомление за подписью Вагина. Мое письмо от 23.12.85 получено им 8.01.86. Буду ждать письма. В уведомлении приписка: «Ждите», исполненная на манер подписи. Вероятно не разрешены какие-либо приписки кроме росписи, вот Е<вгений> Алекс<андрович> и «замаскировался»

Адрес итальянский, стало быть, у него вместе со всеми нашими последними новостями.

- - -

Других новостей пока нет. В первый день последнего месяца зимы грянул мороз. Утром (и ночью) было – 15 градусов. Сейчас, вечером, – 13 градусов. И ветерок ощутимый. И влажность повышенная. Неприятно...

Скоро в отпуск. Планирую 10 февраля или около того. Относительно поездки в Ленинград и Москву пока не все ясно, но вероятнее всего поеду. Главный вопрос – деньги. При моих алиментах это всегда проблема.

Но намечается, в скором времени, и тут облегчение. В феврале старшей дочери исполнится 18 лет, а через год 18 будет и младшей. Таким образом в 39 лет я избавлюсь от этого гнета. Есть свои плюсы в ранних браках!

Постоянное безденежье, усугубляемое бесприютностью – источник многих моих бед или фактор их усугубляющий.

- - -

Из новостей радио. В Москве или Ленинграде (не понял) арестованная Ирина Панкратова заявила себя принадлежащей к «группе за укрепление доверия между СССР и США».

Девице 17 лет!

Валенса в конце февраля должен предстать перед судом по обвинению в клевете на власть.

И вот уж совсем забавное. Гостящий в Италии хор имени Пятницкого был принят в Ватикане, где развлекал папу исполнением русских народных песен.

В этих днях должен освободиться (или уже освободился) Огурцов. Официальная дата, кажется, 8 февраля, но этап в период ссылки, пересчет срока и т.д. делают дату освобождения приблизительной.

- - -

Вот каковы мои новости. Не густо. А что у Вас? Пишите.

С уважением

Валерий.

- - -

г. Саратов.

8.02.86

№5

Здравствуйте, Александр Александрович.

От Вас пока ничего не получал новенького. Надеюсь, что мои письма доходят исправно.

В моей жизни новость одна: предстоящий отпуск. Думаю, что уйду отдыхать 12 февраля. Намерен съездить в Москву и, возможно, в Ленинград. Все в зависимости от финансовой стороны дела.

- - -

Много новостей другого рода. Я уже напоминал в предыдущем письме о некой «группе за укрепление доверия между СССР и США». Группа существует с 1982 года и более известна под названием «пацифистская группа». Вслед за Ириной Панкратовой (17 лет) в псих. лечебницу (в первых числах этого месяца) отправлена Аннета Фадеева (тоже 17 лет). Ранее, летом, были арестованы и осуждены члены этой же группы Шреев и Розенберг (36 и 41 год), а недавно арестован и член группы Яков Бродский.

Созвездие фамилий должно говорить Вам о многом.

В этой же группе числят Алексея Шатравку, ныне осужденного, и Дмитрия Арунова. Последний исчез после отказа от воинской повинности.

Численность «группы» определяют в 36 человек. 4 февраля у себя на квартире арестован Юрий Медведко.

У него же на квартире «зверски избита» некая Юлия (фамилия не известна). Трое верующих, находившихся в квартире, вывезены за город и высажены на пустынном шоссе в 20 км. от Москвы.

Из той же группы была попытка ареста Ларисы Чукаевой (жены диссидента Чукаева, отбывающего 10 лет), но, заблаговременно предупрежденная кем-то, она сумела скрыться и сейчас находится в розыске.

Группа в частности выпустила воззвание с призывом объявить Москву безъядерной зоной (аналогично с Ленинградом.)

Вообще обычное «демократическое» дело, вполне в духе уже совсем еврейской Москвы.

- - -

Я, в письме к Петрову, охарактеризовал его как «демократическую шелуху» и с удовольствием повторяю это сейчас.

Сообщения поступали в течение ряда дней. Я их сжал в одно коротенькое сообщение, в расчете на то, что Вы, в Вашей глуши, лишены какой-то бы то ни было информации.

- - -

Сообщают, что против Огородникова (религиозник), чей срок подходил к концу, возбуждено дело по статье 188 части 3 (неповиновение администрации). Состояние его здоровья, после длительных голодовок, совсем плохое. Он потерял все зубы и практически ослеп.

Затеяли обмен Щаранского в числе 12 человек (остальные профессиональные западные разведчики) на какое-то количество советских и восточногерманских разведчиков. Обмен должен состояться (или уже состоялся) в Берлине.

Идут упорные разговоры об обмене Нельсона Мандела (ЮАР) на кого-то из других советских диссидентов.

Обмен Щаранского и компании называют самым крупным обменом такого рода после 2-й мировой войны.

- - -

В Баку начался суд над бывшим министром Азербайджана Фархадом Саламановым. Подобный же процесс должен вскоре состояться в Ташкенте над целой группой высокопоставленных чиновников, теперь уже бывших, разумеется.

Вообще нельзя не отметить, что говорить стали откровенней и о многом, прежде замалчиваемом. В газетах 60-70% критического материала, и это-то в преддверии съезда! Явление само по себе необычное.

Между тем общее настроение публики можно выразить выжидательным: «посмотрим, посмотрим...» Большинство искренне хочет перемен к лучшему и искренне готовы приложить к этому силы. Стремление совершенно обдуманное, не рожденное лозунгами и призывами, но скептицизм народа силен. Сколько обещаний, заверений он уже слышал!

Верить будут только делам, конкретным результатам.

Повышенная гласность обнажила огромное количество проблем. Теперь уже не только специалистам, критиканам и диссидентствующим оппозиционерам видна картина загнанной экономики, застоя во всех сферах жизни, она видна, очевидна всем.

Подождем съезда. Он обещает быть интересным. Во всяком случае сонное царство, кажется, проснулось. Что теперь оно будет делать: потягиваться, зевать, почесываться или дело делать – покажет время.

- - -

Вот и все на сегодня. Февраль выдался у нас самым холодным за всю зиму. Температура в одну из ночей достигала 21 градуса, а по области до 26-28 градусов. Сейчас ночью – 11-12 градусов, днем – 6-8 градусов. Но солнце уже горячее и днем угадывается близость весны. Звучит капель на солнечной стороне.

Лед на Волге – 22 см, это немного. Прошлую зиму было до 40 см.

Посылаю Вам вырезку из местной газеты. Так сказать, «культурная жизнь» города. Помимо перечисленных есть еще у нас театр оперы, самый слабенький из всех 5 театров города и 8 театров области. Самым сильным коллективом и самым популярным считается ТЮЗ. Билеты в ТЮЗ надо приобретать за месяц и в очередь. Между тем он не носит звания академического.

Недавно с фурором гастролировал во Франции.

Здоровье мое пока не вызывает тревог. Как-то будет весной?

Весна и осень – критические периоды для моей болезни.

Как Ваши дела? Что нового?

С наилучшими пожеланиями

Валерий.

- - -

г. Саратов.

17.02.86

№6

Здравствуйте, Александр Александрович!

Только что созвонился с Петровым. Сейчас уже вечер. Днем он мне звонил, но не застал меня. Я гулял по городу вместе с Сашей Романовым, обмениваясь последними новостями.

Мы хоть и живем друг от друга недалеко, да за житейской суетой видимся редко. На этот раз не виделись около месяца.

Саша, так же как и я, недоучившийся историк, но я был арестован со второго курса, а Саша с 4-ого. Я успел до того кончить авиационный техникум, а Саша остался без специальности. Сейчас он работает кочегаром в таксомоторном парке.

Вспоминали о Вас. В частности о том, что в бытность свою на Алтае сумел получить от Вас письмо, где вы извещали его о своем втором аресте и просили сообщить об этом знакомым. Он тогда Вашу просьбу исполнил[19].

- - -

У Славы все без изменений. Он продолжает хандрить. Сел, по его словам, за письма, но когда он их окончит?

Кислое у него настроение.

Обмен Щаранского, как Вы уже, быть может, слышали, совершен и он уже с 11 февраля на Западе.

Щаранский дал уже множество интервью, было несколько пресс-конференций. Говорил он, в основном, на еврейские темы, и в его трактовке вся проблема прав человека свелась к правам евреев. Он рассказал, что провел в карцере в общей сложности 400 суток, из которых 192 дня голодал.

В героинях ходит и его жена – Авиталь (между прочим дочка высокопоставленного чиновника МВД г. Москвы.)

Газета «Матэн» (Франция) заявила, что с освобождением Щаранского в СССР не осталось больше диссидентов с мировым именем.

Вот так-то! Даже о Сахарове позабыли. И Огурцов для них не величина.

- - -

Мой отпуск уже начался, но поеду ли я куда-нибудь – еще не ясно. Отпускные я не получил и не получу их еще до 20-ого.

Вопрос весь в деньгах.

Других препятствий нет.

- - -

Что новенького у Вас? Писем долго нет и Ваших. Что-нибудь произошло? Я написал Вам:

№2 от 18.01

№3 от 27.01

№4 от 1.02

№5 от 8.02

От Вас за этот год получил лишь одно письмо.

- - -

Кончается зима. Ночью у нас по-прежнему морозы 10-12 градусов, но днем -1-2 градуса, а на солнце температура плюсовая. Чернеют сугробы и в полдень струятся первые ручьи. Дыхание весны...

Вот и все

Валерий.

- - -

г. Саратов

2.03.86

№7

Здравствуйте, Александр Александрович!

Уже давно, со средины января, я не имею от Вас писем. Что случилось? Нет ли какой беды?

21 февраля выехал к Петрову (через Москву), но через два часа был снят с поезда, продержан в камере сутки с целью «установления личности» (хотя документы были в порядке) и потом отпущен восвояси, с рекомендацией возвращаться домой.

Вот уж не ожидал! Хотя Саша Романов меня предупреждал о такой возможности.

Предсъездовские меры.

- - -

Я не ожидал этого, так как последние годы жил сугубо частной жизнью, до минимума сократив общение, как лично, так и в письмах. Я ничем не занимался, никуда не ходил.

Чем я могу быть опасен?

Вопросы сугубо риторические, я это понимаю...

И Ваше молчание, в связи с произошедшим, меня тревожит особенно.

Ответе, пожалуйста, побыстрей.

Вот пока и все.

Привет от Романова.

Валерий.

- - -

г. Саратов

25.03.86

№8

Здравствуйте, Александр Александрович

Получил Ваше письмо от 3.03.86.

От всей души сочувствую Вам. Горе, которое Вам довелось испытать, мне знакомо по собственной трагедии, которой уже скоро будет четыре года. Ее тоже звали Тамара. Она была врачом-психиатром. Ушла утром, как обычно, на работу и не вернулась: ее убил ее пациент – психически больной человек.

Удар был слишком для меня неожиданным. Мы жили всего год, но очень счастливо. Петров ее знал...

В вашем случае весь ужас был в том, что исход был известен заранее.

Как бы там не было, это не первые наши потери и, увы, не последние...

- - -

За последний месяц у меня умерло два родственника (дяди) и мой приятель-художник. Последнему – 49 лет.

Эта череда смертей заставляет жить как-то вприглядку. А тут еще отец целый месяц пролежал в госпитале и вышел оттуда в состоянии худшем, чем до него. У отца ишемическая болезнь сердца, гипертония...

И Славка что-то молчит. Уж не случилось ли и там беды?

Со Славкой мы крепко срослись, едва ли не братья. Особость наших отношений признана даже нашими матерями. И все, что может произойти там, в далеком Питере, столь же важно для меня, как если бы случилось в собственном доме. Что же касается Лидии Ефремовны, то она лучшая из матерей, когда-либо мною виденных, прекрасная женщина, общительная, умница, хоть и безо всякого образования.

Таким бы жить долго-долго! А как с ней сейчас? Еще месяц назад я звонил и она брала трубку. Сейчас пытался, но никто не берет трубку, никого нет дома... или телефон не работает.

- - -

Ну а теперь отвлечемся от грустных тем и поговорим об общих материях. Правда и тут веселого мало. Съезд прошел, и можно подвести кое-какие итоги.

Сказано было много и о многом необычно откровенно. Сама эта откровенность может породить иллюзии открытости советского общества. Увы, большая свобода будет дана лишь управленцам, новой молодой поросли аппарата.

В гуманной области, судя по некоторым намекам, гайки, напротив, закрутят.

Из новых сообщений в эфире можно упомянуть об очередной голодовке Ирины Ратушинской, которая находится в женской политзоне, в хорошо знакомом нам Барашеве. О ней поведала в передаче «Голоса Америки» Арина Гинзбург. (Не помню: писал ли я вам о том, что виделся с ней в 1977 г.?)

Идет уже месяц перемывания косточек Курта Вальдхайма, (бывший ген.секретарь ООН). Его обвиняют в том, что он сотрудничал в годы войны с нацистами.

- - -

Мои дела ничем не блещут. После столь странно закончившейся поездки в Москву и Ленинград я, по некоторым признакам, почувствовал на себе внимание органов. Но не исключаю и того, что я просто стал страдать излишней мнительностью.

Я все еще в недоумении: за что? С любой точки зрения я совершенно безвреден для властей.

Надеюсь, что время тут все прояснит.

Саша Романов передает Вам привет. Я часто с ним сейчас вижусь, а на все время съезда, во избежание каких-либо сюрпризов, встречались и созванивались ежедневно.

В этом отношении нам немного легче, чем Вам. В Саратове, по крайней мере, пять человек, прошедших школу Мордовии, и несколько десятков людей, причастных по нашим делам.

Сделать что-то тихо нельзя... что-то значит и взаимная поддержка.

- - -

В заключение хочу отметить, что Ваше письмо от 3.03.86 пришло ко мне 24.03.86, со штампом Саратова от 20.03.86.

Это тоже о чем-то говорит...

Пишите. С нетерпение. Жду Ваших писем.

Валерий.

Александр Болонкин – Валерию Белохову

№ 6

г. Улан-Удэ

22.4.86

Здравствуй, Валера!

Письма твои №№ 3–10 получил. Просто со всеми последними событиями и хлопотами не было возможности писать.

Я решил еще раз сделать попытку провести кампанию по обмену: дать объявления в бюллетени (газеты) в разные города. До этого (год назад) давал объявления в Туле, Рязани, Владимире, Калинине, Иваново, Горьком, но получил только два предложения из мелких районных центров. Сейчас надо повторить и расширить географию. В частности, я 19.4 уже послал тебе письмо с объявлением и просьбой зайти в вашу газету (точнее, приложение к ней). Поменяться трудно, ибо предложений из обл. центров России мало, а желающих <уехать> отсюда очень много. Я было договорился с Челябинском, но в последний момент им предложили двухкомнатную и они, естественно, выбрали тот вариант <...>

Вот и все мои новости.

Пиши.

Поздравляю тебя с праздником Весны и Днем Победы.

Не питай иллюзий насчет нового руководства.

Спасибо за информацию. До нас мало чего доходит. Слышал только, что Аллилуева вернулась в Штаты, заявив, что жизнь в СССР ухудшилась, и чтобы понять преимущества жизни в США, надо побывать в СССР.

От Петрова давно ничего нет.

С наилучшими пожеланиями

Александр.

Спасибо за фото.

Привет Саше Романову.

Комментарии:

[1] Олег Сенин арестован в 1969 году по делу «Группы революционного коммунизма». Осужден на 7 лет лишения свободы и 2 года ссылки. Подробнее о нем см.: «Листки из глухого времени. Письма Олега Сенина Валерию Белохову» // Волга. N 3 (416). 2008.

[2] Кронид Любарский (1934–1996), астрофизик, правозащитник. Арестован в 1972 году по делу «Хроники текущих событий», осужден на 5 лет. После освобождения был распорядителем солженицынского фонда помощи политзаключенным, входил в группу «Международной амнистии». С 1977 года в эмиграции, издавал журнал «Страна и мир», информационный бюллетень «Вести из СССР». В этом бюллетене вновь была напечатана информация о сотрудничестве В.Белохова с КГБ, первоначально опубликованная в «Хронике текущих событий» № 32 от 17 июля 1974 г. («заключенные добились от БЕЛОХОВА признания в том, что он сотрудничает с КГБ») и в № 40 от 20 мая 1976 г. («В.БЕЛОХОВ – разоблаченный стукач»). Эта информация не опровергнута.

[3] Вячеслав Черновол, Паруйр Айрикян, Василь Лисовой, – украинские и армянские диссиденты и политзаключенные.

[4] Александр Петров-Агатов (настоящая фамилия Петров) (1921—1986), диссидент, политзаключенный. Обычно упоминается в связи с предполагаемым авторством слов песни «Темная ночь» из кинофильма «Два бойца» и статьей «Лжецы и фарисеи» («Литературная газета» от 2.02.1977), после публикации которой на следующий день последовал третий арест Александра Гинзбурга. Находился в заключении с 1947 года, совершил побег, не дожидаясь амнистии, вновь арестован, освобожден в 1967 году. В 1968 получил второй срок за антисоветскую агитацию и пропаганду (в том числе, за религиозные стихи), из лагеря переправлял на Запад стихотворения и публицистику, освободился в 1975 году. Третий срок он получил в 1981 году по «бытовой» статье за мошенничество, умер в лагере. См. о нем: Синявский А. «Темная ночь...» // Синтаксис. Вып. 1. – Париж, 1978. Некоторые «проходные» стихи Петрова-Агатова печатались в советских литературных (Простор. № 10. 1967; Нева. № 3, 1968) и ведомственных изданиях. Посмертная публикация стихов: Панорама: Общественно-политический ежемесячник. Казань, 1991. № 10.

[5] В первой половине 80-х, уже после освобождения и выхода из политической зоны Белохов отсидел год в уголовном лагере за неуплату алиментов.

[6] Евгений Вагин, в 1967 году осужден на 8 лет по процессу ВСХСОН. После освобождения работал кочегаром, в итальянской эмиграции – профессор русского языка и литературы, диктор радио Ватикана.

[7] Андрей Твердохлебов, физик, правозащитник, политзаключенный. С 1980 г. в эмиграции. Валерий Белохов проходил свидетелем по его делу.

[8] Вячеслав Петров (1937 –1989), бывший политзаключенный. О нем подробнее см.: «Все любили получать письма от Петрова» // Волга. N 1 (414). 2008

[9] Валентин Турчин, физик, правозащитник, с 1977 г. в эмиграции.

[10] Александр Романов, бывший политзаключенный, проходил по одному делу с О.Сениным.

[11] Георгий Давыдов, бывший политзаключенный, проходил по одному делу с В. Петровым, впоследствии эмигрант. На момент переписки работал на «Радио Свобода».

[12] Игорь Огурцов, в 1967 г. был осужден на 15 лет заключения и 5 лет ссылки за создание Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН).

[13] Евгений Пашнин, бывший политзаключенный, был осужден в Кишиневе на 10 лет.

[14] Имеется в виду 19-я лагерная зона Дубровлага в п. Лесной, одна из зон, в которых обычно содержались политзаключенные.

[15] Павел Кудюкин, диссидент социалистической ориентации, участвовал в издании альманаха «Варианты» и сотрудничал в журнале «Левый поворот». Арестовывался в 1982 году по делу «молодых социалистов» (хотя в деле и было множество фигурантов, осужден был только один человек – Михаил Ривкин).

[16] Барашево – поселок, где располагалась лагерная больница.

[17] Мать Вячеслава Петрова.

[18] YMKA-Press.

[19] Письмо от Болонкина Романов получил обычной почтой, но без обратного адреса. Возможно, оно было передано на волю нелегально, в виде записки, и просто вложено в конверт. В письме Болонкин сообщал Романову о новом аресте по ложному обвинению, которого он не признаёт и не признает. Далее следовал ряд адресов советских правозащитников, в том числе Сахарова, по которым нужно было передать содержащуюся в письме информацию. Письма отправляла мать А.Романова, специально для этого поехавшая в Бийск из деревни, где она находились вместе с сыном. 30 апреля 1981 года Московская группа содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР выпустила документ № 166 «Заключение Александра БОЛОНКИНА становится бессрочным». 3 мая Андрей Сахаров выступил с письменным обращением: «к математикам – коллегам Александра БОЛОНКИНА в СССР и во всех странах, ко всем ученым, ко всем честным людям. Я обращаюсь к Главам всех правительств, подписавших Хельсинкский Акт, ко всем государственным и общественным деятелям, деятелям культуры и бизнеса, которые могут иметь влияние на советских руководителей, обращаюсь к Эмнести Интернейшнл». Выступите в защиту Александра Болонкина».

Подготовка публикации, вступительная статья, комментарии Олега Рогова

Разговоры с Андреем Пермяковым*

Андрей Пермяков – Анна Голубкова

– Кристаллизацию идеи альманаха «Абзац» можно отслеживать по предисловиям к каждому из выпусков. Это вполне естественно для нового издания. Кому интересно, может прочесть эти предисловия, тем более, что в Сети они доступны, а как бы Вы сформулировали, что такое «Абзац» сейчас, в середине 2009 года?

– К сожалению, должна отметить, что барон фон Грюнвальдус, сей доблестный рыцарь, все в той же позиции на камне сидит, то есть – редакция пока что не смогла прийти к консенсусу. Проблема, обозначенная в предисловии к четвертому выпуску, по-прежнему существует. Правда, мы решили разделиться. Пятый выпуск альманаха готовит Данила Давыдов в соответствии со своим представлением о том, каким должно быть это издание, а шестой выпуск снова буду делать я.

– Позволю цитату из предисловия к первому номеру:

«– Ты суслика видишь?

– Нет.

– А он есть.

Вот так же обстоит дело и с нашим поколением, которое, безусловно, есть и которое пока себя никак в литературе не проявило».

Теперь суслик, безусловно, появился. Достаточно посмотреть архив журнального зала за последний год: не удастся найти месяца, чтобы 2-3 автора из «Абзаца» не попали на страницы центральных журналов. Как вы оцениваете роль альманаха в этом процессе?

– Дело в том, что три года назад, когда задумывалось это издание, у меня было достаточно смутное представление о том, что происходит в современной литературе. Более или менее репрезентативных изданий у нас нет. И даже «Воздух» – на данный момент самый, по-моему, адекватный журнал – отражает все-таки больше исторически сложившуюся, чем формирующуюся ситуацию, не говоря уже о том, что это журнал поэтический, и потому проза по необходимости представлена там в достаточно усеченном виде. В тот момент мой взгляд был в большой мере взглядом со стороны, впоследствии же оказалось, что – как раз в силу отсутствия адекватных изданий – судить о современной литературе можно только изнутри литературного процесса. И «Абзац», таким образом, стал для меня не столько альманахом, сколько методом познания современной литературы. Так что суслик, безусловно, был, просто три года назад я не могла его увидеть. Что касается востребованности публиковавшихся в «Абзаце» авторов, то мне все-таки кажется, что это больше связано с ростом их личной популярности, чем с публикацией в нашем альманахе, хотя, конечно, и такая публикация могла сыграть какую-то свою положительную роль.

– Наверное, главной удачей «Абзаца» стал Дмитрий Данилов. Ну, если подойти к вопросу с нейтрально-неблагожелательной точки зрения, публикации его рассказов в альманахе совпали с ростом популярности. Кто еще из уже опубликованных, но слабо замеченных толстыми журналами авторов может стать заметным явлением? Возможно, Андрей Емельянов?

** Продолжение рубрики. Предыдущие публикации см.: «Волга», 2008, № 2 (415) и 2009, №3-4 (419).*

Анна ГОЛУБКОВА (Анна Сапегина) – литературный критик, прозаик, один из редакторов литературно-художественного альманаха «Абзац». Родилась в 1973 году в Твери, окончила исторический факультет ТвГУ (1995), филологический факультет МГУ (2002), кандидат филологических наук (2006, диссертация «Критерии оценки в литературной критике В.В. Розанова»). Публикации в журналах «Новый мир», «Волга», «Октябрь», «Знамя», «НЛО» и др. С 1997 года живет в Москве.

– Ну, суждения о том, кто стал «главной удачей» альманаха, наверно, все-таки лучше оставить истории. Тем более, что история самого «Абзаца», как мы надеемся, еще далеко не закончилась. Что касается Дмитрия Данилова, то здесь, как мне кажется, важен не только факт публикации его прозы в альманахе, но и логическое завершение – появление там же большой аналитической статьи о его творчестве. Все-таки читатель у нас не склонен доверять самому себе, и если ему не объяснить, почему это хорошо, он может и не поверить собственному эстетическому впечатлению. Именно на этом – на анализе и критике – мы как раз и планируем сделать акцент в следующих выпусках альманаха.

Я с большим уважением отношусь к нашим толстым журналам, но все-таки не могу не заметить, что при декларированной ориентации на современную литературу в целом на самом деле они представляют какой-то отдельный ее сегмент, и потому общая картина происходящего получается у них достаточно искаженной. Кроме того, не все авторы «Абзаца» могут появиться там по причинам, скажем так, стилистическим. Например, довольно сложно представить в изданиях подобного рода большую часть стихотворений Валерия Нугатова. Не надо также забывать о том, что толстые журналы, как правило, ориентированы на уже сложившиеся репутации, а наш альманах – в основном на складывающиеся. Так что в нашем случае «заметность явления» определяется не столько какими-то толстожурнальными публикациями, сколько выходом отдельных книг и тем откликом, который они получают среди читающей публики. Конечно, тут тоже далеко не все обстоит так прекрасно, как этого бы хотелось. К примеру, если книги Андрея Сен-Сенькова и Валерия Нугатова выходят достаточно регулярно, то книг Алексея Денисова, Владимира Никритина и особенно – Сергея Соколовского весьма не хватает для полноты представлений о том, что же сейчас у нас происходит в литературе. Что касается Андрея Емельянова, то некоторая проблема, как мне кажется, состоит в том, что этот поэт не принимает личного участия в литературной жизни, а без такого участия сейчас, к сожалению, все-таки довольно сложно быть замеченным. Тем не менее, идеальным вариантом здесь также был бы выход книги и появление нескольких рецензий на нее.

– «Идея поиска общих черт в поколении 90-х», полностью оформленная в четвертом выпуске «Абзаца», – приведет ли она в перспективе к тому, что альманах станет выразителем «поколения сорокалетних», затем «пятидесятилетних» и вплоть до девяноста, т. е. альманах станет примерно тем, чем группа Лайбах хочет стать в музыке; чем пытался стать ОМ среди глянцевых журналов? Или состав авторов будет молодеть по мере взросления проекта?

– Поколенческая идея имела свои плюсы и минусы, тем не менее, свою роль – некоего объединяющего издание стержня – она все-таки сыграла. В реальности, конечно же, состав всех четырех альманахов был намного шире. Разумеется, можно спорить о том, существует эта поколенческая общность или нет: я считаю, что она очевидна, а кто-то утверждает, что это не более чем умозрительная конструкция... Как бы там ни было, в дальнейшем мы не планируем придерживаться каких-то возрастных рамок. Общая идея альманаха по-прежнему будет близка мировоззрению «нынешних тридцатилетних», однако сформулирована она будет несколько по-другому, с большим приближением к исторически сложившимся литературным направлениям.

– В том же предисловие было сказано: «Дальнейшее же развитие журнала в качестве некоторого "более правильного" аналога толстых журналов требует безусловного расширения финансовой базы либо перехода издания на электронные носители». Сейчас, несмотря на кризис, финансовое обеспечение, вроде бы, проблемы не представляет. Какой выбор сделали Вы? Пример сверхуспешного, на мой взгляд, журнала «Рец», расположенного на стыке сетевого и оффлайнового пространств, не показался слишком соблазнительным?

– Журнал «РЕЦ» – и по своей структуре, и по своему содержанию – кажется мне явлением очень интересным и значительным, что, собственно, легко можно увидеть по интервью с Павлом Настиным, помещенному в четвертом выпуске альманаха. Какое-то время я действительно думала, что стоит, быть может, полностью перевести «Абзац» на электронные носители. Но потом вмешалась какая-то иррациональная любовь к книге как тактильному объекту. Очень уж прият-

но держать альманах в руках, шуршать страницами, разглядывать картинки, открывать на случайном месте и прочитывать оттуда несколько строчек... И потому, хотя чаще всего «Абзац» читают именно в электронной версии, небольшим тиражом – для самых консервативных читателей – он все равно продолжит выходить на бумаге. Кстати, опыт издания альманаха, как ни странно, показал, что деньги в этом увлекательном процессе – далеко не самое главное. А самое главное – это общая идея и личные организационные усилия членов редакции. В принципе, при наличии желания свое собственное литературное издание может сделать абсолютно любой человек.

– Во втором номере «Абзаца» была напечатана прекрасная подборка Арсена Мирзаева — автора, относящегося к кругу «Детей Ра», «Зинзивера», «Футурум-Арта»; в третьем — Тамары Буковской. Насколько серьезно различаются по своим поэтикам наследники разных традиций модернизма? Просто, на мой взгляд, это самое противостояние (или отсутствие его) гораздо важнее, чем противодействие «актуальных поэтов» (очень смешное определение) еще более смешным «традиционалистам».

– Вопрос прямой или опосредованной передачи художественного опыта в русской литературе XX века крайне сложен. На мой взгляд, нужны усилия большой группы исследователей, если не целого научного института, чтобы прийти здесь к какому-то более или менее удовлетворительному выводу. Кроме того, я воспринимаю и Тамару Буковскую, и Арсена Мирзаева не столько как авторов перечисленных Вами журналов, сколько как петербургских поэтов, которые, как мне кажется, представляют собой совершенно особую общность. Да и вообще первый выпуск «Абзаца» был в первую очередь воспринят и одобрен именно в Петербурге, кстати, как раз Тамарой Буковской и Валерием Мишиным, поэтому наше дальнейшее сотрудничество представляется мне совершенно естественным. Полемика между «актуальными поэтами» и «традиционалистами» в несколько сниженной форме напоминает нам о споре архаистов и новаторов, о дискуссиях западников и славянофилов, о конфликте сторонников чистого искусства и искусства, исполненного пафоса гражданского служения, то есть этот конфликт, по-моему, является совершенно нормальной формой существования литературного процесса. Что касается реального содержания этой полемики, то с точки зрения истории литературы оно не кажется мне очень существенным. Противоречия между современными «новаторами» и «архаистами» носят скорее тактический внутрилитературный, чем мировоззренческий характер. Гораздо интереснее для меня как для литературоведа начинающая оформляться противоположность сторонников «нового эпоса» и художников-индивидуалистов.

– Простейший вопрос: какую публикацию (две, три) из всех номеров «Абзаца» Вы считаете самой удачной?

– Не такой уж это и простой вопрос. Как редактор, я люблю всех своих авторов, как читатель – опять-таки читаю всех с большим удовольствием. Впрочем, по отзывам критиков и некоторых активных читателей наиболее ярким пока что является третий выпуск «Абзаца», во время подготовки которого в состав редакции входил Валерий Нугатов. Если же смотреть с точки зрения формирования общих представлений о состоянии современной литературы, то здесь очень важными для меня оказались рассказы Дмитрия Данилова, прозаический цикл Сергея Соколовского, визуально-поэтические циклы Андрея Сен-Сенькова, стихи Валерия Нугатова, Алексея Денисова, Владимира Никритина, Андрея Емельянова, Вадима Кейлина, Марины Хаген, Павла Гольдина, Евгении Риц, Сергея Кынчева и некоторых других.

– Вы – один из вдохновителей арт-проекта «Баб/Ищи». Проект этот, наверное, уже как-то реализуется публично к моменту выхода интервью. Можете сформулировать его идею, вообще как-то поподробнее о нем рассказать?

– Арт-проект «Баб/Ищи» был порожден коллективными усилиями участников прошлогодней «Стрелки» – поэтического фестиваля в Нижнем Новгороде. Именно они подхватили некий анекдот и развили его в целую концепцию, так что нам – Дарье Суховей, Марине Хаген, Юлии Скородумовой и мне – осталось только подобрать высказанные идеи и начать осуществлять запланированные акции. В начале января арт-группа «Баб/Ищи» выступала в Петербурге, 8-го мар-

та в Зверевском центре современного искусства мы провели музыкально-визуально-поэтическую акцию солидарности со всем остальным женским народонаселением, готовим выпуск сборника. Надо отметить, что не все из нас отнеслись к проекту с восторгом. Например, Дарья Суховей долго боролась и с названием, и с концепцией, у меня тоже были какие-то свои сомнения, но коллективная воля поэтического сообщества все-таки оказалась сильнее. Конечно, гораздо приятнее быть Прекрасной Дамой, чем Бабищей, но уж если ты по своей природе – именно бабища, ничего тут не поделаешь... По зрелому размышлению мы пришли к выводу, что это слово обозначает женщину с активной жизненной позицией. Конечно, с точки зрения лексической семантики это оксюморон – ведь женское начало в инерции языкового восприятия является фактически синонимом пассивности. Тем не менее, в реальной жизни такое явление существует, и именно оно, вероятно, невольно делает нашу арт-группу как бы выразителем своих интересов. Мне же, если честно, больше всего пока что в этом проекте нравится общение с остальными участницами, которых просто переполняют радость жизни и творческая энергия.

– Давно уже критики указывают на инфантилизм как одну из главных черт «поколения тридцатилетних». Вы согласны с таким определением?

– Смотря что понимать под «инфантилизмом». Если безответственность и неспособность к самостоятельному решению, то это – не про нас. Если нежелание мириться с общепринятым порядком вещей и идти на какие-то внутренние компромиссы, то, да, это сказано именно о моих ровесниках. Хаотичная эпоха начала 90-х требовала от нас достаточно быстрого и раннего самоопределения. При этом не было абсолютно никаких образцов, на которые мы могли бы ориентироваться, поэтому приходилось выбирать из того, что было под рукой. Не удивительно, что примеры в основном оказались асоциальными. Проблема, как мне кажется, состоит в том, что мы слишком рано стали взрослыми, так и не успев повзрослеть по-настоящему. К примеру, мне до сих пор присущ подростковый максимализм, и, честно говоря, избавляться от него у меня нет никакого желания.

– Теперь, когда в качестве направляющих литературы успели побывать и «Бога нет и потому все позволено» и «Бог есть и потому все позволено», что для Вас радикализм?

– Слово «радикальный» появляется в моем литературоведческом словаре крайне редко. Оно все-таки относится к несколько другой области гуманитарного дискурса. Тем не менее, в наше время сплошных компромиссов и приспособленчества «радикальным» оказывается тот, кто честно следует своему таланту, вернее, чей талант оказывается настолько сильным, что никак не дает своему обладателю приспособиться к существующей литературной ситуации, все время выводя его за рамки и границы дозволенного и общепринятого.

– Сейчас и в столицах, и в провинции проводится множество фестивалей. По вашему, фестивальное пространство и область «бумажной» литературы образуют единое целое?

– Единое целое – это все-таки, наверное, преувеличение, но они в значительной степени пересекаются. Организаторы фестивалей – и это ни в коем случае нельзя поставить им в упрек – должны ориентироваться на более или менее раскрученные имена, точно так же, как и редакторы бумажных изданий.

– На Ваш взгляд, литературных площадок в Москве много, мало или в меру? Если бы Вы руководили одной из них, какой бы она была?

– Литературных площадок в Москве вполне достаточно. По крайней мере, при необходимости организовать какое-либо мероприятие всегда можно найти для него более или менее подходящую площадку. Другое дело, что действительно интересных мероприятий проходит не так уж много, но это зависит уже не от наличия площадок. Есть одно замечательное место, но оно находится не в Москве, а в Петербурге. Это галерея «Борей», которая существует уже больше пятнадцати лет и является своеобразным центром культурной жизни города. Если бы у меня была такая возможность, мне бы хотелось сделать нечто подобное. Но вряд ли такое случится...

– Возможна ли в перспективе регионализация российской поэзии, как, например, в Америке? Скажем, есть сильные региональные кураторы, явно претендующие не только на вхождение в ли-

тературное пространство, но и на его формирование. Например, Саша Петрушкин в Кыштыме, Игорь Кузнецов в Кемерово. Или в обозримой перспективе наша литература по-прежнему будет если не создаваться, то благословляться в столице?

– Думаю, что это связано не столько с тенденциями развития литературы, сколько с общими закономерностями нашей экономической и политической жизни. До тех пор, пока экономическим и политическим центром страны является Москва, литература поневоле будет копировать эту же модель. Хотя бы просто потому, что наиболее активные и, вероятно, талантливые (но, разумеется, никакого правила тут быть не может) все равно будут уезжать из провинции в столицу. Конечно, большие города тоже имеют свою литературную жизнь, но, как мы видим на конкретных примерах, общероссийское значение она все равно получает только после одобрения и признания столицы.

– Насколько для Вас, как издателя, важна роль Интернета, в частности, Живого Журнала? Многие будущие авторы Абзаца стали Вам известны именно из ЖЖ?

– Интернет для меня не столько самостоятельное явление, сколько удобный способ получения информации. Новые авторы попадали к нам в основном по рекомендации авторов уже публиковавшихся и известных мне лично. Например, Андрея Емельянова нашел и настоятельно рекомендовал нам Андрей Сен-Сеньков. Однако часто решение о публикации принималось или не принималось мною в результате чтения Живого Журнала рекомендованного мне автора. Так что в этом отношении ЖЖ оказался крайне полезным инструментом. А так, конечно, составление альманаха в основном опиралось на личные впечатления от текстов. Например, Валерия Нугатова и Марину Хаген я услышала на фестивале верлибра в мае 2006 года... Или вот прочла как-то повесть Сергея Соколовского «Фэст Фуд», и она настолько мне понравилась, что я даже и не вспомнила об «Абзаце». Но, к счастью, впоследствии такая мысль пришла в голову Валерию Нугатову, так что именно благодаря ему прозаический цикл Соколовского появился в третьем выпуске альманаха. В сущности, в работе над изданием принимало участие намного больше людей, чем это обозначено в списке членов редакции.

– Предположим, завтра сбылась фантазия Станислава Лема, информация собралась в замкнутый куб, и Интернет навсегда прекратил свое существование. Ваши действия?

– Достану старую тетрадку и продолжу писать свои заметки.

– Ваши рассказы, например, цикл «Мужчины провинциального города», опубликованный в журнале День и ночь, похожи на такой многослойный пирог: вот в меру сентиментальное сюжетное повествование, очень интересное само по себе, вот аллюзии (зачастую выраженные разве что в названии) на русскую классику, вот запрятанный еще глубже слой, ориентированный, скажем, на продвинутую поп-психологию... Это чрезвычайно интересно, а возможна ли сейчас серьезная литература «в простоте»?

– Простота «серьезной» литературы всегда обманчива. Вернее, здесь все зависит от читателя – насколько он способен воспринять эту многослойность. Но в общем и целом – да, серьезность ничуть не отменяет простоты, а иногда даже ее и провоцирует.

– У Вас действительно был сосед Виктор Иванович? Т.е. связь с реальностью в сравнении с временами постмодерна становится крепче или наоборот?

– Надо было дать этому циклу подзаголовок «документальные заметки». Виктор Иванович действительно существовал, и опыт общения с ним дал мне очень многое... До сих пор вспоминаю, как он говорил, выходя на кухню: «Вот знаете, Аня, играю я как-то в шахматы с Аджубеем...». Что касается связи с реальностью, то, по-моему, это личное дело каждого художника. Есть очень интересные авторы, преображающие свой реальный опыт до полного неузнавания, есть, наоборот, нарочито преувеличивающие обстоятельства своей биографии. Никакой конкретной тенденции тут, по-моему, пока не наблюдается.

– Сделаем вид, что Вы — мощный критик с Восточного побережья, а я — профессор из, допустим, Айова-Сити: «От кого в нашем и следующем за нами поколении можно ожидать Прорыва?» То есть, может теперь кто-то стать явлением не только литературы, но и культуры?

– Безусловно, может. Но называть имена я пока что не готова, так как не уверена, что хорошо знаю все, что сейчас происходит в нашей литературе.

– Полезен ли, с Вашей точки зрения, длительный опыт жизни в провинции?

– Конечно, полезен. Как и следующий за ним опыт вживания в атмосферу столицы. На эту тему есть хорошее стихотворение Валерия Нугатова: «если уехать нелегально в другую страну в другой город в другую часть света и там остаться / в жизни можно узнать много нового». Провинция и столица – это два совершенно разных образа жизни и, пожалуй, два почти не совместимых мировосприятия. Впрочем, никакой единой «провинции» не существует. Это только из Москвы иногда кажется, что есть столица и есть – вся остальная Россия. На самом же деле провинция – очень разная, и опыт жизни в маленьком городке не сравним с опытом жизни в городе, население которого приближается к миллиону. Я родилась и выросла в Твери, хотя уже почти двенадцать лет живу в Москве. Тверь находится всего лишь в ста шестидесяти километрах от столицы, это меньше трех часов на электричке и меньше двух – на машине, если без пробок, и все-таки в городе существует своя особая атмосфера и своя жизнь, ничуть не похожая на московскую. Должна признаться, что в свое время переезд стал для меня не столько шоком, сколько облегчением – в родном городе не было ни работы, ни более или менее интересного круга общения. А в Москве все, что ранее было таким сложным или вообще практически недостижимым, оказалось неожиданно легким...

– Мне кажется, или действительно алкоголь в последние годы стал играть менее гибельную роль для нашей литературы?

– Для меня искусство – это прежде всего работа, с которой не слишком хорошо совместимо активное употребление алкоголя. Тем не менее, есть прекрасные авторы, которые являются большими любителями высокоградусных напитков. В основном же у нашего поколения просто нет времени на основательное пьянство – мы все время работаем...

– Когда В.С. Высоцкому задали вопрос: вот Вы поэт, автор песен, певец, актер кино и театра. Что для Вас важнее? Он, как известно, ответил, что если на одну чашу весов сложить песни, а на другую всю его остальную деятельность, то чаша с песнями перевесит. Вы тоже одновременно прозаик, поэт, критик, филолог, издатель, организатор литературной жизни... можете определить то, что «перевесит», или пока нет?

–Надеюсь, что «перевесит» любовь к русской литературе, отдельными проявлениями которой являются все перечисленные Вами виды деятельности.

Андрей Пермяков – Андрей Коровин

– Насколько символично то, что Волошинский фестиваль проходит в Коктебеле, где жил один из тех, кого Евгений Степанов назвал «поэтами-пророками»? Если мы вспомним историю Серебряного века русской поэзии, случаев такой явной топологической преемственности от века «золотого» вроде бы не наблюдалось.

– А где еще мог бы проходить Волошинский фестиваль? Разве что во Франции, которую Волошин тоже очень любил. Коктебель ведь – не только культовое место Серебряного века. Волошин подарил свой дом писателям, к нему, затем к его вдове Марии Степановне, затем в писательский Дом отдыха и просто в частный сектор всегда приезжали известные писатели. Здесь уже во второй половине XX века бывали Бродский, Евтушенко, Лимонов, Ахмадулина, Битов, Искандер,

Андрей КОРОВИН – поэт, критик, литературный деятель. Родился в Тульской области в 1971 году, окончил юридический институт МВД РФ, высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Автор книг стихов «Поющее дерево» (М., 2007) и др. Публикации журналах и альманахах «Арион», «Дети Ра», «Интерпоэзия», «Кольцо А», «Крещатик», «Новый Берег», «Новая Юность», «Футурум АРТ» и др. Организатор Международного литературного Волошинского конкурса и Международного литературного фестиваля им. М.А.Волошина (Коктебель), координатор Международной литературной Волошинской премии. Куратор литературного салона «Булгаковский Дом» (Москва). Член Союза российских писателей, Союза журналистов России.

Нагибин, здесь Василий Аксенов писал роман «Остров Крым». Сложнее назвать известного поэта или писателя, который бы не бывал в Коктебеле. Вот уже в наше время сюда приехали Саша Соколов, Алексей Цветков, вернулись те, кто не был здесь более двадцати лет, появилась новая литературная молодежь. В чем тут загадка? Я думаю, в самом месте, в его энергетике. Волошин был по-своему магом, он почувствовал это «место силы». И меня сюда притянуло как магнитом. И продолжает тянуть. Да не меня одного – все, кто здесь бывал, обязательно сюда возвращаются. Это коктебелезависимые люди. Это неизлечимо.

– Вы родом из Тулы. Почему тогда выбор пал именно на Коктебель? Не хотелось ли сделать что-то равное по масштабу на «малой родине»?

– Тула – непоэтический город. Это земля мастеровых, им ближе проза. Именно поэтому Толстой – из Тулы, а Пушкин – нет. Поэты в Туле рождались, но всегда стремились поскорее из нее уехать. Потому что культурный климат им не благоприятствовал. Те, кто не уезжал – умирали, погибали, спивались. Сергей Белозеров, Ольга Подъемщикова, Алексей Дрыгас... Это скорбный список можно продолжать и продолжать. К сожалению, я почти не знаю исключений. Сейчас в Туле живет несколько интересных поэтов, которых почти никто не знает в родном городе.

И как таковой литературной жизни в Туле нет. Если в разных городах, где я бывал, есть литературные кафе, арт-клубы или просто места, где собираются литераторы-музыканты-художники, то в Туле таких мест никогда не было. Я и мои друзья в юности собирались на кухнях. Может быть, сейчас такие места и появились, но регулярной литературной жизни, литературного процесса нет до сих пор. Была недавно попытка провести поэтический фестиваль, и фестиваль даже, кажется, получился. Меня попросили помочь в его организации, и я с радостью откликнулся. К сожалению, после скоропостижной смерти его организатора Юрия Коняхина хорошая идея тут же заглохла. Есть несколько писательских союзов, живущих своей обособленной жизнью, никак не востребованных слушателями и областными-городскими властями. Есть какие-то литобъединения, исповедующие поэтику столетней давности. И я не знаю, возможно ли это изменить. Я пытался, пока жил в Туле. Я пытался, когда переехал в Москву. Но невозможно навязать то, что людям не нужно. Хотя, если в Туле когда-нибудь появятся энтузиасты, которым это будет нужно, я, разумеется, всячески им помогу.

Вспомнил, кстати, что в 60-х годах Тульский обком партии просил Союз писателей прислать в Тулу писателей, чтобы создать местную организацию. Видимо, своих тогда не было. Так в Туле оказался знаменитый Анатолий Кузнецов, автор «Бабьего Яра», сказочник Иван Панькин и другие. Им выдали квартиры, всячески обласкали. А нынешние власти тульских писателей в упор не видят. И дело не в том, хорошие они или плохие, российского уровня или местного. Должна быть творческая среда, чтобы из нее могло что-то произрасти.

– Вообще, насколько оказался полезен длительный опыт жизни вдалеке от столиц? Если вспомнить Ваше стихотворение десятилетней давности о Туле, особой любви там не заметно. Ваше отношение к этому городу как-то изменилось?

– Я всегда любил Тулу, но она методично убивала моих друзей. Это любовь-ненависть. В том давнем стихотворении как раз много горькой любви. Меня тянет туда, и в то же время я понимаю, что мне некуда возвращаться. Город другой. Я другой. Это как в семейной паре, когда люди не подходят друг другу. Опыт жизни вдали от столиц полезен тем, что я знаю, что такое Россия. А люди, всю жизнь прожившие в Москве, не знают. Москва и Россия – разные страны. И это не шутка. С одной стороны, я иногда жалею, что не уехал в Москву лет в двадцать, а потратил около десяти лет активной жизни на то, чтобы что-то сделать в Туле. Но с другой – у меня там были любимые, были друзья, была работа, которую я любил, была юность, пропитанная духом свободы, пусть и провинциальной, и поэтому жалеть ни о чем не стоит. Значит, я был нужен этому городу. И я старался быть ему полезен.

– Фестиваль, длительно проводимый в определенном месте, как правило, приводит к появлению заметных авторов. Отличие Крыма в том, что там всегда было довольно много сильных поэтов. Кто-то из крымчан проявил себя именно благодаря фестивалю?

– Мы изначально не ставили себе такой задачи. Наши открытия шире – от Нью-Йорка до Камчатки. Волошинский фестиваль по своему духу – гостевой. В определенное время в определенном месте собираются талантливые люди со всего мира, чтобы встретиться, познакомиться, пообщаться, прочитать на публике свои стихи или рассказы, поспорить о современной литературе, окунуться в море, испить вина, прикоснуться к энергетике Коктебеля. Задача «выискивания» в местном песке редких моллюсков или «выращивания» неведомых миру зверей перед нами не стоит. Крымские авторы равны с авторами из Москвы или Лондона. Крымчане активно присылают свои произведения на Волошинский конкурс, ряд авторов был отмечен наградами, некоторые из них являются постоянными участниками фестиваля. А замечательный поэт Андрей Поляков, живущий в Симферополе, стал в прошлом году первым лауреатом Международной литературной Волошинской премии.

– К Вам, на мой взгляд, совершенно неприложим общий диагноз, выносимый критиками, оценивающими «поколение 90-х»: инфантилизм. Стало быть, Вы можете оценивать это явление извне. По-Вашему, эта особенность действительно сейчас существует в более серьезной форме, чем в предыдущие периоды развития нашей литературы и, если да, то в чем проявляется?

– Поколение 90-х оказалось на сломе эпох. Не все поняли, что произошло. Не конкретно с Россией, а вообще с миром. Мир изменился радикальным образом. И мы вместе с ним. Не все поняли, что надо делать. Не в смысле бытовых или профессиональных дел. А вот по большому счету – по жизни. Кто-то (особенно те, кто был возле окошка раздачи) смог вписаться в какие-то успешные проекты – телевидение, шоу-бизнес, журнальный или рекламный бизнес, при этом продолжая что-то такое писать. Кто-то вовсе бросил писать, и только в последние годы стал возвращаться в литературу. Не все почувствовали, как можно писать. Свобода для творческого человека – вообще тяжкое испытание. Когда можно все – руки опускаются. Не с чем бороться, некого спасать. Ты – творец мира. И это – самое страшное.

Вот из этих факторов складывается представление об инфантилизме поколения. А поколение наше самое разное. Но в нем есть такие активные люди как Елена Пахомова, Александр Кабанов, Глеб Шульпяков, Александр Гаврилов, Андрей Новиков, Дмитрий Кузьмин, Юрий Цветков, Санджар Янышев, Юрий Ракита, Андрей Родионов, Евгений В. Харитоновъ, да много еще кого можно назвать. Ими жив и движется литературный процесс не только в Москве и России, но и в других странах, где есть место русскому языку и русской культуре. Все мы делаем одно дело, но каждый по-своему, с учетом своих взглядов на литературу. А сколько среди нашего поколения талантливых литераторов – давно столько не давало ни одно поколение! Именно мы сейчас и делаем русскую литературу. Так что пора уже поговорить об инфантилизме какого-нибудь другого поколения.

– Также извне Вы можете оценивать Форум в Липках. Как впечатления?

– Сейчас есть несколько литературных институтов, работающих с молодыми авторами. Это, безусловно, Форум молодых писателей в Липках, молодежная премия «Дебют», Илья-премия, Международный литературный Волошинский конкурс и Волошинский фестиваль в Коктебеле, «Русская премия» и ряд других. Каждый подходит к этой задаче по-своему, но часто имена авторов пересекаются. Потому что мимо яркого автора невозможно пройти. А молодой автор должен быть ровно настолько активен, чтобы собрать все призы и премии, которые может. Это абсолютно правильно. Половина таланта – это талант своего продвижения. Волошинский конкурс и фестиваль начинались как поэтические проекты, проза пришла несколько позднее, поэтому лично для меня Форум в Липках открыл новых прозаиков в большей степени. А поэтов, многих, я и так знал. У Форума – много преимуществ, поскольку он проходит в Подмосковье, сюда довольно легко добраться из Москвы, можно пригласить каких-то известных лиц, да и государственное финансирование – дело немаловажное. У Волошинских конкурса и фестиваля таких преимуществ нет. Есть другие – море, Крым, дух свободы. И это хорошо, что они разные. Я бы хотел подарить Липкам глоток крымского воздуха и с радостью принял бы в подарок в Крыму дух липкинского братства.

– Какова, на Ваш взгляд, оптимальная форма донесения стихотворной материи публике: фестиваль, сольник, парное выступление, слэм, еще, может быть, какие-то варианты?

– Все, что не скучно. Стихи можно потом прочитать в книге. Я не боюсь признаться, что подчас засыпаю на поэтических вечерах. Ну невозможно слушать, когда автор бубнит себе что-то под нос, даже если он супергениален! Пока ты сидишь у себя на кухне и читаешь стихи маме-папе или друзьям-подружкам, ты можешь это делать как угодно. Они сами тебя остановят, когда им станет скушно. Но когда ты выходишь на сцену, пусть даже импровизированную, ты становишься публичным человеком, артистом в своем роде. И ты должен доказать, что ты можешь не только написать, но и прочитать свои стихи. Иначе сиди дома и выпускай книжки. Не выступай. Нет ничего хуже, чем скучное чтение. Пушкин, Есенин, Маяковский, Ахматова да и многие другие классики были великолепными чтецами. Их чтение, их интонации – помнят, об этом пишут мемуаристы. Слэм – это, конечно, радикальный метод самовыражения. Но порой и на слэмах я получаю своеобразное удовольствие от процесса. А оптимально – то, на что ходит публика. Будь то фестиваль, поэтический спектакль или сольник.

– Как возникла идея проведения вечеров поэзии в Булгаковском доме?

– В самом начале нового века я вел поэтические вечера в легендарном театре песни Виктора Луферова «Перекресток». Эту идею предложил мне сам Луферов. Я тогда старался представлять интересных авторов, найденных в Интернете. Сейчас многие из них уже опубликованы в толстых журналах. К сожалению, через некоторое время театр закрылся. И тогда мне предложили в качестве новой площадки культурный центр «Булгаковский Дом». С 2005 года я веду там регулярную литературную программу при помощи моего друга, поэта Леши Ефимова. Если же говорить об идее, то главное для меня было – создать демократическую площадку, на которой смогли бы выступать как маститые, так и никому не известные талантливые авторы. Эта идея реализовалась – у нас проходят как поэтические дебюты самых разных авторов из многих городов и стран мира, так и вечера признанных классиков русской поэзии. Это оптимальная форма существования литературного салона, на мой взгляд.

– В чем основное отличие этой площадки от остальных московских? Не в плане мифологии, это вполне очевидно, а относительно подбора персоналий?

– Я отчасти уже ответил на этот вопрос. Добавлю, что мы любим и принимаем талантливых авторов вне зависимости от их принадлежности к той или иной литературной тусовке. Затусованность – главная беда многих культуртрегеров и литературных площадок Москвы. Свой-чужой – это пароль для выхода на сцену на этих площадках. У нас этого пока нет. Надеюсь, и никогда не будет. Играет роль только мера таланта автора и наш интерес к нему. Помимо прочего, у нас существуют мастер-классы – по поэзии и прозе, где любой желающий может представить свои произведения для обсуждения или прочитать несколько произведений. Любой талантливый автор может найти здесь свой дом и своих друзей. Наверное, потому наш салон так и называется – «Булгаковский Дом».

– Тот же вопрос, что и насчет фестиваля в Коктебеле: кто из выступавших в Вашем литературном салоне «Булгаковский Дом» стал или вот-вот станет, на Ваш взгляд, звездой? В смысле, звездой именно благодаря выступлениям на этой конкретной площадке?

– Что такое звезда? В литературе есть звезды? Звезда в шоу-бизнесе (а термин ведь оттуда) – это пустышка, в которую вложен мешок денег. То, что условно можно назвать звездами в литературе, – это издательские проекты, издательский пиар или самопиар. К самой литературе это крайне редко имеет прямое отношение. Я могу назвать множество авторов из разных городов, которые, возможно, впервые сольно или регулярно выступали на нашей площадке, а потом стали успешно выступать на других – это Валерий Прокошин (к сожалению, уже покойный), Геннадий Каневский, Игорь Караулов, Анна Логвинова, Борис Херсонский (Одесса), Алексей Остудин (Казань), Саша Гальпер (Нью-Йорк), Наталья Бельченко (Киев), Анна Павловская (Минск), Вера Полозкова, Максим Кабир (Кривой Рог), Алена Каримова (Казань), Ганна Шевченко (Киев) и так далее. А ряд авторов, например, впервые в Москве выступали в «Перекрестке» на вечерах,

которые я вел, и с тех пор наше творческое сотрудничество с ними продолжается: это Александр Кабанов, Андрей Баранов (Глеб Бардодым), Александр Анашкин и многие другие. За четыре сезона в Булгаковском выступали сотни авторов, каждый из которых мне чем-то близок. Если им удается быть услышанными в более широком информационном пространстве, чем наш салон, – я только рад за них. Я не ограничиваю свою деятельность одним Булгаковским Домом, поэтому привязку к одной только этой площадке считаю неправильной. А про «звезд» я хочу еще добавить, что на самом деле звезды быстро загораются и быстро гаснут. Настоящий автор обычно входит в литературу долго и трудно. И он редко ограничивается одной площадкой. Булгаковский – часть большого и сложного литературного механизма. Мне приятно, что многие авторы хотят выступать именно у нас. Это значит, что свою функцию в литературной жизни Москвы наш салон выполняет.

– Можете ли Вы назвать журнал, наиболее объективно отражающий состояние поэзии в России?

– Такого по определению не может быть. Современная поэзия настолько разнообразна, что невозможно найти редактора, которому бы нравились все ее проявления. Есть авторы, которые мне, например, нравятся сразу, есть те, в которых я вчитываюсь, иногда даже годами. Так бывает: читаешь-читаешь, и ничего тебя не трогает, но потом вдруг находишь случайно одно стихотворение, в котором тебе раскрывается автор, и ты видишь уже его творчество совершенно под другим углом зрения. Нужно просто найти это стихотворение, эту «дверь» в чужой поэтический мир, чтобы он стал и твоим. А у журнала ведь обычно есть своя концепция или, как сейчас говорят, «формат». Кто-то ищет и позиционирует новых авторов, кто-то печатает в основном уже известные имена, свой сложившийся круг авторов. Бывает совмещение этих форматов в разной пропорции. Добавьте сюда разницу эстетических и идеологических взглядов. И тогда становится понятно, что всеядный журнал просто невозможен.

Что же касается близких мне журналов – это «Современная поэзия» (ранее – «Сетевая поэзия»), «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Журнал ПОэтов», «Арион», ряд других. С интересом слежу за журналом «Воздух». Для кого-то они – авангардные, для кого-то просто новые. Старые «толстые» журналы каждый по-своему осваивают современную поэзию. Некоторые имена странно видеть в «Новом мире», они не в формате журнала. Журнал активно меняется в последние годы, сохраняя, тем не менее, свою традиционную эстетику. «Знамя» и «Октябрь», по-прежнему ориентируясь на своих постоянных авторов, тем не менее, ищут новые имена и новые формы подачи современной поэзии. «Дружба народов» в последнее время тоже находится в поиске новых авторов. То есть сегодня нельзя сказать: «Читайте такой-то журнал и будете в курсе всего, что происходит в поэзии». Чтобы быть в курсе, нужно читать их все.

– Вы внимательно следите за развитием литературного дела в странах СНГ? Можете назвать лучшие периодические издания на этом пространстве, не считая собственно российских?

– Конечно же, на первом месте для меня стоит украинский журнал культурного сопротивления «ШО», издаваемый поэтом Александром Кабановым. Далее можно называть разные издания – харьковский «Союз писателей», днепропетровский «Стых», николаевский «кЛЯП». Интересный журнал «Крещатик» тоже раньше был украинским, потом перебазировался в Германию. На Украине вообще много интересного сегодня издается. А вот старый «толстый» киевский литературный журнал «Радуга», по-моему, давно отстал от реальной литературной жизни. Туго обстоит дело с журналами современной русской поэзии в Беларуси – их просто нет. Есть старые вялые журналы, доживающие свой век. В Эстонии начал было снова выходить журнал «Таллинн», но, кажется, опять заглох. Про другие прибалтийские страны ничего не слышно, по крайней мере – до нас ничего не доходит, увы. Среднеазиатскую ситуацию знаю в основном понаслышке, самому бывать там пока не приходилось. Знаю, что в Узбекистане выходит журнал «Звезда Востока», где сейчас обновлена редколлегия и есть надежда, что он станет одним из ведущих среднеазиатских русскоязычных журналов. Правда, самая мощная русская поэтическая диаспора – ташкентская – уже почти в полном составе перебралась в Москву.

Кстати, и за пределами СНГ выходит множество русскоязычных литературных журналов: в США – «Интерпоэзия», «Стороны света», в Дании – «Новый Берег» и так далее. Литературная жизнь дальнего зарубежья насыщена не менее, чем ближнего.

– Также Вы наверняка отслеживаете и региональную ситуацию. Есть ли сейчас в России регионы, выделяющиеся в поэтическом плане?

Санкт-Петербург по литературному напряжению, наверно, близок Москве. Увы, отдача в смысле книг, публикаций, известности за пределами – значительно меньше.

Казань, Нижний Новгород, Калининград, Екатеринбург, Владивосток, ряд других регионов имеют непосредственный контакт с московской литературной жизнью, приглашают поэтов, живущих в Москве и других регионах, к себе, сами выезжают с выступлениями. Что касается региональных поэтических школ, то с появлением интернета этот вопрос отпал. Пишущему теперь открыт весь мир, он может учиться у кого угодно. Насчет выделения какого-то региона в плане количества хороших поэтов... Могу утверждать, что почти в каждом регионе есть несколько интересных авторов. А где их живет больше – я же не счетовод, в конце концов. Все равно многие потом, как правило, приезжают в Москву. Потому что только здесь – общероссийское признание, здесь можно себя реализовать в большем объеме и с большей вероятностью.

– Фестивалей теперь проводится много, но их количество так или иначе конечно. Более того, кураторы (по себе знаю) согласуют между собой сроки организации. Возможен ли выпуск какого-то периодического издания, целиком посвященного литературным фестивалям?

– Думаю, что тут, как и с самым объективным поэтическим журналом, встанет вопрос о совместимости форматов и вменяемости разных фестивалей. Фестивалей сейчас, пожалуй, даже слишком много. Самых разных, среди которых: чиновничье-министерские, союзписательские, журнальные, кураторские, самодеятельные и так далее. Если, например, предположить возможность существования журнала, посвященного только кураторским фестивалям, то и тут к согласию со всеми кураторами мы вряд ли придем. Но это все лирика. А какова может быть цель у подобного издания? Освещать литпроцесс? Тогда у него будет очень мало читателей – ровно по числу упомянуто-сфотографированных или опубликованных в номере поэтописателей. Если же делать не фестивальный дайджест, а отдельные номера, посвященные каждому фестивалю, то и в этом случае это будет всего лишь рекламный буклет конкретного фестиваля. Такое издание может быть полезно разве что историкам литературы, и оно должно выходить библиографическим тиражом. А вот сайт, посвященный современным литературным фестивалям, не помешал бы. И в таком проекте я бы принял самое активное участие.

– Насколько важен выпуск некоего итогового материала по итогам прошедшего фестиваля (журнал, альманах сборник)? Т.е. фиксация прозвучавшего на бумажном носителе?

– Бумажная фиксация события – это всегда неплохо. Но рукописи, равно как и книги, – горят. Сейчас у нас есть Литературное радио – самая живая фиксация литературной жизни. Есть сайты фестивалей, есть электронные архивы. Бумажная версия возможна как один из вариантов, но не самый главный. Уже – не самый главный.

– Существует множество разных поэтических объединений по самым разным признакам: по гендерному, по возрастному, чаще всего — по «близости поэтик» (хотя обычно неясно, что за этим термином стоит). На Ваш взгляд, такого рода объединения продуктивны или наоборот они способствуют замыканию в этих микроколлективах?

– И да, и нет. Мне кажется, в таких объединениях меньше критики и самокритики и больше самолюбования. Лично мне всегда казалось, что если зачем-то объединяться, то исключительно для творческого роста. Пишущему, на мой взгляд, всегда нужна умная критика. Именно на ней вырастает сначала разговор о поэзии, а затем и сама поэзия. Конечно, стаей проще пробиться. Это животный инстинкт. Но личностями становятся те единицы, которые уходят в свободное персональное плавание.

– Любителей поэзии сейчас немного, однако, количественно среди них, как и всегда, преобладает «неискушенное меньшинство». И этим неискушенным меньшинством, если судить по Интернету,

предпочитаемы вполне определенные вещи: во-первых, «неонародная» поэзия Всеволода Емелина, Андрея Родионова, с другой стороны — поэзия, условно говоря, подростковая: Алина Кудряшева, Вера Полозкова, Мария Протасова. Сколь сильно, с Вашей точки зрения, такие явления способны влиять на вектор развития поэзии?

– Читатель – это ребенок. Поэзия – это дождь. Как может повлиять на ребенка шум дождя? Или наоборот – как может повлиять на дождь ребенок, за ним наблюдающий?

Чтобы изменить вектор развития поэзии или хотя бы просто повлиять на него, нужны катаклизмы вроде мировых войн и революций или поэтические атомные бомбы вроде Маяковского или Цветаевой.

– Какова роль Интернета в современном литературном пространстве? Многих ли авторов Вы нашли через Сеть и как вообще Интернет влияет на поэтику?

– Активно находили авторов через Интернет лет 5-8 назад. Через сеть я нашел почти всех, с кем сейчас продолжаю дружить и работать. Но бум освоения Интернета литераторами в основном закончен. Те, кто считались лет восемь назад сетевыми поэтами, давно перешагнули на следующую ступеньку. Интернет стал тем, чем и должен был быть – просто инструментом для хранения и распространения информации, в том числе и литературных произведений. Некоторые поэты вовсе ушли из Интернета, некоторые наоборот только подтягиваются, кто-то пользуется им как записной книжкой: написал новый стих-повесил-почитал комменты-что-то исправил. Рабочий процесс.

А новых авторов я сейчас нахожу в основном через Волошинский конкурс. Просто ни на что другое нет времени. Конкурс – это для меня осознанная необходимость, я отчитываю почти все, что на него присылают. И конкурс, проводимый посредством интернета, продолжает приносить открытия. Особенно это касается не центральных регионов.

А на поэтику интернет влияет по-разному. Кто-то у кого учится, кто-то кому-то подражает. Сейчас в интернете довольно много авторов, пишущих почти одинаково – не зная имени автора, невозможно сказать, кто это написал. Интернет с одной стороны всех уравнивает в правах, а с другой – постригает всех под одну гребенку. К тому же, значительная часть нынешних молодых людей, начавших свой творческий путь в интернете, совершенно не знают не только современной поэзии, но и ее истории, поэтов, без знания которых немыслимо развитие, творческий рост. И это самая настоящая катастрофа. Достаточно зайти на какой-нибудь сайт со свободным размещением стихов, чтобы понять, как это трагично. Впрочем, если они не претендуют ни на что большее, чем самопубликация, пусть пишут. Может быть, таким образом они занимаются своим психорегулированием.

– Когда Вы смогли осознать себя состоявшимся поэтом и продолжалась ли после этого эволюция? Скажем, менялся ли собственный пантеон, состав тех, на кого Вы ориентировались в своем творчестве, как на абсолют?

– Состоявшийся поэт – это мертвый поэт. Пока он жив – эволюция продолжается. Я нахожусь в постоянном поиске. Если мне в какой-то момент перестает нравиться, как я пишу, я пытаюсь нащупать другие способы поэтического письма. Такое бывало несколько раз. Например, у меня был «тульский» период, когда моя поэтика формировалась в том литературном пространстве, в котором я жил. Это было связано в первую очередь с информационным вакуумом. Переехав в Москву, получив доступ к более широкому поэтическому спектру, я понял, что так писать сегодня нельзя. Пару лет я вообще ничего не писал, потом пошли новые стихи. Потом и они перестали меня устраивать, я понял, что только верлибр может дать мне ту свободу и те возможности, которые мне нужны. Сейчас у меня происходит какой-то новый процесс переосмысления возможностей современной поэзии, поэтому я пишу очень мало.

Насчет пантеона авторитетов: конечно, вначале это был Серебряный век, вылюбленный и зачитанный наизусть. Гумилев и Ахматова, Пастернак и Мандельштам, Цветаева и Маяковский, Хлебников и Есенин, Волошин и Ходасевич. Были любимые современники, которых лично, к огромному сожалению, не успел узнать: Арсений Тарковский, Юрий Левитанский... Отдельно,

особняком стоял Бродский. Потом для меня открылись Крученых, Поплавский, Слуцкий, Губанов. Всегда с удовольствием читал латиноамериканскую и европейскую поэзию XX века. Сейчас мне близок Чарльз Буковски, битники. Сознательно не называю живых авторов – я много чего люблю у них, я вообще неравнодушен к живым, но пусть это останется за рамками интервью. Естественно, все это прочитывается, утрамбовывается в голове, перерабатывается и дальше требуется новый материал.

– Если бы Вы были редактором и издателем поэтического журнала, какие бы рубрики в нем преобладали?

– Я и так работаю как член редколлегии в двух журналах – «Современная поэзия» и «Дети Ра». Мне всегда была интересна критика. Я с юности ее поглощал в больших количествах. Сейчас сам пишу развернутые рецензии на поэтические книги. Я считаю, что критика – честная и непредвзятая – это главное, чего не хватает современным литературным журналам. Почти все критики сами пишут стихи, дружат с другими поэтами, и иногда признаться в том, что стихи их тебе не близки, очень сложно. Это обычно означает разрыв отношений, поскольку поэты – самые обидчивые люди на свете. Тем не менее, я – за критику в поэтических журналах.

– Могут ли быть в наше время интересны попытки совместить поэзию и, скажем, видеоряд, аналогичные, например, тем, что в восьмидесятых годах предпринимали Виталий Кальпиди и Владислав Дрожащих, но на более высоком техническом уровне?

– Я, к сожалению, не знаком с работой Кальпиди и Дрожащих. В Москве же одним из первых с видеопоэзией начал работать Константин Кедров. Кстати, видеопоэзия – это уже не просто слово, это целый жанр, направление в искусстве. Для нас это жанр новый, молодой, пока еще не вполне понятно, что это за зверь и с чем его нужно есть. Поэтические клипы снимают как профессионалы, так и любители, художественный уровень и технические возможности у них, конечно, самые разные. В Москве, Петербурге и других городах, а также в Прибалтике и на Украине есть несколько творческих групп, которые активно работают в этом направлении. В Москве в этом году планируется большой фестиваль видеопоэзии. Думаю, в ближайшее время нам грозит самый настоящий бум видеопоэзии. Не удивлюсь, если поэтические ролики станут традиционными и на телевидении. А уж в интернете их и сегодня предостаточно. Так что видеопоэзия – это наше будущее.

– Сможете дать определение понятия «актуальная поэзия» или это что-то вроде ускользающей от характеристик категории?

– Термин и практика очень далеко ушли друг от друга. Актуальный изначально понимался как маргинальный. А теперь под этой маркой или в рамках «актуальных» мероприятий можно встретить имена Алексея Цветкова, Бахыта Кенжеева, Бориса Херсонского, которые уж никак не маргиналы. В актуальщиков нынешние «актуальные» кураторы записывают всех без разбора – и поэтов, пишущих традиционные стихи, и поэтов, пишущих верлибры, вавилибры, хайку, танкетки и прочее разное. Но мне кажется, что кроме модного слова «актуальный» и вешания ярлыков для различения своих и чужих, за этим понятием уже давно ничего не стоит. А настоящая поэзия всегда своевременна и современна. И никакие ярлыки ей не нужны.

Алексей АЛЕКСАНДРОВ

Сочинения на тему

Дирижабль: литературный иллюстрированный альманах-альбом. Выпуск XIV. Морской. – Нижний Новгород, 2009.

Идея спустить «Дирижабль» на воду, который, как известно, привык «...неспешно двигаясь в струях прозрачного воздуха...» достигать цели при помощи другой стихии, не то чтобы оказалась неожиданной или преждевременной. Напротив, авторы альманаха уже успешно освоили реки и озера, и вполне логично, что новым предметом исследования было выбрано море. В большинстве материалов, впрочем, самого моря скорее нет, а есть попытки заочного с ним знакомства. Помните притчу про слона и слепых мудрецов? Приблизительно тот же способ познания предлагают нам и в 14-м выпуске «Дирижабля»: сочинение на тему с орнаментальными раскрасками неплавающих кораблей (Евгений Гриневич, Наталья Куликова. «СОЛОХОДЫ»), морское иероглифическое письмо (Андрей Суздалев. «Из проекта «ПЕРЕВОЗЧИКИ») с последующей восторженно пересказанной мифологией (Игорь Харьковский. «УСЛЫШАТЬ ОКЕАН»), а то и просто зарифмованные путевые и по большей части сухопутные заметки (Светлана Покровская. «ДОБРОТА»).

Шансонетки, гризетки, падучие этуали
пальмы, опалы, вуали,
газ... драпировки
стекали
(чешуя чулок)
волнами
в ажуре пены.

Вспышка. Фотощелчок.
Сирены.

(Евгений Стрелков. «СИРЕНЫ»)

Раскладывая по библиотечным полочкам морские тропы, составители добиваются странного эффекта раздробленности общей картины, не без лишних элементов, но и это в конечном итоге идет если не на пользу, то для навара в общий котел концепции альманаха. Фирменные «художества» дирижаблинцев – а среди них постоянно действующие арт-фигуры редакторов Евгения Стрелкова и Игоря Сорокина, художника-перфекциониста Михаила Ле Женя и многих других – отступили на второй план, здесь, как и в предыдущем выпуске, собственно литературы, и надо сказать неплохой, значительно больше. Стоит отметить в первую очередь стихи Айвенго, Александра Белякова, Марины Карачаровской, Елены Спириной и замечательно безыскусные «ЭКСПЕДИЦИИ» Игоря Иогансона.

в тусклом кинотеатре в кинофильме
мелькает море
утренний сеанс
тертые пиджаки тунеядцев
постукивание трамваев за стенами
холодно и клонит в сон
на экране целуются
засыпаю...

(Дмитрий Дергачёв)

Этот отрывок стихотворения, как и цитата из прозы Саши Соколова, вынесенная на обложку вместе с «пляшущими человечками» – сигнальщиками с красными флажками, опять-таки скорее убаюкивают, чем что-то объясняют тому, кто попытается связать воедино все эти тексты, фотографии и рисунки. Замысел ясен, но снасти слишком запутаны, причем запутаны торжественно специально. Видимо, с этой же целью составителями включены в тело «морского дирижабля» разного плана мини-эссе и другие материалы, вроде интересных, но немного не по делу стоящих здесь палиндромов Ивана Чудасова.

Кажется, что замахнувшись на столь глобальную тему, рассуждая о Пути и Замысле, на «Дирижабле» немного увлеклись и, пропустив

очевидный перегруз, чуть было не утонули. Но нет, полет (или теперь уже плаванье) все-таки продолжается, достаточно заглянуть в избранные места переписки авторов с редакторами, чтобы убедиться, что «он всё ж проскочил меж сциллой пафоса и харибдой менторства».

Сергей ТРУНЕВ

Рождение мифа: этапы большого пути

Альманах «Илья». Выпуск 8. – М., 2009.

Если на время отрешиться от всех тонкостей психологических классификаций, на свете есть два типа людей. В сознании людей первого типа с детства заложена некая житейская мудрость: все, что им нужно от жизни – это деньги, ибо все остальное можно банально купить. Люди эти, возможно, немного скучны и даже, возможно, примитивны, однако отмеченные недостатки с лихвой окупаются целостностью их характера и производной от нее (целостности) целеустремленностью. Принадлежащие ко второму типу индивиды внутренне гораздо сложнее первых, и, соответственно, их жизнь обычно развертывается по двум параллельным сценариям: либо они доходят до изложенной выше мудрости с очевидным опозданием (годам к тридцати), либо, что значительно хуже, вообще до нее не доходят. То есть, всю оставшуюся жизнь они подспудно, как и все нормальные люди, хотят денег, но только идут к их обретению не напрямую, а какими-то странными окольными путями. Например, всячески жаждая денег, они, тем не менее, уверяют себя и других в том, что хотят славы, известности, признания и т. д. Обычно пик подобного рода заблуждений приходится на период совершеннолетия и сопровождается серией роковых влюбленностей, а также первыми попытками литературно всю эту красотищу осмыслить и описать. Надо сказать, потребность в стороннем признании бывает в указанный период настолько сильной, что практически парализует и без того ослабленную бурлящими гормонами самокритику, заставляя молодых людей обоих полов гордо и без тени иронии именовать себя поэтами и писателями.

Необходимая для возведения в статус «настоящего» литератора инициация приходит по-разному (на мой взгляд, чем позже – тем лучше): в нашем случае в виде литературного альманаха «Илья». Илья, по имени которого названо издание, трагически погиб в 1999 году, когда ему было девятнадцать лет. Остались полудетские литературные опыты, дискретная память друзей и боль отца. Постепенно, благодаря активности последнего, вокруг Ильи Тюрина сформировалось целое сообщество, объединенное не только Илья-памятью, но также Илья-премией, Илья-альманахом, серией книг финалистов Илья-премии и другими Илья-мероприятиями. Очевидно, что для начинающих поэтов и писателей, даже если они никогда не станут профессиональными литераторами, дебютная «столичная» публикация навсегда останется памятным жизненным фактом. Или, как об этом пишет один из авторов альманаха: «Илья-премия – это возможность начать свой творческий путь, серьезно начать, для молодого автора. Становишься финалистом премии, публикуют тебя в альманахе, и уже есть чем гордиться и чем размахивать – в литературном смысле. [...] Илья-премия – это возможность открыть для себя новые возможности на пути литературного признания» (27). Честно говоря, я не вполне понимаю, что означает «размахивать – в литературном смысле», однако общий смысл послания представляется вполне прозрачным.

Литературный статус, равно как и авторитет Ильи Тюрина растут прямо пропорционально расширению круга его почитателей. Теперь он уже не просто талантливый, трагически погибший юноша, но некий возвышенный назидательный пример, предуготованный небесами (Богом, Космическим Разумом) для вразумления нас, грешных. Как проникновенно написал об этом зрелый философ и поэт из Новосибирска: «Слава Ильи – не на уровне разборок, которыми кишит и дышит интернет. Его слава – в возвышении типа человека, в эволюции лица» (10). В полном соответствии сказанному оценки незаурядного, но, все-таки, мальчишеского творчества Ильи начинают ныне зашкаливать все разумные пределы. На-

пример, эссе одного из лауреатов премии называется просто, но, как обычно говорится, со вкусом: «Столько большой воды. Аквапоэтика: Иосиф Бродский, Александр Пушкин, Илья Тюрин». Такая вот прямая линия преемственности вырисовывается...

Сознательно не называю имен, старательно воздерживаюсь от каких бы то ни было оценок. О мертвом, как принято, или хорошо, или ничего. О живых... Нельзя сказать, чтобы содержание альманаха производило совсем уж гнетущее впечатление. Некоторые из представленных стихотворных подборок, как и несколько прозаических вещей, я мог бы с некоторой осторожностью определить термином «хорошие». Можно было бы также отметить несколько стихотворений из подборки «юных поэтов, финалистов литературного конкурса Илья-премия», но как судить о поэте по одному стихотворению? Наконец, автор, заявленный в «Содержании» саратовским и тем самым привнесший в процесс чтения альманаха некую интригу, при ближайшем рассмотрении оказался из одноименной Самары. Признаться, я не расстроился, я понимаю, что для любого жителя столичного центра два разных (!) города на «С» за МКАДом – это просто фантастика.

Чем дальше, тем, соответственно, субъективнее. Поэтому среди живых авторов отмечу, с одной стороны, Сергея Ивкина, который просто в силу благоприобретенного опыта знает, как следует писать стихи, чтобы их можно было называть литературой. Впрочем, указанный автор на настоящий момент уже есть человек в достаточной мере известный, с чего бы мне его особенно отмечать-то?! С другой стороны, отмечу стихи Ольги Дерновой, ибо эта девушка, работающая в библиотеке и практически не имеющая публикаций (единственная представительная – в «Волге» в минувшем году), умеет, как минимум, рифмовать, в отличие от (далее следует весьма внушительный список тех, кто ни рифмовать, ни даже «ритмовать» толком не умеет). Вот, ради нее, собственно, и существует, на мой субъективный взгляд, очередной номер «Ильи».

Или для тех, кто пробьется, прорвется, протиснется в поэтическое пространство, невзирая на мои вполне откровенно артикулированные поэтические пристрастия. Ради всех их: живых и талантливых, тех, которым жизненно необходим плацдарм, место, с которого неизменно начинают наступление новые имена. Но только не надо входить в литературу туристом, с классической фразой «Я был здесь (в нашем случае – знал Илью, помню и готов признать его гениальность и даже всемирность его творчества), и поэтому я тоже крут и могу теперь размахивать в литературном смысле». Нехорошо это как-то...

Впрочем, любителям рискованных сопоставлений готов подкинуть один факт, который, при соответствующем истолковании, может стать основой очередного высокопарного эссе. Если мне не изменяет память, Жан-Артур Рембо родился в 1854 году, а написал свое последнее произведение в 1873-м. Это означает, что его поэтический путь также завершился в девятнадцать лет. Полагаю, что если сравнивать поэтическое наследие Рембо и Тюрина, можно отыскать в них массу не просто интересных, а почти мистических совпадений. Ибо так же, как большинство людей ходит на двух ногах, большинство девятнадцатилетних поэтов пишет практически об одном и том же. Что же касается конкретных «этапов большого пути» формирования мифа, то любой читатель без труда найдет их в указанном издании, в рубрике «День за днем».

Дмитрий ГОЛИН

Благое иго культуры

Валерий Леденёв. Запах полиграфии: Первая книга стихов. – М.: Арго-Риск; Книжное обозрение, 2008. – Серия «Поколение», вып. 23.

Первое впечатление. Экстравагантный конспект маргинальных колебаний эстетствующей европейской мысли в ритме запоздалого «фэн дю сьекль», заботливо и с любовью инкрустированный лирическими инсайтами.

От суггестивной тирады в духе Арто, открывающей сборник:

бросили вызов
и рассогласовали за красными
флажками

я вылез спиной вперед

все были в крайнем замешательстве

все были в крайнем замешательстве

– до навязчивых рефлексий над поэтической судьбой образа Нарцисса, мифологи-чески (через голову Бланшо и Камю) и, пожалуй, мистически, соединяющей историю культуры с историей личности; последней в этом альянсе принадлежит роль узника и жертвы первой...

Он из рыжих огней,
Серебра и теней.
Лорка

он вернулся из дальнего плавания
до чего же противно стало ему все здешнее

больше не хотелось говорить
на родном языке

в глазах танцевали и звенели кольцами
искрящиеся деревья
с неприкрытыми пергаментными стволами

он будто все время что-то искал в своем теле:
собственный голос упавший внутрь
впитавшиеся через поры следы поцелуев
сердце в котором до сих пор благоухали
пышные жасминовые соцветия

умер он неожиданно – утонул в реке
засмотревшись на маленькую рыбку
ему показалось что проплывая мимо
она кокетливо вскинула перед ним
свои соблазнительно тонкие руки

И отсюда – от исходного единства в «умном» мифологическом зеркале судьбы личности и судьбы культуры – множество инверсий и коннотаций (Нарцисс «всплывает» чуть не в каждом тексте) в диапазоне интеллектуального чтения от Фихте до Витгенштейна и усиленного личного восприятия связи культуры и человека – от Сартра и Лорки до песен К. Кобейна и М. Мэнсона. По сути – речь идет об интимной связи болезненного характера, своеобразной истории любви... к культуре.

собственный текст на экране
кажется мишелю фуко
более стройным
находки – выразительными
недостатки – не столь заметными

<...>

обновления проникают внутрь
политической анатомии тела
фуко рад – ни у кого нет власти
сделать тебя предметом
разбитым ненужным
бросить на диван или на пол
в гостиной
пылиться в дальнем углу

В подобном духе приобщая к сакральной эротике постмодернизма на протяжении четырех разделов сборника («на фоне лица», «находя отражение», «phänomenologie in vitro» и «немного тяжелее чем обычно» – названия, три из которых по-разному обыгрывают тему зеркал и отражений), инстанция Лирический Герой занимает читателя остроумной игрой в интеллектуальные пятнашки с инстанцией Культурная Тень Автора, которая в конце концов все-таки благородно проигрывает, уступая место второму впечатлению.

Второе впечатление. Печальный интимный дневник, обнаруженный в каком-нибудь неожиданном и не подходящем для письма и чтения месте, скажем... нанесенным на спины каменных химер – почему бы не в виде орнамента, имитирующего естественный ход времени?..

На вершине Ай-Петри

Train Poetry

методологические развлечения
менструальный синдром науки
неуловимая символика понятий

(Алик-солнце
ты не знал
что влюбленных терпят)

две ночи подряд
сны о Канте
что бы
это
могло
значить?

Или, скажем, изучая фрески в какой-нибудь заброшенной и забытой Богом часовне святого Витта на севере Италии, вдруг обнаруживаешь наивную контрабанду истории – трогательную переписку двух влюбленных, преступную связь, кощунственно нанесенную на нимбы, но все же очищенную и искупленную милосердным временем...

снилось что мы птицы глаза –
оттенки желания
а мы птицы шаги фотографии рамки
повод задуматься
иногда во время гудков
мы метафора совпадение звуков
совпадение в
пространстве
мы губы которые измеряются в секундах

Тем не менее, культурное пространство (несмотря на мистический эрос) так и остается замкнутым и центричным (и, на мой взгляд, – рассудочно отчужденным), пугающе вырастая до гигантского игрового поля, зрительских трибун, думается, пустых, свода правил и неумолимого ангела-арбитра, чье невидимое присутствие всегда ощутимо – под маской ли вездесущего Фрейда, его близнеца-антипода Юнга, или крадущегося на цыпочках Делеза, или Бог знает какой еще культурной знаменитости – кого угодно.

лестница – слишком длинная строчка стиха –
двери метро – двоеточие
состояние «начнем все сначала» –
(у Карвая, помнишь) –
двоеточие разделяющее нас –
бумажное тело
режущие края – скользящее
проникновение внутрь

По идее этот сдобренный влажными снами кастинг «напечатанных богов» не вызывает раздражения только потому, что за ним просматривается лишенная многих радостей, весьма одинокая жизнь интеллигента-маргинала, проводимая среди цитат и размышлений над прочитанным и, надо сказать, хорошо узнаваемая... Исповедальный пафос если и не спасает книгу от сартровского занудства, то, по крайней мере, делает ее живой, хотя и с благословляющего жеста постмодерна... Так, едва ли не самое яркое стихотворение оказывается стилизацией под образцово-показательный, натурализованный язык художественного перевода и «воляпюк» газетной прозы:

я родился и вырос в цирке
был мишенью для метателя ножей

с детства меня окружали только циркачи
с их семейными ссорами и перипетиями

непростая гамма чужих биографий
стала моей собственной жизнью

цирк никогда не казался мне смешным
он учит цинично относиться ко всему
даже к смерти

у меня не было ни любовников
ни любовниц
я не боялся сойти с ума

потому что вместо голосов я бы слышал
только звуки
втыкающегося в дерево ножа

Все же, читая книгу, довольно скоро понимаешь, что плен культуры – это благое иго и не самая тяжкая ноша, с которой хочется расстаться, когда корабль готов пойти ко дну. И это один из безусловных плюсов.

Интересно и примечательно, что характерным приемом поэтики (я бы предварительно обозначил ее как непоследовательное избегание лирического молчания; или: неприязнь

открытого онтологического пространства) является не синтагма линейного рядополагания, нацеленная на описание материальной ткани (плоти) объекта, и, конечно, не риторическая архаика, а синтаксический троп, в готовом виде «пересаженный» из других регистров речи (как «элитный» выделяется академический) и направленный на рациональную «дискурсивную» мысль, не чуждую сентенциозности, апофтегмы. Это не то чтобы является достоинством самобытной эстетики, но довольно редко в молодой актуальной поэзии; к тому же делает книгу весьма изящной и легко читаемой, напоминая образцы стройных интеллектуальных «мотто» 18-го столетия. Например:

двое влюбленных
разворачивают дискурс
о собственной смерти
«что будет, если...»
«что будет, если...»

или:

в интернете показали херню
там всегда было место
символическому средневековью – и т. д.

Автор не скрывает номадистских ориентаций своего письма, а подчас откровенно и с некоторым упоением их демонстрирует:

я тонкая личность
на таблетках
на изоляции

не зная цвета глаз
на фотографии с книгой лакана – и пр.,

наследуя тем самым весь букет «профессиональных» комплексов и фобий постмодернистской эстетики, тоже, между прочим, подверженной стагнации и фундированию и по-своему беззащитной в ходе естественного процесса развития, старения, отмирания и неизбежного взаимного проницания всех человеческих знаний. Так, триумфальная трансгрессия перманентного сдвига и децентризма, характерная для установки на полифонию языка постмодерна, с парадоксальной закономерностью оборачивается редукцией и бессилием его же смыслопорождающих интенций при вчитывании и вмалчивании, равно необходимых как финальному, так и нефинальному бытию текста. Какой при этом задним числом изобретается коррелят гибельному (по Фуко) бурлению дискурса (думается, что именно его «разворачивают двое влюбленных о собственной смерти») – в конечном счете, не важно. Поскольку вожделенная «интенсивность» и возможность после возможности оказывается очередным симулякром, паранойей имитации/идентичности и скрытой фобией революции двойников-самозванцев:

мы шли рядом
похожими ответами в профайлах
все было в порядке
что-то грозило исчезнуть с фотографий

или:

нарцисс
глядит в монитор
находя отражение в воображении
в сообщении
(мониторы в большом количестве плывут
у него под ногами)

на сообщение «ты дерьмо»
он усмехается «а ты сообщение»

Волей-неволей начинаешь искать прибежища у Оккама, по иронии семиозиса едва ли осознанно перетолкованного в духе киберпанка (т. е. применительно к телам, а не к смыслам) американцем Деннисом Нёркси:

Мы строили роботов которые строили
роботов
у которых ничего не осталось от наших
сомнений (*)

Стоит ли, действительно, без веской на то причины умножать количество «сущностей»? Ведь: за каждой формой скрывается душа, предупреждал Сезанн.

(*) перевод с английского Валерия Леденёва, «Воздух», 3/06.

Олег РОГОВ

Дорога к Солженицыну

А. И. Солженицын и русская культура. Сборник научных трудов. Выпуск 3. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009.

Статус современного классика – нелегкий крест, который А. И. Солженицын, кажется, «несет» и после кончины. Его фигура вызывает самые разные эмоции, его личность и творчество характеризуют самыми противоположными эпитетами. Временами кажется, что «Солженицын» превращается в символ, причем как у знатоков его творчества, так и у поверхностно знакомых с его сочинениями людей.

Наверное, эта традиция длится еще с советских – недоброй памяти – времен, когда писатель успел побывать и литературным власовцем, и совестью земли русской. Но тогда все было проще, и пафосные определения равномерно укладывались в четко обозначенные общественные группы.

Сегодня все гораздо интереснее – и запутаннее. Попробуйте зайти в Интернете на любой крупный форум и просмотреть отклики на кончину Солженицына (событие, которое вызвало резкий всплеск интереса к этой фигуре). Мы найдем там такие полярно противоположные оценки, как «русофоб» и «русофил», «сионист» и «антисемит», «соцреалист» и «модернист». При всей поверхностности подобных суждений, само их наличие в таком широком спектре свидетельствует о неравнодушном отношении массовой публики к фигуре писателя и ставит вопрос о необходимости и своевременности образовательных штудий, обращенных к широкой аудитории. Таких, например, как недавняя монография Л. Сараскиной.

Рассматриваемый нами сборник – один из необходимых шагов на пути к решению вышеозначенной проблемы, хотя он и ориентирован на специалистов-филологов и касается частных аспектов творчества писателя.

Творчество Солженицына многогранно, и не удивительно поэтому, что посвященные ему исследования относятся к самым разным дисциплинам. Третий выпуск научных трудов «А. И. Солженицын и русская культура», издающихся в саратовском университете с 1999 года по материалам всероссийских конференций – яркое тому подтверждение.

27 статей, исследований и сообщений сгруппированы в книге по трем разделам. Первый посвящен «большим темам» – проблемы истории, религии и философии в книгах писателя, второй рассматривает язык произведений Солженицына, третий посвящен анализу отдельных произведений Солженицына и отражению его личности в эссеистике и выступлениях различных современных авторов, а также традиционному уже сопоставлению с В. Шаламовым и Г. Беллем.

Остановимся на некоторых материалах этого сборника, показавшихся нам наиболее интересными.

Языковые штудии Солженицына (статья И. Ю. Иванюшиной «Две концепции языкового расширения» и другие материалы сборника) неизбежно вызывают имя Владимира Даля, – но и Велимира Хлебникова, и Марины Цветаевой (статья Н. Е. Халитовой). Лексическое и стилистическое новаторство Солженицына оказывается вписанным в широкий и достаточно неожиданный контекст, раскрывается глубинная содержательная направленность его лингвистических экспериментов, их, преимущественно, экстенсивный характер, в отличие от неологизмов Хлебникова.

Л. Е. Герасимова (статья «Особенности психологизма А. И Солженицына: психология и пневматология») рассматривает сакральный аспект творчества писателя (добавим – и неизбежно интимный, как любой духовный вектор) без пафоса, столь часто присутствующего в работах подобного рода.

Весьма любопытно междисциплинарное исследование А. Д. и Е. Г. Трубецковых «Роман А. И. Солженицына «В круге первом» в контексте биоэтики», особенно в связи с известным фактом пребывания самого писателя в статусе онкологического больного.

В статье Л. А. Посадской «Приметы исторического времени в романе А. И. Солженицына “В круге первом”» изящно демонстрируется вплетенная в сюжетную ткань повествования конкретика времени и места, воплощенная в деталях быта и культуры.

А статья А. М. Лобина «Историософская концепция А. И. Солженицына и современная историческая фантастика» представляет парадоксальную и захватывающую панораму рецепции идей Солженицына о желательном государственном устройстве авторами популярной беллетристики, в том числе фантастики антилиберального толка. Исследователь прослеживает редукцию взглядов Солженицына в произведениях подобного рода и рассматривает закономерность появления подобных романов на данном историческом отрезке, который характеризуется тревожащим многих усилением роли государства в общественной жизни.

Статьи разной степени научной глубины органично соседствуют на страницах этой книги с мемуарными зарисовками о буднях региональных самиздатчиков (сообщение В. М. Селезнева «...А он пришел из вечности!») и рассказами о людях, помогавших Солженицыну в сборе и хранении материалов для его книг (Статья Ю. В. Варфоломеева «"Ответственный хранитель" А. А. Угримов – друг, оппонент и тайный помощник А. И. Солженицына»).

Один день Дениса Анатольевича

Лев Гурский. Пробуждение Дениса Анатольевича. Волгоград: Прин / Терра, 2009.

Вынесенное в заголовок статьи название было отвергнуто Львом Гурским, – слишком явные были бы параллели и с Солженицыным («Один день Ивана Денисовича»), и с Восленским (исследование «Номенклатура», в которой рассматривается «один день Дениса Ивановича»).

Между тем, роман сжат в жесткие рамки однодневья, что позволяет Гурскому поддерживать напряженный интерес читателя к развязке, которая, по законам детективного жанра, случится на последних страницах, в конце рабочего дня российского президента.

Именно временные границы позволяют Гурскому обыграть (во всех смыслах), опять-таки, свойственную детективу линейность повествования, – она «оправдывается» графиком дня президента и регламентом его встреч и перемещений. Собственно этот прием дает Гурскому возможность оттянуться на столь любимых им сатирических образах всяческих политиков и медийных культур-деятелей, а детективный элемент постепенно, но постоянно усиливается во втором блоке повествования, завершающем каждую главу (он набран курсивом), где речь идет о некоем террористе, замаскированном под работягу, который в Кремле что-то там ремонтирует. Развязка, конечно, оказывается совсем не такой, как мы ожидали, равно как намерения и действия активных персонажей повествования.

Детектив, в конце концов, особенный жанр, переворачивающий с ног на голову читательскую интеллектуальную самооценку – читатель хочет остаться в дураках. В противном случае (если он угадал убийцу), роман «сделан» плохо...

Любопытно именование главного героя, президента РФ: Денис Анатольевич Кораблев. Как мы помним (в данном случае употребляется т. н. «авторское "мы"», т.к. большинство молодых читателей вряд ли знакомы с произведениями, о которых пойдет речь ниже), Денис Кораблев – герой цикла рассказов В. Драгунского, симпатичный и сообразительный парень, с которым наверняка сверяли свое детство 10-12 летние мальчишки 70-х.

Выбор именно этой фамилии весьма показателен. Можно представить себе, что именно тот самый Денис Кораблев стал президентом. Можно вообразить, что это лишь «совпадение по контрасту» с привкусом ностальгии по беззаботному (с сегодняшней точки зрения) детству.

Вполне возможно, что это и знак некоей детективной «детскости», свойственной как жанру вообще, так и романам Гурского в частности. Если память мне не изменяет (с кем, кстати? Надо обратиться в сыскное агентство), в ранних текстах Гурского этот мотив был очень значим – наши ребята обхитрили «плохих», дурной президент наказан, и тому подобное. Хэппи энд оставлял нас перед развернутой в продолженное будущее исправленной реальностью, политической утопией. В новой книге этого уже нет, остался лишь знак, отмеченный в имени и фамилии главного героя.

И, напоследок, о секретах ремесла, отнюдь не писательского. Как многие детективщики, Гурский время от времени вводит в повествование персонажей – профессионалов в какой-либо области. В данном случае – строителей и ремонтников. Обычно писатели из кожи вон лезут, чтобы создать видимость информированности в специализации своих героев. Напрасно, надо сказать. Читатель все равно не верит. И нудные детали ремесла воспринимает с известным раздражением. К чести Гурского, он не утомляет нас подробностями работы шлифовальной машины или еще каких-нибудь мудреных приспособлений.

Виктор СЕЛЕЗНЕВ

Не верь своим глазам, или Памятник неизвестному плагиатору

А. В. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского. Пьесы. – М.: Эксмо, 2007. – («Русская классика»).

Л. П. Гроссман. Нераскрытое убийство. Чем мешала Александру Сухово-Кобылину Луиза Деманш. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2008. – («Мистика любви»).

Если на клетке слона прочтешь
надпись «буйвол»,
не верь глазам своим.
Козьма Прутков

За что я люблю нынешних публикаторов русской классики, так это за их бесхитростность и простоту. Берешь какой-нибудь роман или пьесу, и гони в печать без всяких там научных излишеств, вроде каких-то предисловий или послесловий, примечаний или комментариев. Благо платить давно почившим писателям ничего не нужно, как-нибудь перебьются и без гонорара на том свете.

Издательство «Эксмо», выпустившее пьесы великого русского писателя А. В. Сухово-Кобылина, тоже обошлось без статьи о драматурге, но зато здесь есть, где вполне прилично для популярного издания говорится о цензурной истории его драматургии, о первых постановках пьес, о прижизненных их изданиях, поясняются непонятные современному читателю слова и выражения. Даже – вы не поверите! – дано несколько комментариев и ссылок на архивы. Правда, называются они не так, как сегодня, а как они именовались в советские годы – скажем, Российский государственный архив литературы и искусства вновь стал Центральным государственным архивом литературы. Ладно, не будем педантами.

Однако когда вчитываешься в комментарии, замечаешь их странную особенность. Комментатор почему-то говорит только об изданиях 1927, 1938 и 1949 годов, словно на этом завершаются публикации трилогии, как будто не было изданий, подготовленных И. Д. Гликманом (М.: ГИХЛ, 1955; М.-Л., 1959), К. Л. Рудницким (М.: Искусство, 1966), наконец, трилогии под ее авторским названием «Картины прошедшего», вышедшей в серии «Литературное памятники» (Л.: Наука, 1989).

И что-то текст комментариев показался мне очень уж подозрительно знакомым... Листаю подряд все выпуски трилогии и открываю первоисточник эрудиции автора комментариев. Выяснилось, что он с похвальной прилежностью первого ученика, слово в слово, переписал всё из издания И. Д. Гликмана, даже не сказав ему простого русского спасибо; скопировав чужой текст, конечно, со всеми его ошибками и ляпами.

А все опубликованные в конце книги фрагменты из философских трудов Сухово-Кобылина по такой же прелестной методе извлечены из сборника «Русский космизм» (М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 52-63); опять же без ссылки на этот сборник.

Но кто же он, составитель и комментатор книги? Увы, тайна сия велика есть. Издательство «Эксмо» навсегда засекретило от нас его имя, как засекречивают имена самых тайных шпионов, или по-нашему – разведчиков.

* * *

Еще один чудный подарок для поклонников Сухово-Кобылина – книга Леонида Гроссмана «Нераскрытое убийство. Чем мешала Александру Сухово-Кобылину Луиза Деманш», выпу-

щенная на сей раз двумя издательствами – тем же «Эксмо» совместно с «Алгоритмом».

Должен огорчить читателя – такой книги у Леонида Гроссмана никогда не было. В издательстве «Прибой» в 1927 и 1928 годах вышло его исследование под совсем иным названием – «Преступление Сухово-Кобылина». Ученый полагал, что ему удалось раскрыть тайну старого судебного дела. Разумеется, с Леонидом Гроссманом можно, да и должно спорить, но зачем же ему приписывать прямо-таки противоположное тому, что он утверждал?

Видимо, для завлекательности обложка книги оформлена, будто перед нами нечто вроде столь популярного сегодня женского романа: гордец-любовник смотрит куда-то вдаль, даже не замечая припавшую к его ногам несчастную женщину. Отличная реклама для любовного романа; но, простите, при чем же тут Сухово-Кобылин? Обложка, разумеется, украшена гирляндой цветочков, как же без нее обойтись.

Если имя составителя и комментатора первой книги так и осталось для нас тайной, то имя творца столь зовущей обложки второй книги нам открыто – это художник Б. Б. Протопопов.

Правда, текст монографии Леонида Гроссмана полностью сохранен. Слава Богу, спасибо и за это.

Иван КОЗЛОВ

Пиф-паф, Москва – Гонконг

«Горячие новости»

Это ремейк известного – и одноименного – фильма знаменитого гонконгца Джонни То. Если кто-то пропустил его ленты в кино или на дисках, то, возможно, вспомнит не так давно демонстрировавшуюся по телевидению дилогию «Выборы».

Андерс Банке занимался производством отечественных «Горячих новостей» с любовью и тщанием, аккуратно перенося на российскую почву хрупкое и капризное растение азиатского эстетского боевика. Интернациональная окрошка приправлена дополнительными специями: режиссер фильма – швед. И, вдобавок, выпускник нашего ВГИКа (три года назад мы могли видеть в кинотеатрах его комедийный ужастик «30 дней до рассвета»).

Сюжет фильма прост и неправдоподобен: милицейский пиарщик (женского рода) решает устроить из поимки опасных бандитов реалити-шоу, дабы поднять престиж правоохранительных органов. Само собой, затея проваливается, и в схватку с «плохими парнями» вступает неуправляемый оперативник, который успел заочно поссориться со всесильным (дочь генерала!) организатором телешоу.

То, что спокойно принимается в качестве условности в иностранном (а особенно, в азиатском) кино, на отечественном бэкграунде смотрится настолько дико, что начинаешь этому верить. Впрочем, нельзя не признать, сюжет гонконгского боевика оброс таким количеством стеба, что иногда ловишь себя на мысли об этом фильме – «уж не пародия ли он?».

Продюсер и автор сценария «Горячих новостей» Сэм Клебанов на несколько минут появится в фильме, неуловимо напоминая своим обликом Федора Бондарчука, Мария Машкова (исполнитель главной роли) «играет» не только свою героиню, но и добрый десяток циничных телевизионщиц, в первую очередь, конечно, Кортни Кокс в продолжениях знаменитого «Крика». К метауровневым играм относится и фраза одного из персонажей: «В кино таких, как я, убивают в первую очередь».

Новаторство этого фильма – в сценах перестрелки на московских улицах. Узнаваемое многими Северное Чертаново превратилось в арену боевых действий. Некая условная городская декорация не дала бы такого эффекта. Зритель наблюдает за «крутым мочиловом» завороженно – такого на наших экранах еще не было. «Эффект присутствия» плюс тщательно срежиссированные – и по-восточному жестокие и экстравагантные – сцены перестрелок на какое-то время врезаются в память. Наверное, своей невозможностью в реальности – что-то внутри протестует против «такого».

Любопытно, почему Джеймс Бонд рассекал на какой-то военной технике по питерской Дворцовой площади, и это отнюдь не напрягало. Здесь же обычная перестрелка, пусть и «крутая» (за восемь минут было потрачено 10 000 патронов), а все равно как-то не по себе. Особенно, когда персонажи бегут по лестницам многоэтажек, и ты отчетливо видишь столь знакомые тебе пластмассовые перила с закругленными углами.

Не знаю, прогнозировался ли создателями такой эффект восприятия, и уместен ли он для отчасти пародийного боевика. Эклектика жанров начинает смешиваться с эклектикой эмоций, – внутренний постмодерн, однако.

«Совокупность лжи»

Новый фильм Ридли Скотта, режиссера, который не нуждается в представлении. Равно как и два актера, играющие главные роли: Рассел Кроу и Леонардо Ди Каприо. Литературная основа ленты – шпионский роман колумниста «Вашингтон Пост» Дэвида Игнатиуса под тем же названием, оперативно выпущенный издательством «Эксмо» еще в прошлом году.

Актуальная для Запада тема восточного терроризма подается в фильме в привычном уже для боевиков «грязном» варианте. Злонамеренные арабы – «люди из прошлого с технологиями будущего», «безжалостные враги со своей безжалостной правдой». Сотрудники Лэнгли, само собой, столь же безжалостные прагматики, как и их мусульманские враги. Все лгут, все предают, – смысл этой фразы даже вынесен в рекламный слоган фильма.

Несмотря на предельно динамичное киноповествование, зритель не может отрешиться от мысли, что главные актеры играют вполсилы.

Рассел Кроу хочет показать, что он отнюдь не только Гладиатор (его роль в недавнем фильме Ридли Скотта, с которой поневоле сравниваешь эту актерскую работу). Кроу пришлось прибавить в весе двадцать с лишним килограммов для роли циничного цээрушника, который руководит операцией по мобильной связи в режиме он-лайн (при этом отвозя детей в школу или занимаясь еще какими-то бытовыми делами).

Ди Каприо, полевой агент на Ближнем Востоке, в очередной раз демонстрирует, что «Титаник» остался в далеком прошлом и ему по плечу крутые роли. Он и стреляет метко, и не чужд странных для рабочей лошадки спецслужб этических иллюзий, и на большое и светлое чувство способен. Немного мешает, что он в этом фильме похож на молодого Ленина с характерной бородкой.

Любопытно, зачем Кроу пришлось набирать вес? Эту проблему вполне можно было решить современными методами грима. Стремление к правдоподобию? Пресловутое преклонение американцев перед школой Станиславского?

Из этой же области и ноу-хау Рассела Кроу. Каждый раз, входя в гримерную и проходя мимо Ди Каприо, он делал вид, что чихает и в этот момент брызгал на шею партнеру из пульверизатора несколько капель минеральной воды. Ди Каприо, игравший его подчиненного, как человек вежливый, замечаний не делал, но это его раздражало: почему Кроу все время чихает мне на шею? Разумеется, это прибавило эмоциональных обертонов во время съемок.

Но вдумайтесь: минеральная вода из пульверизатора! Тайны ремесла, конечно... Но какое изощренное мышление!

«Интернэшнл»

Недавний фильм Тома Тыквера. Немецкий режиссер, ставший европейской знаменитостью после запоминающегося постмодернистского кубика-рубика «Беги, Лола, беги», первое время заявлял о себе как о режиссере, сочетавшем в неожиданно удачном браке «большой стиль» и массовую культуру. Наиболее характерный фильм этого периода – «Рай», который не успел снять Кшиштоф Кесьлевский, им был написан только сценарий. (Кесьлевский мыслил серийно, вспомним «Декалог» и «Три цвета». Сценарий «Ада» не был закончен, но замысел восстановили по наброскам режиссера, и этот фильм снял Данис Танович. Вопрос о «Чистилище» пока остается открытым).

После успеха «Парфюмера» Тыквер снимает экшн-трилер «Интернэшнл». От его былого эстетства в этом фильме остались только фамилии главных героев: агент Интерпола Сэлинджер и помощник окружного прокурора Уитмен, да сцена масштабной перестрелки в музее Гуггенхайма.

Это, наверное, лучшие кадры в картине. Автоматные очереди, превращающие экспозицию залов музея современного искусства в мелкое крошево, глубоко символичны и сняты без какого-то ни было налета иронии. Только бизнес, ничего личного – в том числе, и по отношению к искусству.

Социальная острота этого своевременного фильма связана с кризисом доверия к банкам и с усилившимся в последнее время интересом к экономической конспирологии. Чем-то это напоминает популярные в советское время фильмы об итальянской мафии – систему сломать невозможно, герой побеждает в каких-то частностях, но проигрывает глобально, а то и вовсе гибнет.

Но то был региональный феномен. Сейчас же глобализм представляет собой воплощенный в жизнь Интернационал, о котором так долго и красиво вещали левые. Так что они уже могут петь то же самое, только с иной пунктуацией: «Это есть наш последний и решительный бой с Интернационалом». С предсказуемым результатом.

Журнал выходит при поддержке
неформализованного содружества «Новые писатели России»
и благотворительного фонда «Милосердие»

Редколлегия журнала:

Анна Сафронова
Алексей Александров
Алексей Голицын
Алексей Слаповский
Олег Рогов

Подписано в печать ___ августа 2009 г.
Журнал отпечатан в типографии
Адрес типографии:

Заказ №
Цена свободная

Рукописи принимаются по адресу:
E-mail: safronova-volga21@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://magazines.russ.ru/volga/

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.